

ISSN 2077-3579

ВЕСТНИК

НИИ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК
ПРИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ

Научный журнал

Основан в 2006 году

Том 16, № 1. 2024

Том 16, № 1. 2024
(январь — март)
Сквозной номер выпуска 69
16+

ISSN 2077-3579 (Print)

Vol. 16, No. 1. 2024
(January — March)
Continuous issue 69

**ВЕСТНИК
НИИ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК
ПРИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ**

**BULLETIN
OF THE RESEARCH INSTITUTE OF THE HUMANITIES
BY THE GOVERNMENT OF THE REPUBLIC
OF MORDOVIA**

Научный журнал

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:

Государственное казенное учреждение
Республики Мордовия «Научно-исследо-
вательский институт гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия»

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

430005 Российская Федерация
Республика Мордовия, г. Саранск,
ул. Л. Толстого, д. 3
Тел.: +7(834-2) 24-62-42

Издается с 2006 года
Периодичность издания — 4 раза в год

Подписной индекс П5572

Scholarly journal

FOUNDER AND PUBLISHER:

State Institution
“The Research Institute
of the Humanities by the Government
of the Republic of Mordovia”

EDITORIAL OFFICE:

3 L. Tolstogo Str., Saransk,
Republic of Mordovia 430005,
Russian Federation
Тел.: +7(834-2) 24-62-42

Published since 2006
Periodicity: Quarterly

Subscription index П5572

e-mail: periodika.niign@e-mordovia.ru
<http://vestnikniign.ru>

Мнение редакции не всегда совпадает с мнением авторов статей

Перепечатка материалов, помещенных в журнале
«Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия»,
допускается только по согласованию с редакцией

© НИИГН, 2024

Научный журнал «**Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия**» является регулярным научным изданием, выпускаемым НИИГН с целью оповещения научной общественности о результатах деятельности и введения в оборот материалов региональной гуманитарной науки. В связи с этим были определены направления, освещаемые в журнале, и рубрики, согласно которым осуществляется прием статей: **ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ, ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ, ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ.**

Журнал осуществляет научное рецензирование всех поступающих в редакцию материалов.

Журнал придерживается стандартов редакционной этики в соответствии с международной практикой редактирования, рецензирования изданий и авторства научных публикаций и рекомендациями Committee on Publication Ethics (COPE).

Журнал зарегистрирован в Министерстве Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-39951 от 21 мая 2010 г.

Распространение — Россия.

Журнал предоставляет открытый доступ к полным текстам публикаций.

«Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия» включен в Перечень рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

- 5.2.3. Региональная и отраслевая экономика (экономические науки);
 - 5.6.1. Отечественная история (исторические науки);
 - 5.6.3. Археология (исторические науки);
 - 5.6.4. Этнология, антропология и этнография (исторические науки);
- 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки);
- 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки).

The scholarly journal “**Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia**” is a scientific periodical issued by NIIGN in order to inform the scientific community about the results of studies and to introduce materials of the regional humanitarian sciences into circulation. In this regard, the subjects covered in the journal and the sections to accept articles were determined: ECONOMIC SCIENCES, HISTORICAL SCIENCES AND ARCHAEOLOGY, PHILOLOGICAL SCIENCES.

All materials submitted to the editorial office of the journal are peer reviewed.

The journal adheres to the standards of editorial ethics in accordance with the international practice of editing, peer reviewing and authorship of scientific publications and the recommendations of the Committee on Publication Ethics (COPE).

The journal is registered in the Ministry of the Russian Federation for Press, Broadcasting and Mass Media. Certificate of registration is ПИ No. ФС77-39951 dated May 21, 2010.

Distribution — Russia.

The journal provides open access to the full texts of publications.

“Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia” is included in the List of peer-reviewed scientific journals, in which the main scientific results of dissertations for the degree of Candidate of Sciences, for the degree of Doctor of Sciences in the following scientific specialties and related branches of science should be published:

5.2.3. Regional and sectoral economics (economic sciences)

5.6.1. Russian history (historical sciences)

5.6.3. Archaeology (historical sciences)

5.6.4. Ethnology, anthropology and ethnography (historical sciences)

5.9.1. Russian literature and literatures of the peoples of the Russian Federation (philological sciences)

5.9.5. Russian language. Languages of the peoples of Russia (philological sciences)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Куршева Галина Александровна — главный редактор, директор НИИГН, доктор исторических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6151-0977>, inst.gum.nauk@e-mordovia.ru (Саранск, Россия)

Чернов Алексей Викторович — заместитель главного редактора, заместитель директора по научной работе НИИГН, кандидат филологических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3831-0704>, inst.gum.nauk@e-mordovia.ru (Саранск, Россия)

Зарубина Ольга Владимировна — ответственный секретарь, главный научный сотрудник — заведующий отделом информационно-аналитического обеспечения исследований НИИГН, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2105-6105>, periodika.niign@e-mordovia.ru (Саранск, Россия)

Акимова Татьяна Ивановна — профессор кафедры русской и зарубежной литературы Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва, доктор филологических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6120-1784>, akimova_ti@mail.ru (Саранск, Россия)

Андреев Валерий Витальевич — главный научный сотрудник, профессор кафедры теории и истории государства и права Чебоксарского кооперативного института (филиала) Российского университета кооперации, доктор исторических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2344-7481>, vandreev@rus.su (Чебоксары, Россия)

Арискина Ольга Леонидовна — профессор кафедры русского языка как иностранного Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва, доктор филологических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5716-8881>, ariskina@list.ru (Саранск, Россия)

Байнев Валерий Федорович — заведующий научно-исследовательской лабораторией «Комплексные исследования проблем социально-экономического развития» Белорусского государственного университета, доктор экономических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9009-6752>, baynev@bsu.by (Минск, Республика Беларусь)

Белоусов Сергей Владиславович — заведующий кафедрой всеобщей истории и обществознания Пензенского государственного университета, доктор исторических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1891-8544>, sergbel_1812@mail.ru (Пенза, Россия)

Бельский Алесь Иванович — профессор кафедры истории белорусской литературы Белорусского государственного университета, доктор филологических наук, профессор, a_belsky@tut.by (Минск, Республика Беларусь)

Бикейкин Евгений Николаевич — заместитель директора — ученый секретарь НИИГН, доктор исторических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7301-0264>, inst.gum.nauk@e-mordovia.ru (Саранск, Россия)

Бирюкова Ольга Ивановна — профессор кафедры литературы и методики обучения литературе Мордовского государственного педагогического университета имени М. Е. Евсевьева, доктор филологических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9904-9602>, olgbirukova@rambler.ru (Саранск, Россия)

Бурибаева Майнура Абильтяевна — Член Правления — Проректор по научной работе и международным связям Кызылординского университета имени Коркыт Ата, кандидат филологических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2739-0905>, mainura_b@mail.ru (Кызылорда, Республика Казахстан)

Бурланков Степан Петрович — профессор кафедры пищевых технологий и биоинженерии Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова, доктор экономических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9326-9006>, spburl@mail.ru (Москва, Россия)

Водясова Любовь Петровна — профессор кафедры родного языка и литературы Мордовского государственного педагогического университета имени М. Е. Евсевьева, доктор филологических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6767-6337>, lvodjasova@yandex.ru (Саранск, Россия)

Володин Виктор Михайлович — профессор кафедры «Социология, экономическая теория и международные процессы» Пензенского государственного университета, доктор экономических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6539-159X>, 7volodin7@mail.ru (Пенза, Россия)

Гераськина Инна Николаевна — профессор кафедры менеджмента в строительстве Санкт-Петербургского государственного архитектурно-строительного университета, доктор экономических наук, доцент, ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3540-8164>, geraskina82@mail.ru (Санкт-Петербург, Россия)

Гусева Татьяна Михайловна — главный научный сотрудник — заведующий отделом истории НИИГН, доктор исторических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7417-6664>, inst.gum.nauk@e-mordovia.ru (Саранск, Россия)

Загребин Алексей Егорович — профессор кафедры истории Удмуртии, археологии и этнологии Удмуртского государственного университета, профессор Российской академии наук, доктор исторических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9381-9581>, zagreb72@izh.com (Ижевск, Россия)

Зайцева Татьяна Ивановна — заведующий кафедрой удмуртской литературы и литературы народов России Удмуртского государственного университета, доктор филологических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2934-6251>, uawoz@rambler.ru (Ижевск, Россия)

Зеленев Юрий Анатольевич — заведующий кафедрой всеобщей истории Марийского государственного университета, доктор исторических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0653-345X>, y_zeleneev@mail.ru (Йошкар-Ола, Россия)

Идиатуллин Азат Корбангалиевич — профессор кафедры географии и экологии Ульяновского государственного педагогического университета имени И. Н. Ульянова, доктор исторических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2804-6302>, AzKoIdiat@yandex.ru (Ульяновск, Россия)

Ильина Ирина Евгеньевна — директор Российского научно-исследовательского института экономики, политики и права в научно-технической сфере, доктор экономических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6609-3340>, skvo_ie@mail.ru (Москва, Россия)

Каторова Александра Михайловна — ведущий научный сотрудник отдела литературы и фольклора НИИГН, доктор педагогических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6195-1171>, inst.gum.nauk@e-mordovia.ru (Саранск, Россия)

Кечемайкин Владимир Николаевич — директор Рузаевского института машиностроения Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва, кандидат экономических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0656-9401>, vkech@yandex.ru (Саранск, Россия)

Куканова Виктория Васильевна — директор Калмыцкого научного центра Российской академии наук, кандидат филологических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7696-4151>, kukanovavv@kigiran.com (Элиста, Россия)

Липатова Людмила Николаевна — профессор кафедры экономики Северо-Западного института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государ-

ственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор социологических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9357-6708>, ln.lipatova@yandex.ru (Санкт-Петербург, Россия)

Минеева Елена Константиновна — профессор кафедры отечественной истории им. А. В. Арсентьевой Чувашского государственного университета имени И. Н. Ульянова, доктор исторических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8301-9951>, mineeuaek21@mail.ru (Чебоксары, Россия)

Мосина Наталья Михайловна — профессор кафедры английского языка для профессиональной коммуникации Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва, доктор филологических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1742-5438>, natamish@rambler.ru (Саранск, Россия)

Никитина Татьяна Багишевна — главный научный сотрудник направления «Археология» Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. В. М. Васильева, доктор исторических наук, tshikaeva@yandex.ru (Йошкар-Ола, Россия)

Никонова Людмила Ивановна — ведущий научный сотрудник отдела региональных исследований и этнологии НИИГН, доктор исторических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4327-9534>, inst.gum.nauk@e-mordovia.ru (Саранск, Россия)

Романов Валерий Васильевич — профессор кафедры теории и истории государства и права Ульяновского государственного университета, доктор исторических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7406-6430>, wwr@bk.ru (Ульяновск, Российская Федерация)

Ставицкий Владимир Вячеславович — профессор кафедры всеобщей истории и обществознания Пензенского государственного университета, доктор исторических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5957-3781>, stawiczky.v@yandex.ru (Пенза, Россия)

Сысоева Евгения Александровна — заведующий кафедрой статистики и информационных технологий в экономике и управлении Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва, доктор экономических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8823-6792>, sysoewa@mail.ru (Саранск, Россия)

Таймасов Леонид Александрович — профессор кафедры археологии, этнографии и региональной истории Чувашского государственного университета имени И. Н. Ульянова, доктор исторических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3301-5682>, taymasov@mail.ru (Чебоксары, Россия)

Тарандо Елена Евгеньевна — профессор кафедры экономической социологии Санкт-Петербургского государственного университета, доктор экономических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2474-2602>, elena.tarando@mail.ru (Санкт-Петербург, Россия)

Шаймерденова Мендыганым Джамалбековна — профессор кафедры «История Казахстана и социальные науки» Казахской национальной академии искусств имени Т. К. Жургенова, кандидат исторических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3731-0622>, mena.mdsh@gmail.com (Алматы, Республика Казахстан)

Шаймерденова Нурсулу Жамалбековна — исполнительный директор НИИ тюркологии и алтаистики, профессор кафедры русской филологии и мировой литературы Казахского национального университета имени аль-Фараби, доктор филологических наук, профессор, 777nursulu@mail.ru (Алматы, Республика Казахстан)

Юрчёнкова Нина Георгиевна — профессор кафедры гуманитарных и специальных дисциплин Средне-Волжского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), доктор философских наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6167-738X>, nina-saransk@mail.ru (Саранск, Россия)

EDITORIAL BOARD

Galina A. Kursheva — Editor-in-Chief, Director, NIIGN, Dr. Sci. (History), Full Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6151-0977>, inst.gum.nauk@e-mordovia.ru (Saransk, Russia)

Aleksey V. Chernov — Deputy Editor-in-Chief, Deputy Director for Scientific Work, NIIGN, Cand. Sci. (Philology), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3831-0704>, inst.gum.nauk@e-mordovia.ru (Saransk, Russia)

Olga V. Zarubina — Executive Editor, Principal Researcher — Head of Department of Information and Analytical Support of Researches, NIIGN, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2105-6105>, periodika.niign@e-mordovia.ru (Saransk, Russia)

Tatyana I. Akimova — Professor of Department of Russian and Foreign Literature, National Research Ogarev Mordovia State University, Dr. Sci. (Philology), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6120-1784>, akimova_ti@mail.ru (Saransk, Russia)

Valery V. Andreev — Principal Researcher, Professor of Department of Theory and History of State and Law, Cheboksary Cooperative Institute (branch) of Russian University of Cooperation, Dr. Sci. (History), Full Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2344-7481>, vandreev@ruc.ru (Cheboksary, Russia)

Olga L. Ariskina — Professor of Department of Russian as a Foreign Language, National Research Ogarev Mordovia State University, Dr. Sci. (Philology), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5716-8881>, ariskina@list.ru (Saransk, Russia)

Valery F. Baynev — Head of Research Laboratory “Complex Studies of Problems of Social and Economic Development”, Belarusian State University, Dr. Sci. (Economics), Full Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9009-6752>, baynev@bsu.by (Minsk, Republic of Belarus)

Sergey V. Belousov — Head of Department of General History and Social Studies, Penza State University, Dr. Sci. (History), Full Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1891-8544>, sergbel_1812@mail.ru (Penza, Russia)

Ales I. Belski — Professor of Department of History of Belarusian Literature, Belarusian State University, Dr. Sci. (Philology), Full Professor, a_belsky@tut.by (Minsk, Republic of Belarus)

Evgeny N. Bikeykin — Deputy Director — Academic Secretary, Dr. Sci. (History), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7301-0264>, inst.gum.nauk@e-mordovia.ru (Saransk, Russia)

Olga I. Biryukova — Professor of Department of Literature and Methods of Teaching Literature, Mordovian State Pedagogical University named after M. E. Evseev, Dr. Sci. (Philology), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9904-9602>, olgbiryukova@rambler.ru (Saransk, Russia)

Mainura A. Buribayeva — Member of the Board — Vice-Rector for Research and International Relations, Korkyt Ata Kyzylorda University, Cand. Sci. (Philology), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2739-0905>, mainura_b@mail.ru (Kyzylorda, Republic of Kazakhstan)

Stepan P. Burlankov — Professor of Department of Food Technologies and Bioengineering, Plekhanov Russian University of Economics, Dr. Sci. (Economics), Full Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9326-9006>, spburl@mail.ru (Moscow, Russia)

Lyubov P. Vodyasova — Professor of Department of Native Language and Literature, Mordovian State Pedagogical University named after M. E. Evseviev, Dr. Sci. (Philology), Full Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6767-6337>, lvodjasova@yandex.ru (Saransk, Russia)

Viktor M. Volodin — Professor of Department of Sociology, Economic Theory and International Processes, Penza State University, Dr. Sci. (Economics), Full Professor ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6539-159X>, 7volodin7@mail.ru (Penza, Russia)

Inna N. Geraskina — Professor of Department of Management in Construction, Saint-Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering, Dr. Sci. (Economics), Associate Professor, ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-3540-8164>, geraskina82@mail.ru (Saint-Petersburg, Russia)

Tatyana M. Guseva — Principal Researcher — Head of Department of History, NIIGN, Dr. Sci. (History), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7417-6664>, inst.gum.nauk@e-mordovia.ru (Saransk, Russia)

Aleksey E. Zagrebina — Professor of Department of History of Udmurtia, Archaeology and Ethnology, Udmurt State University, Professor of Russian Academy of Sciences, Dr. Sci. (History), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9381-9581>, zagreb72@izh.com (Izhevsk, Russia)

Tatyana I. Zaytseva — Head of Department of Udmurt Literature and Literature of the Peoples of Russia, Udmurt State University, Dr. Sci. (Philology), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2934-6251>, uawoz@rambler.ru (Izhevsk, Russia)

Yury A. Zeleneev — Head of Department of General History, Mari State University, Dr. Sci. (History), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0653-345X>, y_zeleneev@mail.ru (Yoshkar-Ola, Russia)

Azat K. Idiatullov — Professor of Department of Geography and Ecology, Ulyanovsk State University of Education, Dr. Sc. (History), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2804-6302>, AzKoIdiat@yandex.ru (Ulyanovsk, Russia)

Irina E. Ilyina — Director, Russian Research Institute of Economics, Politics and Law in Science and Technology, Dr. Sci. (Economics), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6609-3340>, skvo_ie@mail.ru (Moscow, Russia)

Aleksandra M. Katorova — Leading Researcher of Department of Literature and Folklore, NIIGN, Dr. Sci. (Pedagogics), Full Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6195-1171>, inst.gum.nauk@e-mordovia.ru (Saransk, Russia)

Vladimir N. Kechemaykin — Director of Ruzaevsky Machine Building Institute, National Research Ogarev Mordovia State University, Cand. Sci. (Economics), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0656-9401>, vkech@yandex.ru (Saransk, Russia)

Viktoriya V. Kukanova — Director, Kalmyk Scientific Center of Russian Academy of Sciences, Cand. Sci. (Philology), ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7696-4151>, kukanovavv@kigiran.com (Elista, Russia)

Lyudmila N. Lipatova — Professor of Department of Economics, North-West Institute of Management — branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Dr. Sci. (Sociology), Full Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9357-6708>, ln.lipatova@yandex.ru (Saint-Petersburg, Russia)

Elena K. Mineeva — Professor of Department of National History named after A. V. Arsentieva, I. N. Ulianov Chuvash State University, Dr. Sci. (History), Full Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8301-9951>, mineevaek21@mail.ru (Cheboksary, Russia)

Natalya M. Mosina — Professor of Department of English for Professional Communication, National Research Ogarev Mordovia State University, Dr. Sci. (Philology), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1742-5438>, natamish@rambler.ru (Saransk, Russia)

Tatyana B. Nikitina — Principal Researcher of Archeology direction, V. M. Vasiliev Mari Scientific Research Institute of Language, Literature and History, Dr. Sc. (History), tshikaeva@yandex.ru (Yoshkar-Ola, Russia)

Lyudmila I. Nikonova — Leading Researcher of Department of Regional Studies and Ethnology, NIIGN, Dr. Sci. (History), Full Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4327-9534>, inst.gum.nauk@e-mordovia.ru (Saransk, Russia)

Valery V. Romanov — Professor of Department of Theory and History of State and Law, Ulyanovsk State University, Dr. Sci. (History), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7406-6430>, wwr@bk.ru (Ulyanovsk, Russia)

Vladimir V. Stavitskiy — Professor of Department of General History and Social Studies, Penza State University, Dr. Sci. (History), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5957-3781>, stawiczky.v@yandex.ru (Penza, Russia)

Evgeniya A. Sysoeva — Head of Department of Statistics and Information Technologies in Economics and Management, National Research Ogarev Mordovia State University, Dr. Sci. (Economics), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8823-6792>, sysoewa@mail.ru (Saransk, Russia)

Leonid A. Taymasov — Professor of Department of Archaeology, Ethnography and Regional History, I. N. Ulianov Chuvash State University. Dr. Sci. (History), Full Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3301-5682>, taymasov@mail.ru (Cheboksary, Russia)

Elena E. Tarando — Professor of Department of Economic Sociology, Saint-Petersburg State University, Dr. Sci. (Economics), Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2474-2602>, elena.tarando@mail.ru (Saint Petersburg, Russian Federation)

Mendyganym D. Shaimerdenova — Professor of Department of History of Kazakhstan and Social Sciences, Temirbek Zhurgenov Kazakh National Academy of Arts, Cand. Sci. (History), Full Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3731-0622>, mena.mdsh@gmail.com (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Nursulu Zh. Shaimerdenova — Executive Director of Research Institute of Turkology and Altaic Studies, Professor of Department of Russian Philology and World Literature, Al-Farabi Kazakh National University, Dr. Sci. (Philology), Full Professor, 777nursulu@mail.ru (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Nina G. Yurchenkova — Professor of Department of Gumanitarian and Special Disciplines, Middle Volga Institute (branch) of All-Russian State University of Justice, Dr. Sci. (Philosophy), Full Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6167-738X>, nina-saransk@mail.ru (Saransk, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Кудряшов В. С., Малевская-Малевич Е. Д.</i> Анализ концептуальных и принципиальных основ модели циркулярной экономической системы	12
<i>Володин В. М., Надькина А. А.</i> Формирование адаптивной модели управления пространственно-отраслевой структуры предприятий АПК	21
<i>Новиков М. П., Липатова Л. Н., Градусова В. Н.</i> Государственная поддержка как фактор обеспечения устойчивого развития сельского хозяйства региона	38

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

<i>Рафикова Г. Э.</i> Биография попечителя Оренбургского учебного округа Н. А. Бобровникова в документах Отдела рукописей и редких книг научной библиотеки Казанского университета	52
<i>Петренко Н. Н.</i> Динамика этноконфессионального состава населения Казанской и Симбирской губерний во второй половине XIX в.	61
<i>Кулакова Н. И., Черник М. В.</i> Особенности организации учебно-воспитательной работы в образцовых школах Астраханской губернии в 1880 — 1917 гг.	73
<i>Аверин М. Б.</i> Святейший синод, Совет министров и проблемы совершенствования законодательного процесса в Российской империи (1906 — 1914 гг.)	85
<i>Исянгулов Ш. Н.</i> Младенческая смертность в деревне в 1920 — 1930-е гг. (на примере Башкирской АССР)	97
<i>Денискин Е. И.</i> Сталинский план преобразования природы в Мордовии	109
<i>Митин С. В.</i> Вклад сельского хозяйства Мордовии в коренной перелом в Великой Отечественной войне (вторая половина 1942 — 1943 гг.)	118
<i>Королева Л. А., Учватов П. С.</i> «Весь аппарат занят бумажной перепиской»: борьба с бюрократизмом в региональных органах власти в 1953 — 1964 гг. (на материалах Марийской, Мордовской и Чувашской АССР)	128
<i>Лушин А. И., Щербина Е. Ю.</i> Организация образовательной и научно-исследовательской деятельности в Ленинградской высшей партийной школе в 1965 — 1975 гг.	140
<i>Асабин И. Ю.</i> Развитие промышленности в автономных республиках Волго-Вятского района в годы восьмой пятилетки (1966 — 1970)	156
<i>Тумаков Д. В.</i> Сотрудничество милиции и общественности в борьбе с преступностью в период позднего социализма (по материалам Ярославской области)	168
<i>Каторов А. В.</i> Отражение взаимоотношений общества и власти в газете «Мордовия» в 1991 г.	183
<i>Акилбаев А. В.</i> Этнокультурные процессы в Верхнем Поветлужье на примере материалов могильника Кузинские Хутора	192
<i>Мокшина Е. Н., Святкин М. И.</i> Отражение поселенческо-жилищного комплекса мордвы в дореволюционной периодической печати	203

НАШИ ПРОЕКТЫ

«Литературная энциклопедия Мордовии». Буква К	213
---	-----

СОБЫТИЯ. ФАКТЫ. КОММЕНТАРИИ

<i>Зеленцова О. В., Ставицкий В. В.</i> V семинар «Древности поволжских финнов в эпоху Средневековья»	239
--	-----

РЕЦЕНЗИИ

<i>Кабытов П. С., Тюрин В. А.</i> Социокультурный подход в изучении высшего руководства Оренбургской губернии в конце XVIII — первой половине XIX в.	247
--	-----

CONTENTS

ECONOMIC SCIENCES

<i>Kudryashov V. S., Malevskia-Malevich E. D.</i> Analysis of the Conceptual and Principal Foundations of a Circular Economic System Model	12
<i>Volodin V. M., Nadkina A. A.</i> Formation of an Adaptive Management Model of the Spatial-Industrial Structure of Agribusiness Enterprises	21
<i>Novikov M. P., Lipatova L. N., Gradusova V. N.</i> Government Support as a Factor of Sustainable Development of Regional Agriculture	38

HISTORICAL SCIENCES AND ARCHAEOLOGY

<i>Rafikova G. E.</i> Biography of the Trustee of the Bobrovnikov Orenburg Academic District in the Documents of the Department of Manuscripts and Rare Books of the Scientific Library of Kazan University	52
<i>Petrenko N. N.</i> Dynamics of Ethno-Confessional Composition of the Population of the Kazan and Simbirsk Gubernias in the Second Half of the XIX Century	61
<i>Kulakova N. I., Chernik M. V.</i> Features of the Organization of Educational Work in the Model Schools of the Astrakhan Gubernia in 1880 — 1917	73
<i>Averin M. B.</i> The Holy Synod, the Council of Ministers and the Problems of Improving the Legislative Process in the Russian Empire (1906 — 1914)	85
<i>Isyngulov Sh. N.</i> Infant Mortality in the Village in the 1920s — 1930s (a Case Study of the Bashkir ASSR)	97
<i>Deniskin E. I.</i> Stalin's Plan for the Transformation of Nature in Mordovia	109
<i>Mitin S. V.</i> Agriculture's Contribution of Mordovia to the Radical Change in the Great Patriotic War (the Second Half of 1942 — 1943)	118
<i>Koroleva L. A., Uchvatov P. S.</i> “The Entire State Apparatus is Busy with Paper Correspondence”: the Fight against Bureaucracy in Regional Authorities in 1953 — 1964 (a Case Study of Mari, Mordovian and Chuvash ASSR)	128
<i>Lushin A. I., Shcherbina E. Y.</i> Organization of Educational and Research Activities at Leningrad Higher Party School in 1965 — 1975	140
<i>Asabin I. Yu.</i> Industry Development in the Autonomous Republics of the Volga-Vyatsk Region during the Eighth Five Year Plan (1966 — 1970)	156
<i>Tumakov D. V.</i> Cooperation between the Police and the Public in the Fight against Crime in the Period of Late Socialism (a Case Study of the Yaroslavl Region)	168
<i>Katorov A. V.</i> Reflection of the Relation between Society and Government in the Newspaper “Mordovia” in 1991	183
<i>Akilbaev A. V.</i> Ethnic and Cultural Processes in the Upper Vetluga Region: a Case Study of Kuzniskie Khutora Cemetery	192
<i>Mokshina E. N., Svyatkin M. I.</i> Reflection of the Settlement and Housing Complex of Mordovians in the Pre-Revolutionary Periodic Press	203

OUR PROJECTS

Literary Encyclopedia of Mordovia. Part K	213
---	-----

EVENTS. FACTS. COMMENTARY

<i>Zelentsova O. V., Stavitskiy V. V.</i> V Seminar “Antiques of the Volga Finns in the Middle Ages”	239
---	-----

REVIEWS

<i>Kabytov P. S., Tyurin V. A.</i> Sociocultural Approach to the Study of the Top Leadership of the Orenburg Province at the End of the XVIII — First Half of the XIX Century	247
---	-----

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ ECONOMIC SCIENCES

УДК 338.45.01
EDN KPKNFX

<http://vestnikniign.ru>

Научная статья

АНАЛИЗ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ И ПРИНЦИПАЛЬНЫХ ОСНОВ МОДЕЛИ ЦИРКУЛЯРНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

В. С. Кудряшов✉, Е. Д. Малевская-Малевич
Северо-Западный институт управления РАНХиГС,
г. Санкт-Петербург, Россия
✉kudryashov-vs@ranepa.ru

Аннотация

Введение. Статья посвящена анализу концептуальных и принципиальных основ модели циркулярной экономической системы. Циркулярная экономика подразумевает создание замкнутой экономической системы с условно безотходным производством, нацеленным на экономию природных ресурсов. Россия, являясь ресурсо-избыточной в разрезе природных ресурсов страной, на первый взгляд, менее заинтересована во внедрении подобной модели экономики. Однако при детальном рассмотрении концептуальных основ модели становится очевидным, что она намного шире, объединяя, в том числе, методы бережливого производства, сокращение цепочек поставок за счет циркулярности, снижение издержек, экономическую интеграцию, что приобретает особенную значимость для российских предприятий в условиях санкционного давления на экономику.

Материалы и методы. Теоретической базой исследования послужили положения общей экономической теории, а также наработки в области экономики замкнутого цикла. Основными методами исследования являются анализ, синтез и обобщение.

Результаты исследования и их обсуждение. Образование циркулярной экономической системы региона предполагает некий компромисс между промышленным симбиозом и кластером, включая в себя предприятия, которые используют линейную модель, но создают замкнутый цикл благодаря естественной обратной логистической цепочке, когда отходы одного предприятия становятся ресурсом для другого. В результате анализа концептуальных и принципиальных основ модели циркулярной экономической системы была разработана матрица методов циркулярной экономики с учетом стадии жизненного цикла продукта для различных уровней экономики.

Заключение. По итогам проведенного сравнительного анализа существующих подходов к определению понятия циркулярной экономики были сформулированы авторские основные принципы модели циркулярной экономической системы и охарактеризованы ее особенности на мезоуровне.

© Кудряшов В. С., Малевская-Малевич Е. Д., 2024

Ключевые слова: циркулярная экономическая система, принципиальные основы циркулярной экономики, устойчивое развитие, оптимальное использование ресурсов

Финансирование: исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда (проект «Методология обеспечения эффективности циркулярных экономических систем региона (на примере Северо-Запада России)», № 23-28-00619) <https://rscf.ru/project/23-28-00619/>

Для цитирования: Кудряшов В. С., Малевская-Малевич Е. Д. Анализ концептуальных и принципиальных основ модели циркулярной экономической системы // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2024. Т. 16, № 1. С. 12 — 20. EDN KPKNFX

Original article

ANALYSIS OF THE CONCEPTUAL AND PRINCIPAL FOUNDATIONS OF A CIRCULAR ECONOMIC SYSTEM MODEL

V. S. Kudryashov✉, **E. D. Malevskaia-Malevich**

North-West Institute of Management — Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,

Saint Petersburg, Russia

✉kudryashov-vs@ranepa.ru

Abstract

Introduction. This article is devoted to the analysis of the conceptual and fundamental foundations of the circular economic system model. The circular economy implies the creation of a closed economic system, which implies conditionally waste-free production, aimed at saving natural resources and reducing waste generation. Russia, being a resource-surplus country in terms of natural resources, at first glance, is less interested in introducing such an economic model. However, upon a detailed examination of the conceptual foundations of the model, it becomes obvious that it is much broader, including, among other things, lean manufacturing methods, reducing supply chains due to circularity, reducing costs, offsetting economic integration, which is of particular importance for Russian enterprises in conditions of sanctions pressure on the economy.

Materials and methods. The theoretical basis of the study is the provisions of economic theory; scientific principles of knowledge management and innovation; researches of scientists on the problems of innovative development of industrial economic systems of various levels. The main methods of this study are the methods of analysis, synthesis and generalization.

Results and discussion. The study analyzes the conceptual and fundamental foundations of the circular economic system model. The authors developed a matrix of circular economy methods taking into account the stage of the product life cycle for different levels of the economy. The creation of a circular economic system in the region implies a certain compromise between industrial symbiosis and a cluster, including enterprises using a linear model, but creating a closed cycle by means of creating a natural reverse supply chain, when the waste of one enterprise becomes a resource for another.

Conclusion. Based on the results of a comparative analysis of existing approaches to the definition of the concept of a circular economy, carried out in the article, the author's fundamental foundations of the model of a circular economic system were formulated. Its features are formulated at the meso-level.

Keywords: circular economic system, fundamental principles of circular economy, sustainable development, optimal use of resources

Funding: the research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation (project — “Methodology for Ensuring the Effectiveness of Circular Economic Systems in the Region (on the Example of the North-West of Russia)”, No. 23-28-00619) <https://rscf.ru/project/23-28-00619/>

For citation: Kudryashov VS, Malevskaia-Malevich ED. Analysis of the Conceptual and Principal Foundations of a Circular Economic System Model. *Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia*. 2024;16(1):12—20. EDN KPKNFX

Введение

Не только статистические данные, но и здравый смысл говорят об ухудшении экологической ситуации на нашей планете: общество потребления, которым на текущий момент мы являемся, наносит непоправимый вред окружающей среде. Усиленное потребление стимулирует производство (с экономической точки зрения это положительная тенденция), вызывая рост количества образующихся отходов производства и потребления. Так, по данным Росстата, только за 2020 г. в России образовалось более 7 млрд т отходов производства и потребления, в том числе опасных¹. Систем сортировки, переработки и утилизации отходов, рассчитанных на такой объем, на данный момент нет. Система экономики, которая не предполагает рециклинга отходов, а только процесс производство — потребление — утилизация, называется линейной. В виду обозначенных выше обстоятельств, можно утверждать, что такая система себя полностью исчерпала. На смену ей должна прийти циркулярная экономическая система, или экономика замкнутого цикла, основанная на вторичном использовании отходов производства и потребления на всех этапах цепочек добавленной стоимости.

Система циркулярной экономики является бионической, т. е. подражающей природной круговой системе — замкнутой цепи питания, где один элемент является пищей для другого. Основная задача циркулярной экономики — это создание циркулярной цепочки создания стоимости, где все отходы будут рециклироваться, удлинняя тем самым жизненный цикл произведенной продукции, а исходные ресурсы использоваться максимально экономично. Последствия геополитического кризиса, санкционное давление на экономику, затронувшее, в том числе, «зеленую» ее часть, не только не снизили темпы перехода к экономике устойчивого развития, но и стимулировали эти процессы в силу объективных обстоятельств. Многие предприятия внедряют методы бережливого производства ускоренными темпами, стремясь удлинить жизненный цикл своих основных производственных фондов в силу того, что работают на иностранном оборудовании, запасные части к которому сейчас приобрести затруднительно.

Основу циркулярной экономики образуют замкнутые бизнес-процессы предприятий (замкнутые или реверсивные цепочки в цепи поставок), подразумевающие под собой обратную логистику, когда производитель забирает обратно продукт или элемент продукта (например, упаковку) по мере окончания срока эксплуатации. Основной задачей при этом является сокращение негативного влияния на окружающую среду на всех элементах цепочки поставок [9].

Очевидно, что для внедрения методов экономики замкнутого цикла в производственный процесс предприятий необходимо переосмысление существующих бизнес-моделей в пользу более ресурсоэкономных, эколого-ориентированных производств. Практика доказывает, что применение бизнес-моделей экономики замкнутого цикла в различных отраслях экономики имеет положительные экономиче-

¹ Основные показатели охраны окружающей среды // Федеральная служба государственной статистики: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13294> (дата обращения: 12.05.2023).

ские, экологические и социальные эффекты. Например, внедрение циркулярной бизнес-модели в автомобилестроении в потенциале позволяет сократить ресурсоемкость производства на рекордные 98 % за счет, в том числе, экономии затрат на электроэнергию на 83 %, что приведет к снижению себестоимости продукции на 40 %. Циркулярность модели сократит выбросы вредного углекислого газа на 87 %, что позволит достичь цели в области сокращения углеродного следа [5].

Материалы и методы

Исследование выполнено с помощью общенаучных методов — анализа, синтеза и обобщения — с опорой на положения общей экономической теории и исследования по экономике замкнутого цикла.

Обзор литературы

Вопросам непосредственно модели циркулярной экономики посвящено большое количество научных публикаций как зарубежных, так и отечественных ученых. Например, в статье «Циркулярная экономика: новая парадигма» Ж. А. Алтышева и А. В. Дьячкова рассматривают принципы циркулярной экономики на различных уровнях экономики [1], что созвучно задачам настоящего исследования. В статье «Обзор методических подходов к оценке уровня устойчивого развития и циркулярной экономики» Н. Ю. Титова сформулировала понятие циркулярной экономики в контексте общей Концепции устойчивого развития [7]. По результатам масштабного библиографического исследования автор утверждает, что наборы показателей для оценки данных понятий практически идентичны. Однако очевидно, что сами понятия устойчивого развития и циркулярной экономики идентичными не являются.

Н. Р. Амирова, Л. В. Саргина и Я. Э. Кондратьева подробно рассмотрели все возможности циркулярной экономики для предприятий России, наряду с потенциальными барьерами, основными способами преодоления которых авторы позиционируют государственную поддержку и развитие цифровой экономики [2]. М. А. Гурьева исследует состояние территориальных кластеров как одно из проявлений циркулярной экономики на региональном уровне [4]. Автор выдвигает Северо-Западный регион в первой категории кластеров, характеризующейся высоким уровнем развития циркулярной экономики и высоким потенциалом для интенсификации темпов ее развития.

Б. Г. Преображенский, Т. О. Толстых и Н. В. Шмелева анализируют создание промышленных симбиозов как альтернативный метод развития циркулярной экономики внутри регионов [6]. Особенность такого метода экономической интеграции, по мнению авторов, заключается в их органичности и способности за счет этого к самоорганизации и саморазвитию. О. С. Шимова проводит анализ комплекса взаимосвязанных понятий — циркулярной экономики, «зеленой» экономики, устойчивого развития, дает их сравнительную классификацию, выделяет основные концептуальные различия, а также приводит известные бизнес-модели, основанные на принципах циркулярной экономики [8].

На основе изученного научного задела можно сделать вывод о том, что понятия циркулярной экономики и устойчивого развития не являются идентичными, несмотря на общность концепции. Таким образом, очевидна необходимость разработки собственной системы показателей, характеризующих именно специфику циркулярной экономики.

Результаты исследования и их обсуждение

Классическая линейная модель производства подразумевает «прямой» процесс: «добыча — производство — утилизация», в то время как замкнутая модель образует цикл «добыча — производство — переработка». Модель циркулярной экономики в свою очередь подразумевает производство без образования отходов, т. е. формирование такого производственного процесса, который обеспечит максимальную эффективность от каждого процесса в жизненном цикле товара или услуги (рис. 1).

Рис. 1. Сравнение линейной и циркулярной экономических моделей (составлено авторами)

Figure 1. The comparison of linear and circular economic models (compiled by the authors)

Переход к циркулярной экономике требует модернизации и внедрения в производство инноваций, основанных на дематериализации, продолжительном жизненном цикле товаров и ресурсов, из которых сделан продукт, восстановлении, реконструкции, возможности совместного потребления, переработки и даже модуляризации.

Использование материальных ресурсов в процессе производства в значительной мере обусловлено применяемыми технологиями, отражается в показателях материалоёмкости и издержек производства продукции. Неоклассическая проблема редкости ресурсов для предприятий проявляется в удорожании материальных ресурсов и, как следствие, в увеличении производственных затрат, а также при рыночном ценообразовании, в уменьшении прибыли. Это, в свою очередь, порождает стремление к максимизации полезного использования ресурсов, что может потребовать

изменения технологии и/или бизнес-процессов, привести к смене номенклатуры выпускаемой продукции, потребовать использования менее редких заменителей, применение которых также может вызвать перечисленные выше преобразования. Вместе с тем объем продукции, который производится предприятием, должен соотноситься с емкостью рынка и рыночным спросом.

Таким образом, предприятия оказываются перед необходимостью сочетать два подхода, первый из которых предполагает выпуск объема продукции, обеспечивающего максимальную прибыль, при фиксированном объеме потребляемых ресурсов, а второй — выпуск определенного объема продукции при минимальном потреблении ресурсов [3].

Сформулируем основные принципы циркулярной экономики:

— удлинение жизненного цикла продукции, т. е. включение в его состав таких элементов, как, например, ремонт/замена некоторых составных элементов для продления полезного срока использования;

— замкнутые цепочки поставок, предполагающие обязанность производителя забирать обратно продукт по истечении срока его полезного использования для дальнейшей переработки. В некоторых отраслях подобные меры уже законодательно регламентированы;

— рециклинг отходов, предполагает повторное использование отходов производства и потребления в качестве исходных или сопутствующих ресурсов в новом производственном цикле;

— ресурсоэкономное производство, предполагающее в принципе бережливое отношение к потребляемым ресурсам, количеству и качеству образуемых отходов.

Объединить в себе все указанные принципы способна циркулярная экономическая система региона. В силу различий технологических процессов не все производства способны рециклировать свою продукцию или отходы, однако последние могут быть использованы другими предприятиями. Иными словами, реализация замкнутого цикла предполагается не внутри одного предприятия, а расширяется до предприятий внутри одного региона, что может повысить эффективность системы в целом.

Основные принципы циркулярной экономики можно сформулировать с учетом особенностей различных экономических уровней — макро-, мезо- и микро-. Для наглядности мы разработали своеобразную матрицу методов циркулярной экономики с учетом стадий жизненного цикла продукта для различных уровней экономики (рис. 2).

На рис. 2 видно, что «циркулярность» экономической системы на любом уровне экономики может быть достигнута только путем взаимодействия и вовлечения всех игроков рынка на всех стадиях жизненного цикла продукта. Кроме того, необходим рост осознанности, социальной ответственности производителя и потребителя. Только взаимодействие всех трех уровней экономики позволит создать комплексную систему замкнутого цикла с минимальными потерями и максимальной эффективностью.

Наибольший интерес в контексте нашего исследования представляет региональный (мезо-) уровень. Создание циркулярной экономической системы региона предполагает некий компромисс между промышленным симбиозом и кластером, включая в себя предприятия, использующие линейную модель, но образующие

Рис. 2. Методы циркулярной экономики на различных стадиях жизненного цикла продукта и различных уровнях экономики (составлено авторами на основе [1])

Figure 2. The circular economy methods at different stages of the product life cycle and different levels of the economy (compiled by the authors based on [1])

замкнутый цикл по средствам создания естественной обратной логистической цепочки, когда отходы одного предприятия становятся ресурсом для другого. Циркулярная экономическая модель региона – промежуточный этап к полномасштабному переходу экономики макроуровня к устойчивому развитию.

Заключение

Таким образом, можно заключить, что формирование циркулярной экономической системы внутри региона не только создает внутреннюю ресурсо-эффективную цепочку добавленной стоимости, но и ускоряет переход экономики макроуровня к устойчивому развитию. Однако для достижения поставленной цели необходимо взаимодействие на всех уровнях экономики всех участников рынка: государственное участие в части капиталовложений, а также создании необходимой нормативно-правовой базы регулирования подобной экономической системы;

участие производителя, внедряющего бережливые методы производства, реверсивную логистику и др.; и, безусловно, участие потребителя, готового проявить осознанность в процессе потребления.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Алтышева Ж. А., Дьячкова А. В. Циркулярная экономика: новая парадигма // Весенние дни науки. Екатеринбург, 2022. С. 1464 — 1468.
2. Амирова Н. Р., Саргина Л. В., Кондратьева Я. Э. Циркулярная экономика: возможности и барьеры // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2021. № 3 (59). С. 187 — 201.
3. Бабкин А. В., Гузикова Л. А., Демиденко Д. С., Малевская-Малевиц Е. Д. Устойчивое развитие инновационно активных промышленных предприятий и кластеров на основе экологизации: моногр. СПб.: ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2021. 218 с.
4. Гурьева М. А. Специфические особенности развития пространства с позиции циркулярной экономики // Экономические отношения. 2020. Т. 10, № 3. С. 587 — 602.
5. Пахомова Н. В., Рихтер К. К., Ветрова М. А. Переход к циркулярной экономике и замкнутым цепям поставок как фактор устойчивого развития // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 5. Экономика. 2017. Вып. 2. С. 244 — 269.
6. Преображенский Б. Г., Толстых Т. О., Шмелева Н. В. Промышленный симбиоз как инструмент циркулярной экономики // Регион: системы, экономика, управление. 2020. № 4 (51). С. 37 — 48.
7. Титова Н. Ю. Обзор методических подходов к оценке уровня устойчивого развития и циркулярной экономики // Вестник Пермского университета. Сер.: Экономика. 2022. Т. 17, № 3. С. 288 — 303.
8. Шимова О. С. Бизнес-модели циркулярной экономики как инструменты реализации «зеленого» развития // Современные проблемы управления проектами в инвестиционно-строительной сфере и природопользовании: материалы IX Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 112-летию РЭУ им. Г. В. Плеханова. М.: РЭУ им. Г. В. Плеханова, 2019. С. 298 — 303.
9. Battini D., Bogataj M., Choudhary A. Closed Loop Supply Chain (CLSC): Economics, Modeling, Management and Control // International Journal of Production Economics. 2017. Vol. 183, Part B. С. 319 — 321.

Статья поступила в редакцию 25.07.2023; одобрена после рецензирования 28.09.2023; принята к публикации 05.10.2023.

Информация об авторах:

Вадим Сергеевич Кудряшов, доцент кафедры менеджмента Северо-Западного института управления РАНХиГС (199178, Россия, г. Санкт-Петербург, Васильевский остров, Средний проспект, 57/43), кандидат экономических наук, доцент, kudryashov-vs@ranepa.ru

Екатерина Данииловна Малевская-Малевиц, доцент кафедры менеджмента Северо-Западного института управления РАНХиГС (199178, Россия, г. Санкт-Петербург, Васильевский остров, Средний проспект, 57/43), кандидат экономических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0605-4969>, Scopus ID: 57190946585, malevskaya-ed@ranepa.ru

Вклад авторов:

Кудряшов В. С. — подготовка обзора литературы, научное редактирование;
Малевская-Малевиц Е. Д. — разработка концепции исследования, определение методологии, формулирование выводов.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Altysheva ZhA, Dyachkova AV. Circular Economy: a New Paradigm. *Spring Days of Science*. Yekaterinburg;2022:1464—1468. (In Russ.)
2. Amirova NR, Sargina LV, Kondratieva YaE. Circular Economy: Opportunities and Barriers. *University Proceedings. The Volga Region. Social Sciences*. 2021;(3):187—201. (In Russ.)
3. Babkin AV, Guzikova LA, Demidenko DS, Malevskaya-Malevich ED. Sustainable Development of Innovatively Active Industrial Enterprises and Clusters Based on Greening. St. Petersburg;2021. (In Russ.)
4. Guryeva MA. Specific Features of the Development of Space from the Perspective of the Circular Economy. *Economic Relations*. 2020;10(3):587—602. (In Russ.)
5. Pakhomova NV, Richter KK, Vetrova MA. Transition to a Circular Economy and Closed Supply Chains as a Factor of Sustainable Development. *Bulletin of Saint Petersburg University. Ser. 5. Economics*. 2017;2:244—269. (In Russ.)
6. Preobrazhensky BG, Tolstykh TO, Shmeleva NV. Industrial Symbiosis as a Tool of the Circular Economy. *Region: Systems, Economics, Management*. 2020;(4):37—48. (In Russ.)
7. Titova NYu. Review of Methodological Approaches to Assessing the Level of Sustainable Development and the Circular Economy. *Bulletin of Perm University. Ser.: Economics*. 2022;17(3):288—303. (In Russ.)
8. Shimova OS. Business Models of the Circular Economy as Tools for the Implementation of “Green” Development. *Current Issues of Project Management in the Investment-Building Sector and Environmental Management*. Proceedings of the IX International Scientific and Practical Conference, Dedicated to 112th anniversary of the Plekhanov Russian University of Economics. Moscow;2019: 298—303. (In Russ.)
9. Battini D, Bogataj M, Choudhary A. Closed Loop Supply Chain (CLSC): Economics, Modeling, Management and Control. *International Journal of Production Economics*. 2017;183;B:319—321.

The article was submitted 25.07.2023; approved after reviewing 28.09.2023; accepted for publication 05.10.2023.

Information about the authors:

Vadim S. Kudryashov, Associate Professor of Department of Management of the North-West Institute of Management — Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (57/43 Sredny Avenue, Vasilievsky Island, Saint Petersburg 199178, Russia), Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, kudryashov-vs@ranepa.ru

Ekaterina D. Malevskaya-Malevich, Associate Professor of Department of Management of the North-West Institute of Management — Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (57/43 Sredny Avenue, Vasilievsky Island, Saint Petersburg 199178, Russia), Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0605-4969>, malevskaya-ed@ranepa.ru

Contribution of the authors:

Kudryashov V. S. — preparation of a literature review, scientific editing;
Malevskaya-Malevich E. D. — development of the research concept, definition of methodology, formulation of conclusions.

Conflict of interests: the authors declare no conflict of interests.

The authors have read and approved the final version of the manuscript.

УДК 330.33
EDN NMXCSC

<http://vestnikniign.ru>

Научная статья

ФОРМИРОВАНИЕ АДАПТИВНОЙ МОДЕЛИ УПРАВЛЕНИЯ ПРОСТРАНСТВЕННО-ОТРАСЛЕВОЙ СТРУКТУРЫ ПРЕДПРИЯТИЙ АПК

В. М. Володин, А. А. Надькина✉

Пензенский государственный университет,

г. Пенза, Россия

✉nadckina.alyna@yandex.ru

Аннотация

Введение. Формирование пространственно-отраслевой структуры предприятий АПК приведет к необходимости моделирования товарных потоков между несколькими предприятиями согласно специальной эконометрической гравитационной модели, главной прерогативой которой станет оценка значимости интеграционных эффектов для развития торгово-экономических отношений между предприятиями АПК.

Материалы и методы. Для исследования применены метод И. Г. фон Тюнена модель «Изолированное государство в его отношении к сельскому хозяйству и национальной экономике» и метод весового локационного треугольника К. В. Ф. Лаунхардта по расчету синергетического эффекта согласно формуле Гордона.

Результаты исследования и их обсуждение. Кардинальная трансформация экономической панорамы, вызванная одновременно повсеместной цифровизацией, глобальной пандемией COVID-19, усилением геополитической и геоэкономической напряженности, подвела Россию и мир к совершенно новой реальности. Сегодня делается ставка на технологический суверенитет, синергизацию производств и производственных цепочек, адаптацию к новым условиям государства и его хозяйствующих объектов, актуализацию цифрового анагенеза предприятий АПК и поиска вектора по формированию для них совершенно новых моделей управления.

Заключение. В целях эффективного пространственно-отраслевого развития предприятий АПК в современных условиях экономики необходимы дополнительные меры по активизации процесса цифровой трансформации традиционной модели их функционирования. С целью реализации данного процесса необходимо разработать адаптивную модель управления пространственно-отраслевой структуры предприятий АПК.

Ключевые слова: адаптивная модель, пространственно-отраслевая структура управления, предприятия АПК, гравитационная модель, предприятие (Z)

Для цитирования: Володин В. М., Надькина А. А. Формирование адаптивной модели управления пространственно-отраслевой структуры предприятий АПК // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2024. Т. 16, № 1. С. 21 — 37. EDN NMXCSC

Original article

FORMATION OF AN ADAPTIVE MANAGEMENT MODEL OF THE SPATIAL-INDUSTRIAL STRUCTURE OF AGRIBUSINESS ENTERPRISES

V. M. Volodin, A. A. Nadkina✉

Penza State University,

Penza, Russia

✉nadckina.alyona@yandex.ru

Abstract

Introduction. The formation of a spatial-sectoral structure of agro-industrial complex enterprises will lead to the need to model commodity flows between several enterprises according to a special econometric gravity model, the main prerogative of which will be to assess the significance of integration effects for the development of trade and economic relations between agro-industrial enterprises.

Materials and methods. The following methods were used for the study: the method of I. G. von Thünen's model "An isolated state in its relation to agriculture and the national economy", the weighted location triangle method of K. W. F. Launhardt for calculating the synergistic effect according to the Gordon formula.

Research results and discussion. The radical transformation of the economic landscape, simultaneously caused by widespread digitalization, the global COVID19 pandemic, and increased geopolitical and geo-economic tensions, has brought Russia and the world to a completely new reality. As a result, the emphasis is on technological sovereignty, synergization of production and production chains, adaptation to new conditions of the state and its economic entities, updating the digital anagenesis of agricultural enterprises and searching for a vector for the formation of completely new management models for them.

Conclusion. In order to achieve effective spatial and sectoral development of agricultural enterprises in modern economic conditions, additional measures are needed to intensify the process of digital transformation of the traditional model of their functioning. In order to implement this process, it is necessary to develop an adaptive model for managing the spatial-sectoral structure of agricultural enterprises.

Keywords: adaptive model, spatial-sectoral management structure, agricultural enterprises, gravity model, enterprise (*Z*)

For citation: Volodin VM, Nadkina AA. Formation of an Adaptive Management Model of the Spatial-Industrial Structure of Agribusiness Enterprises. *Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia*. 2024;16(1):21—37. EDN NMXCSC

Введение

В период кардинальной цифровой трансформации экономики России формирование адаптивной модели управления пространственно-отраслевой структуры предприятий АПК становится необходимым условием в процессе синергизации по сбору полной своевременной и достоверной информации о процессах, происходящих на предприятиях, что способствует эффективному управлению их развитием. Разработка и внедрение системы пространственного мониторинга предприятий АПК расширит возможности всестороннего использования их потенциала, сформирует необходимый алгоритм быстрого реагирования на возникающие в развитии диспропорции и позволит повысить эффективность реализуемой стратегии [1].

Цель исследования — обосновать особенности и закономерности пространственного развития территорий, оказывающие существенное влияние на управление

пространственным развитием территорий, включая организацию мониторинга социально-экономических трансформаций.

Материалы и методы

Исследование проведено на примере современных предприятий АПК Пензенской области: ООО «Русмолко», ОАО «Молком», ЗАО «Константиново», ООО «Каменский маслозавод», ООО «Мечта», ООО «Новая Изида», ООО «Вертуновское», ООО «РАО „Наровчатское“», СХПК «Салтыково», СПК «Петровский»¹ и российского сельскохозяйственного холдинга, реализующего проекты по разделу «Производство и переработка молока», группы компаний (ГК) «Дамате»². В процессе изучения и обработки материалов применялись следующие экономические и общенаучные методы исследований: аналитический, графический, анализа и синтеза, наблюдения, сравнительного анализа, группировки данных, логического обобщения, вычисления показателей, экспертной оценки и др. Для выявления особенностей изучаемых процессов использовались методы И. Г. фон Тюнена — модель «Изолированное государство в его отношении к сельскому хозяйству и национальной экономике» — и весового локационного треугольника К. В. Ф. Лаунхардта по расчету синергетического эффекта согласно формуле Гордона.

Выбор методологической основы исследования обусловлен тем фактом, что процесс трансформации традиционной экономики в цифровую требует поиска совершенных методов мониторинга внешней/внутренней среды для обеспечения своевременности принятия управленческих решений в вопросах разработки адаптивной модели управления пространственно-отраслевой структуры предприятий АПК.

Обзор литературы

На сегодняшний день в научной литературе имеется большое количество определений термина «пространственная трансформация», который применим к трансформации региона. Чтобы раскрыть аспекты этого термина, мы будем ссылаться на общепринятые определения (табл. 1; здесь и далее таблицы авторские, на базе задействованных источников литературы).

Результаты исследования и их обсуждение

Вследствие проработки научных источников и собственных исследований нами был сделан вывод о том, что пространственно-экономическая трансформация региона приведет, в том числе, к усложнению взаимосвязей между рыночными субъектами хозяйствования и интенсификации торговых потоков. Вследствие чего, можно утверждать, что особых дискуссий среди ученых по поводу именно предложений ввода адаптированной модели взаимоотношений хозяйствующих субъектов с синергетическим эффектом партнерства на определенной территории не вызывают. В связи с этим появляется необходимость проведения моделирования товарных потоков между несколькими предприятиями согласно специальным эконометрическим/

¹ Рейтинг компаний Пензенской области (по выручке) // СПАРК: сетевое изд. URL: <https://spark-interfax.ru/map/penzenskaya-oblast> (дата обращения: 20.11.2023).

² 50 крупнейших предприятий АПК (Рейтинг компаний страны). 2020. 16 нояб. URL: <https://monocle.ru/apk/2020/> (дата обращения: 20.05.2020).

Таблица 1. Характеристика термина «пространственно-экономическая трансформация»
Table 1. The characteristics of the term “spatial-economic transformation”

Исследователи	Определение
И. Т. Насретдинов	Пространственно-экономическая трансформация — объективный процесс, включающий в себя реструктуризацию и интеграцию предприятий. Предложения: определение комплексной поддержки процесса пространственно-экономической трансформации как целенаправленной деятельности заинтересованных участников процесса трансформации в целях создания и обеспечения нормативных, экономических и организационных условий, гарантий и стимулов деятельности, направленных на экономическое оздоровление, становление, развитие и самореализацию конкурентного потенциала предприятий [8]
С. А. Суспицын	Пространственно-экономическая трансформация — процесс изменения долговременно устойчивых показателей развития многорегиональной экономической системы России, очищенной от национальных трендов. Предложения: изучал эволюцию пространственного распределения экономической активности и выявлял ее причины, факторы и ограничения в рамках нормативного подхода как движение к заданной территориальной структуре экономики, а также в позитивистских традициях [9]
М. Ю. Казаков, А. Н. Бобрышев	Пространственно-экономическая трансформация — процесс, обуславливающий необходимость реформирования методических подходов к механизмам обеспечения эффективного управления социально-экономическим развитием отечественных регионов включающий три типа пространственных трансформаций, каждому из которых должен соответствовать тот или иной тип политики регионального управления экономикой [2]: 1) агрессивный (прогрессивно-прорывной) сценарий трансформации экономического пространства; 2) рефлексивный (адаптационный) сценарий, связанный с адаптацией региональной политики на преобразование внешних и внутренних факторов; 3) консервативный (инерционный) сценарий, согласно которому должно обеспечиваться минимум вмешательства в формирование и развитие региональных пространственных структур
В. В. Кондратьев	Пространственно-экономическая трансформация — адаптированный к современным условиям процесс системы регионального мониторинга (процессы социально-экономических преобразований в регионе, усложнение взаимосвязей рыночных субъектов хозяйствования, интенсификация информационных потоков) для максимального удовлетворения потребности органов регионального управления в информации о ходе процессов, протекающих в социально-экономических системах территорий [7]

гравитационным моделям, способным определить зависимое положение однонаправленного внешнеторгового потока от параметров внутриэкономического состояния предприятий-экспортеров / предприятий-импортеров³.

³ Симионов Ю. Ф. Экономика города: учеб. пособие для вузов. М., 2008. С. 31.

Суть модели — построение оптимальной схемы размещения сельскохозяйственных производств в виде круга с гипотетическим расположением предприятий АПК (в нашем случае рынок сбыта продукции — Пензенская область) вокруг центрального звена (г. Пенза). Такое расположение предполагает: стремление производителя к максимизации дохода, спроса на продукцию, масштабирования ее объемов и номенклатуры, вводу технологических мощностей производства, минимизации транспортных издержек. Тем самым будут получены 10 кольцевых зон размещения выбранных предприятий АПК («городских субцентров n -го порядка»), разделят пространство на зоны (0, 10, 20, 30 км и более) и один центр их взаимосвязи. На рис. 1 (здесь и далее рисунки авторские) представим их схематичное расположение, основываясь на модели И. Г. фон Тюнена [4].

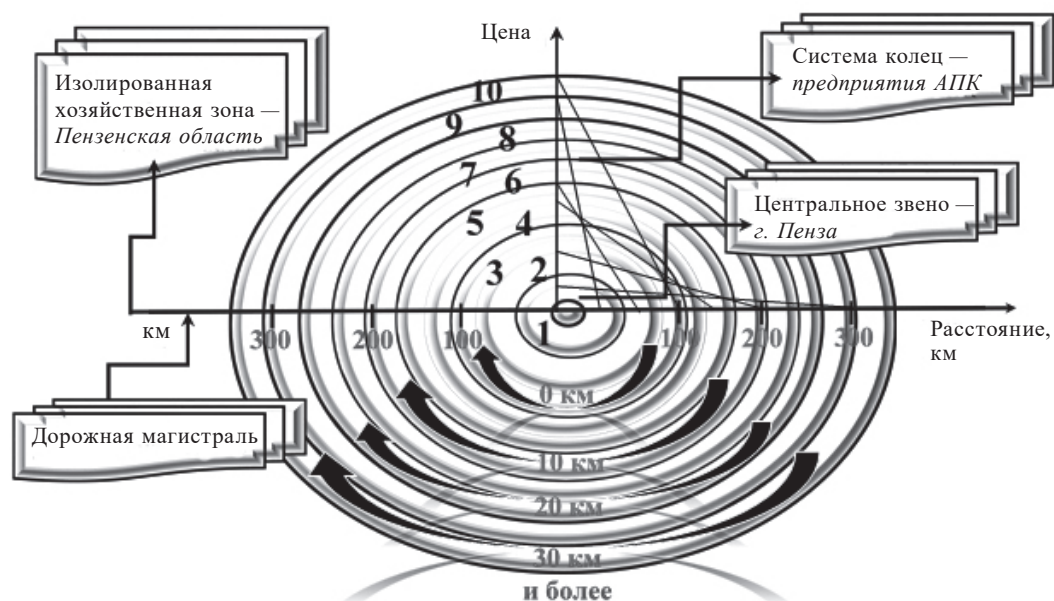

Рис. 1. Схема размещения объектов вокруг центра согласно модели И. Г. фон Тюнена

Figure 1. The layout of objects around the center according to the model of I. G. von Thünen

Сделав предположение о том, что деятельность АПК может быть схематизирована в виде модели, когда объем двусторонних торговых потоков прямо пропорционален расстоянию между ними и иным торговым барьерам (согласно закону Ньютона (закону всемирного тяготения)), применим пространственный анализ для современных агропредприятий, адаптирующихся к условиям цифровых трансформаций. Вместе с тем растущая синергизация производств, торговли и многочисленных партнерских соглашений приведет к необходимости адаптации гравитационной модели для оценки последствий интеграции [3].

Данный механизм позволит продемонстрировать эффективность триады взаимодействия: отдельных предприятий АПК с несвязанным с ними центром/холдингом.

гом и с проекционным центром — «посредником / дистрибьютером» («новым объектом / предприятием (Z)»), а также между потребителем и «дополнительными объектами» (торговыми центрами — ТЦ).

Для начала анализа применим аксиому «Условие независимости от посторонних альтернатив» (по модели К. Эрроу и методу Ж. Ш. де Борда) [10]: коллективные предпочтения между альтернативами x и y зависят только от индивидуальных предпочтений между x и y (альтернативы образуют полную группу событий и вероятность выбора конкретной альтернативы)⁴. Таким образом, согласно данной модели, единственная процедура, удовлетворяющая перечисленным выше условиям, — совершенно не демократическая — появление «диктатора» (ГК «Дамате»), т. е. назначение одного участника (центра всех объектов) и коллективного решения (ООО «Русмолко», ОАО «Молком», ЗАО «Константиново», ООО «Каменский маслозавод», ООО «Мечта», ООО «Новая Изида», ООО «Вертуновское», ООО «РАО „Наровчатское“», СХПК «Салтыково», СПК «Петровский»), всегда совпадающего с его индивидуальным решением. Как правило, центром становится большой холдинг, а значит, должна быть определена и выбрана ГК «Дамате».

Проанализируем их взаимодействие. Для исследования использованы экспериментальные (примерные) данные. Нами была проведена оценка (голосование) по выбранным объектам собранием независимых экспертов из 12 человек (собрание экспертов на каждом отдельном предприятии АПК). Все 11 объектов (10 предприятий АПК + 1 ГК «Дамате»), расположенные в Пензенской области, мы обозначили заглавными латинскими буквами (рис. 2).

Предпочтения голосовавших независимых экспертов представлены на рис. 3. Затем мы выделили линейный порядок предпочтений независимых экспертов в виде:

$$A > I > K > G > J > B > C > E > D > F > H. \quad (1)$$

Провели распределение ГК «Дамате» и предприятий АПК в виде некоторой последовательности в зависимости от их местоположения (табл. 2).

Далее, основываясь на табл. 2 и рис. 2, распределили места (по «правилу Борда» [10]) в виде отдельной матрицы (табл. 3).

В табл. 4 отражено полученное итоговое распределение мест согласно линии по диагонали по каждому объекту исследования, выделенной черно-серым цветом.

Определили значения неизвестных переменных (т. е. баллы для общего подсчета результата по выбору центрального объекта), исходя из данных табл. 4 и используя онлайн-калькулятор «Решение систем линейных уравнений методом Крамера»⁵. Окончательный результат оформили в виде матрицы (табл. 5).

⁴ Диктатор не нужен: как сделать возможным коллективный выбор / НИУ ВШЭ. 2021. 17 нояб. URL: <https://nnov.hse.ru/news/530627563.html> (дата обращения: 20.05.2022).

⁵ Решение систем линейных уравнений методом Крамера. URL: <https://ru.onlinemathschool.com/math/assistance/equation/kramer/> (дата обращения: 20.05.2022).

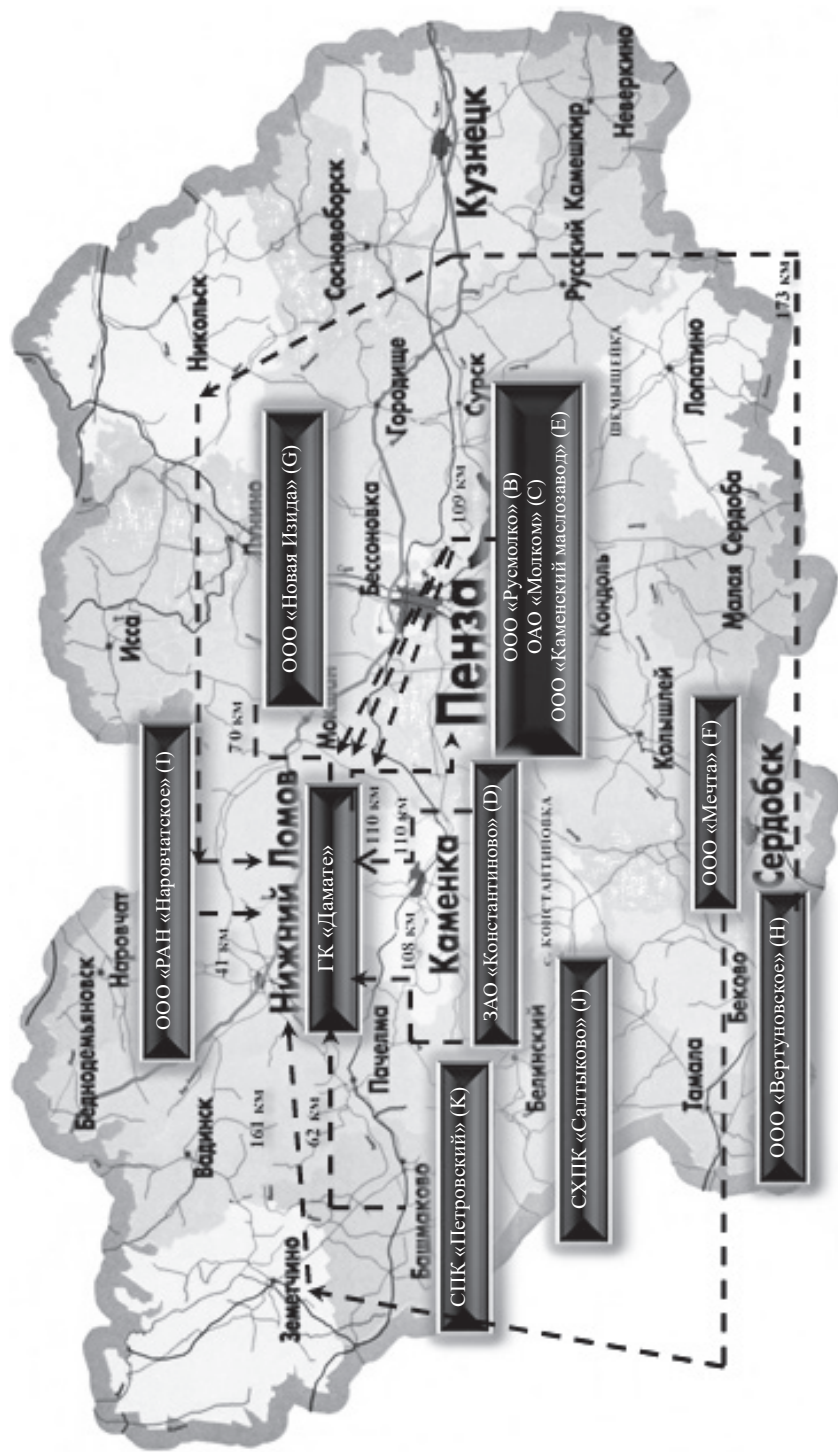

Рис. 2. Местоположение выбранных объектов предприятий АПК и ГК «Дамате» на территории Пензенской области
Figure 2. The location of selected objects of the agro-industrial complex enterprises and the Damate Group of Companies on the territory of the Penza Region

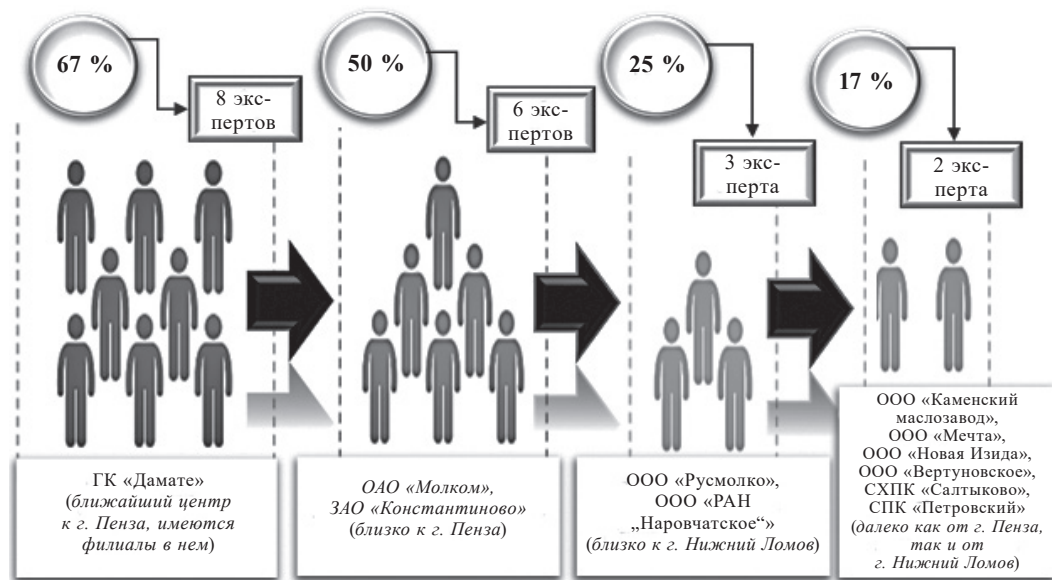

Рис. 3. Предпочтения голосовавших независимых экспертов, %

Figure 3. The preferences of voting independent experts, %

Таблица 2. Предпочтения голосовавших независимых экспертов

Table 2. The preferences of voting independent experts

№ п/п	11 исследуемых объектов (10 предприятий АПК + 1 ГК «Дамате»)										
	A	I	K	G	J	B	C	E	D	F	H
1	A	I	K	G	J	B	C	E	D	F	H
2	I	K	G	J	B	C	E	D	F	H	F
3	K	G	J	B	C	E	D	F	H	I	D
4	G	J	B	C	E	D	F	H	I	K	E
5	J	B	C	E	D	F	H	I	K	G	C
6	B	C	E	D	F	H	I	K	G	J	B
7	C	E	D	F	H	I	K	G	J	B	J
8	E	D	F	H	I	K	G	J	B	C	G
9	D	F	H	I	K	G	J	B	C	E	K
10	F	H	I	K	G	J	B	C	E	D	I
11	H	A	A	A	A	A	A	A	A	A	A

Расчитав итоговую сумму по каждому из 11 исследуемых объектов, получили главный центр взаимодействия всех не связанных с ним предприятий АПК (табл. 6).

Выявили, что всего 3 предприятия, имеют некоторую связь с ГК «Дамате», хотя одно из них отдаленно — ООО «Русмолко» (входит в состав ООО «Черкизово»), но, несмотря на это, в дальнейшем исследовании будут участвовать все 10 предприятий АПК и ГК «Дамате».

Таблица 3. Матрица распределения мест (по «правилу Борда») по объектам исследования
Table 3. The matrix of distribution of places (according to the Borda count) by the objects of study

	A	I	K	G	J	B	C	E	D	F	H
A	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI
I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	IX	X
K	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	II	IX
G	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	II	III	VIII
J	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	II	III	IV	VII
B	VI	VII	VIII	IX	X	I / XI	II	III	IV	V	VI
C	VII	VIII	IX	X	XI	II	III	IV	V	VI	V
E	VIII	IX	X	XI	II	III	IV	V	VI	VII	IV
D	IX	X	XI	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	III
F	X	XI	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	II
H	XI	I	I	I	I	I	I	I	I	I	I / XI

Таблица 4. Оценочная шкала итогового распределения мест предприятий
Table 4. The rating scale for the final distribution of enterprise places

Объект исследования	Итоговое распределение мест согласно линии по диагонали по каждому объекту исследования										
1. ГК «Дамате»	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
2. ОАО «Молком»	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
3. ЗАО «Константиново»	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
4. ООО «Русмолко»	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
5. ООО «РАН „Наровчатское“»	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
6. ООО «Каменский маслозавод»	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
7. ООО «Мечта»	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
8. ООО «Новая Изида»	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
9. ООО «Вертуновское»	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
10. СХПК «Салтыково»	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
11. СПК «Петровский»	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11

Таблица 5. Матрица-определитель второго порядка по системе линейных уравнений, баллы
Table 5. The second-order determinant matrix for the system of linear equations, points

№ п/п	11 исследуемых объектов (10 предприятий АПК + 1 ГК «Дамате»)											
		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
		А	І	К	Г	Ј	В	С	Е	Д	Ф	Н
1	А	3 Б.	8 Б.	6 Б.	4 Б.	2 Б.	10 Б.	8 Б.	6 Б.	4 Б.	2 Б.	0 Б.
2	І	1 Б.	3 Б.	2 Б.	1,3 Б.	0,7 Б.	3,3 Б.	2,7 Б.	2 Б.	1,3 Б.	0,9 Б.	0,7 Б.
3	К	1 Б.	1 Б.	3 Б.	0,9 Б.	0,7 Б.	2 Б.	2 Б.	1,2 Б.	0,9 Б.	0,7 Б.	0,5 Б.
4	Г	1 Б.	1 Б.	1 Б.	3 Б.	0,3 Б.	1,4 Б.	1,1 Б.	0,8 Б.	0,6 Б.	0,4 Б.	0,4 Б.
5	Ј	1 Б.	1 Б.	1 Б.	1 Б.	3 Б.	1,1 Б.	1,1 Б.	0,4 Б.	0,3 Б.	0,2 Б.	0,2 Б.
6	В	1 Б.	1 Б.	1 Б.	1 Б.	1 Б.	3 Б.	3,3 Б.	2 Б.	1,4 Б.	1,1 Б.	0,9 Б.
7	С	1 Б.	1 Б.	1 Б.	1 Б.	1 Б.	1 Б.	3 Б.	1,6 Б.	1,1 Б.	0,9 Б.	0,7 Б.
8	Е	1 Б.	1 Б.	1 Б.	1 Б.	1 Б.	1 Б.	1 Б.	3 Б.	0,9 Б.	0,7 Б.	0,5 Б.
9	Д	1 Б.	1 Б.	1 Б.	1 Б.	1 Б.	1 Б.	1 Б.	1 Б.	3 Б.	0,4 Б.	0 Б.
10	Ф	1 Б.	1 Б.	1 Б.	1 Б.	1 Б.	1 Б.	1 Б.	1 Б.	1 Б.	3 Б.	0,2 Б.
11	Н	1 Б.	1 Б.	1 Б.	1 Б.	1 Б.	1 Б.	1 Б.	1 Б.	1 Б.	1 Б.	3 Б.

Таблица 6. Расчет итоговой суммы исследуемых объектов
Table 6. The calculation of the total amount of the studied objects

№ п/п	11 исследуемых объектов (10 предприятий АПК + 1 ГК «Дамате»)												
		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	
		А	І	К	Г	Ј	В	С	Е	Д	Ф	Н	
	РАСЧЕТ	67 %	25 %	17 %	17 %	17 %	25 %	50 %	17 %	50 %	17 %	17 %	
1	67 %	А	3 Б.	8 Б.	6 Б.	4 Б.	2 Б.	0 Б.	8 Б.	6 Б.	4 Б.	2 Б.	0 Б.
2	25 %	І	1 Б.	3 Б.	2 Б.	1,3 Б.	0,7 Б.	0 Б.	2,7 Б.	2 Б.	1,3 Б.	0,9 Б.	0,7 Б.
3	17 %	К	1 Б.	1 Б.	3 Б.	0,9 Б.	0,7 Б.	0,5 Б.	2 Б.	1,2 Б.	0,9 Б.	0,7 Б.	0,5 Б.
4	17 %	Г	1 Б.	1 Б.	1 Б.	3 Б.	0,3 Б.	0,4 Б.	1,1 Б.	0,8 Б.	0,6 Б.	0,4 Б.	0,4 Б.
5	17 %	Ј	1 Б.	1 Б.	1 Б.	1 Б.	3 Б.	0,2 Б.	1,1 Б.	0,4 Б.	0,3 Б.	0,2 Б.	0,2 Б.
6	25 %	В	1 Б.	1 Б.	1 Б.	1 Б.	1 Б.	3 Б.	0 Б.	0,5 Б.	0,4 Б.	0,2 Б.	0 Б.
7	50 %	С	1 Б.	1 Б.	1 Б.	1 Б.	1 Б.	1 Б.	3 Б.	1,6 Б.	1,1 Б.	0,9 Б.	0,7 Б.
8	17 %	Е	1 Б.	1 Б.	1 Б.	1 Б.	1 Б.	1 Б.	1 Б.	3 Б.	0,9 Б.	0,7 Б.	0,5 Б.
9	50 %	Д	1 Б.	1 Б.	1 Б.	1 Б.	1 Б.	1 Б.	1 Б.	1 Б.	3 Б.	0,4 Б.	0 Б.
10	17 %	Ф	1 Б.	1 Б.	1 Б.	1 Б.	1 Б.	1 Б.	1 Б.	1 Б.	1 Б.	3 Б.	0,2 Б.
11	17 %	Н	1 Б.	1 Б.	1 Б.	1 Б.	1 Б.	1 Б.	1 Б.	1 Б.	1 Б.	1 Б.	3 Б.
ИТОГО		1 341,0 Б.	471,2 Б.	368,5 Б.	287,3 Б.	281,5 Б.	521,0 Б.	427,4 Б.	332,4 Б.	389,8 Б.	337,4 Б.	351,0 Б.	

Предложим следующую методику оценки значимости интеграционных эффектов для развития торгово-экономических отношений между предприятиями АПК.

I этан — оценка эконометрической гравитационной модели торговли между предприятиями АПК и центром, т. е. определение расстояния от центра (города) до прилегающих предприятий АПК и их взаимодействие (по модели И. Г. фон Тюнена «Изолированное государство в его отношении к сельскому хозяйству и национальной экономике» [4]); построение радиально-кольцевой (концентрической) схемы-связи центра города с периферийными районами (рис. 4).

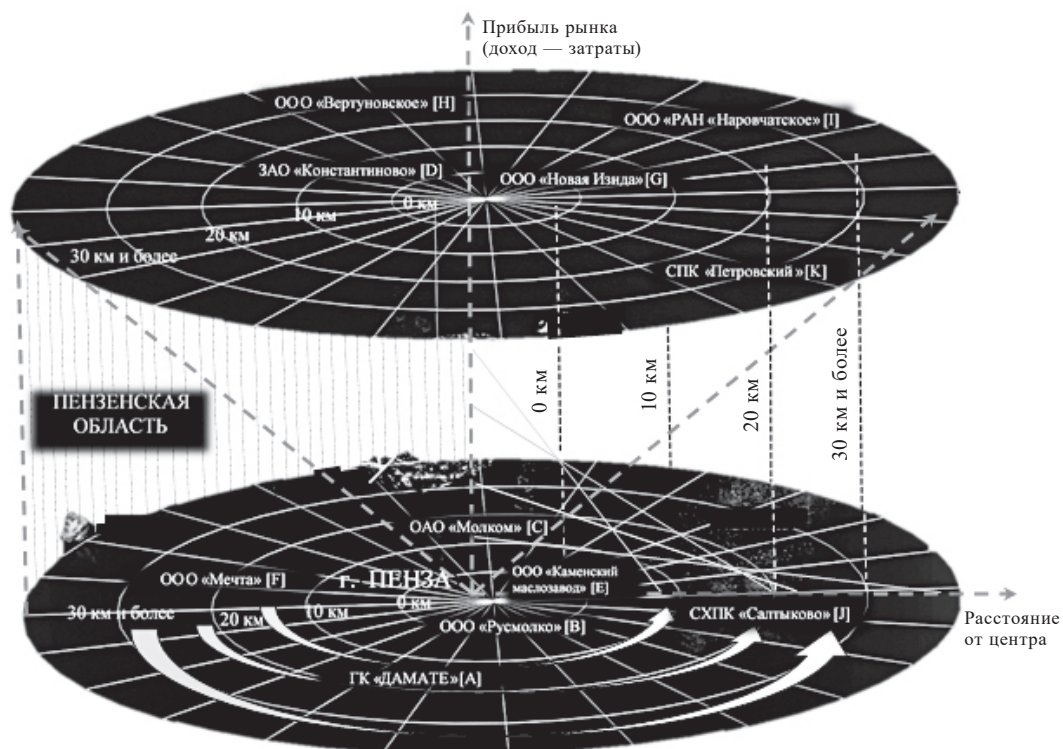

Рис. 4. Гравитационная модель (авторская разработка)

Figure 4. The gravity model (author's development)

Анализ показал (согласно построенной гравитационной модели (см. рис. 4) и проведенным расчетам), предприятия АПК заняли соответствующие зоны взаимодействия с центром/городом:

- предприятия АПК, занимающие положение внутри (вблизи) центра, попали в зону «Сильное взаимодействие» — А, В, С, D;
- предприятия АПК, занимающие положение на некотором расстоянии от центра, попали в зону «Среднее взаимодействие» — Е, G;
- предприятия АПК, занимающие положение на периферии / удалены от центра, попали в зону «Слабое взаимодействие» — F, H, I, J, K.

Несмотря на то, что некоторые из исследуемых предприятий попали в зону «Слабое взаимодействие», степень экономической концентрации их производства всегда должна зависеть от транспортных издержек (стремление быть ближе к рынку сбыта и поставщикам), уровня заработной платы (в центрах он выше, что привлекает рабочих) и уровня конкуренции (стремление к размещению производства на тех территориях, где конкуренция ниже). Таким образом, данный этап показал, что по мере удаления от главного центрального места / города система равномерного распределения предприятий в пространстве / области преобразуется в «секторальную» структуру и определение «дифференциальной ренты» сводится к макси-

мизации в результате конкурентной борьбы между предприятиями АПК за «выгодное местоположение». Стоимость продукции будет определяться суммарными издержками производства и транспортными издержками производств, наиболее отдаленных от центра города. Как правило, цена должна быть одинаковой независимо от того, где располагается предприятие; при этом предприятия, расположенные в / рядом с городом, будут иметь минимальные транспортные издержки, тем самым рента будет равна величине, полученной от экономии на транспортных издержках. Она максимальна в первом кольце и снижается по мере удаления предприятия от центра города (г. Пенза). В наиболее удаленном кольце величина ренты равна нулю [4].

II этап — оценка потенциального объема торговли между предприятиями АПК и центром / транспортный фактор согласно методу весового локационного треугольника (по методу К. В. Ф. Лаунхардта [5]) — прогнозное значение на 2023 г. Ранее проведенное исследование показало, что в данном случае существует необходимость построения еще одного, дополнительного, предприятия, которое будет принимать всю произведенную молочную продукцию, а ее сбыт будет осуществляться из располагающихся вокруг предприятий АПК, т. е. выступать в роли «дистрибьютера продуктов питания / посредника», и располагаться либо в 1-м или 2-м кольце гравитационной модели, либо на некотором расстоянии от центра / города — рядом с объектами исследования, тем самым снижая транспортные издержки и в некоторой степени увеличивая прибыль каждого исследуемого объекта АПК.

«Гипотетически» представим «Проект по строительству нового агропредприятия чисто молочного производства», выбор места для которого проводится в технико-экономическом обосновании проекта и задании на проектирование. Для обнаружения пункта расположения нового «агропромышленного предприятия / дистрибьютера», обеспечивающего сбыт продукции предприятий АПК среди потребителей, выделим основные взаимодействующие пункты / предприятия АПК (ранее участвующие в исследовании) — точки данных предприятий обозначим буквами, согласно ранее использованным обозначениям. Определим «возможный пункт размещения дополнительного предприятия» (при этом пунктом размещения может быть каждая из точек). Наилучшим пунктом его размещения будет тот, в котором транспортные затраты будут минимальны. Искомый пункт может не совпадать ни с одной из вершин локационного треугольника, а находиться внутри или вне его в некоторой точке Z . Предварительно рассчитаем: транспортные издержки (T) при размещении «дополнительного предприятия» в точке Z ; центр массы / транспортный фактор (M); транспортный тариф (T_{ni}) для «дистрибьютера / клиента» на перевозку продукции; координаты «дистрибьютера / клиента» (R_{ni}) и «предприятия АПК / поставщика» (R_{ki}); координаты расположения поставщиков и потребителей продукции (экспериментальные данные объема груза, закупаемый у каждого i -го «предприятия АПК / поставщика»). Полученные результаты (координаты) нанесем на географическую карту, результат представим на рис. 5.

Намеченный тренд передачи управления эффективностью предприятий сторонним экспертам / дистрибьютору привнесет новый взгляд на существующие процессы, причем он непревзойденный при их анализе и контроле, поэтому все указанное поможет решить главную задачу оптимизации деятельности каждого предприятия — повысить эффективность работы и обеспечить достижение запланированных показателей.

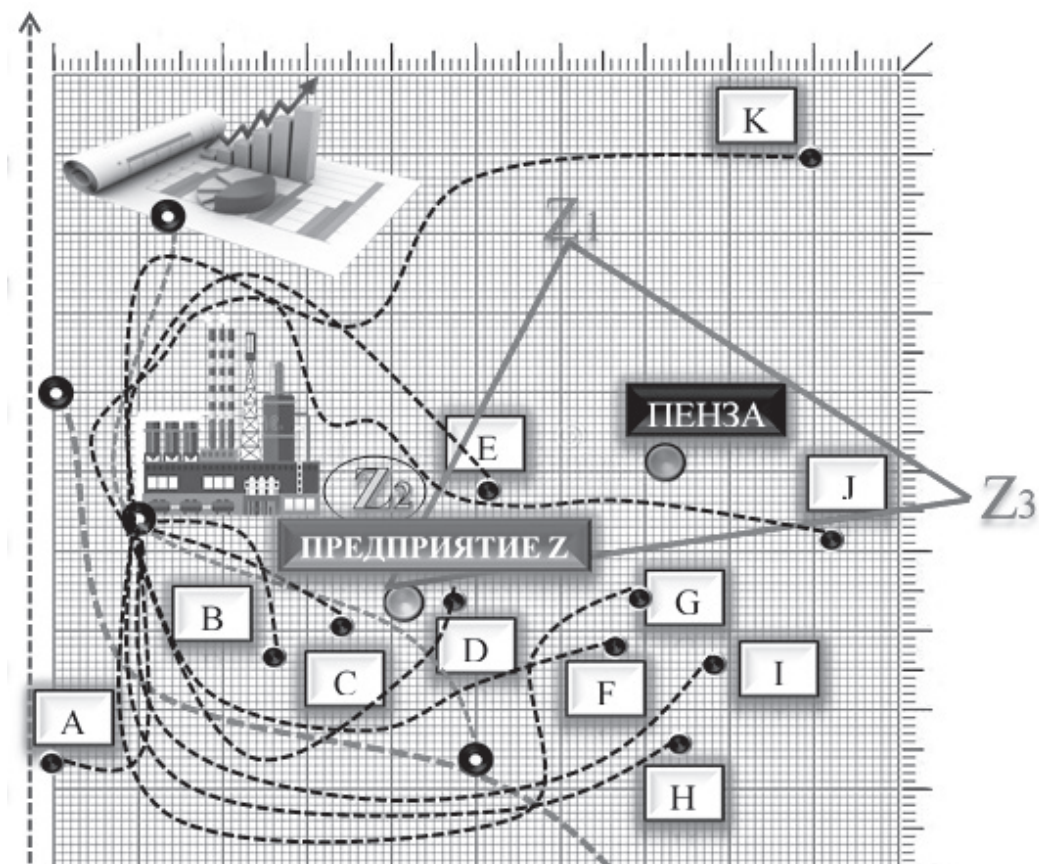

Рис. 5. Место расположения «поставщиков / предприятий АПК» / «дистрибьютора / клиента» и «дополнительного предприятия (Z)» (авторская разработка)

Figure 5. The location of “suppliers/agro-industrial complex enterprises” / “distributor / client” and “additional enterprise (Z)” (author’s development)

Таким образом, анализируемые предприятия АПК могут, с большей вероятностью, апробировать предложенную гравитационную модель, при этом снизив собственные транспортные издержки и получив положительный экономический эффект в виде наибольшей прибыли.

На III этапе получим положительный / отрицательный результат взаимодействия всех предприятий АПК с новым объектом — «возможным агропредприятием» на основе расчета синергетического эффекта согласно формуле Гордона. Оценим эффект синергии от слияния исследуемых предприятий АПК с новым объектом — «возможным агропредприятием» (Z).

Рассчитав показатель чистого денежного потока $FCF_{(A...K+Z)}$, рыночную стоимость предприятий V (по формуле Гордона), показатели для определения эффекта синергии от слияния объектов исследования — рост $EBIT$ и $WACC$, эффект синергии с учетом снижения расходов, в результате получим стоимость синергии (табл. 7).

Таблица 7. Расчет стоимости синергии $V_{S(A...K+Z)}$ с учетом снижения расходов, тыс. руб.Table 7. The calculation of the cost of synergy $V_{S(A...K+Z)}$ taking into account cost reduction, thousand rubles

Объекты исследования (A...K+Z)	Стоимость синергии $V_{S(A...K+Z)}$
(A+Z)	$V_{(AZ)} = 29\,536\,380 - 9\,321\,114 = 20\,215\,266$
(B+Z)	$V_{(BZ)} = 20\,780\,169 - 8\,224\,318 = 12\,555\,851$
(C+Z)	$V_{(CZ)} = 63\,498\,532 - 9\,177\,150 = 54\,321\,382$
(D+Z)	$V_{(DZ)} = 33\,557\,073 - 8\,734\,593 = 24\,822\,480$
(E+Z)	$V_{(EZ)} = 28\,739\,306,0 - 8\,726\,438,5 = 20\,012\,867,5$
(F+Z)	$V_{(FZ)} = 29\,536\,380 - 9\,321\,114 = 20\,215\,266$
(G+Z)	$V_{(GZ)} = 25\,243\,056,0 - 5\,915\,668,1 = 19\,327\,387,9$
(H+Z)	$V_{(HZ)} = 33\,991\,346 - 7\,356\,250 = 26\,635\,096$
(I+Z)	$V_{(IZ)} = 35\,996\,197,0 - 8\,242\,566,7 = 27\,753\,630,3$
(J+Z)	$V_{(JZ)} = 24\,588\,902,0 - 6\,486\,763,1 = 18\,102\,138,9$
(K+Z)	$V_{(KZ)} = 33\,725\,062 - 5\,787\,095 = 27\,937\,967$

Следовательно, при объединении двух предприятий (A...K+Z) возникает положительный эффект синергии. На формирование эффекта синергии влияет ряд факторов, поэтому их рациональное сочетание становится основной целью финансового анализа сделок по слияниям и поглощениям на мировом рынке [6].

Расчет эффекта синергии с учетом прибыли представлен в табл. 8.

Таблица 8. Расчет стоимости синергии $V_{S(A...K+Z)}$ с учетом прибыли, тыс. руб.Table 8. The calculation of the cost of synergy $V_{S(A...K+Z)}$ taking into account profit, thousand rubles

Объекты исследования (A...K+Z)	Стоимость синергии $V_{S(A...K+Z)}$
(A+Z)	$V_{(AZ)} = 10\,817\,344 - 9\,321\,114 = 1\,496\,230$
(B+Z)	$V_{(BZ)} = 13\,319\,247 - 8\,224\,318 = 5\,094\,929$
(C+Z)	$V_{(CZ)} = 24\,440\,406 - 9\,177\,150 = 15\,263\,256$
(D+Z)	$V_{(DZ)} = 21\,560\,706 - 8\,734\,593 = 12\,826\,113$
(E+Z)	$V_{(EZ)} = 10\,575\,792,0 - 8\,726\,438,5 = 1\,849\,353,5$
(F+Z)	$V_{(FZ)} = 10\,596\,528 - 9\,228\,750 = 1\,367\,778$
(G+Z)	$V_{(GZ)} = 7\,575\,444,0 - 5\,915\,668,1 = 1\,659\,775,9$
(H+Z)	$V_{(HZ)} = 28\,063\,845 - 7\,356\,250 = 20\,707\,595$
(I+Z)	$V_{(IZ)} = 21\,379\,719,0 - 8\,242\,566,7 = 13\,137\,152,3$
(J+Z)	$V_{(JZ)} = 23\,122\,854,0 - 6\,486\,763,1 = 16\,636\,090,9$
(K+Z)	$V_{(KZ)} = 48\,496\,806 - 5\,787\,095 = 42\,709\,711$

Выполненный анализ позволил получить следующий результат: оба предприятия (A...K+Z) после объединения будут стоить дороже по сравнению с суммой их стоимостей до объединения, так как каждое приобретает то, чего не имело,

причем получает эти ресурсы дешевле, чем они обошлись бы, если бы пришлось их создавать самостоятельно. При этом, поскольку происходит рост доходов (кэш-флоу) акционеров того или другого предприятия, факт слияния оказывается выгодным, и показатель кэш-флоу для тех и других имеет тенденцию к росту в расчете на пятилетнюю перспективу.

Заключение

Таким образом, применение разработанной гравитационной модели поможет предприятиям быстро адаптироваться в новых условиях, даст возможность принимать более правильные решения по своему территориальному расположению и сбыту своей продукции в центральный исследуемый город. Полученное оптимальное расположение «возможного дополнительного предприятия» указывает на возможность его строительства на территории Пензенской области и на выгодность для каждого из выделенного предприятия АПК. Величина транспортных расходов может существенно меняться не только в зависимости от количества предприятий, но и в зависимости от места расположения «возможного предприятия (Z)» на исследуемой территории (из предположения, выдвинутого ранее, что «возможное предприятие» на территории расположено оптимально). Поставленная задача по определению территории под застройку «объекта многофункциональной недвижимости» является одной из основных стратегических задач развития крупных городов. Тем самым выдвинутая задача размещения данного «возможного предприятия» приобретает актуальность только при наличии развитой транспортной сети и последующей грамотной эксплуатации «объектов недвижимого имущества».

Подводя итог, следует отметить важность и актуальность пространственного анализа современных агропредприятий. Пример с предприятиями АПК позволил убедиться в этом. В итоге удалось сформировать географический план-сценарий пространственно-отраслевой структуры управления предприятиями АПК и построить географическую сеть / гравитационную модель, способствующую формированию адаптивной модели управления пространственно-отраслевой структуры предприятий АПК.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Балашова С. П. Управление процессами пространственной трансформации хозяйственной системы региона // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. 2016. № 1 (135). С. 170 — 175.
2. Бобрышев А. Н., Казаков М. Ю. Концептуальные основы мониторинга социально-экономического развития региона // KANT. 2011. № 2 (2). С. 97 — 100.
3. Васькевич Ю. Б. Специфика использования гравитационной модели международной торговли для оценки эффективности интеграционного взаимодействия в сфере услуг // The Scientific Heritage. 2021. Т. 4, № 74 (74). С. 11 — 16.
4. Горбунов В. С. Использование модели Й. фон Тюнена в современной региональной экономике // Московский экономический журнал. 2017. № 2. URL: <https://ecience.ru/ru/nauka/article/74220/view>
5. Горбунов В. С. Обоснование размещения крупного металлургического комплекса на основе модели весового локационного треугольника Вильгельма Лаунхардта // Московский экономический журнал. 2017. № 3. URL: <https://qje.su/nauki-o-zemle/moskovskij-ekonomicheskij-zhurnal-3-2017-71/>

6. Иевлева Н. В., Кузьмина Ю. О. Определение эффекта синергии при слиянии компаний // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2012. № 4. С. 95 — 98.

7. Кондратьев В. В. Роль мониторинга в обеспечении устойчивого развития социально-экономических процессов в регионе // Экономические науки. 2012. № 2 (87). С. 168 — 171.

8. Насретдинов И. Т. Повышение конкурентоспособности региональной системы потребительской кооперации на основе пространственно-экономической трансформации: автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2010. 43 с.

9. Суспицын С. А. Развитие методов измерения пространственных трансформаций экономики. // Регион: экономика и социология. 2007. № 4. С. 3 — 18.

10. Fraenkel J., Grofman B. The Borda Count and its real-world alternatives: Comparing scoring rules in Nauru and Slovenia // Australian Journal of Political Science. 2014. Vol. 49, No. 2. P. 186 — 205.

Статья поступила в редакцию 09.02.2024; одобрена после рецензирования 28.02.2024; принята к публикации 29.02.2024.

Информация об авторах:

Виктор Михайлович Володин, профессор кафедры «Менеджмент и экономическая безопасность» Пензенского государственного университета (440026, Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40), доктор экономических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6539-159X>, 7volodin7@mail.ru

Алёна Алексеевна Надькина, аспирант кафедры «Менеджмент и экономическая безопасность» Пензенского государственного университета (440026, Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40); специалист-эксперт Операционного отдела Управления Федерального Казначейства по Пензенской области (440008, Россия, г. Пенза, ул. Ставского, 11), nadckina.alyona@yandex.ru

Вклад авторов:

Володин В. М. — критический анализ и научное редактирование текста;

Надькина А. А. — разработка адаптивной модели управления пространственно-отраслевой структуры предприятий АПК, развитие методологии, сбор данных и анализ литературы, написание первоначального варианта статьи.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Balashova SP. Managing the Processes of Spatial Transformation of the Economic System of the Region. *Bulletin of Altai State Agricultural University*. 2016;(1):170—175. (In Russ.)

2. Bobryshev AN, Kazakov MYu. Conceptual Basis for Monitoring the Social and Economic Development of the Region. *KANT*. 2011;(2):97—100. (In Russ.)

3. Vashkevich YuB. Specifics of Using the Gravitational Model of International Trade to Assess the Effectiveness of Integration Interaction in the Service Sector. *The Scientific Heritage*. 2021;4(74):11—16. (In Russ.)

4. Gorbunov VS. Using J. von Thünen's Model in Contemporary Regional Economics. *Moscow Economic Journal*. 2017;(2). URL: <https://escience.ru/ru/nauka/article/74220/view> (In Russ.)

5. Gorbunov VS. Justification for the Location of a Large Metallurgical Complex Based on the Weight Location Triangle Model of Wilhelm Launhardt. *Moscow Economic Journal*. 2017;(3). URL: <https://qje.su/nauki-o-zemle/moskovskij-ekonomicheskij-zhurnal-3-2017-71/> (In Russ.)

6. Ievleva NV, Kuzmina YuO. Determination of the Synergy Effect during a Merger of Companies. *Current Issues of Humanities and Natural Sciences*. 2012;(4):95—98. (In Russ.)

7. Kondratyev VV. The Role of Monitoring in Ensuring Sustainable Development of Social and Economic Processes in the Region. *Economic Sciences*. 2012;(2):168—171. (In Russ.)

8. Nasretdinov IT. Increasing the Competitiveness of the Regional System of Consumer Cooperation Based on Spatial and Economic Transformation. Abstract of Dis. ... Cand. of Econ. Sci. Moscow;2010. (In Russ.)

9. Suspitsyn SA. Development of Methods for Measuring Spatial Transformations of the Economy. *Region: Economics and Sociology*. 2007;(4):3—18. (In Russ.)

10. Frankel J, Grofman B. The Borda Count and Its Real-World Alternatives: Comparing Scoring Rules in Nauru and Slovenia. *Australian Journal of Political Science*. 2014;49(2):186—205.

The article was submitted 09.02.2024; approved after reviewing 28.02.2024; accepted for publication 29.02.2024.

Information about the authors:

Viktor M. Volodin, Professor of Department of Management and Economic Security of Penza State University (40 Krasnaya Str., Penza 440026, Russia), Doctor of Economic Sciences, Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6539-159X>, 7volodin7@mail.ru

Alyona A. Nagkina, Postgraduate Student of Department of Management and Economic Security of Penza State University (40 Krasnaya Str., Penza 440026, Russia); Subject-Matter Expert of Operational Department of the Federal Treasury Department for the Penza Region (11 Stavskogo Str., Penza 440008, Russia), nadckina.alryona@yandex.ru

Contribution of the authors:

Volodin V. M. — critical analysis and scientific editing of the text;

Nadkina A. A — data collection and literature analysis, modeling of demonstration circuits, writing the original version of the article.

Conflict of interest: the authors declare no conflict of interest.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

УДК 332.1
EDN NTJDMT<http://vestnikniign.ru>*Научная статья*

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОДДЕРЖКА КАК ФАКТОР ОБЕСПЕЧЕНИЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА РЕГИОНА

М. П. Новиков¹, Л. Н. Липатова^{1, 2}✉, В. Н. Градусова²¹ Научно-исследовательский институт гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия,
г. Саранск, Россия² Северо-Западный институт управления РАНХиГС,
г. Санкт-Петербург, Россия
✉Ln.lipatova@yandex.ru

Аннотация

Введение. Устойчивое развитие сельского хозяйства является основой национальной безопасности нашей страны. Оно сопряжено с различными рисками, что требует вмешательства со стороны государства в управление ключевыми вопросами аграрного сектора. В связи с этим изучение вопроса необходимости поддержки сельскохозяйственных производителей для обеспечения их стабильного функционирования актуально и приобретает большое значение. Цель исследования — определение необходимости государственной поддержки сельского хозяйства и поиск путей повышения эффективности региональной аграрной политики.

Материалы и методы. В качестве объекта исследования рассматривается агропромышленный комплекс Республики Мордовия. Материалом исследования послужили данные статистики, оперативные данные органов государственного управления и официальные публикации. Применены методы сравнительного и ретроспективного, абстрактно-логического и статистико-экономического анализа, графический метод.

Результаты исследования и их обсуждение. Проведенный анализ деятельности АПК Республики Мордовия позволил определить высокую роль сельского хозяйства в социально-экономическом развитии региона. Республика достигла высоких результатов благодаря государственной политике, направленной на поддержку АПК. Выделены виды государственной поддержки приоритетных подотраслей в регионе и установлена их взаимосвязь с основными показателями деятельности. Государственная поддержка в агропромышленном комплексе является активной и приносит хорошие результаты, но существуют некоторые проблемы, снижающие эффект от осуществляемых мер. В качестве рекомендаций предложен ряд изменений, направленных на повышение эффективности государственной поддержки АПК.

Заключение. Сегодня государство должно создавать благоприятные внутренние условия для развития сельского хозяйства через активную государственную поддержку агропромышленного комплекса. Республика Мордовия — регион со значительным потенциалом сельского хозяйства, и успехи в развитии данной отрасли связаны, в том числе, с реализацией государственной политики, направленной на поддержку АПК. Однако условия функционирования аграрного сектора требуют постоянного мониторинга и разработки новых способов поддержки аграриев через предоставление финансирования со стороны органов власти.

Ключевые слова: устойчивое развитие, регион, сельское хозяйство, государственная поддержка, продовольственная безопасность, аграрная политика

© Новиков М. П., Липатова Л. Н., Градусова В. Н., 2024

Для цитирования: Новиков М. П., Липатова Л. Н., Градусова В. Н. Государственная поддержка как фактор обеспечения устойчивого развития сельского хозяйства региона // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2024. Т. 16, № 1. С. 38 — 51. EDN NTJDMT

Original article

GOVERNMENT SUPPORT AS A FACTOR OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF REGIONAL AGRICULTURE

M. P. Novikov¹, L. N. Lipatova^{1, 2}✉, V. N. Gradusova²

¹ Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia, Saransk, Russia

² North-West Institute of Management — Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Saint Petersburg, Russia

✉Ln.lipatova@yandex.ru

Abstract

Introduction. Sustainable development of agriculture is the basis of our country's national security. It is associated with various risks, which require government intervention in the management of key issues in the agricultural sector. Therefore, the study of the need to support agricultural producers to ensure their stable functioning is of great importance and is relevant. The purpose of the study is to determine the need for government support of agriculture and find ways to improve the efficiency of regional agrarian policy.

Materials and methods. The agro-industrial complex of the Republic of Mordovia is considered as an object of study. The material of the study was statistical data, operational data of government bodies and official publications. Comparative and retrospective analyses, methods of abstract-logical, graphical method, as well as statistical and economic analysis were applied.

Results and discussion. The analysis of the activities of the agro-industrial complex of the Republic of Mordovia made it possible to determine the high role of agriculture in the socio-economic development of the region. The republic has achieved high results thanks to the government policy aimed at supporting the agro-industrial complex. The main types of government support in the region are identified and their relation with the main performance indicators is established. It is determined that government support in the agro-industrial complex is active and brings good results, but there are some problems that reduce the effect of the measures taken. As recommendations, a number of changes are proposed, aimed at improving the efficiency of government support for the agro-industrial complex.

Conclusion. Today, the government must create favorable internal conditions for the development of agriculture through active government support for the agro-industrial complex. The Republic of Mordovia is a region with a huge potential for agriculture and success in the development of this industry is associated, among other things, with the implementation of government policy aimed at supporting the agro-industrial complex. However, the conditions for the functioning of the agricultural sector require constant monitoring and the development of new ways to support farmers through the provision of funding from the authorities.

Keywords: sustainable development, region, agriculture, government support, food security, agricultural policy

For citation: Novikov MP, Lipatova LN, Gradusova VN. Government Support as a Factor of Sustainable Development of Regional Agriculture. *Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia*. 2024;16(1):38—51. EDN NTJDMT

Введение

Развитие сельского хозяйства является основой национальной безопасности любой страны, так как эта отрасль экономики обеспечивает первичные потребности людей. Одна из основных задач государства — создание благоприятных условий для жизни и развития каждого человека, включая качество питания, от которого зависит здоровье людей и которое может оказать влияние на экономическую безопасность страны, усиливая или ослабляя ее конкурентные позиции на мировых рынках. Недостаточное или несбалансированное питание воздействует на здоровье людей и может привести к серьезным демографическим и экономическим потерям в настоящем и будущем. В условиях современной геополитической ситуации (в частности, рост конкуренции за доступ к продовольствию в связи с глобальными изменениями климата) способом гарантировать отсутствие нехватки продуктов питания выступает полное самообеспечение страны продовольствием.

К. Маркс описал агропромышленный комплекс (АПК) как «брачный союз» между сельским хозяйством и промышленностью. Приведенное выражение подчеркивает уникальную «материнскую» роль, которую сельское хозяйство играет в экономике в целом. При этом сельскохозяйственная отрасль полагается на земельные и другие природные ресурсы в качестве основных средств производства, что подчеркивает ее важность [8, с. 177].

С учетом сказанного сегодня главной целью становится поддержание устойчивого развития сельского хозяйства и сельских территорий. Однако для его достижения необходимо обеспечить целостность и неразрывность политики государства в вопросах регулирования АПК. Важно отметить, что успех реализации стратегических целей в этой области зависит от зрелости и эффективности управления со стороны государства. Кроме того, особо важным аспектом государственного управления является поддержка отечественных производителей сельскохозяйственной продукции. Все это определяет актуальность данного исследования.

Цель работы заключается в исследовании необходимости государственной поддержки сельского хозяйства, анализе ее влияния на результаты деятельности АПК Республики Мордовия и определении возможных путей повышения эффективности региональной аграрной политики.

С 2010-х гг. аграрная политика России ориентирована на устойчивое развитие сельского хозяйства в целом и сельских территорий в частности. Для достижения поставленных целей и задач используется программно-целевой метод, который распределяет ресурсы в аграрной сфере таким образом, чтобы они сосредоточивались в наиболее перспективных и актуальных направлениях [6, с. 57].

В нашей стране утверждены следующие ключевые подотрасли развития АПК: стимулирование производства молока, совершенствование мясного скотоводства, развитие овцеводства, производство зерновых культур, овощей открытого грунта, льна-долгунца, продукции плодово-ягодных насаждений, развитие виноградарства. При этом с 2020 г. введена новая система распределения государственных средств в виде субсидий, которая дает возможность регионам самим выбирать и развивать наиболее ключевые подотрасли АПК, что повышает эффективность использования полученных государственных средств.

Обзор литературы

В настоящее время ведется дискуссия по вопросу, насколько государство должно вмешиваться в деятельность отраслей. Одни теоретики придерживаются мнения о том, что вмешательство государства должно быть минимальным или постепенно уменьшаться, другие, наоборот, что государственное регулирование и поддержка — одна из основ устойчивого роста отрасли. При этом каждая из позиций имеет свои аргументы, а также примеры успешных или неудачных практик.

П. Б. Акмаров и О. П. Князева в ретроспективе изучили влияние государственной поддержки на развитие сельского хозяйства в России. История развития отечественного сельского хозяйства показывает, что его устойчивое развитие зависит в большей степени от уровня такого влияния государства [2, с. 452 — 453].

Х. Н. Утрендеева в контексте исследования государственной аграрной политики подчеркивает, что сельское хозяйство играет важную роль в экономике России и требует фактической поддержки со стороны государства для стабильного и эффективного существования [9, с. 291].

В работах Е. А. Волынкиной, О. А. Фроловой и С. Ю. Васильевой отмечается, что государственная поддержка играет важную роль в государственном регулировании сельского хозяйства [7; 10, с. 87]. Однако необходимо учитывать, что она должна быть четко ориентирована на рациональную организацию действий экономических субъектов и на соблюдение законодательства, а также принимать в расчет интересы государства и общества [7, с. 76]. Без государственной поддержки не обойтись, но она должна обеспечивать достижение конкретных целей и показывать высокую эффективность.

А. С. Аджигова, Р. А. Канцеров, Н. Н. Школьников, осуществляя анализ регионов, ориентирующихся в деятельности на аграрный сектор экономики, выделили некоторые уникальные особенности, связанные с факторами их регионального развития, и сделали вывод, что необходимое условие роста аграрного сектора в регионах — это получение государственной поддержки [1, с. 60].

Многие исследователи изучают опыт государственной поддержки в зарубежных странах для определения возможности использования наиболее успешных практик в России. В своем исследовании В. П. Черданцев отмечает, что в большинстве стран существует сильная зависимость сельского хозяйства от объемов государственной поддержки. Даже в странах, лидирующих по производству продукции сельского хозяйства, применяются различные методы государственной поддержки для улучшения инфраструктуры предприятий данной отрасли [11, с. 84].

М. А. Чирская и М. В. Нимченко, изучая опыт зарубежных стран, пришли к выводу, что агропромышленный комплекс в экономически крупных странах следует расценивать как систему, которой необходимо внешнее регулирование, причем она требует возмещения своих потерь в условиях волатильности рынка в виде средств государственной поддержки [12, с. 44].

В России имеется объективная необходимость государственной поддержки отрасли сельского хозяйства, это связано с ее спецификой и уникальностью, а также сопряженностью с различными рисками, которые мешают рыночным механизмам эффективно функционировать, как и в других отраслях.

По нашему мнению, государственная поддержка АПК — это совокупность различных инструментов экономического воздействия со стороны государства и комплекс мер, направленных на создание благоприятных условий для развития отечественных сельхозпроизводителей. Она включает в себя не только экономические инструменты, но и может характеризоваться административным и правовым воздействием, применением ограничительных мер и другими способами регулирования вопросов, возникающих в сфере аграрных взаимоотношений. Целью этой поддержки являются и увеличение эффективности всего агропромышленного комплекса, и устойчивое социально-экономическое развитие сельских территорий, и повышение уровня жизни сельского населения.

Материалы и методы

Объектом исследования выступает агропромышленный комплекс Республики Мордовия. Для исследования текущей ситуации в регионе были использованы официальные данные Росстата, Федеральной службы Государственной статистики по Республике Мордовия, отчетность и оперативные данные Министерства сельского хозяйства и продовольствия Республики Мордовия, информация официальных сайтов органов государственной власти региона, официальные публикации и литературные источники. С целью изучения мер государственной поддержки, применяемых в регионе, рассмотрены действующие законодательные и нормативные акты на региональном уровне и опыт их использования. Работа выполнена с применением методов сравнительного и ретроспективного, абстрактно-логического и статистико-экономического анализа, графического метода. Графические и сравнительные методы анализа были задействованы в наглядном представлении количественных результатов исследования.

Результаты исследования и их обсуждение

Мордовия — регион с хорошим потенциалом сельского хозяйства, и развитие данной отрасли является одной из главных задач для обеспечения социально-экономического прогресса республики. Агропромышленный комплекс региона играет ключевую роль в обеспечении населения продуктами питания и другими необходимыми товарами, а также выполняет функцию поддержки и развития сельских территорий. Стабильность и целостность Мордовии напрямую зависят от успешного развития ее агропромышленного сектора [3, с. 547]. В связи с этим проблемы развития сельского хозяйства региона особенно актуальны.

В Республике Мордовия, как и в большинстве других регионов России, развитие аграрной отрасли является важным направлением государственной политики. Сельское хозяйство как основная сфера экономики региона играет ключевую роль в формировании рынка аграрной продукции и в обеспечении продовольственной безопасности. Кроме того, оно оказывает прямое влияние на развитие трудовых ресурсов сельских территорий республики.

Несмотря на то, что Мордовия является небольшим регионом, объем ее сельскохозяйственного производства с 2010 г. вырос почти в 4 раза. По этому показателю республика находится на 31-м месте в России. Указанные высокие темпы развития сельского хозяйства на протяжении изученного периода можно наблюдать в таких крупных регионах, как Краснодарский край и Ростовская область, где условия для развития сельского хозяйства более благоприятны [4, с. 206].

Еще одним показателем, отражающим важность сельского хозяйства для региона, является его доля в структуре занятости. За рассматриваемый период произошли незначительные изменения в численности занятого в АПК населения. В 2018 г. его доля составила 19,8 %, в то время как на обрабатывающих предприятиях региона было задействовано 16,6 % работающих. Другие отрасли экономики Мордовии не могут похвалиться таким количеством рабочих мест.

Мало кто мог предположить, что небольшой регион, занимающий всего 0,2 % территории России, с не совсем оптимальными климатическими условиями для земледелия может добиться значительных успехов в развитии сельского хозяйства. Население республики составляет всего 0,54 % от общей численности жителей РФ, но благодаря активному использованию имеющихся возможностей Мордовия занимает ведущие позиции в Приволжье и в целом в стране по производству молока, яиц, мяса скота и птицы. Республика успешно обеспечивает внутренний потребительский спрос на ключевые сельскохозяйственные товары и ежегодно экспортирует за свои пределы до 60 % произведенной продукции. Причем не только в другие субъекты РФ, но и в зарубежные страны. Сегодня Республика Мордовия имеет практически все важные ресурсы для обеспечения постоянного развития сельского хозяйства и продолжает поставлять высококачественную продукцию.

Таким образом, проведенный анализ показал, что роль сельского хозяйства в социально-экономическом развитии Республики Мордовия продолжает расти. Регион вносит свой вклад в решение ключевой задачи формирования экономической и продовольственной безопасности страны, обеспечивая население доступной и качественной сельскохозяйственной продукцией.

Сельскохозяйственные производители в Республике Мордовия достигли высоких результатов благодаря эффективной государственной политике, направленной на поддержку АПК. Организационными факторами, способствующими устойчивому развитию сельского хозяйства, являются оптимальная структура АПК региона и выбор внутриотраслевой специализации. Аграрии выбирают направления, которые наиболее эффективны для региона, и сосредоточивают усилия на их развитии, что позволяет конкурировать на продовольственных рынках не только в России, но и за ее пределами.

В 2018 г. в России была утверждена обновленная Государственная программа развития сельского хозяйства сроком до 2025 г. В рамках проведенных изменений были добавлены проектная и операционная часть, в которых предусмотрены ключевые федеральные и ведомственные мероприятия, направленные на развитие сельского хозяйства в России [5, с. 9].

В соответствии с установленной федеральной программой сформирована и действует Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия Республики Мордовия. Анализ и расчеты показывают, что реализация программы привела к увеличению объемов производства сельскохозяйственной продукции в регионе, что способствует развитию отрасли. Однако функционирование аграрного сектора, которое зависит от климатических условий и временного фактора, связанного с длительностью выполнения поставленных задач, требует мониторинга и разработ-

ки новых способов поддержки аграриев через финансирование региональными органами власти.

Мы рассматриваем три основные формы государственной поддержки аграрного сектора в Республике Мордовия: *прямую* (субсидирование через бюджетные выплаты), *косвенную* (льготное налогообложение и другие стимулирующие меры) и *опосредованную* (мероприятия, не всегда прямо связанные с аграрной отраслью). Многие сельскохозяйственные организации находятся в убыточном состоянии и не могут воспользоваться имеющимися формами поддержки. Цель названных мер — создать благоприятные организационно-экономические условия для работы сельскохозяйственных предприятий региона и обеспечить эффективное использование бюджетных, кредитных и других финансовых средств.

Существует множество форм государственной поддержки сельского хозяйства, которые помогают развивать эту отрасль. *Прямая поддержка* — форма поддержки, направленная на выполнение конкретных задач региона, когда государство предоставляет субсидии на сельскохозяйственное производство и материально-технические ресурсы, а также компенсирует часть затрат сельскохозяйственных производителей. На сегодняшний день есть 28 видов субсидий, направленных на развитие разных сфер функционирования АПК, но их правильное сочетание и установление приоритетности позволяют получать высокий эффект. Уже несколько лет реализуется программа «Государственная поддержка малых форм хозяйствования», в рамках которой предоставляются гранты на развитие крестьянских (фермерских) хозяйств и сельскохозяйственных кооперативов.

Косвенная поддержка — форма поддержки, в рамках которой государство не ставит конкретных целей перед предприятиями, но через комплекс мер стимулирует экономическое развитие. Это может быть проведение закупок сельскохозяйственной продукции для государственных нужд, защита экономических интересов производителей при реализации товаров в зарубежные страны, льготное налогообложение для определенных категорий сельскохозяйственных предприятий, обеспечение необходимых объемов материальных ресурсов в стране и др.

Опосредованная поддержка — это форма поддержки, которая оказывает опосредованное воздействие на развитие сельского хозяйства. Форму опосредованной поддержки можно увидеть через такие мероприятия по формированию благоприятных организационно-экономических условий вне сельскохозяйственного производства, как реструктуризация задолженностей, формирование специальных налоговых режимов на конкретных территориях, реализация федеральных и общенациональных программ и проектов.

Кроме того, хотелось бы отметить, что в Республике Мордовия сегодня решается проблема развития сельских территорий. Для этого в 2020 г. была запущена программа «Комплексное развитие сельских территорий». Развитие сельских территорий (в частности, их производственной и социальной инфраструктуры, доступность услуг для жителей) является важным и острым вопросом в современной экономике России. Это относительно новое направление развития в стране, которое было закреплено Концепцией устойчивого развития сельских территорий РФ на период до 2020 года. Качество жизни сельских жителей и доступность социальной, дорожной и информационной инфраструктуры влияют на качественную и количе-

ственную обеспеченность сельскохозяйственных производителей высококвалифицированными кадрами, которые заинтересованы в развитии отрасли и увеличении эффективности производства сельскохозяйственной продукции.

В Республике Мордовия реализуются подпрограммы в рамках общенациональной государственной программы, которые связаны с развитием всех ключевых направлений АПК региона. При этом регион выбирает для себя приоритетное направление, делая на нем акцент. Активно развиваются растениеводческая и животноводческая отрасли, а также переработка и реализация их продукции; осуществляется внедрение новых технологий для выращивания овощей, развивается производство новой и органической продукции; повышается профессиональная квалификация кадров в АПК. Реализация программы «Развитие отраслей АПК» направлена на поддержку и увеличение конкурентоспособности сельскохозяйственных производителей на отечественном и зарубежном рынке, формирование условий для улучшения качества жизни в сельских территориях, повышение материально-ресурсной безопасности производителей за счет самообеспеченности сырьем отечественного производства.

Республика Мордовия активно участвует в реализации государственных целевых программ Министерства сельского хозяйства Российской Федерации, в результате чего в течение нескольких лет наблюдается сохранение объема государственной поддержки, направленной на развитие АПК. В 2022 г. общая сумма такой поддержки составила 2 025 млн руб., при этом федеральный бюджет выделил 1,8 млрд руб., или 90 %, а 10 % обеспечил региональный бюджет (табл. 1).

Таблица 1. Объем государственной поддержки АПК в Республике Мордовия
в 2019 — 2022 гг., млн руб.

Table 1. The volume of government support for agriculture in the Republic of Mordovia
in 2019 — 2022, million rubles

Источник	2019	2020	2021	2022	2022 г. к 2019 г.
Федеральный бюджет	1 805,80	1 829,70	1 886,60	1 822,10	+16,3
Республиканский бюджет	616,40	481,20	372,80	202,90	-413,5
Общий объем государственной поддержки	2 422,20	2 310,90	2 259,40	2 025,00	-397,2

Составлена по: Итоги работы АПК Республики Мордовия за 2022 год. URL: <https://agro.e-mordovia.ru/apk/>; Итоги работы АПК Республики Мордовия за 2021 год. URL: <https://agro.e-mordovia.ru/apk/>; Итоги работы АПК Республики Мордовия за 2020 год. URL: <https://agro.e-mordovia.ru/apk/>; Итоги работы АПК Республики Мордовия за 2019 год // URL: <https://agro.e-mordovia.ru/apk/>

Compiled by: Results of the Work of Agriculture of the Republic of Mordovia for 2022. URL: <https://agro.e-mordovia.ru/apk/>; Results of the Work of Agriculture of the Republic of Mordovia for 2021. URL: <https://agro.e-mordovia.ru/apk/>; Results of the Work of Agriculture of the Republic of Mordovia for 2020. URL: <https://agro.e-mordovia.ru/apk/>; Results of the Work of Agriculture of the Republic of Mordovia for 2019. URL: <https://agro.e-mordovia.ru/apk/>

С 2012 г. фермеры и сельскохозяйственные кооперативы получили на развитие производства 472 гранта на общую сумму более 1 млрд руб., в том числе 925,2 млн

руб. из федерального бюджета, 261,6 млн руб. — из республиканского. 123 крестьянских фермерских хозяйства, 341 начинающий фермер и 8 потребительских кооперативов благодаря участию в программе по поддержке малых форм хозяйствования получили дополнительные средства на реализацию своих капитальных проектов.

В последние несколько лет в Мордовии постоянно уменьшается финансирование сельскохозяйственной отрасли, что не может не вызывать опасения: доля расходов на аграрный сектор в общих бюджетных расходах республики снизилась с 11 % в 2014 г. до 6 % в 2019 г. Безусловно, это связано с изменением новым правительством финансовой политики региона. Республика до сих пор имеет значительную финансовую задолженность по полученным из бюджета страны кредитам, и большая часть доходов направляется не на развитие отраслей, а на погашение задолженности. Заметим, что данный процесс будет продолжаться еще несколько лет, и повышение дотаций из республиканского бюджета на АПК не ожидается.

Несмотря на то, что в Мордовии уменьшаются бюджетные расходы на сельское хозяйство, оно продолжает развиваться и вносить значительный вклад в социально-экономическое развитие региона. Валовой региональный продукт увеличился с 2017 г. на 26 %, а доля аграрного сектора в нем составляет практически 17 %. В регионе, исторически не имеющем серьезного территориально-ресурсного потенциала, сельское хозяйство всегда было одним из ключевых видов экономической деятельности. В 2022 г. валовая продукция сельского хозяйства республики увеличилась на 52 % по сравнению с 2019 г. и составила 109,31 млрд руб., или втрое больше, чем в 2012 г. (табл. 2).

Таблица 2. Основные показатели развития АПК в Республике Мордовия в 2019 — 2022 гг.

Table 2. The main indicators of the development of the agro-industrial complex in the Republic of Mordovia in 2019 — 2022

Показатель деятельности АПК	2019	2020	2021	2022 г.	2022 г. к 2019 г.
Валовая продукция, млрд руб.	71,96	77,61	91,70	109,31	+37,35
Произведено скота и птицы на убой, тыс. т	233,70	254,90	293,10	334,10	+100,40
Молоко, тыс. т	453,10	473,10	484,20	503,60	+50,50
Намолочено зерна, тыс. т	1 350,10	1 762,30	1 218,90	1 762,90	+412,80
Получено сахарной свеклы, тыс. т	1 071,70	733,90	745,40	842,20	-229,50

Составлена по: Мордовия: стат. ежегод. / Мордовиястат. Саранск, 2023. С. 216 — 230.

Compiled by: Mordovia: stat. yearbook / Mordovia Statistics. Saransk, 2023. P. 216 — 230.

К тому же Государственная поддержка малых форм хозяйства в АПК является активной и приносит хорошие результаты, но некоторые сельскохозяйственные субъекты имеют внутренние ограничения для участия в программах поддержки. Например, грант для развития начинающих фермеров проводится на основе кон-

курса, в рамках которого необходимо набрать максимально возможное количество баллов, в том числе благодаря подтверждению наличия собственных или арендованных земель, сельскохозяйственной техники и производственных помещений. Однако не все начинающие фермеры обладают достаточным начальным капиталом для обеспечения подобными ресурсами. Они либо не могут пройти конкурсный отбор из-за небольшого количества баллов, либо не имеют достаточного количества необходимых сельскохозяйственных ресурсов для эффективной реализации установленных показателей и мероприятий в рамках гранта.

При реализации проекта, на который получен грант, фермерам необходимо соблюдать определенные финансовые обязательства, связанные с софинансированием около 50 % расходов за счет собственных средств. Однако многие фермерские хозяйства сталкиваются с ограничениями в этом вопросе из-за отсутствия дополнительных финансов, наличия обязательств по имеющимся кредитам и др., что мешает им принимать участие в действующих программах государственной поддержки и получать гранты.

История государственной поддержки показывает, что обычно гранты на большие суммы предоставляются крупным хозяйствам, однако их эффективность оказывается недостаточной, так как они не приводят к пропорциональному росту объемов продукции. В среднем одно из двадцати хозяйств получает в пять раз больше молока, мяса и зерна, а также имеет в три раза выше поголовье коров, и размер гранта в данном случае практически в 10 раз выше. При этом несколько мелких грантов, равных сумме крупного, могут оказаться более эффективными.

Для повышения эффективности государственной грантовой поддержки фермерских хозяйств и улучшения показателей от реализации выделенных грантов мы рекомендуем изменить систему конкурсного отбора участников, чтобы уменьшить воздействие субъективных факторов на возможность получения и объем получаемой поддержки. Вместо увеличения размеров грантов следует двигаться к повышению их количества, так как меньшие суммы лучше используются и способствуют привлечению в хозяйственную деятельность большего числа людей, способствуя росту их доходов.

Сельскохозяйственная отрасль является ключевой для региональной экономики, но ее развитие находится под угрозой из-за имеющихся демографических проблем. Численность сельского населения Мордовии быстро уменьшается — более чем за 30 лет она уменьшилась практически на 30 %. Чтобы преодолеть эту проблему, необходимо усиливать реализацию программы государственной поддержки развития сельских территорий в Республике Мордовия. Для этого можно использовать возможности привлечения финансовых ресурсов из частных источников на взаимовыгодных условиях и упростить процедуру оформления проектной документации. Кроме того, реализация данной программы должна осуществляться в ключе оказываемой государственной поддержки сельскохозяйственных производителей, чтобы привлечь к деятельности на конкретной территории наибольшее количество трудовых ресурсов из различных сфер производства и соответственно получить мультипликативный эффект.

Фермерские хозяйства способны выпускать хорошую и качественную продукцию, однако они не могут реализовывать ее по ценам, доступным большинству

потребителей. Главной проблемой для небольших хозяйств является продажа своей продукции по ценам, которые обеспечат минимальную рентабельность производственной деятельности. Сельскохозяйственные производители не в состоянии решить эту проблему собственными силами. В настоящее время не каждый человек имеет желание содержать личный скот, поэтому коровы в мордовских селах стали редкостью. Существующая ситуация сложилась и из-за отсутствия возможности продать излишки сельскохозяйственной продукции, чтобы компенсировать свои затраты, приобрести необходимую технику и др.

В связи с этим в Мордовии предлагается к реализации программа развития сельскохозяйственной кооперации. Ее цель — создание на территории республики системы сельскохозяйственных кооперативов, оказание им государственной поддержки, обучение. Сами же кооперативы выступают посредниками между хозяйствами и покупателями. Объединяя в себе множество хозяйств, кооператив может закупать и продавать сельскохозяйственную продукцию в больших объемах по той цене, которая позволит не только существовать фермерским хозяйствам, но и получать прибыль. 7 сентября 2022 г. Глава Республики Мордовия А. А. Здунов обсуждал данную очень важную для развития села тему — работа сельскохозяйственных кооперативов. Однако по результатам ее обсуждения ясно, что система сельскохозяйственной кооперации в регионе развивается не так хорошо, как в других регионах, и по поручению Главы Мордовии система сельскохозяйственной потребкооперации должна взять курс на динамичное развитие. Учитывая данные проблемы, необходимо продолжать разработку механизмов государственной поддержки кооперативных объединений и организовывать закупку сельскохозяйственной продукции на планомерной основе, что обеспечит гарантированный сбыт и минимально необходимый уровень доходности хозяйств, а также будет способствовать улучшению уровня жизни сельского населения и его закреплению на данных территориях.

В Республике Мордовия сельское хозяйство сталкивается с проблемой информационного обеспечения, которая до сих пор остается нерешенной. Государственная программа развития сельского хозяйства включает в себя мероприятия по данному вопросу, однако конкретных результатов не было получено. Для решения этой актуальной для XXI в. проблемы предлагается разработка современного информационного комплекса на базе Минсельхоза России. В него должны быть включены звенья управления АПК регионов, а также интегрированы другие структуры: налоговая, министерство финансов, вузы и др., что повысит эффективность и позволит обеспечить оперативное взаимодействие между множеством структур. Фермеры часто не участвуют в государственных программах из-за определенных препятствий. Они сталкиваются с трудностями в документальном оформлении субсидий и грантов, а также при представлении отчетности по использованию полученных средств из государственного бюджета. Одной из задач данного информационного комплекса должны стать упрощение указанных процедур и увеличение числа участников государственных программ.

Заключение

Таким образом, система государственной поддержки сельского хозяйства — сложный механизм государственного регулирования развития АПК. Сегодня государство должно создавать благоприятные внутренние условия для развития сель-

ского хозяйства. Без активной, всесторонней и достаточной государственной поддержки всего комплекса и грамотного государственного регулирования обеспечение продовольственной безопасности страны будет практически невозможным.

В Республике Мордовия имеется потенциал сельского хозяйства, сельскохозяйственные производители региона добились значительных успехов в его развитии. Одним из факторов обеспечения таких результатов является государственная поддержка аграриев. На протяжении нескольких лет государственная поддержка в АПК приносит хорошие результаты, но существуют некоторые ограничения, которые снижают эффективность осуществляемых мер. В связи с этим данная нами высокая оценка роли и важности сельского хозяйства для экономики и социальной жизни Республики Мордовия доказывает необходимость реализации продуманной и четко скоординированной региональной аграрной политики, в том числе в форме финансовой помощи сельским товаропроизводителям. Вместе с тем угрозой для устойчивого развития этой ключевой отрасли, а значит, и экономики региона в целом выступают демографические ограничения, что делает необходимым принятие неотложных мер по закреплению населения в сельской местности и возможно только при кардинальном повышении здесь уровня жизни.

Выражаем надежду, что данная работа будет полезна для дальнейших исследований устойчивого развития сельского хозяйства Республики Мордовия.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Аджигова А. С., Канцеров Р. А., Школьников Н. Н. Государственная поддержка развития сельского хозяйства в регионе с аграрным профилем экономики // *Аграрный вестник Урала*. 2022. № 2 (217). С. 60 — 70.
2. Акмаров П. Б., Князева О. П. Оценка эффективности государственной поддержки сельского хозяйства // *Научные труды Вольного экономического общества России*. 2020. Т. 223, № 3. С. 451 — 456.
3. Аль-Байдани И. Д. А. Основные тенденции и проблемы развития АПК в Республике Мордовия // *Региональная экономика: теория и практика*. 2020. Т. 18, № 3. С. 546 — 554.
4. Беспалова Ю. Г., Липатова Л. Н. Роль сельского хозяйства в обеспечении устойчивости социально-экономического развития региона // *Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия*. 2020. № 3 (55). С. 205 — 212. URL: <http://niign.ru/nauchnie-jurnaly/vestnik-niign-3,2020.pdf>
5. Беспехотный В. Г. О разработке новой концепции государственной поддержки сельскохозяйственных предприятий // *Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий*. 2019. № 6. С. 8 — 11.
6. Большакова Ю. А., Ильичева О. В. Государственная поддержка как механизм устойчивого развития АПК // *Азимут научных исследований: экономика и управление*. 2018. Т. 7, № 1. С. 57 — 60.
7. Волынкина Е. А. Система государственной поддержки в целях развития сельского хозяйства // *Научный журнал молодых ученых*. 2021. № 2. С. 75 — 79.
8. Воробьева Е. Г. Развитие сельского хозяйства в Республике Мордовия: экономическая ретроспектива и современность // *Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия*. 2020. № 1 (53). С. 177 — 184. URL: <http://niign.ru/nauchnie-jurnaly/vestnik-niign-1,2020.pdf>
9. Утрендеева Х. Н. Сущность современных проблем государственной поддержки сельского хозяйства России // *Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки*. 2021. Т. 7, № 4. С. 291 — 298.

10. Фролова О. А., Васильева С. Ю. Формы государственной поддержки сельского хозяйства // Вестник НГИЭИ. 2011. Т. 1, № 4. С. 87 — 93.

11. Черданцев В. П. Государственная поддержка сельского хозяйства как фактор развития отрасли // Международный правовой курьер: электрон. сетевое изд. 2021. № 1. С. 83 — 88.

12. Чирская М. А., Нимченко М. В. Актуальные направления государственной поддержки сельского хозяйства в России: возможности использования мирового опыта // Тенденции развития науки и образования. 2020. № 61—7. С. 43 — 46.

Статья поступила в редакцию 26.06.2023; одобрена после рецензирования 25.08.2023; принята к публикации 01.09.2023.

Информация об авторах:

Максим Павлович Новиков, аспирант отдела региональных исследований и этнологии Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (430005, Россия, г. Саранск, ул. Л. Толстого, 3), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6454-3803>, novikoff.stlab@gmail.com

Людмила Николаевна Липатова, профессор кафедры экономики Северо-Западного института управления РАНХиГС (199178, Россия, г. Санкт-Петербург, Васильевский остров, Средний проспект, 57/43); ведущий научный сотрудник отдела региональных исследований и этнологии Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (430005, Россия, г. Саранск, ул. Л. Толстого, 3), доктор социологических наук, профессор, кандидат экономических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9357-6708>, ln.lipatova@yandex.ru

Валентина Николаевна Градусова, доцент кафедры менеджмента Северо-Западного института управления РАНХиГС (199178, Россия, г. Санкт-Петербург, Васильевский остров, Средний проспект, 57/43), кандидат экономических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0829-4555>, gradusova-vn@ranepa.ru

Вклад авторов:

Новиков М. П. — сбор данных и анализ литературы, проведение критического анализа материалов, формулирование выводов и рекомендаций, подготовка текста статьи;

Липатова Л. Н. — научное руководство, критический анализ и научное редактирование текста;

Градусова В. Н. — анализ статистической информации, интерпретация полученных результатов.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Adzhikova AS, Kantserov RA, Shkolnikova NN. Government Support for the Development of Agriculture in a Region with an Agrarian Economic Orientation. *Agrarian Bulletin of the Urals*. 2022;(2): 60—70. (In Russ.)

2. Akmarov PB, Knyazeva OP. Assessment of the Effectiveness of Government Support for Agriculture. *Scientific Works of the Free Economic Society of Russia*. 2020;223(3):451—456. (In Russ.)

3. Al-Baidani IDA. The Main Trends and Problems of the Development of the Agro-Industrial Complex in the Republic of Mordovia. *Regional Economics: Theory and Practice*. 2020;18(3):546—554. (In Russ.)

4. Bepalova YuG, Lipatova LN. The Role of Agriculture in Ensuring the Sustainability of the Social and Economic Development of the Region. *Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the*

Government of the Republic of Mordovia. 2020;(3):205—212. URL: <http://niign.ru/nauchnie-jurnaly/vestnik-niign-3,2020.pdf> (In Russ.)

5. Beshpakhotny VG. On the Development of a New Concept of Government Support for Agricultural Enterprises. *Economy of Agricultural and Processing Enterprises.* 2019;(6):8—11. (In Russ.)

6. Bolshakova YuA, Ilyicheva OV. Government Support as a Mechanism for Sustainable Development of the Agro-Industrial Complex. *Azimuth of Scientific Research: Economics and Administration.* 2018;7(1):57—60. (In Russ.)

7. Volynkina EA. System of Government Support for Agricultural Development. *Scientific Journal of Young Scientists.* 2021;(2):75—79. (In Russ.)

8. Vorobyova EG. Development of Agriculture in the Republic of Mordovia: Economic Retrospective and Modernity. *Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia.* 2020;(1):177—184. URL: <http://niign.ru/nauchnie-jurnaly/vestnik-niign-1,2020.pdf> (In Russ.)

9. Utrendeeva HN. The Essence of Current Issues of Government Support for Agriculture of Russia. *Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Legal Sciences.* 2021;7(4):291—298. (In Russ.)

10. Frolova OA, Vasilyeva SYu. Forms of Government Support for Agriculture. *Bulletin of NGIEI.* 2011;1(4):87—93. (In Russ.)

11. Cherdantsev VP. Government Support for Agriculture as a Factor in the Development of the Industry. *International Legal Courier.* 2021;(1):83—88. (In Russ.)

12. Chirskaya MA, Nimchenko MV. Actual Directions of Government Support for Agriculture in Russia: Opportunities to Use World Experience. *Trends in the Development of Science and Education.* 2020;(61—7):43—46. (In Russ.)

The article was submitted 26.06.2023; approved after reviewing 25.08.2023; accepted for publication 01.09.2023.

Information about the authors:

Maksim P. Novikov, Postgraduate Student of Department of Regional Research and Ethnology of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia (3 L. Tolstogo Str., Saransk 430005, Russia), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6454-3803>, novikoff.stlab@gmail.com

Vydmila N. Lipatova, Professor of Department of Economics of the North-West Institute of Management — Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (57/43 Sredny Avenue, Vasilevsky Island, Saint Petersburg 199178, Russia); Leading Researcher of Department of Regional Studies and Ethnology of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia (3 L. Tolstogo Str., Saransk 430005, Russia), Doctor of Sociological Sciences, Professor, Candidate of Economic Sciences, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9357-6708>, ln.lipatova@yandex.ru

Valentina N. Gradusova, Associate Professor of Management Department of the North-West Institute of Management — Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (57/43 Sredny Avenue, Vasilevsky Island, Saint Petersburg 199178, Russia) Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0829-4555>, gradusova-vn@ranepa.ru

Contribution of the authors:

Novikov M. P. — data collection and literature analysis, critical analysis of materials, formulation of conclusions and recommendations, preparation of the text of the article;

Lipatova L. N. — scientific guidance, critical analysis and scientific editing of the text.

Gradusova V. N. — analysis of statistical information, interpretation of the results obtained.

Conflict of interests: the authors declare no conflict of interests.

The authors have read and approved the final version of the manuscript.

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ HISTORICAL SCIENCES AND ARCHAEOLOGY

УДК 229.5+378
EDN RIZQUK

<http://vestnikniign.ru>

Научная статья

БИОГРАФИЯ ПОПЕЧИТЕЛЯ ОРЕНБУРГСКОГО УЧЕБНОГО ОКРУГА Н. А. БОБРОВНИКОВА В ДОКУМЕНТАХ ОТДЕЛА РУКОПИСЕЙ И РЕДКИХ КНИГ НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ КАЗАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Г. Э. Рафикова

Институт Татарской энциклопедии и регионоведения Академии наук
Республики Татарстан
Казань, Россия
grafikova@mail.ru

Аннотация

Введение. В Отделе рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н. И. Лобачевского Казанского федерального университета хранится генеалогическое исследование М. Н. Петровской, внучки профессоров Н. А. Бобровникова (1854 — 1921) и М. П. Петровского (1833 — 1912), составленное в 1990 — 1996 гг. и переданное ею Казанскому университету в 1996 г. Одна из частей рукописи посвящена биографии попечителя Оренбургского учебного округа Н. А. Бобровникова.

Материалы и методы. Исследование выполнено на основе широкого круга рукописных и печатных источников. Оно базируется на научных принципах историзма, объективности и системности. Автором были продуктивно применены системный и сравнительно-сопоставительный методы, а также метод контент-анализа. Их использование способствовало успешной реализации исследовательского замысла.

Результаты исследования и их обсуждение. В статье автор на основе рукописей и источников из фондов Казанского университета реконструировал биографию Н. А. Бобровникова, уделив особое внимание его деятельности в должности попечителя Оренбургского учебного округа.

Заключение. Вклад Н. А. Бобровникова в дело развития народного образования инородческого населения Российской империи весьма значительный. Его деятельность на должности попечителя Оренбургского учебного округа способствовала повсеместному развитию начального образования, открытию как мужских, так и женских гимназий и училищ, в основном технической и ремесленной направленности.

Ключевые слова: Н. А. Бобровников, биография, Оренбургский учебный округ, попечитель учебного округа, народное образование

© Рафикова Г. Э., 2024

Для цитирования: Рафикова Г. Э. Биография попечителя Оренбургского учебного округа Н. А. Бобровникова в документах отдела рукописей и редких книг научной библиотеки Казанского университета // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2024. Т. 16. № 1. С. 52 — 60. EDN RIZQUK

Original article

**BIOGRAPHY OF THE TRUSTEE OF THE BOBROVNIKOV
ORENBURG ACADEMIC DISTRICT
IN THE DOCUMENTS OF THE DEPARTMENT
OF MANUSCRIPTS AND RARE BOOKS OF THE SCIENTIFIC
LIBRARY OF KAZAN UNIVERSITY**

G. E. Rafikova

Institute of Tatar Encyclopedia and Regional Studies of the Tatarstan Academy of Sciences,
Kazan, Russia
grafikova@mail.ru

Abstract

Introduction. The Department of Manuscripts and Rare Books of the N. I. Lobachevsky Scientific Library of Kazan Federal University contains a genealogical study of M. N. Petrovskaya, the granddaughter of professors N. A. Bobrovnikov (1854 — 1921) and M. P. Petrovsky (1833 — 1912), compiled in 1990 — 1996 and transferred by her to Kazan University in 1996. One of the parts of the manuscript is devoted to the biography of the trustee of the Bobrovnikov Orenburg Academic District.

Materials and methods. The research was carried out on the basis of a wide range of handwritten and printed sources. It is based on the scientific principles of historicism, objectivity and consistency. The author productively applied systematic and comparative methods, as well as the method of content analysis. Their use contributed to the successful implementation of the research plan.

Results and discussion. In this article, the author reconstructs the biography of N. A. Bobrovnikov on the basis of manuscripts and literature from the funds of Kazan University, paying special attention to his activities as a trustee of the Orenburg Academic District.

Conclusion. The contribution of N. A. Bobrovnikov to the development of public education of the foreign population of the Russian Empire is very significant. His activity as a trustee of the Orenburg Academic District contributed to the opening of both male and female gymnasiums and colleges, especially technical and craft-oriented; primary education also received widespread development.

Keywords: N. A. Bobrovnikov, biography, the Orenburg Academic District, trustee of the Academic District, public education

For citation: Rafikova GE. Biography of the Trustee of the Bobrovnikov Orenburg Academic District in the Documents of the Department of Manuscripts and Rare Books of the Scientific Library of Kazan University. *Bulletin of the Research Institute of Humanities under the Government of the Republic of Mordovia.* 2024;16(1):52—60. EDN RIZQUK

Введение

В Отделе рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н. И. Лобачевского Казанского федерального университета (ОРПК НБЛ КФУ) хранится исследование о семейной генеалогии, составленное М. Н. Петровской, внучкой профессоров Казанского университета Н. А. Бобровникова и М. П. Петровского. Рукопись состоит

из четырех томов. Наиболее интересен первый том, представляющий собой машинописный текст и описывающий биографии предков автора. Второй и третий тома содержат ксерокопии архивных документов и справок, документов личного и семейного архивов, а также машинописные выписки с основаниями из печатных изданий, ксерокопии страниц печатных изданий и справочников. Четвертый том — это инвентарная книга личной библиотеки М. П. и Н. П. Петровских, переданная в МГУ в 1930 г. Каждый том помимо основного текста содержит перечень использованных материалов (книг, статей, архивных документов), а также именную указатель и список сокращений [3].

Особое внимание в рукописи М. Н. Петровская уделила семье своей матери, урожденной Екатерины Николаевны Бобровниковой, в том числе деду Николаю Алексеевичу Бобровникову — наиболее деятельному и известному представителю семьи.

Материалы и методы

Основным источником для исследования послужили архивные документы из фондов библиотеки Казанского федерального университета. В ходе работы были использованы описательно-повествовательный, биографический и ретроспективный методы. В совокупности они позволили воссоздать биографию Н. А. Бобровникова, выделив основные этапы его жизни.

Обзор литературы

Биография и научная деятельность Бобровниковых в дореволюционной историографии отражены преимущественно в изданиях справочного характера, таких как «Русский биографический словарь»¹, «Критико-биографический словарь русских писателей и ученых» С. В. Венгерова², «Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона»³. В литературе советского периода биография и деятельность Н. А. Бобровникова в области народного просвещения отражена фрагментарно.

Результаты исследования и их обсуждение

Отец Николая Алексеевича Бобровникова — Алексей Александрович — происходил из семьи иркутского священника, миссионера Александра Ильича Бобровникова (1794 — 1834/35). Его матерью была «крещеная девка из Косой степи» (Ольхонский район Иркутской области). Предположительно мать Александра Ильича и жена были бурятками, отсюда прекрасное знание монгольского языка в семье⁴. Перу Александра Ильича принадлежала первая написанная в России монгольская грамматика⁵. По поручению Святейшего синода он перевел на монгольский язык 4 евангелия и служебники⁶ [5, с. 131].

¹ Русский биографический словарь. СПб., 1908. Т. 3. С. 118 — 119.

² Венгеров С. В. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. СПб., 1895. Т. 4. С. 22 — 28.

³ Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб. 1891. Т. 4. С. 132.

⁴ ОРРК НБЛ КФУ (Отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н. И. Лобачевского Казанского федерального университета). Ед. хр. 10007. Л. 221, 224.

⁵ Бобровников А. Грамматика монгольского языка, сочиненная протоиереем Иркутской епархии Александром Бобровниковым. СПб., 1835. 127 с.

⁶ Венгеров С. В. Указ. соч.

Алексей Александрович (1822 — 1865) также был священником. После окончания Иркутской семинарии как один из лучших выпускников он был отправлен в Казань в открытую в 1842 г. Казанскую духовную академию⁷. Здесь Алексей был единственным учеником, владевшим монгольским языком, в связи с чем руководство академии оказывало ему непосредственное содействие: для него приобретались книги и учебники на монгольском языке, кроме того, Бобровникову было разрешено слушать лекции в университете⁸. По окончании академии Алексей Александрович остался в ней преподавать монгольский язык, также ему было поручено составление калмыцкой грамматики. Для знакомства с языком в 1846 г. он был командирован в калмыцкие степи. Несмотря на краткосрочность поездки (3 месяца), ему удалось собрать достаточное количество материала и в 1849 г. издать «Граматику монгольско-калмыцкого языка»⁹. В 1850 г. труд был удостоен Демидовской премии Академии наук¹⁰[2].

Тяжелое материальное положение вынудило Алексея Александровича в 1855 г. принять предложение востоковеда В. В. Григорьева, который был тогда председателем Оренбургской пограничной комиссии, поехать на службу в Оренбург на должность попечителя киргизов Орской крепости, а затем советника счетного отделения областного управления оренбургских киргизов¹¹. Единственную радость в службе ему доставляло общение с В. В. Григорьевым и Н. И. Ильминским. Последний в 1858 — 1861 гг. служил в Оренбургской пограничной комиссии.

Дружбе семей Бобровниковых и Ильминских следует уделить особое внимание. Алексей Александрович и Николай Иванович были не только сокурсниками, коллегами, единомышленниками, но и близкими друзьями. После смерти А. А. Бобровникова в 1865 г. Н. И. Ильминский в связи с тяжелым материальным положением вдовы Натальи Моисеевны по ее просьбе взял на воспитание трех младших детей: Николая, Александра и Екатерину, старшая Клавдия осталась проживать с матерью. Своих детей у Ильминского не было, поэтому приемные дети стали родными для просветителя: он их поддерживал на протяжении всей жизни. В частности, Екатерину Алексеевну Ильминский выдал замуж за своего ученика — чувашского просветителя и православного миссионера И. Я. Яковлева (1848 — 1930) [4]. Николай Алексеевич, овдовевший в 1889 г. и тяжело переживавший смерть супруги, вернулся в дом Ильминского и прожил там вплоть до смерти Николая Ивановича (1891 г.)¹².

Николай Алексеевич родился в 1854 г. в Казани, затем семья переехала в Оренбург, вернувшись в Казань только в 1866 г., после смерти отца. В 1872 г. Н. А. Бобровников окончил Первую казанскую мужскую гимназию, в 1877 г. — физико-математический факультет Казанского университета. Весной 1877 г. он поступил на

⁷ ОРРК НБЛ КФУ. Ед. хр. 10007. Л. 236 — 237.

⁸ Там же. Л. 241.

⁹ Грамматика монгольско-калмыцкого языка: Соч. Алексея Бобровникова, бакалавра Казан. духов. акад. Казань, 1849. 400 с.; ОРРК НБЛ КФУ. Ед. хр. 10007. Л. 247, 250.

¹⁰ Русский биографический словарь. С. 118 — 119; Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. С. 132.

¹¹ ОРРК НБЛ КФУ. Ед. хр. 10007. Л. 260 — 261.

¹² Там же. Л. 275, 292.

военную службу, которую проходил в Казани, получив чин прапорщика¹³. В июне 1878 г. по болезни был уволен в отставку и стал работать преподавателем математики и физики в Казанской учительской семинарии, которую возглавлял Н. И. Ильминский (учреждена в 1864 г.) [1, с. 386 — 391]. Будучи студентом он познакомился с А. В. Эверс, на которой женился в 1878 г. Первый их сын умер младенцем, а дочь Екатерина родилась только в 1886 г.¹⁴ Вскоре в 1888 г. от чахотки умерла А. Эверс. Н. А. Бобровников был вынужден отдать дочь на воспитание своей сестре Е. А. Яковлевой.

После смерти Н. И. Ильминского по ходатайству последнего Н. А. Бобровников в начале 1892 г. был назначен директором Казанской учительской семинарии, где проработал до 1906 г.

В 1893 г. Николай Алексеевич женился на Варваре Ниловне Карцевой — дочери генерала. На приданое жены он купил небольшое имение в с. Шармаши Лаишевского уезда Казанской губернии¹⁵. Это самый плодотворный и обеспеченный период в его жизни. Бобровников получал жалование в учительской семинарии, Родионовском институте, имел казенную квартиру и доходное имение. Он много путешествовал, выступал на съездах учителей, писал и издавал труды по педагогике и инородческому образованию. В браке родились две дочери, но жизнь их была короткой.

Одним из значимых событий для Бобровникова стало «Особое совещание по вопросам образования восточных инородцев», которое открылось 10 мая 1905 г. в Петербурге. Оно было организовано Министерством народного просвещения с целью разработки общей системы начального образования инородцев. На пленарных заседаниях обсуждался вопрос оценки школьной системы Н. И. Ильминского. Одну из 6 секций «Организация заведования всеми видами русско-инородческих школ» возглавил Бобровников. На открытии заседания он выступил с докладом «К вопросу об отношении Н. И. Ильминского к образованию инородцев», основной задачей которого было продвижение наследия педагога-миссионера. Совещание продолжалось месяц. Николай Александрович активно участвовал в заседаниях секций, докладательством этого явились 8 опубликованных статей.

Совещание повлияло и на личную жизнь Бобровникова. Именно тогда он окончательно решил развестись с В. Н. Карцевой. Причина — Софья Васильевна (1867 — 1918), дочь дипломата В. Н. Чичерина (1829 — 1882), сестра будущего Наркома иностранных дел Советской России Г. В. Чичерина (1872 — 1936). С Чичериной Бобровников познакомился в 1902 г., но развитие отношения получили только в 1905 г., когда она на совещании активно поддерживала позицию Бобровникова. Бракоразводный процесс завершился в 1907 г. Осенью того же года состоялось бракосочетание Николая Алексеевича и Софьи Васильевны.

13 января 1906 г. Бобровников был назначен попечителем Оренбургского учебного округа. К тому времени он имел чин действительного статского советника, что

¹³ ОРРК НБЛ КФУ. Ед. хр. 10007. Л. 287, 289.

¹⁴ Там же. Л. 291.

¹⁵ Там же. Л. 294.

давало право на потомственное дворянство. Он переехал в Уфу, где размещалась канцелярия округа. Территория округа охватывала Оренбургскую, Пермскую и Уфимскую губернии, Уральскую и Тургайскую области. В подчинении были народные, реальные и промышленные училища (технические, горные и горнозаводские), учительские семинарии и инородческие учительские школы.

Николай Алексеевич был назначен попечителем после революции 1905 г., тогда был создан либеральный кабинет министров. Волной либерализма был поставлен вопрос о всемерном развитии образования, чему был привержен Бобровников: сложная программа развития среднего и начального образования стояла перед Оренбургским округом, где должна была развиваться грамотность вообще и русская в частности. Во всех конфессиональных школах вводилось обучение русскому языку. Особое внимание уделялось развитию школ начального образования. Нужно учитывать, что предшествовавшая данной должности деятельность Бобровникова была связана с православным миссионерством, а район в его подчинении был в основном с мусульманским населением, поэтому мусульманское духовенство было против развития просвещения и русского образования, особенно в киргизской степи. В связи с этим против Бобровникова была мобилизована пресса, которая мало разбиралась в вопросах образования, стали поступать анонимные письма и угрозы. Однако Бобровников продолжал свою деятельность. Весной 1907 г. он лично участвовал в проведении учительских курсов и совещаний в начальных школах Тургайской и Уральской областей. Управление Ташкентской железной дороги предоставило вагон для лиц, проводивших эти совещания. Его отцепляли на определенных станциях. Совещания провели в Челкаре, Калмак-Кыргане, Темире, Актюбинске и в ряде других населенных пунктов, расположенных далеко от железной дороги — 100 и более км. На местах знакомились с учащимися, вникая в экономику и культуру края. Совещания проходили в простой, дружеской обстановке. Интересно посещение Бобровниковым в 50 км от станции Челкар кочевья имама Мурзагула, у которого Николай Алексеевич ел бишбармак и слушал домбриста, сочинившего песни во славу гостей¹⁶. Собранный в этой поездке материал способствовал составлению предложений по всеобщему начальному обучению в плане ближайших 10 лет.

4 июня 1908 г. Н. А. Бобровников неожиданно был снят с должности попечителя. Идеи либерализма после принятия «Высочайшего манифеста об усовершенствовании государственного порядка» (17 октября 1905 г.) к концу 1907 г. померкли, а к 1908 г. уже окончательно расцвела реакция. Благие намерения по развитию просвещения потеряли значимость и постепенно отошли на задний план. Естественно, что в таких условиях Бобровников с его демократическими взглядами и стремлением ко всеобщему обязательному образованию на посту предводителя огромного учебного округа с развивающейся промышленностью оказался не нужен¹⁷.

Однако пребывание Николая Алексеевича на посту попечителя Оренбургского учебного округа, хотя и не было длительным, но было весьма плодотворным, так

¹⁶ ОРРК НБЛ КФУ. Ед. хр. 10007. Л. 313.

¹⁷ Там же. Л. 314 — 315.

как на подведомственных округу территориях быстро начало расти число гимназий и училищ, как мужских, так и женских. Общее их количество к 1 января 1909 г. выросло по сравнению с 1905 г. на четверть. Повсеместное развитие получило начальное образование, открывались мужские и женские гимназии и училища в основном технической и ремесленной направленности.

Следующий период жизни Н. А. Бобровникова связан с Петербургом, с работой в качестве члена Совета Министерства народного просвещения (1909 — 1917 гг.). В 1910 г. он участвовал в межведомственном совещании при МВД по инородческому вопросу, совершил поездку в Ташкент для изучения состояния обучения русскому языку в среднеазиатских школах.

Тревожный 1917 г. застал семью Бобровниковых в Петербурге, где перенесшей инсульт в октябре 1910 г. Софье Васильевне в марте 1917 г. была сделана операция. Летом 1917 г. семья перебралась в имение в с. Шармаши Казанской губернии, но и оттуда в октябре из-за начавшихся погромов была вынуждена уехать в Казань.

В мае 1917 г. в Казани состоялся первый съезд мелких народностей Поволжья, на котором председательствовал Н. А. Бобровников. В Российской государственной библиотеке сохранилась рукопись Н. А. Бобровникова от 24 октября 1918 г. о результатах съезда¹⁸. В ней говорится, что решения съезда не осуществлены из-за беспорядка, царившего в Министерстве народного просвещения¹⁹.

Летом 1918 г. Казань была взята мятежным Чехословацким корпусом. Когда к городу подошла Красная армия, наслышанная о зверствах красных интеллигенция спешно покинула город. Незадолго до этих событий Бобровников написал и издал ряд брошюр, которые могли быть истолкованы не в его пользу, поэтому он решил уехать в Чистополь под предлогом участия в учительском съезде. Он остановился у одного из организаторов съезда, но заболел и попал в больницу, а по выходе из нее был арестован. Около 3 недель Бобровников провел в тюрьме под угрозой расстрела²⁰. О серьезности угрозы его жизни свидетельствует письмо А. А. Шахматову от 22 декабря 1918 г., в котором Николай Алексеевич писал, что его бывшая жена В. Н. Карцева «была расстреляна за то, что держала корректуру моей брошюры»²¹. М. Н. Петровская предполагает, что его освобождение связано с личной телеграммой В. И. Ленина, к которому могли обратиться организаторы съезда. Сохранились письма Бобровникова И. Я. Яковлеву, где он упоминает знакомство с И. Н. Ульяновым — директором народных училищ Симбирской губернии²². Возможно, и этот факт сыграл свою роль.

14 (27) февраля 1918 г. умерла С. В. Чичерина. Н. А. Бобровников в письме к А. А. Шахматову писал: «Вчера я схоронил Соню. Скончалась она после тяжелого припадка астмы. До последней минуты Соня сохраняла сознание; еще накануне смерти она писала и читала. Гибель родины, измена ей брата глубоко волновали

¹⁸ ОРРК НБЛ КФУ. Ед. хр. 10007. Л. 321.

¹⁹ Там же. Ед. хр. 10009. Л. 13.

²⁰ Там же. Л. 13.

²¹ Там же. Ед. хр. 10007. Л. 324.

²² Там же. Л. 324.

Соню и ускорили ее кончину. Удары судьбы на нее лично Соня перенесла мужественно: гибель имения, безобразное разграбление его и аннулирование ее капитала она почти не замечала. Плакала лишь при получении извещения о сожжении дома много спустя после разгрома, и то как о гибели культурного гнезда, откуда Соней было сделано так много добра»²³.

В конце 1918 г. возобновились заседания Общества археологии, истории и этнографии, в 1919 г. Бобровников был избран на них товарищем председателя и председателем востоковедческой комиссии общества. Летом 1919 г. его пригласили для организации в Ключищах сельскохозяйственных курсов, но они вскоре закрылись, и к осени 1920 г. Бобровников вернулся в Казань, где устроился преподавать математику в городскую школу для взрослых. В этот период жизни он часто недоодал и болел. Зимой 1921 г. он простудился и умер от воспаления легких.

Заключение

Биография Н. А. Бобровникова является образцом истинного научного служения Родине и делу развития народного образования. Его деятельность в должности попечителя Оренбургского учебного округа способствовала развитию всеобщего начального образования, открытию в подведомственном ему округе новых гимназий и училищ.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Болгарский Б. В. Казанская школа математического образования (в характеристиках ее главнейших деятелей): дис. ... д-ра пед. наук. Казань. 1955. 482 с.
2. Петров Л. А. Исследователь буддизма (к 150-летию со дня рождения А. А. Бобровникова) // Сибирь. 1972. № 3. С. 73 — 77.
3. Рафикова Г. Э. Опыт семейного генеалогического исследования: родословная профессоров Н. А. Бобровникова и Н. М. Петровского // Гасырлар авазы — Эхо веков. 2018. № 2. С. 187 — 195.
4. Рафикова Г. Э. Чувашский просветитель И. Я. Яковлев и его «казанская» биография // Проблемы просвещения, истории и культуры сквозь призму этнического многообразия России (к 170-летию чувашского просветителя И. Я. Яковлева): материалы Всерос. науч. конф. (Чебоксары, 14 — 15 мая 2018 г.) / редкол.: О. Н. Широков [и др.]. Чебоксары: ИД «Среда», 2018. С. 116 — 119.
5. Шаракшинова Н. Монголовед Алексей Бобровников // Байкал. 1988. № 3. С. 131 — 136.

Статья поступила в редакцию 01.11.2023; одобрена после рецензирования 09.01.2024; принята к публикации 12.01.2024.

Информация об авторе:

Гульнара Эрнстовна Рафикова, ведущий научный сотрудник Института Татарской энциклопедии и регионоведения Академии наук Республики Татарстан (420115, Россия, г. Казань, ул. Пушкина, 56), кандидат исторических наук, ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-8569-1397>, grafikova@mail.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

²³ ОРПК НБЛ КФУ. Ед. хр. 10009. Л. 12.

REFERENCES

1. Bolgarsky BV. Kazan School of Mathematical Education: In the Characteristics of Its Main Figures. Dis. ... Dr. of Ped. Sci. Kazan;1955. (In Russ.)
2. Petrov LA. Researcher of Buddhism (to the 150th Anniversary of the Birth of A. A. Bobrovnikov). *Siberia*. 1972;(3):73—77. (In Russ.)
3. Rafikova GE. Experience of Family Genealogical Research: Pedigree of Professors N. A. Bobrovnikov and N. M. Petrovsky. *Gasyrlar Avaza — Echo of Centuries*. 2018;(2);187—195. (In Russ.)
4. Rafikova GE. The Chuvash Educator I. Ya. Yakovlev and His Kazan Biography. *Problems of Enlightenment, History and Culture through the Prism of Ethnic Diversity of Russia (to the 170th Anniversary of the Chuvash Educator I. Ya. Yakovlev)*. Proceedings of the All-Russian Scientific Conference. Cheboksary;2018:116—119. (In Russ.)
5. Sharakshinova N. Mongolologist Alexey Bobrovnikov. *Baikal*. 1988;(3):131—136. (In Russ.)

The article was submitted 01.11.2023; approved after reviewing 09.01.2024; accepted for publication 12.01.2024.

Information about the authors:

Gulnara E. Rafikova, Leading Researcher of the Institute of Tatar Encyclopedia and Regional Studies of the Tatarstan Academy of Sciences (56 Pushkina Str., Kazan 420115, Russia), Candidate of Historical Sciences, ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-8569-1397>, grafikova@mail.ru

Conflict of interest: the author declares no conflict of interests.

The author has read and approved the final version of the manuscript.

УДК 2.28.282/283
EDN KXGMIB

<http://vestnikniign.ru>

Научная статья

ДИНАМИКА ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНОГО СОСТАВА НАСЕЛЕНИЯ КАЗАНСКОЙ И СИМБИРСКОЙ ГУБЕРНИЙ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Н. Н. Петренко

Чувашский государственный университет им. И. Н. Ульянова,
г. Чебоксары, Россия
PetrenkoNNchki@gmail.com

Аннотация

Введение. Казанскую и Симбирскую губернии всегда отличало этноконфессиональное многообразие. Здесь сосуществовали и взаимодействовали различные религиозные конфессии и деноминации — православие, ислам, католицизм, протестантизм (в том числе меннонитство), иудаизм, а также распространялись сектантские и языческие верования. Самым богатым на изменения религиозного состава этого региона стал XIX в., под занавес которого была проведена Первая всероссийская перепись населения. Цель статьи — проанализировать результаты переписи населения 1897 г. в контексте религиозного состава Среднего Поволжья и соотнести эти данные с памятными книгами второй половины XIX в. для отражения динамики.

Материалы и методы. Статья основана на анализе научных публикаций и документальных материалов. Важными источниками явились материалы Первой всероссийской переписи, справочные и периодические издания. Теоретические обобщения и выводы сделаны с применением хронологического и типологического методов, институционального, культурно-антропологического и статистического подходов.

Результаты исследования и их обсуждение. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. содержит статистические данные, позволяющие составить полноценную этноконфессиональную картину регионов страны в конце XIX в. Также результаты переписи при сопоставлении с информацией из памятных и справочных книг губерний позволяют отследить динамику численности местного населения. В контексте Казанской и Симбирской губерний можно применить общегосударственные тенденции: увеличение численности населения и переселенцев, распространение менее традиционных для региона религиозных течений — протестантизма, католичества, иудаизма и др. Общий же процент подобного рода движений очень невелик, однако во второй половине XIX в. он неуклонно растет, создавая крайне богатую поликонфессиональную религиозную мозаику средневожского региона.

Заключение. В статье показана динамика этноконфессионального состава населения Казанской и Симбирской губерний в эпоху буржуазных реформ. Данные, полученные в ходе работы, помогают понять характер этнокультурных коммуникаций на современном этапе.

Ключевые слова: религия, этнос, религиозная политика, буржуазные реформы, Казанская губерния, Симбирская губерния, православные, протестанты, католики, мусульмане, иудеи, традиционные верования, церковь

Для цитирования: Петренко Н. Н. Динамика этноконфессионального состава населения Казанской и Симбирской губерний во второй половине XIX в. // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2024. Т. 16, № 1. С. 61 — 72. EDN KXGMIB

© Петренко Н. Н., 2024

Original article

DYNAMICS OF ETHNO-CONFESSIONAL COMPOSITION OF THE POPULATION OF THE KAZAN AND SIMBIRSK GUBERNIAS IN THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY

N. N. Petrenko

Ulianov Chuvash State University,

Cheboksary, Russia

PetrenkoNNchki@gmail.com

Abstract

Introduction. The Kazan and Simbirsk gubernias have always been distinguished by their ethno-confessional diversity. Various religious confessions and denominations actively coexisted and interacted here: Orthodoxy, Islam, Catholicism, Protestantism, Mennonism, Judaism, as well as many sectarian and folk beliefs. The richest in changes in the religious composition of this region was the XIX century, towards the end of which the First All-Russian Population Census was carried out. The purpose of this article is to analyze the results of the 1897 population census in the context of the religious composition of the Middle Volga region and to correlate these data with memorable books of the previous decades of the second half of the XIX century. To reflect the dynamics of changes in the religious composition of the region.

Materials and methods. This article is based on the analysis of scientific publications and documentary materials. Important sources of work were the materials of the First All-Russian Census, reference works and periodicals. Theoretical generalizations and conclusions are made using chronological, typological methods, institutional, cultural-anthropological and statistical approaches.

Results and discussion. The first general population census of the Russian Empire, published in 1897, contains statistical data that makes it possible to compile a complete ethno-confessional picture of the country's regions at the end of the XIX century. Also, the results of the census, when compared with information from the memory and reference books of the provinces, allow us to track the dynamics of changes in the local population. In the context of the Kazan and Simbirsk gubernias, nationwide trends can be applied: an increase in the population, an increase in the number of immigrants, the spread of religious movements less traditional for the region: Protestantism, Catholicism, Judaism and others. The overall percentage of such movements is very small; however, in the second half of the XIX century, it is steadily growing, creating an extremely rich multi-confessional religious mosaic of the Middle Volga region.

Conclusion. This article shows the dynamics of the ethno-confessional composition of the population of the Kazan and Simbirsk gubernias in the era of bourgeois reforms. The data obtained in the course of the work helps to understand the nature of ethno-cultural communications at the present stage.

Keywords: religion, ethnoses, religious policy, bourgeois reforms, the Kazan gubernia, the Simbirsk gubernia, Orthodox, Protestants, Catholics, Muslims, Jews, traditional beliefs, church

For citation: Petrenko NN. Dynamics of Ethno-Confessional Composition of the Population of the Kazan and Simbirsk Gubernias in the Second Half of the XIX Century. *Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia*. 2024;16(1):61—72. EDN KXGMIB

Введение

В истории средневожского региона религиозное многообразие всегда играло заметную и важную роль, так как помимо традиционных православия и ислама, здесь начиная со второй половины XVII в. получают распространение западнохристианские конфессии и деноминации — католичество, лютеранство, кальвинизм,

меннонитство и др. На протяжении XVIII — XIX вв. они непосредственно влияют на религиозную картину региона, создавая общины, возводя культовые сооружения и распространяя свое учение по городам и деревням, заставляя представителей традиционных религиозных общин выстраивать полноценный диалог.

Материалы и методы

Для изучения религиозной картины Казанской и Симбирской губерний были привлечены архивные документы из фондов Российского государственного исторического архива (ф. 796. Канцелярия Синода), Государственного архива Республики Татарстан (ф. 1. Канцелярия Казанского губернатора; ф. 4. Казанская духовная консистория; ф. 199. Казанское губернское жандармское управление), статистические данные ревизий, материалы Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., правовые акты (Полное собрание законов Российской империи. Собрания первое (1649 — 1825) и второе (1825 — 1881); Свод законов Российской империи издания 1857 г.), сведения из справочных и памятных книг Казанской и Симбирской губерний с 1860-х по 1890-е гг. Многообразие привлеченных источников позволяет решить намеченные задачи.

В ходе работы применялись хронологический и типологический методы, были задействованы институциональный, культурно-антропологический и статистический подходы.

Обзор литературы

Среди авторов XVIII в., которые изучали или хотя бы описывали поставленные в статье вопросы, особо можно выделить Д. В. Цветаева [13], Т. И. Буткевича [1], И. Соколова [10] и М. Е. Красножена [5]. В своих публикациях они давали характеристику нетрадиционным религиозным течениям, бурно развивавшимся на территории страны в целом и Среднего Поволжья в частности. В XIX в. вопросы взаимодействия государства и церкви с нетрадиционными религиозными течениями получили освещение в работах Ю. Ф. Самарина [9], Д. А. Толстого [12]. В советской историографии в условиях господства атеистической идеологии религиозная тематика была представлена поверхностно. Публикации, как правило, содержали сведения общего характера о неправославных конфессиях и деноминациях в России.

На современном этапе этноконфессиональные процессы рассматриваются более комплексно, в том числе вопросы об отделившихся от традиционного западного протестантизма, молоканства, штундизма и баптизма. Исследования Ю. П. Зуева [3], Е. Е. Князевой и Г. Ф. Соколовой¹, О. А. Лиценбергер², О. В. Курило [6], М. Неволина³ предлагают новые концептуальные подходы к рассмотрению взаимодействия православия с другими христианскими и иными религиозными структурами на территории средневожских губерний в XVIII — XIX вв. Конфессиональную политику царизма в отношении неправославных христиан Поволжья и Приуралья

¹ Князева Е. Е., Соколова Г. Ф. Лютеранские церкви и приходы в России XVIII — XX вв.: ист. справ. СПб., 2001. Ч. 1. 296 с.

² Лиценбергер О. А. Роль лютеран в Российской истории // Церковь Ингрии. 2003. Декабрь, № 3 — 4 (47 — 48). С. 13 — 15.

³ Неволин М. Самоидентификация российского протестантизма // Мирт. 2006. № 3 (53). С. 79 — 82.

исследовали Я. Е. Дитц [2], А. А. Машковцев [7; 8], Л. А. Таймасов [11] и др. Таким образом, сегодня имеется достаточная научно-теоретическая база для дальнейшего изучения этноконфессиональных коммуникаций в Волго-Уральском регионе.

Результаты исследования и их обсуждение

Первая всеобщая перепись населения Российской империи была проведена 9 февраля (28 января по старому стилю) 1897 г. Ее инициатором и руководителем стал известный русский ученый и государственный деятель П. П. Семёнов-Тян-Шанский, который возглавлял Центральный статистический комитет при Министерстве внутренних дел [4, с. 34].

Перепись представляет собой, по сути, единственный источник достоверных данных о численности и составе населения России конца XIX в. В ходе нее учитывались три категории населения: наличное, оседлое (постоянное) и приписное. Разработка данных велась в основном по наличному населению. Использовались три формы переписных листов: форма А (для крестьянских хозяйств сельских обществ), форма Б (для владельческих хозяйств и частных домов и дворов внутри селений), форма В (для городских жителей). Программа переписи включала в себя социально-демографические характеристики опрашиваемых.

По данным переписи, численность Российской империи в 1897 г. составляла 125 680 682 чел., из них 13 % проживали в городах. Доля мужского населения — 49 %, женского — 51 %. Из числа населения в возрасте от 9 до 49 лет доля грамотных (умеющих читать и писать или только читать) составляла 29,6 %⁴.

Казанская и Симбирская губернии были одними из самых крупных европейских губерний Российской империи по общему числу населения: перепись фиксирует в этих регионах 3 698 513 чел. (2 170 665 — в Казанской губернии и 1 527 848 — в Симбирской губернии)⁵.

Население Казанской губернии планомерно и поступательно увеличивалось: в ежегодных памятных губернских книгах, где содержится большое количество статистической информации о населении региона, указываются актуальные значения (в том числе по полу, народностям и религиозным воззрениям). В 1862 г. в Казанской губернии насчитывалось 1 574 142 чел., в 1869 г. уже 1 663 926 чел., а спустя два десятилетия, в 1889 г. губернию населяли 2 140 665 чел. Динамика роста населения в Симбирской губернии была менее значительной: в 1858 г. там проживало 1 140 973 чел., в 1869 г. уже 1 192 510 чел., а в конце 1880-х гг. регион населяли 1 579 845 жителей. Материалы переписи населения 1897 г. показывают, что губерния потеряла несколько десятков тысяч активных жителей⁶.

Таким образом, общий объем населения средневожского региона за вторую половину XIX в. вырос почти на 1 млн чел. Причины положительной динамики следующие: миграционная политика внутри регионов, где большие массы населения

⁴ Общий свод по Империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г.: в 2 т. СПб., 1905. Т. 1. С. 29.

⁵ Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 14. Казанская губерния. М., 1903. С. IV; Т. 39. Симбирская губерния. М., 1904. С. III.

⁶ Памятная книжка Казанской губернии на 1889/90 год: в 2 ч. Казань, 1890. Ч. 2. С. 16 — 17; Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 14. С. IV — V; Т. 39. С. III.

переселялись из других городов с целью трудоустройства, активные миграции из Польши, Германии и Голландии, буржуазные реформы и т. д. Многонациональный состав населения Казанской и Симбирской губерний привел к сосредоточению и распространению здесь различных религиозных течений [7].

Национальный состав губерний во второй половине XIX в. претерпевал изменения. Основным этносом в регионе были русские, составлявшие около 43 % населения. В Казанской губернии в начале 1860-х гг. за русскими следовали татары (27 %) и чуваша (21 %), численно значительно превосходившие другие народы. Численность марийцев равнялась 5,6 %, мордвы — 1,2, удмуртов — 0,5, остальные народности в тот период составляли 0,5 %⁷.

По результатам переписи 1897 г. соотношение народностей несколько изменилось: процент русского населения сократился до 38,4 %, татарское население выросло до 31,12, чуваша составили 23,13, прибавив в численности, черемисы — 5,65, мордва — 1,02, удмурты — 0,45 %. Также по результатам переписи выделяются в отдельные группы поляки, немцы и евреи. Их насчитывалось 1,0 — 1,5 тыс. чел., что составляло очень маленький процент, однако в памятных книгах предыдущих десятилетий данных о численности этих народностей нет. Городское население в основном состояло из русских (77 %), татар (19 %). Остальные народы в них представлены в незначительных числах⁸.

Общую динамику национального состава в Казанской губернии во второй половине XIX в. можно проследить в табл. 1 (здесь и далее в статье таблицы авторские на базе данных Первой Всеобщей переписи населения Российской империи (т. 14, 39) и памятных книжек Казанской и Симбирской губерний).

Таблица 1. Динамика национального состава в Казанской губернии
во второй половине XIX в.

Table 1. National composition dynamics of the Kazan gubernia
in the second half of the XIX century

Националь- ность	1862		1869		1889		1897	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
Русские	676 112	43,5	682 758	41,0	864 829	40,40	833 340	38,40
Татары	423 968	27,4	478 938	28,7	661 465	30,90	675 419	31,10
Чуваши	330 836	21,2	372 828	22,4	458 102	21,40	502 042	23,10
Черемисы	86 792	5,6	101 680	6,1	109 174	5,10	122 717	5,60
Мордва	18 108	1,2	18 381	1,1	23 547	1,10	22 187	1,00
Удмурты	7 488	0,5	8 109	0,6	8 991	0,42	9 679	0,56
Другие	2 184	0,6	1 232	0,1	15 841	0,68	5 281	0,24

При относительно небольшом количественном показателе в Казанской и в Симбирской губерниях в последнем десятилетии XIX в. иностранцы вносили достаточно весомый вклад в религиозное многообразие региона, поскольку переселенцы

⁷ Памятная книжка Казанской губернии на 1861 и 1862 год. Казань, 1862. С. 16 — 17.

⁸ Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 14. С. 33 — 34.

из Польши, Нидерландов и Германии стали катализаторами распространения и укоренения в Среднем Поволжье протестантских религиозных учений, таких, как молоканство, штундизм, баптизм, лютеранство и кальвинизм [13, с. 39].

Казанская губерния по этноконфессиональному составу населения представляла собой один из наиболее сложных субъектов Российской империи: в 1860 г. численность православного населения губернии составляла 1 125 367 чел. (71,97 %), мусульман — 426 521 (27,28 %), единоверцев и раскольников соответственно 1 254 и 9 270 (в сумме 0,68 %), католиков — 655 (0,04), протестантов — 488 (0,02), иудеев — 198 чел. (0,01 %)⁹.

Перепись 1897 г. зафиксировала некоторые изменения религиозного состава. Православные сохранили доминирующую позицию в регионе — 1 496 597 чел. (68,9 %), хотя сюда включили и единоверцев; мусульманское население выросло до 638 024 чел. (29,1 %). Старообрядцы, состоявшие в основном из раскольниковских групп, составляли 23 534 чел. (1,1 %) и из всех остальных религиозных течений имели самый большой процент последователей среди городского населения — 2,6 % (остальные религиозные движения имели в городах незначительный процент последователей или отсутствовали вовсе). Католиков было 2 014 чел., протестантов — 1 417, однако общая их доля равнялась лишь 0,1 %. Численность «западных христиан» заметно выросла, что было характерно не только для Среднего Поволжья, но и для всей Российской империи. В материалах переписи выделена еще одна религиозная группа — «остальные христиане», к которой отнесены представители новых протестантских учений (адвентисты и пятидесятники), чье появление в конфессиональной структуре еще не вызывало особой реакции со стороны государства и церкви, — 47 чел. Довольно стабильной оставалась община иудеев — 1 558 чел. (0,1 %) ¹⁰. В отдельную группу были сведены «остальные нехристиане» — 12 474 чел. (0,6 %), т. е. представители религиозных течений разной направленности [10, с. 63 — 65].

Общую динамику религиозного состава населения в Казанской губернии во второй половине XIX в. можно проследить в табл. 2.

Таблица 2. Динамика конфессий религиозного состава в Казанской губернии во второй половине XIX в.

Table 2. Religious composition dynamics of the Kazan gubernia in the second half of the XIX century

Конфес- сиональная группа	1862		1869		1889		1897	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Православные	1 125 267	71,97	1 186 538	71,31	1 475 671	68,83	1 496 597	68,9
Единоверцы	1 254	0,08	1 413	0,08				
Раскольники	9 270	0,59	14 925	0,90	25 742	1,20	23 534	1,1
Мусульмане	426 521	26,62	447 476	16,89	621 246	29,02	633 024	29,1

⁹ Памятная книжка Казанской губернии на 1861 и 1862 год. С. 23.

¹⁰ Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 14. С. 45 — 46.

Окончание табл. 2 / End of table 2

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Католики	655	0,04	809	0,05	2 774	0,13	2 014	0,1
Протестанты	488	0,03			1 105	0,05	1 417	0,1
Иудаисты	198	0,01	296	0,02	2 105	0,10	1 558	0,1
Другие	10 389	0,66	12 469	10,75	12 089	0,67	12 521	0,6

Данные переписи 1897 г. информируют о прямой связи народностей губернии с их религиозными взглядами: среди русского населения 97,1 % являлись православными, а 2,9 % — представители иных христианских течений. Среди татарского населения большинство (93,7 %) — мусульмане, только 6,8 % относились к православным. Чувашское население региона делилось на православных и язычников — соответственно 98,7 и 1,3 %. Марийцы также делились на православных, которых насчитывалось 97,2 %, и приверженцев народных верований — 2,8 %. Среди мордвы православных было 99,6 %, а 0,4 % относились к различным религиозным течениям. Удмуртское население имело самый большой процент язычников — 23,3 %, 76,5 % отнесены к православным и 0,2 % к мусульманам¹¹. Конфессиональные группы католиков, протестантов, иудеев активно распространялись в основном в городах — более 85 %. В то же время традиционные религиозные воззрения были представлены большей частью в уездах¹².

Результаты переписи дают представление о распространении тех или иных религий среди городского и сельского населения губернии (табл. 3).

Таблица 3. Распространение религий в Казанской губернии среди городского и сельского населения, по переписи 1897 г.

Table 3. Distribution of religions in the Kazan gubernia among the urban and rural population according to the 1897 Census

Конфессиональная группа	В городах		В уездах	
	чел.	%	чел.	%
Православные	140 998	9,42	1 355 599	90,58
Старообрядцы	4 919	20,90	18 615	79,10
Католики	1 909	93,12	141	6,88
Протестанты	1 273	87,67	179	12,33
Иудаисты	1 478	96,92	47	3,08
Мусульмане	34 954	5,52	598 064	94,48
Другие	57	0,46	12 417	99,54

Религиозный состав Симбирской губернии в течение XIX в. также претерпел некоторые изменения. Согласно Памятной книжке 1860 г., подавляющее большинство населения региона были православными — 1 045 610 чел. (91,64 %). Мусуль-

¹¹ Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 14. С. 49.

¹² Неволин М. Указ. соч. С. 76 — 77.

манского населения в отличие от Казанской губернии представлено намного меньше, его численность равнялась 85 412 чел. (7,49 %). Зато здесь намного больше было раскольников — 8 645 чел. (0,76 %). Католиков и протестантов в губернии насчитывалось около 200 чел. (примерно по 0,02 % в каждой из общин), а также отмечено незначительное число иудеев, единоверцев и язычников¹³.

Перепись населения 1897 г. выявила явные тенденции в изменении религиозного состава Симбирской губернии. Во-первых, православное население сократилось на несколько процентов хотя и прибавило в абсолютном числе — 1 358 592 чел. (88,96 %). Мусульманская часть населения укрепила свои позиции, увеличив присутствие в губернии — 133 916 чел. (8,77%). Во-вторых, отмечался быстрый рост протестантских общин — 1 957 чел. (0,13 %). Их основу составляли лютеранские и баптистские церкви. Несколько увеличилась численность католиков — 874 чел. (0,06 %), иудеев — 596 чел. (0,04 %). В-третьих, укрепились позиции старообрядческого движения: более 9 000 чел. входили в различные объединения подобного рода (2,06 %)¹⁴.

Общую динамику конфессий Симбирской губернии во второй половине XIX в. можно проследить в табл. 4.

Таблица 4. Динамика религиозного состава в Симбирской губернии
во второй половине XIX в.

Table 4. Religious composition dynamics of the Simbirsk gubernia
in the second half of the XIX century

Конфессио- нальная группа	1860		1869		1889		1897	
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	чел.	%
Православ- ные	1 045 610	91,640	1 085 052	90,98	1 416 518	89,910	1 358 592	88,91
Единоверцы	623	0,050	957	0,080	2 169	0,140		
Раскольники	8 645	0,760	8 781	0,740	21 688	1,380	31 511	2,06
Мусульмане	85 412	7,490	96 533	8,090	130 235	8,270	133 916	8,77
Католики	271	0,023	322	0,028	656	0,038	874	0,06
Протестанты	213	0,020	282	0,025	1 353	0,090	1 957	0,13
Иудаисты	156	0,013	505	0,043	409	0,022	596	0,04
Другие	43	0,004	138	0,014	2 438	0,150	397	0,03

Данные переписи 1897 г. дают представление о проценте грамотного населения среди последователей тех или иных религий. Так, среди православных мужчин только 26,1 % являлись грамотными, у женщин этот процент был ниже — 6,3 %. Похожие показатели наблюдались и у мусульманского населения — 15,2 % грамотных мужчин и 6,6 % грамотных женщин. Более высокие показатели у старообрядческого населения — 35,2 % мужчин и 11,7 % женщин. Заметно выше данный по-

¹³ Памятная книжка Симбирской губернии на 1860 год. Симбирск, 1860. С. 12 — 17.

¹⁴ Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 39. С. IV.

казатель был у католиков — соответственно 66,6 и 80,9 %, протестантов — 77,6 и 75,3, иудеев — 77,7 и 60,2 %¹⁵.

Кроме того, результаты переписи дают представление о распространении тех или иных религий среди городского и сельского населения губернии (табл. 5).

Таблица 5. Распространение религий в Симбирской губернии
среди городского и сельского населения, по переписи 1897 г.

Table 5. Distribution of religions in the Simbirsk gubernia among the urban
and rural population according to the 1897 Census

Конфессиональная группа	В городах		В уездах	
	чел.	%	чел.	%
Православные	100 503	7,4	1 258 089	92,6
Старообрядцы	1 859	5,9	29 652	94,1
Католики	717	81,6	162	18,4
Протестанты	388	19,8	1 569	80,2
Иудаисты	453	76,0	143	24,0
Мусульмане	4 124	3,1	129 792	96,9
Другие	5	1,3	392	98,7

В отличие от Казанской губернии здесь наибольшее распространение в городах получили конфессии католиков и иудеев, что объяснялось наличием культовых центров. Протестантское же население в Симбирской губернии в основном сосредоточилось в уездах, где сложились религиозные ячейки и общины. Из протестантских течений в городах большей частью были представлены лютеране, в меньшей — баптисты. Также переписчики отмечали наличие 184 иностранных поданных, игравших весомую роль в жизни протестантских общин [3, с. 24 — 26].

Памятные книжки рассматриваемого периода имеют записи о количестве церковных сооружений (с разделением их на каменные и деревянные), а также принадлежавших церкви домов, складов и лавок. Например, в 1860 г. в Казани насчитывалось 72 церковных помещения: 59 храмов, приходов и монастырей (31 каменный, 28 деревянных), 1 деревянный склад и 12 каменных лавок. В Казанской губернии в 1869 г. зафиксировано 1 416 церковных сооружений: 1 257 в уездах и 159 в городах (370 каменных и 1 046 деревянных). Согласно Памятной книжке 1889/90 г., православных молитвенных зданий в губернии насчитывалось 590 наименований: 116 — в городах и 474 — в уездах. В 1887 г. на один православный храм приходилось в среднем 2,5 тыс. чел., а в городах — 1,5 тыс. чел., на мечети и синагоги — в среднем по 700 — 800 чел.¹⁶

Памятная книжка Симбирской губернии 1862 г. выделяет в регионе 410 православных церковных сооружений: 350 церквей и соборов, 1 монастырь и 59 часовен. Исламскому населению было предоставлено 133 мечети, а представители

¹⁵ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 39. С. VIII.

¹⁶ Памятная книжка Казанской губернии на 1861 и 1862 год. С. 78; Памятная книжка Казанской губернии за 1889/90 год: в 2 ч. Казань, 1890. Ч. 2. С. 32.

менее традиционных религий имели номинальное количество мест для отправления своего культа: 2 здания у единоверцев, 5 — у раскольников, 1 — у католиков. Протестанты и иудеи не имели на тот момент официально зарегистрированных культовых сооружений. К 1869 г. количество церковных сооружений в губернии равнялось 845 (249 каменных и 596 деревянных). На долю православного населения приходилось 698 церквей, на долю мусульман 135 мечетей, у протестантского населения и иудаистов не было отмечено официального места для проведения богослужений. Только к концу 1880-х гг. последние обрели храмы. Общее же число церковных сооружений продолжало расти и достигло 773, из которых 607 — православные церкви, соборы, монастыри и часовни, 158 — мечети, 5 — единоверческие храмы, 1 — католическая церковь, 1 — протестантский молитвенный дом, 1 — еврейская синагога¹⁷.

Заключение

Данные Первой Всеобщей переписи населения Российской империи обрабатывали вплоть до 1905 г. Готовую статистику издали в двух томах, а данные по губерниям и областям — в 119 выпусках. 14-й выпуск посвящен Казанской губернии, 39-й — Симбирской. Информация из этих выпусков помогает составить полноценный религиозный портрет средневожского региона. При дополнительном изучении ежегодных памятных книг губерний можно проследить динамику как демографических, так и религиозных показателей во второй половине XIX в. Она характеризуется ростом населения, распространением протестантских, католических и иудейских религиозных течений, а также увеличением пришлого населения, что делало религиозную мозаику региона более многообразной и поликонфессиональной. Данные переписи содержат информацию о национальном составе губерний, о религиозном многообразии в них, количестве церковных сооружений и браках, заключенных в той или иной церкви.

Характерной чертой пореформенного периода в Среднем Поволжье было внутреннее переселение в каждой губернии, обусловленные ростом отходничества крестьян и их миграцией в города. Освобождение от крепостной зависимости, с одной стороны, и последствия систематических неурожаев — с другой — являлись главными причинами переселенческих процессов. Несмотря на меры, принимаемые правительством и губернаторами, положение крестьян-переселенцев долгое время оставалось тяжелым.

Обилие культовых сооружений и подавляющее преобладание по численности православного духовенства в рассматриваемых регионах, позволяет рассматривать православную церковь как основу христианизации нерусских народов, как опору административной, экономической, идеологической деятельности государства. Располагая основательной материальной базой в виде церквей, монастырей и их владений, православное духовенство осуществляло религиозные, политические и социальные функции, воздействие которых было направлено на каждого жителя, начиная

¹⁷ Памятная книжка Симбирской губернии на 1860 год. С. 56 — 59; Памятная книжка Симбирской губернии на 1869 г. Симбирск, 1869. С. 21; Календарь и памятная книжка Симбирской губернии на 1889 г. Симбирск, 1889. С. 136 — 137.

с детского возраста. Большое значение исламской церкви во второй половине XIX в. заключалось в ее религиозных и образовательных функциях, а также в формировании гражданского согласия и поддержании государственности. Как и в целом по России в изучаемых регионах число лиц духовного звания к концу века существенно сократилось. Доля православного духовенства в составе священнослужителей всех конфессий Среднего Поволжья составила 93 %. По количеству священников русской национальности на первом месте были Симбирская и Казанская губернии. По уровню образования представители духовенства превосходили даже дворян.

Материалы Первой Всеобщей переписи населения 1897 г., единственной в до-революционной России, не утратили значения и сегодня, так как являются источником точных данных о том времени. Переписные листы включали вопросы, охватывавшие разные сферы жизни и деятельности участников переписи (сословие, вероисповедание, грамотность, родной язык, главное и побочное занятия).

Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. сыграла важную роль в истории отечественной статистики населения, послужила единственным достоверным источником данных о численности и составе населения России конца XIX в. Выработанные основные принципы ее организации и накопленный опыт использовались при проведении последующих переписей.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Буткевич Т. И. Обзор русских сект и их толков. М.: Тип. губерн. правления, 1910. X, 608, XIX с.
2. Дитц Я. Е. История поволжских немцев-колонистов / под науч. ред. доц. И. Р. Плева. 3-е изд. М.: Готика, 2000. 496 с.
3. Зуев Ю. П. Российские католики и протестанты на «канонической территории» Русской православной церкви: поиск *modus vivendi* // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2007. № 3. С. 6 — 18.
4. Клаус А. А. Наши колонии. Опыты и материалы по истории и статистике иностранной колонизации в России. СПб.: Тип. В. В. Нусвальта. 1869. Вып. 1. 516 с.
5. Красножен М. Иноверцы на Руси. Т. 1. Положение неправославных христиан в России. 3-е изд., испр. и доп. М.: Тип. К. Матгисена, 1903. 202 с.
6. Курило О. В. Очерки по истории лютеран в России (XVI — XX вв.). М.: ИЭА, 1996. 182 с.
7. Машковцев А. А. Католики Вятской губернии во второй половине XIX — начале XX в.: численный состав и размещение // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2012. № 2—1. С. 36 — 44.
8. Машковцев А. А. Конфессиональная политика государства в отношении католиков и протестантов Среднего Поволжья и Приуралья во второй половине XIX — начале XX века. Киров: Радуга-ПРЕСС, 2015. 380 с.
9. Самарин Ю. Ф. Иезуиты и их отношение к России: Письма к иезуиту Мартынову Ю. Ф. Самарина. 2-е изд. М.: Тип. Т. Рис, 1868. 480 с.
10. Соколов И. Отношение протестантизма к России в XVI и XVII веках. М.: Тип. Э. Лисснер и Ю. Роман, 1880. 540 с.
11. Таймасов Л. А. Этноконфессиональная ситуация в Казанской губернии накануне буржуазных реформ // Новая волна в изучении этнополитической истории Волго-Уральского региона: сб. ст. Саппоро, 2003. С. 106 — 136.
12. Толстой Д. А. Римский католицизм в России: ист. исслед. СПб.: Тип. В. Ф. Демакова, 1876. Т. 1. 540 с.; Т. 2. 140 с.
13. Цветаев Д. В. Протестантство и протестанты в России до эпохи преобразований. М., 1890. 798 с.

Статья поступила в редакцию 28.08.2023; одобрена после рецензирования 30.10.2023; принята к публикации 06.11.2023.

Информация об авторе:

Николай Николаевич Петренко, аспирант кафедры археологии, этнографии и региональной истории Чувашского государственного университета им. И. Н. Ульянова (428015 Россия, г. Чебоксары, Московский проспект, 15), PetrenkoNNchki@gmail.com

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Butkevich TI. Review of Russian Sects and Their Interpretations. Moscow;1910. (In Russ.)
2. Dietz YaE. History of the Volga German Colonists. Moscow;2000. (In Russ.)
3. Zuev YuP. Russian Catholics and Protestants in the “Canonical Territory” of the Russian Orthodox Church. *State, Religion, Church in Russia and Abroad*. Moscow;2007;(3):6—18. (In Russ.)
4. Klaus AA. Our Colonies: Experiments and Materials on the History and Statistics of Foreign Colonization in Russia. St. Petersburg;1869;1. (In Russ.)
5. Krasnozhen M. Gentiles in Rus. Yuriev;1903;1. (In Russ.)
6. Kurilo OV. Essays on the History of Lutherans in Russia (XVI — XX centuries). Moscow;1996. (In Russ.)
7. Mashkovtsev AA. Catholics of the Vyatka Gubernia in the Second Half of the XIX — Early XX Centuries: Numerical Composition and Placement. *Bulletin of Vyatka State University*. 2012;(2—1):36—44. (In Russ.)
8. Mashkovtsev AA. Confessional State Policy towards Catholics and Protestants in the Middle Volga and Ural Regions in the Second Half of the XIX — Early XX Centuries. Kirov;2015. (In Russ.)
9. Samarin YuF. Jesuits and Their Attitude towards Russia: Letters to the Jesuit Martynov from Yu. F. Samarin. Moscow;1868. (In Russ.)
10. Sokolov I. The Attitude of Protestantism towards Russia in the XVI and XVII Centuries. Moscow;1880. (In Russ.)
11. Taimasov LA. Ethno-Confessional Situation in the Kazan Gubernia on the Eve of Bourgeois Reforms. *New Wave in the Study of the Ethno-Political History of the Volga-Ural Region*. Sapporo;2003:106—136. (In Russ.)
12. Tolstoy DA. Roman Catholicism in Russia. Historical Study of Count D. A. Tolstoy. St. Petersburg;1876;1—2. (In Russ.)
13. Tsvetaev DV. Protestantism and Protestants in Russia before the Era of Reforms. Moscow;1890. (In Russ.)

The article was submitted 28.08.2023; approved after reviewing 30.10.2023; accepted for publication 06.11.2023.

Information about the author:

Nikolai N. Petrenko, Post-Graduate Student of Department of Archeology, Ethnography and Regional History of Ulianov Chuvash State University (15 Moskovsky Avenue, Cheboksary 428015, Russia), PetrenkoNNchki@gmail.com

Conflict of interests: the author declare no conflict of interests.

The author read and approved the final version of the manuscript.

УДК 94(470) «18/19»:373.1
EDN ZEWVEG

<http://vestnikniign.ru>

Научная статья

ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ УЧЕБНО-ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ В ОБРАЗЦОВЫХ ШКОЛАХ АСТРАХАНСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1880 — 1917 гг.

Н. И. Кулакова, М. В. Черник✉

Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева,

г. Астрахань, Россия

✉chernik-max@mail.ru

Аннотация

Введение. Сегодня идет активный поиск новых форматов учебно-воспитательной деятельности, что порождает необходимость изучения и анализа исторического опыта подобной работы, накопившегося и в сфере церковных институтов. Объединение усилий в учебно-воспитательной работе церковных служителей и государственных учреждений, по мнению властей, было способно дать бесценный опыт, поскольку именно духовное воспитание могло решить задачи, сложно реализуемые светской властью. Для их осуществления потребовался синтез передовых методических идей и образовательных возможностей Русской православной церкви. Идеи формирования практических навыков у обучающихся духовных образовательных учреждений, безусловно, положительно отразились на качестве работы церковно-приходских школ Астраханской губернии.

Материалы и методы. Базовым материалом для исследования являются статистические данные, отчеты и авторские статьи о работе образцовых школ в Астрахани, размещенные на страницах официального журнала Астраханской и Енотаевской епархии — «Астраханские епархиальные ведомости», — издававшегося в 1875 — 1918 гг. В ходе работы были использованы компаративный, ретроспективный и историко-статистический методы.

Результаты исследования и их обсуждение. В качестве самостоятельного предмета изучения образцовые школы Астраханской губернии в 1880 — 1917 гг. еще не выступали. В современной литературе не получили отражение такие важные аспекты, как процесс организации образовательного процесса учащихся духовной семинарии и епархиального женского училища, методы их обучения и подготовки к практическим занятиям в образцовых школах.

Заключение. Просветительская деятельность РПЦ в Астрахани во второй половине XIX — начале XX в. являлась отражением активной работы в этом направлении духовной семинарии, епархиального женского училища и образцовых школ при этих духовных учебных заведениях. Деятельность образцовых школ была направлена не только на развитие педагогических способностей семинаристов и воспитанниц, но и на подготовку детей к обучению в училищах или гимназиях. Практические занятия семинаристов и воспитанниц стали новым методом обучения будущих педагогов.

Ключевые слова: учебно-воспитательная работа, духовная семинария, епархиальное женское училище, образцовая школа, церковно-приходская школа

Благодарности: публикация подготовлена на основе доклада на межрегиональной научно-практической конференции «II Спасские чтения в честь преподобномученицы Екатерины Симбирской» (г. Ульяновск, Спасский женский монастырь, 17 — 18 февраля 2023 г.).

Для цитирования: Кулакова Н. И., Черник М. В. Особенности организации учебно-воспитательной работы в образцовых школах Астраханской губернии в 1880 — 1917 гг. // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2024. Т. 16, № 1. С. 73 — 84. EDN ZEWVEG

© Кулакова Н. И., Черник М. В., 2024

Original article

FEATURES OF THE ORGANIZATION OF EDUCATIONAL WORK IN THE MODEL SCHOOLS OF THE ASTRAKHAN GUBERNIA IN 1880 — 1917

N. I. Kulakova, M. V. Chernik✉

Tatishchev Astrakhan State University,
Astrakhan, Russia

✉chernik-max@mail.ru

Abstract

Introduction. At the present stage of development of our state, there is an active search for new formats of educational activities. This makes it necessary to study and analyze the historical experience that has accumulated in the sphere of church institutions. Combining efforts in the educational work of church ministers and government institutions, according to the authorities, could provide invaluable experience, since it was spiritual education that could solve problems that were difficult to implement by secular authorities. Their implementation required a synthesis of advanced methodological ideas and educational capabilities of the Russian Orthodox Church. The ideas of developing practical skills among students of religious educational institutions, of course, had a positive impact on the quality of work of parochial schools in the Astrakhan gubernia.

Materials and methods. The basic material for the study is statistical data, reports and articles on the work of model schools in Astrakhan, posted on the pages of the official journal of the Astrakhan and Enotaev diocese — “Astrakhan Diocesan Gazette”, published from September 1875 to 1918. The main methods were comparative, retrospective and historical-statistical.

Results and discussion. Model schools of the Astrakhan gubernia in the 1880s — 1917s were not the subject of study. The following aspects have not been studied: the process of organizing the educational process of students of the Theological Seminary and the Diocesan Women’s Schools, methods of teaching and preparing for practical classes in model schools.

Conclusion. The educational activities of the Russian Orthodox Church in Astrakhan in the second half of the XIX — early XX centuries were a reflection of the active work in this direction by the Theological Seminary, the Diocesan Women’s School and model schools at these theological educational institutions. The activities of model schools were aimed not only at developing the pedagogical abilities of seminarians and students, but also at preparing children for studying in schools or gymnasiums. Practical classes for seminarians and students have become a new method of training future teachers.

Keywords: educational work, the Theological Seminary, the Diocesan Women’s School, exemplary school, model school

Acknowledgements: the publication is based on the report of the Interregional Scientific and Practical Conference “II Spassky Readings in Honor of the Venerable Martyr Catherine of Simbirsk” (Ulyanovsk, Spassky Convent, February 17 — 18, 2023).

For citation: Kulakova NI, Chernik MV. Features of the Organization of Educational Work in the Model Schools of the Astrakhan Gubernia in 1880 — 1917. *Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia*. 2024;16(1):73—84. EDN ZEWVEG

Введение

Смена политического вектора в 1880-е гг. с либерального на консервативно-охранительный проявилась во многих сферах общественной жизни, не осталась в стороне и система образования. Если до конца 1870-х гг. определяющую роль в развитии начального образования играли светские власти, то в 1879 г. было приня-

то решение о совместном контроле народных школ Министерством народного просвещения и Духовным ведомством, при преобладающем участии церковных служителей. Согласно разработанным Святейшим синодом и утвержденным императором «Правилам о церковно-приходских школах», последним отводилась главная роль в системе народного образования России. При этом возникал закономерный вопрос о педагогической квалификации священнослужителей, на которых возлагалась роль учителей. Членам комиссии при Св. синоде было поручено обсудить процесс организации при духовных семинариях и училищах начальных школ, в которых будущие священнослужители могли бы получить практический опыт педагогической работы. Представленная по итогам работы «Записка об образцовых школах при духовных семинариях» была разослана по епархиям, где вступали в силу новые правила о церковно-приходских школах.

Материалы и методы

В работе использовались материалы местной периодической печати, освещавшие вопросы организации, деятельности и контроля духовенством вопросов практической подготовки будущих учителей церковно-приходских школ. Основным источником выступила газета «Астраханские епархиальные ведомости» — официальный печатный орган Астраханской и Енотаевской епархии. В первой части газеты — официальной — публиковались постановления церковных и светских властей, отчеты о деятельности церковных учреждений, в том числе и образовательных. Во второй — неофициальной — освещалась история епархии, обсуждались ключевые задачи, стоявшие перед местными священнослужителями на миссионерском и образовательном поприщах, размещались сведения об открытии и функционировании церковно-приходских школ и повседневной деятельности духовных образовательных учреждений. Эти материалы позволили глубоко изучить научную проблему в широком аспектном плане.

За основу данного исследования были взяты основные научные принципы: историзма, объективности и системности. Для рассмотрения проблем, связанных с функционированием образцовых школ, их укомплектованием, а также методической разработкой практических и теоретических курсов обучающихся в семинарии и духовном училище, использовались ретроспективный и историко-статистический методы. Компаративный метод позволил выявить противоречивые взгляды в обществе о роли церкви в образовательно-воспитательном процессе.

Обзор литературы

Проблема подготовки учительских кадров для церковно-приходских школ представлена в историографии достаточно слабо. Опубликовано несколько научных работ, раскрывающих определенные аспекты деятельности начальных школ в губерниях Российской империи. Авторы рассмотрели особенности функционирования образцовых школ Крыма, Тобольска, Оренбурга как системы подготовки будущих учителей [1; 9; 11]. Противоречивые взгляды о роли церкви и ее участии в народном образовании нашли отражение в работах А. А. Горячевой, О. А. Моняковой, С. П. Синельникова [2; 8; 10]. Вопросы формирования системы управления начальными школами и их контроля, а также разработка нормативной базы воскресных и церковно-приходских школ раскрыта в исследованиях Е. П. Ермачковой, Т. А. Красницкой [5; 6]. Роль духовенства в развитии народного образования и история

открытия образцовых начальных школ непосредственно в Астраханской губернии были проанализированы в работах А. А. Дорофеевой, И. В. Кучерук, Е. Г. Тимофеевой и С. Ю. Степанова [3; 4; 7]. Однако особенности организации учебно-воспитательной работы ими не рассматривались.

Результаты исследования и их обсуждение

Получение практического педагогического опыта будущими учителями церковно-приходских школ Астраханской губернии было возложено на образцовые школы при мужской духовной семинарии и епархиальном женском училище. Как отмечают исследователи, идея практического применения знаний, полученных учащимися духовных учреждений на теоретических занятиях в специально организованных начальных школах, была не новой. Она была апробирована во второй половине 1860-х гг. в школах, получивших название воскресных, поскольку занятия проводились в выходные и праздничные дни. Таким образом, в своей основе образцовые школы базировались на опыте существовавших ранее воскресных [4; 8].

Воскресные школы были открыты при Астраханской мужской семинарии, куда принимались мальчики от семи лет, и епархиальном женском училище, где обучались девочки вне зависимости от сословия и национальности. В них изучались слово Божье, арифметика, грамота (чтение и письмо). Занятия проводили преподаватели педагогики, которым помогали обучающиеся семинарии или училища. В Астраханском епархиальном женском училище педагогику начинали изучать в третьем классе [3, с. 11], а после увеличения сроков обучения — в четвертом и пятом. Ряд исследователей считают, что именно практическая подготовка учащихся к педагогической деятельности была сильной стороной в работе духовных образовательных учреждений дореволюционной России [1; 8; 9].

С утверждением в 1884 г. Правил начался новый этап в развитии начального образования, заключавшийся в распространении общей грамотности в народной среде, прежде всего в самой многочисленной — крестьянской. Базовые основы грамотности были необходимы для усвоения специальных навыков, гарантировавших продолжение модернизации, но при сохранении стабильности самодержавия [5, с. 41]. По мнению властей, именно Церковь в вопросе народного просвещения должна была взять на себя воспитательную функцию. Александр III, подписавший Правила, приписал пожелание: «Надеюсь, что приходское духовенство окажется достойным своего высокого призвания в этом важном деле»¹.

Вопрос народного образования во второй половине XIX в. волновал не только власти, но и общественность, поэтому решение о возложении этой функции на православное духовенство привело к определенным дискуссиям [2; 10].

Не обошла эта ситуация и Астраханскую губернию. Полемика развернулась на страницах периодической печати. В газете «Астраханский справочный листок» (№ 239; 1887) была размещена статья под названием «Образцовая школа при семинарии», где автор достаточно скептически прокомментировал годовой отчет о работе школы, опубликованный в «Астраханских епархиальных ведомостях». Основ-

¹ Циркуляр министра просвещения к попечителям учебных округов // Астраханские епархиальные ведомости. 1884. № 19. Часть офиц. С. 309 — 313.

ная критика сводилась к преподаваемым дисциплинам, а именно преобладанию религиозных дисциплин, которые велись с помощью молитвенника и часослова. При сравнении образцовой школы с земским народным училищем никаких выдающихся педагогических или воспитательных приемов автор не нашел. Ответная публикация появилась на страницах «Астраханских епархиальных ведомостей», где автор не только отстаивал важность духовного приоритета в народном образовании, но и обвинял оппонента в неверной трактовке фактов. Показательно, что автор статьи не был представителем духовенства² и отражал взгляды части светского общества, активно приветствующей открытие начальных школ, недостаток которых остро ощущался в этот период [7, с. 636].

Для реализации дальнейших шагов по устройству церковно-приходских школ в губерниях учреждался училищный совет. Входить в него могли как духовные, так и светские лица, утвержденные епархиальным архиереем. Таким образом, контроль сосредотачивался в руках местного духовенства. Ключевым фактором при назначении его членов было активное участие в делах народного образования или знание быта и духовных потребностей населения. Если в епархии уже имелся опыт образования школ православными братствами, то организация и деятельность училищного совета возлагалась на них. Так произошло в Московской, Санкт-Петербургской, Владимирской, Смоленской, Тверской и Симбирской епархиях [6, с. 15].

Астраханский епархиальный училищный совет начал свою работу 1 ноября 1884 г., его председателем стал ректор мужской семинарии протоирей Капитон Ястребов. В состав совета вошли: инспектор народных училищ, инспектор и учитель семинарии, смотритель духовного училища, законоучитель реального училища, член губернского по крестьянским делам присутствия³. В том же году совет направил в Астраханскую духовную семинарию «Записку об образцовых школах при духовных семинариях» для практической разработки идеи создания постоянно действующей начальной школы, согласно утвержденному 22 августа 1884 г. Уставу православных духовных семинарий и училищ, в котором предусматривалось создание начальной школы для практических занятий воспитанников семинарии.

Открытие образцовой школы планировалось на 1884/85 учебный год, но в реальных условиях организация такой школы потребовала более детальной проработки и длительного времени. Неудачно завершилась и попытка открытия в 1885/86 учебном году «упрощенной» версии школы — одноклассной, предложенной преподавателем дидактики и членом училищного совета И. А. Поповым. Педагогическое собрание правления Астраханской духовной семинарии 2 августа 1885 г. приняло решение о возможности создании такой школы, «...когда явится к тому возможность и средства»⁴. Предложение Попова осталось нереализованным главным образом из-за отсутствия финансовой возможности, а педагогическую практику

² В ответ на статью в № 239 Астраханского справочного листка: «Образцовая школа при семинарии» // Астраханские епархиальные ведомости. 1887. № 22. Часть неофиц. С. 884 — 887.

³ Распоряжения епархиального начальства // Астраханские епархиальные ведомости. 1884. № 21. Часть офиц. С. 341 — 342.

⁴ Благонравов М. Церковные школы в Астраханской Епархии в XIX веке и состояние учебного дела вообще в XVII и XVIII веках. Астрахань, 1906. С. 215.

семинаристы проходили в Кресто-Воздвиженской церковно-приходской школе. Расписание в школе было подстроено под возможность семинаристов посещать уроки и присутствовать на всех преподаваемых дисциплинах⁵.

Накануне 1886/87 учебного года Св. синодом были утверждены правила для образцовых начальных школ при духовных семинариях. На образцовые школы, согласно данному документу, возлагались функции получения практического опыта семинаристами с целью их дальнейшей педагогической работы в церковно-приходских школах епархии. В силу этого образцовые школы организовывались по типу церковно-приходских и служили, в свою очередь, образцами для последних. На содержание образцовых школ было выделено финансирование, благодаря чему при Астраханской семинарии открылась школа. Однако следует отметить, что ремонт и оборудование школьного помещения семинария провела за собственный счет, на это пошли средства воскресной школы и семинарского храма. Школу разместили на территории семинарии на первом этаже больничного корпуса, фактически это был один большой класс, вмещавший в себя до 90 человек. Пространство было зонировано так, чтобы за процессом обучения школьников могли наблюдать семинаристы, не нарушая учебный процесс⁶.

Образцовая школа начала работать 29 сентября 1886 г.⁷ Руководителем школы был назначен преподаватель семинарии В. Добронравов, учителем — В. Ильин, выпускник Самарской учительской семинарии, имевший десятилетний стаж учительской работы во Владимирском сельском училище. Законоучителем стал духовник семинарии, священник М. Благонравов. Наблюдателем школы являлся ректор семинарии К. Ястребов.

В местных газетах было напечатано объявление о приеме в школу детей — мальчиков 8—11 лет, обучение было бесплатным и бессловным. Первый прием в школу начался 1 сентября, за несколько дней было подано 50 заявлений, в результате отбора был набран класс из 30 человек. В последующие годы поток желающих обучаться увеличился настолько, что заявления о приеме начали принимать за год до поступления и применять небольшой конкурс. Предпочтение отдавалось, во-первых, совершенно неграмотным детям, чтобы можно было показывать семинаристам ведение учебного дела с самого начала; во-вторых, близко живущим к семинарии, чтобы ученики не опаздывали. Занятия начинались в 7:45 с утренней молитвы, а непосредственно уроки — в 8:00, как и в семинарии. Впоследствии в образцовой школе уроки стали начинаться в 9:00⁸.

Образцовая школа преследовала две цели: дать начальное образование поступающим в школу детям и ознакомить воспитанников семинарии старших классов

⁵ Разные известия по епархии // Астраханские епархиальные ведомости. 1886. № 11. Часть офиц. С. 385.

⁶ Сведения о состоянии начальной одноклассной образцовой школы при Астраханской духовной семинарии // Астраханские епархиальные ведомости. 1887. № 21. Часть неофиц. С. 828.

⁷ Открытие образцовой школы при Астраханской духовной семинарии // Астраханские епархиальные ведомости. 1886. № 20. Часть офиц. С. 698.

⁸ О приеме детей в образцовую начальную школу: объявление // Астраханские епархиальные ведомости. 1886. № 19. Часть неофиц. С. 562.

(V и VI) с ведением церковно-школьного дела. Для достижения первой цели законоучитель и учитель вели обучение по одобренным программам, учебникам и учебным пособиям; следили за поведением учеников на уроках и во время перемен, в случае необходимости делали им наставления, внушения или замечания; приучали их к посещению храма Божия и благоговейному присутствию при богослужениях. Работа носила не только обучающий, но и воспитательный характер, учителя старались понять характер и предрасположенности каждого ученика, знакомились с условиями их проживания, поддерживали контакт с родителями.

Для практического обучения воспитанников семинарии V и VI классов был выработан следующий порядок. Воспитанники V класса вместе с преподавателем дидактики присутствовали на уроках в первой половине дня и наблюдали за ведением занятий. На этих уроках воспитанники наглядно знакомились с педагогическими приемами обучения по различным предметам. На ближайшем уроке дидактики отчитывались о методах и приемах, применяемых учителем.

Поскольку воспитанники V класса не могли проводить уроки, на них было возложено ведение репетиций (вечерние занятия), где они повторяли с учениками пройденный материал. Репетиции проходили три раза в неделю с 16:00 до 17:00, по числу утренних уроков. Кроме того, воспитанники V класса дежурили по школе во время перемен. Ежедневно назначались двое дежурных: один для присутствия в классной комнате, другой вне ее. Первый дежурный отвечал за готовность классной комнаты к занятию (проветривал помещение, приводил в порядок учебные пособия и принадлежности, следил за целостью и сохранностью классной мебели), второй контролировал поведение ребят (чтобы те в холодное время года не выбегали из здания не одетыми, разгорячившись не пили холодную воду), руководил «подвижными играми» (изучение таких игр входило в учебный курс семинаристов)⁹.

Воспитанники VI класса ежедневно по одному присутствовали на всех уроках в школе, присматривали за учениками во время перемен и проводили гимнастические перемены. Все наблюдения они записывали в специально заведенную книгу, которая сдавалась на проверку преподавателю дидактики. В определенные часы они всем классом вместе с преподавателем дидактики присутствовали на уроках, причем могли как наблюдать за ведением уроков учителем, так и сами давать их. Занятия воспитанников VI класса в образцовой школе были двух видов: практические занятия, являвшиеся продолжением уроков учителя (они проходили утром, 3 раза в неделю, по одному часу); очередное дежурство в течение всех уроков¹⁰.

От каждого воспитанника-практиканта требовалась тщательная подготовка к уроку. При подготовке к нему они выясняли порядок изложения учебного материала,

⁹ О занятиях воспитанников семинарии V и VI классов в образцовой при Астраханской духовной семинарии школе // Астраханские епархиальные ведомости. 1911. № 22. Часть неофиц. С. 855.

¹⁰ Сведения о состоянии начальной одноклассной образцовой школы при Астраханской духовной семинарии // Астраханские епархиальные ведомости. 1887. № 21. Часть неофиц. С. 834 — 835.

следуя специальным пособиям, тем самым выстраивали предстоящий урок. Конечным результатом подготовки к уроку являлся его конспект, который подавался на проверку преподавателю дидактики. Каждый урок практиканта обсуждался на последующих занятиях дидактики, в дискуссии принимали участие все воспитанники класса, что, в свою очередь, служило прекрасным средством контроля внимательного или невнимательного отношения воспитанников к занятиям в школе. Каждое мнение соучеников о достоинствах или недостатках проведенного урока анализировалось. В заключение преподаватель объяснял причины, по которым были допущены ошибки на уроке практиканта, и давал советы, как в будущем избежать их. В связи с недостатком времени на прохождение основного учебного материала по дидактике, например, методики тех или иных предметов, подробные разборы практических занятий воспитанников заменялись другим видом аналогичной работы. Просмотренный конспект урока практиканта преподаватель передавал очередному воспитаннику-рецензенту, который возвращал его с письменным анализом. На ближайшем занятии дидактики он зачитывался.

Учебно-воспитательным процессом в образцовой школе заведовал совет школы, состоявший из наблюдателя — ректора семинарии, переименованного в 1910 г. в начальника школы («Правила для образцовых школ при духовных семинариях», утвержденные Св. синодом 16 — 23 октября 1910 г.), руководителя — преподавателя дидактики в семинарии, епархиального наблюдателя церковно-приходских школ, законоучителя и учителя школы.

С 1886/87 до 1890/91 учебного года включительно образцовая школа имела двухгодичный курс обучения, а с 1891/92 учебного года — трехгодичный. Всего за период работы школы в нее поступили 382 ученика, но окончили курс только 175¹¹. Это объяснялось достаточно требовательным отношением к посещению занятий. Окончившие полный курс в большинстве продолжали образование в гимназиях, духовных или реальных училищах, в городских (одно-, двух-, трех- и четырехклассных) училищах. Некоторые ученики из-за бедности родителей оставались без дальнейшего образования и поступали в торговые и промышленные заведения.

Одной из характерных особенностей образцовой школы было то, что из школы редко отчисляли «сложных» детей. Напротив, старались перевоспитать их и развить интерес к учебе «не через силу», а «терпением и любовью». Учителя в такой ситуации сами практиковались и подготавливали воспитанников семинарии к подобным случаям. Кроме того, в школу принимали и отчисленных за поведение учеников других школ. Их, как правило, оставляли на второй год, часто их обучение растягивалось на несколько лет.

Учитывая успешный опыт работы образцовой школы при Астраханской духовной семинарии, через десять лет — 17 сентября 1895 г. — при Астраханском епархиальном женском училище была открыта образцовая церковно-приходская школа и при ней специально-педагогический класс для девиц, окончивших курс в училище и готовящихся быть учителями. Цель открытия данного класса заключалась

¹¹ 25-летие образцовой школы при Астраханской духовной семинарии // Астраханские епархиальные ведомости. 1911. № 21. Часть неофиц. С. 855.

в организации полного женского образования, в которое входило изучение педагогики, гигиены и начальной медицины¹².

В первом учебном году в образцовую школу набрали класс из 30 девочек. В среднем в год в образцовой школе обучалось 35 учениц. Это был достаточно высокий показатель в сравнении с другими епархиями, например, в школе при Таврическом епархиальном женском училище в среднем набиралось 22 ученицы [11, с. 95]. Обучение в школе велось согласно новым программам, поданным училищным советом при Святейшем синоде для одноклассных церковно-приходских школ, и объяснительным запискам к ним. Расписание уроков было составлено применительно к расписанию уроков дидактики в епархиальном училище.

Обучающиеся девушки проходили педагогическую практику в VII классе. Им преподавались следующие предметы: закон Божий — 1 урок в неделю, методика всех предметов одноклассной церковно-приходской школы (методика закона Божия, церковного пения, церковно-славянского чтения, русского языка, счисления), педагогика — 2 урока, новая русская литература — 1 урок, гигиена — 2 урока и рукоделие (кройка и шитье церковных и священно-служительских одеяний и знакомство с золотошвейным искусством) — 2 урока¹³.

Кроме того, 8 уроков в неделю предназначались для практических занятий воспитанниц под руководством преподавателя дидактики и учительницы образцовой школы, в остальные часы утренних занятий воспитанницы присутствовали в образцовой школе, где наблюдали за группами, занимающимися самостоятельно, помогали им при выполнении упражнений, проверяли их самостоятельные работы, знакомились со школьными порядками, с приемами и способами преподавания, со средствами поддержания школьной дисциплины.

Воспитанницы по одному часу в неделю давали уроки в образцовой школе. Во время уроков одна из воспитанниц (по алфавиту) вела подробную запись в специальном журнале. Эта запись анализировалась инспектором классов и преподавателем дидактики.

Кроме воспитанниц VII класса, уроки в школе посещали и воспитанницы VI класса. Занятий по дидактике в VI классе было три. В первой половине учебного года воспитанницы посещали школу всем классом один раз в неделю и присутствовали на уроках учительницы, во второй половине учебного года давали уроки сами под руководством преподавателя дидактики. Для ведения часового урока назначались две — три воспитанницы. За неделю до этого им объявляли тему урока и давали наставления. Остальные воспитанницы должны были следить за ходом урока, чтобы дать ему подробный анализ.

Экзамены воспитанниц VII класса проходили в форме уроков, которые они должны были провести в присутствии комиссии в образцовой школе по каждому предмету, преподаваемому в церковно-приходской школе. После успешной сдачи

¹² Речь о задачах епархиальных женских училищ // Астраханские епархиальные ведомости. 1894. № 22. Часть неофиц. С. 497.

¹³ Положение о седьмом (педагогическом классе) при Астраханском епархиальном женском училище // Астраханские епархиальные ведомости. 1896. № 89. Часть офиц. С. 393.

экзаменов им советом училища выдавались аттестаты и свидетельства на звание учительницы церковно-приходской школы.

Заключение

Таким образом, процесс развития образцовых школ проходил динамично и отвечал последним требованиям общества и науки, в частности новой еще тогда педагогики. Исходя из немногочисленных сведений о работе и организации образцовых школ, можно сделать вывод, что они являлись неким экспериментом в области духовного образования. Образцовые школы при духовных семинариях и училищах (по Уставу 1884 г.) должны были соответствовать модели построения такого образовательного процесса, при котором соблюдалась абсолютная преемственность между низшей, средней и высшей ступенью образования. Введение подобных школ в систему духовного образования способствовало будущим учителям на практике закрепить теоретические знания, что, несомненно, влияло на повышение образовательного уровня выпускников.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Алешина С. А. Качество подготовки учителей: историко-культурный контекст (на примере церковно-приходских школ Оренбургской епархии) // *Современные проблемы науки и образования*. 2016. № 6. С. 16 — 19.
2. Горячева А. А. Пастырство и учительство: Нужен ли духовной семинарии предмет «педагогика» (журнальная дискуссия XIX в.) // *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета*. Сер. 4: Педагогика. Психология. 2010. № 4 (19). С. 81 — 96.
3. Дорофеева А. А., Тимофеева Е. Г. Организация духовного образования и воспитания в женском епархиальном училище г. Астрахани // *Каспийский регион: политика, экономика, культура*. 2020. № 1 (62). С. 9 — 14.
4. Дорофеева А. А., Степанов С. Ю. К истории открытия образцовых начальных школ в Астраханской епархии // *Астраханские Петровские чтения: материалы IV Междунар. науч. конф.* (Астрахань, 19 декабря 2019 г.): сб. ст. Астрахань: Изд. дом «Астраханский университет», 2020. С. 151 — 153.
5. Ермачкова Е. П. Образование и просвещение в западносибирской деревне (1861 — 1913 гг.). Ишим: ИГПИ им. П. П. Ершова, 2010. 192 с.
6. Красницкая Т. А. Система управления церковными школами в дореволюционной России (на материалах Владимирской и Костромской губерний) // *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета*. Сер. 2: История. История Русской Православной Церкви. 2011. № 5 (42). С. 14 — 29.
7. Кучерук И. В. «Школьная повседневность» учащихся образовательных учреждений г. Астрахань в конце XIX — начале XX вв. // *Социально-экономические и экологические аспекты развития Прикаспийского региона: материалы Междунар. науч.-практ. конф.* (Элиста, 28 — 30 мая 2019 г.). Элиста: Изд-во Калмыцкого университета им. Б. Б. Городовикова, 2019. С. 636 — 638.
8. Монякова О. А. Начальные школы при семинариях и училищах «девиц духовного звания» // *Наука и школа*. 2011. № 2. С. 138 — 140.
9. Никитина М. Н. Начальные школы духовного ведомства в г. Тобольске в первые годы XX века // *Актуальные проблемы гуманитарных наук: Всерос. науч.-практ. конф.* (Нижевартовск, 20 февраля 2021 г.): сб. тр. Нижевартовск: Изд-во НВГУ, 2021. С. 63 — 67.
10. Синельников С. П. Роль законоучителя в религиозном образовании и воспитании детей в дореволюционной школе (по материалам журнальной периодики) // *Гуманитарные и социальные науки*. 2010. № 3. С. 257 — 267.

11. Шкарлат Л. П. Образцовые церковно-приходские школы при Симферопольском епархиальном женском училище и Таврической духовной семинарии — практическая база для подготовки высококвалифицированных учителей для начальных школ Крыма // Январские педагогические чтения. 2016. № 2 (14). С. 93 — 97.

Статья поступила в редакцию 19.07.2023; одобрена после рецензирования 30.09.2023; принята к публикации 07.10.2023.

Информация об авторах:

Наталья Игоревна Кулакова, доцент кафедры истории России Астраханского государственного университета им. В. Н. Татищева (414056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а), кандидат исторических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0363-2797>, vol-na1986@yandex.ru

Мария Владимировна Черник, доцент кафедры истории России Астраханского государственного университета им. В. Н. Татищева (414056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а), кандидат исторических наук, ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-7464-2355>, chernik-max@mail.ru

Вклад авторов:

Кулакова Н. И. — критический анализ и научное редактирование текста;

Черник М. В. — разработка концепции, развитие методологии, сбор данных и анализ литературы, написание первоначального варианта статьи.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Aleshina SA. The Quality of Teacher Training: Historical and Cultural Context (a Case Study of Parochial Schools of the Orenburg Diocese). *Modern Problems of Science and Education*. 2016;(6):16—19. (In Russ.)
2. Goryacheva AA. Pastorship and Teaching. Whether Pedagogy is Necessary for the Seminary as a Subject (Journal Discussion of the XIX Century). *St. Tikhons University Review. Ser. 4: Pedagogy. Psychology*. 2010;(4):81—96. (In Russ.)
3. Dorofeeva AA, Timofeeva EG. Organization of Spiritual Education and Upbringing in the Women's Diocesan School of Astrakhan. *The Caspian Region: Politics, Economics, Culture*. 2020;(1):9—14. (In Russ.)
4. Dorofeeva AA, Stepanov SYu. On the History of the Opening of Exemplary Primary Schools in the Astrakhan Diocese. *Astrakhan Petrovsky Readings*. Proceedings of the IV International Scientific Conference. Astrakhan;2020:151—153. (In Russ.)
5. Ermachkova EP. Education and Enlightenment in the West Siberian Village (1861 — 1913). *Is-him*;2010. (In Russ.)
6. Krasnitskaya TA. Church School Management System in Pre-Revolutionary Russia (a Case Study of the Vladimir and Kostroma Gubernia). *St. Tikhons University Review. Ser. 2: History. The History of the Russian Orthodox Church*. 2011;(5):14—29. (In Russ.)
7. Kucheruk IV. School Everyday Life of Students of Educational Institutions in Astrakhan in the Late XIX — Early XX Centuries. *Socio-Economic and Environmental Aspects of the Development of the Caspian Region*. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference. Elista;2019:636—638. (In Russ.)
8. Monyakova OA. Primary Schools at Seminaries and Colleges of “Maidens of the Clergy”. *Science and School*. 2011;(2):138—140. (In Russ.)

9. Nikitina MN. Primary Schools of the Spiritual Department in the City of Tobolsk in the First Years of the XX Century. *Actual Problems of the Humanities*. Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference. Nizhnevartovsk;2021:63—67. (In Russ.)

10. Sinelnikov SP. The Role of the Teacher in Religious Education and Upbringing of Children in the Pre-Revolutionary School (Based on Journal Periodicals). *The Humanities and Social Sciences*. 2010;(3):257—267. (In Russ.)

11. Shkarlat LP. Exemplary Parochial Schools at the Simferopol Diocesan Women's School and the Tauride Theological Seminary — a Practical Basis for the Training of Highly Qualified Teachers for Primary Schools in the Crimea. *January Pedagogical Readings*. 2016;(2):93—97. (In Russ.)

The article was submitted 19.07.2023; approved after reviewing 30.09.2023; accepted for publication 07.10.2023.

Information about the authors:

Natalia I. Kulakova, Associate Professor of Department of Russian History of Tatishchev Astrakhan State University (20a Tatishcheva Str., Astrakhan 414056, Russia), Candidate of Historical Sciences, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0363-2797>, vol-na1986@yandex.ru

Maria V. Chernik, Associate Professor of Department of Russian History of Tatishchev Astrakhan State University (20a Tatishcheva Str., Astrakhan 414056, Russia), Candidate of Historical Sciences, ORCID: <https://orcid.org/0009-0007-7464-2355>, chernik-max@mail.ru

Contribution of the authors:

Kulakova N. I. — critical analysis and scientific editing of the text;

Chernik M. V. — concept development, methodology development, data collection and literature analysis, writing the initial version of the article.

Conflict of interests: the authors declare no conflict of interests.

The authors have read and approved the final version of the manuscript.

УДК 94(47).083:341.958
EDN YHWPHP

<http://vestnikniign.ru>

Научная статья

СВЯТЕЙШИЙ СИНОД, СОВЕТ МИНИСТРОВ И ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (1906 — 1914 гг.)

М. Б. Аверин

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
г. Москва, Россия
averin.mb@yandex.ru

Аннотация

Введение. Усложнение законодательного процесса в 1906 г., в котором принимали участие заинтересованные ведомства, обе палаты парламента, Совет министров и император, публичный характер обсуждения вопросов в Государственной думе, где действовала вероисповедная комиссия, и Государственном совете привели к появлению совершенно новых условий для деятельности представителей Святейшего синода в области законодательства. Важное значение приобретают проблема разграничения гражданской (светской) и церковной сфер законодательства, попытки разрешения возникших в данной области противоречий между Советом министров, Святейшим синодом и другими центральными ведомствами.

Материалы и методы. Материалом для исследования выступили особые журналы Совета министров, стенографические отчеты заседаний Государственного совета, официальные письма и нормативные правовые акты. Важными методами исследования были сравнительный, историко-правовой и системного анализа.

Результаты исследования и их обсуждение. Отдельные аспекты данной проблематики неоднократно служили предметом научных исследований. В частности, подробно изучались вопросы развития брачно-семейных отношений и правового статуса женщин, церковное законодательство, отношения Синода с другими высшими и центральными государственными учреждениями. Однако проблема взаимодействия Синода, различных ведомств и Совета министров в рамках работы последнего в сфере правотворчества рассмотрена пока еще недостаточно. В статье анализируется деятельность Синода, его обер-прокуроров, которая была направлена на сохранение влияния духовного ведомства в сфере подготовки законопроектов, а также борьбы по данному вопросу в Совете министров.

Заключение. Законодательная практика Российской империи шла по пути увеличения сферы светского законодательства. Относительно успешные попытки четкого разделения светской и церковной сфер правового регулирования, инициированные Синодом, его обеспокоенность существующей практикой как раз и выступали очевидным доказательством развития ситуации в данном направлении, а позиция правительства по этому вопросу свидетельствовала о том, что борьба церковного ведомства могла закончиться лишь временными и несущественными тактическими успехами.

Ключевые слова: Святейший синод, Совет министров, законодательный процесс Российской империи

Благодарности: публикация подготовлена на основе доклада на межрегиональной научно-практической конференции «II Спасские чтения в честь преподобномученицы Екатерины Симбирской» (г. Ульяновск, Спаский женский монастырь, 17 — 18 февраля 2023 г.)

© Аверин М. Б., 2024

Для цитирования: Аверин М. Б. Святейший синод, Совет министров и проблемы совершенствования законодательного процесса в Российской империи (1906 — 1914 гг.) // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2024. Т. 16, № 1. С. 85 — 96. EDN YHWPHP

Original article

THE HOLY SYNOD, THE COUNCIL OF MINISTERS AND THE PROBLEMS OF IMPROVING THE LEGISLATIVE PROCESS IN THE RUSSIAN EMPIRE (1906 — 1914)

M. B. Averin

National Research University Higher School of Economics,
Moscow, Russia
averin.mb@yandex.ru

Abstract

Introduction. The complication of the legislative process since 1906, in which interested departments, both chambers of Parliament, the Council of Ministers and the Emperor took part, the public nature of the discussion of issues in the State Duma, where the religious Commission operated, and the State Council, led to the emergence of completely new conditions for the activities of representatives of the Holy Synod in the field of lawmaking. The most important issue is the differentiation of civil (secular) and ecclesiastical spheres of legislation, attempts to resolve the contradictions that have arisen in this area between the Council of Ministers, the Holy Synod and other central departments.

Materials and methods. The materials for the study were special journals of the Council of Ministers, verbatim reports of meetings of the State Council, official letters and regulatory legal acts. The most important research methods were comparative, historical-legal and system-analysis.

Results and discussion. Certain aspects of this problem have repeatedly served as the subject of scientific research. In particular, the issues of the development of marriage and family relations and the legal status of women, church legislation, the relations of the Holy Synod with other higher and central state institutions were studied in detail. However, the problem of interaction between the Holy Synod, various departments and the Council of Ministers in the framework of the latter's work in the field of law-making has not yet been sufficiently considered. The article attempts to analyze the activities of the Holy Synod, its chief prosecutors, which was aimed at preserving the influence of the spiritual department in the preparation of bills, as well as the struggle on this issue in the Council of Ministers.

Conclusion. The legislative practice of the Russian Empire, although extremely slowly, but inexorably followed the path of increasing the scope of secular (civil) legislation. The relatively successful attempts to more or less clearly separate the secular and ecclesiastical spheres of legal regulation initiated by the Holy Synod, its concern about the existing practice, were just obvious proof of the development of the situation in this direction, and the government's position on this issue testified that the struggle of the church department could end only with temporary and insignificant tactical successes.

Keywords: The Holy Synod, the Council of Ministers, the legislative process of the Russian Empire

Acknowledgements: the publication is based on the report of the Interregional Scientific and Practical Conference “II Spassky Readings in Honor of the Venerable Martyr Catherine of Simbirsk” (Ulyanovsk, Spassky Convent, February 17 — 18, 2023).

For citation: Averin MB. The Holy Synod, the Council of Ministers and the Problems of Improving the Legislative Process in the Russian Empire (1906 — 1914). *Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia*. 2024;16(1):85—96. EDN YHWPHP

Введение

Реформа Совета министров Российской империи и изменение статуса Государственного совета в 1905 — 1906 гг. способствовали переносу основной части законоподготовительной деятельности в обновленное правительство. Значительной становится и роль председателя Совета министров, представлявшего доклады императору по наиболее важным вопросам, включая законодательные, а также контролировавшего внесение законопроектов в парламент. Обер-прокурор Святейшего синода в качестве члена правительства участвовал в его заседаниях, представлял отзывы на планируемые законодательные меры и готовые законопроекты, а также выдвигал свои предложения¹. Усложнение законодательного процесса в 1906 г., в котором принимали участие заинтересованные ведомства, обе палаты парламента, Совет министров и император, публичный характер обсуждения вопросов в Думе, где действовала вероисповедная комиссия, и Государственном совете привели к появлению совершенно новых условий для деятельности представителей Синода в рассматриваемой сфере. К наиболее значимым для Церкви и ее представителей вопросам, которые рассматривались в законодательном порядке в данный период, следует отнести: организацию и финансирование церковных учреждений; проблемы, связанные с миссионерской деятельностью и образованием; реформу церковного прихода; выделение Холмской губернии; вопросы, связанные с межконфессиональными отношениями и претворением в жизнь указа «Об укреплении начал веротерпимости» от 17 апреля 1905 г. Весьма важное значение имели нормы брачно-семейного права, положения гражданского права, которые прямо или косвенно затрагивали церковные интересы, догматы и православную этику, были связаны с церковной юрисдикцией.

Материалы и методы

Материалом для исследования выступили особые журналы Совета министров, включая журналы дел, разрешаемых собственной властью правительства, стенографические отчеты заседаний Государственного совета, посвященные вопросам церковного законодательства, официальная переписка председателя Совета министров П. А. Столыпина и нормативные правовые акты, касающиеся разграничения сфер гражданского (светского) и церковного права.

Использование историко-правового метода исследования позволило выявить внешние и внутренние факторы, влиявшие на динамику работы законодательных и законоподготовительных учреждений и разработку соответствующих законопроектов. Сравнительный метод способствовал выявлению отличий законодательного процесса в рассматриваемой сфере от общего порядка, а метод системного-анализа проследить особенности взаимодействия между отдельными учреждениями государственного механизма, участвовавшими в разработке нормативных правовых актов.

Обзор литературы

Отдельные аспекты данной проблематики неоднократно служили предметом научных изысканий. В частности, подробно изучались развитие регулирования

¹ Высшие и центральные государственные учреждения России: 1801 — 1917 гг.: в 4 т. СПб., 1998. Т. 1. С. 196.

брачно-семейных отношений и правовой статус женщин. В этих работах затрагивались и вопросы подготовки соответствующих законопроектов² [3; 4; 8].

Одновременно существуют исследования, посвященные развитию церковного права, а также его отдельным аспектам [5; 6]. Проблеме отношений государства и Церкви, роли Святейшего синода в системе государственного механизма Российской империи, его взаимодействию с другими высшими и центральными государственными учреждениями, а также участию в законоподготовительной деятельности Совета министров уделено значительное внимание исследователей [1; 2; 7; 9; 10]. Однако взаимодействие Святейшего синода, различных ведомств и Совета министров в рамках работы последнего в сфере правотворчества рассмотрено недостаточно.

Результаты исследования и их обсуждение

В сентябре — октябре 1906 г. Совет министров, продолжая дело упраздненного Комитета министров по разработке законопроектов в исполнение Указа от 17 апреля 1905 г. «Об укреплении начал веротерпимости», в двух заседаниях рассмотрел два законопроекта, представленных Министерством внутренних дел: «Положение о старообрядцах и отделившихся сектантах» и «Правила относительно ведения для означенных лиц книг гражданского состояния»³ [5, с. 357 — 360]. Некоторые положения проектов вызвали критику со стороны обер-прокурора Синода П. П. Извольского, подкрепленную мнением Особого совещания Святейшего синода под председательством митрополита Московского. Кроме самих возражений, заключавшихся в непризнании за старообрядческими иерархами наименования «священнослужители», а за молельным домом — «храм», было справедливо отмечено, что предполагаемая самостоятельность, включая финансовую, старообрядческих и сектантских общин явно умаляла достоинство Церкви, которая не обладала подобными правами. В результате было принято постановление Совета министров, утвержденное императором, предполагавшее разработку Синодом проекта правил о православном приходе, и «поскольку правила эти будут касаться области гражданских (светских) отношений»⁴, следовало принимать их в обычном законодательном порядке, т. е. через обсуждение в парламенте. Однако каких-либо указаний на то, что следует понимать под «гражданскими (светскими) отношениями» не существовало. По всей видимости, решение данного вопроса в каждом отдельном случае принималось бы на основе существующей практики и теоретико-догматических положений. Надо сказать, что в период существования Комитета министров и прежнего Совета министров Синод сохранял определенную автономию в законо-

² Гессен И. В. Раздельное жительство супругов. Закон 12 марта 1914 года «О некоторых изменениях и дополнениях действующих узаконений о личных и имущественных правах замужних женщин о об отношениях супругов между собою и к детям» и другие законоположения. СПб., 1914; Григоровский С. П. О разводе. Причины и последствия развода и бракоразводное судопроизводство: ист.-юрид. очерки. СПб., 1911.

³ Особые журналы Совета министров Российской империи. 1906 — 1908 гг.: в 3 т. Т. 1: 1906 год. М., 2011. С. 219 — 229.

⁴ Полное собрание законов Российской империи / собр. 3. Т. XXVI. Отд. 1. СПб., 1909. № 28426. С. 915.

дательных вопросах, а его отношения с данными учреждениями не имели точного законодательного определения [2, с. 158 — 159, 191]. Попытки расширения прерогатив Комитета министров в церковной сфере вызвали отрицательное отношение духовного ведомства [2, с. 159], а проблема о соотношении данных сфер имела давние корни.

В феврале 1907 г. в Совете министров обсуждались уже семь законопроектов, разработанных в развитие Манифеста от 17 октября 1905 г., но МВД, а значит и председатель правительства, пошли дальше, желая получить мнение о том, что не следует ли начать разработку еще более радикальных проектов: о введении гражданской метрикации, гражданском браке, внеконфессиональном погребении, гражданской присяге и возможности преподавания в школах Закона Божия инославных и иноверных вероисповеданий⁵ [9, с. 48 — 50]. Синод, в лице обер-прокурора, вновь отметил, что отдельные проектируемые меры, например, право свободной проповеди и исключение соращения из православия из числа наказуемых деяний, уравнивающие положение иных вероисповеданий, противоречат принципу господства в силу закона православной Церкви и не следуют из буквального понимания актов от 17 апреля и 17 октября 1905 г. Любопытно, что П. П. Извольский ставил в пример правительству и МВД решение Государственной думы, которым последняя желала непременно получить отзыв на составленный там законопроект о свободе совести от Святейшего синода, а также отмечал необходимость того, чтобы законодательные учреждения по подобном вопросам были бы точно осведомлены об отношении к ним Синода. С последним правительство не могло не согласиться, но отметило, в свою очередь, что отзыв Синода на законопроект может быть представлен и по внесению последнего на законодательное рассмотрение нижней палаты⁶.

Стремясь обеспечить единство правительства, П. А. Столыпин в письме П. П. Извольскому по поводу одного из указов в декабре 1907 г. писал, что его отдельные положения необходимо смягчить, и если «Церковь возвышает свой голос, то едва ли министерство должно вставать на дыбы, но пусть сама Дума решает вопрос — в Думе же против Синода мы не пойдем»⁷. Одновременно председатель Совета министров предостерегал Извольского от предварительного обращения за одобрением к императору («забронироваться одобрением царской власти»), ибо последнего надо беречь и не ставить в неудобное положение. Продолжая свою отповедь, П. А. Столыпин отмечал, что Синод «не только совершенно забывает Манифест 17 октября о свободе совести, но и впадает в противоречие с основаниями Манифеста 17 апреля о веротерпимости»⁸. Таким образом, председатель правительства пытался поставить под контроль в законодательной сфере, как в случае и с другими ведомствами, Святейший синод. Последний должен действовать по общей схеме — обсуждение законопроекта в правительстве, предварительное его одобрение

⁵ Особые журналы Совета министров Российской империи. 1906 — 1908 гг.: в 3 т. Т. 2: 1907 год. М., 2011. С. 192 — 197.

⁶ Там же. С. 193 — 194.

⁷ П. А. Столыпин: Переписка. М., 2004. С. 184.

⁸ Там же. С. 184.

императором, обсуждение в палатах парламента и окончательное утверждение принятого законопроекта верховной властью. Соблюдение процедуры гарантировало правительственную поддержку законодательным предложениям заинтересованных ведомств.

Однако, как правило, Совет министров более чем внимательно относился к мнению обер-прокурора Синода. В ноябре 1907 г. на заседании правительства рассматривался законопроект «О разрешении супругам раздельного жительства», который имел длительную историю⁹ [4, с. 266 — 270]. Его первый вариант был внесен в Государственный совет в 1898 г. и при обсуждении там, в 1903 г., встретил критику К. П. Победоносцева. Сама проблема и ее постепенное разрешение уходят в практику III отделения СЕИВК, где по личному указанию императора рассматривались семейные дела, которые иногда в порядке исключения из законодательства заканчивались выдачей жене, подвергшейся жестокому обращению со стороны мужа, отдельного от супруга вида на жительство. Попытки урегулировать подобную практику наталкивались на положения гражданского законодательства и догматы Церкви¹⁰. Далее последовательно решение подобных дел перешло в Комиссию прошений и Канцелярию по принятию прошений, на высочайшее имя приносимых. Одновременно началась разработка законопроекта о раздельном жительстве супругов в рамках подготовки нового Гражданского уложения. В отзыве на разработанный законопроект обер-прокурор Святейшего синода К. П. Победоносцев решительно отверг саму идею раздельного жительства, исходя из самых разных соображений, однако предложил, учитывая важность проблемы, создать возможность фактического разобщения супругов, дополнив ст. 11 Положения о видах на жительство примечанием о том, что жена, живущая отдельно от мужа, может получать от полиции свидетельство о проживании отдельно от мужа, и такое «свидетельство служило бы простым удостоверением факта и имени супруги (которая получала отдельное свидетельство — М. А.), нисколько не превращая его в право отдельного жительства»¹¹.

Реформа Государственного совета не позволила закончить обсуждение законопроекта. Особое совещание, созданное по данному вопросу 11 марта 1904 г., пошло по пути, предложенному К. П. Победоносцевым, выступив одновременно за расширение гражданской правоспособности замужних женщин. Однако представленный вновь министром юстиции проект закона повторял в своей основе первый вариант. Совет министров в полной мере согласился с мнением К. П. Победоносцева и действующего обер-прокурора Синода П. П. Извольского о том, что «институт раздельного жительства супругов недопустим, как в корне противоречащий каноническим правилам о существе таинства брака»¹². Однако вопрос о стесненном положении замужних женщин уже решался, появилось разъяснение Сената о выдаче отдельных паспортов крестьянкам в случае жестокого обращения со стороны их

⁹ Особые журналы Совета министров Российской империи. Т. 2. С. 686 — 688.

¹⁰ Григоровский С. П. Указ. соч. С. 313 — 314.

¹¹ Там же. С. 327 — 328.

¹² Особые журналы Совета министров Российской империи. Т. 2. С. 687.

мужей. Эта практика была распространена с 1902 г. на женщин мещанского сословия, продолжалась работа Канцелярии по принятию прошений. В связи с этим законопроект Министерства юстиции был отправлен на доработку.

В марте 1908 г. по инициативе обер-прокурора Синода в правительстве происходит обсуждение вопроса о вторжении в область церковного управления при рассмотрении в Государственной думе законопроекта «О подсудности и порядке производства дел о расторжении браков лиц православного исповедания вследствие прелюбодеяния или неспособности к брачному сожителству». Обер-прокурор прямо говорит о том, что данная ситуация является удобным случаем правильно решить вопрос о разграничении границ общего законодательства и сферы церковного управления, где действует иной порядок принятия нормативных актов, т. е. Синодом и императором. Вторжение в данную сферу умаляло законодательные прерогативы императорской власти, а значит, по мнению П. П. Извольского, законопроект необходимо было отозвать, а прежнее согласие Синода не могло иметь силы, так как поставленные условия церковной властью по содержанию законопроекта не были выполнены Министерством юстиции (автором проекта закона). Мнение Синода подтверждалось заключением Отделения Свода законов Государственной канцелярии. Однако министр юстиции И. Г. Щегловитов пояснил, что Устав духовных консисторий, а речь шла о внесении туда изменений, по своему характеру имеет смешанный состав, и отделить светские нормы от церковных при их тесном взаимодействии затруднительно, и практика издания подобных смешанных актов носит длительный характер. Министр выступил против возражений Синода, одновременно предлагая не вносить изменения после одобрения закона в Устав консисторий, а сохранить в виде самостоятельных законодательных определений. Совет министров, отметив, что данный законопроект относится к области гражданского законодательства, поддержал мнение Министерства юстиции¹³. Конечно, это было полное поражение Святейшего синода, подтверждавшее общую тенденцию на расширение сферы светского законодательства, а также указывавшее на отношение к проблеме высших и центральных государственных учреждений. Однако данный проект закона и еще несколько спорных законопроектов, связанных с религиозной сферой, были отозваны правительством из законодательных учреждений [4, с. 330].

Длительная эпопея с законом «О раздельном жительстве супругов» все же увенчалась успехом. В октябре 1909 г. обновленный в духе пожеланий Синода и Государственного совета законопроект Министерства юстиции был внесен в Совет министров, который рассмотрел его в ноябре 1910 г. По проекту замужние женщины получали право на выдачу отдельных от супруга видов на жительство без согласия последнего, расширялась их гражданская правоспособность. В отзыве обер-прокурора Синода С. М. Лукьянова имелись отдельные замечания по процедуре получения женщиной отдельного вида на жительство, которые не были приняты правительством и не носили принципиального характера.

¹³ Особые журналы Совета министров Российской империи. 1906 — 1908 гг.: в 3 т. Т. 3: 1908 год. М., 2011. С. 163 — 164.

Однако именно правительство, понимая важность постановки данного вопроса, его морально-этической составляющей, предложило разбить законопроект на два отдельных закона, отказавшись от прежнего одиозного наименования: «О расширении личных и имущественных прав замужних женщин» и «О некоторых изменениях и дополнениях действующих узаконений об отношениях супругов между собою и к детям»¹⁴.

Необходимо отметить, что данные законопроекты, претерпев некоторые изменения, были вновь объединены в единый закон «О некоторых изменениях и дополнениях действующих узаконений о личных и имущественных правах замужних женщин и об отношениях супругов между собой и к детям». Этот законопроект, рассмотренный в Думе, после слушаний в Государственном совете был возвращен на согласование в нижнюю палату и только 12 марта 1914 г. удостоился утверждения монарха. Здесь любопытными и вполне естественными представляются приведенные доводы в полемике с консервативными противниками положений закона, которые заключались в апелляции к вышеназванному отзыву К. П. Победоносцева, а также мнению Святейшего синода, изложенного в письме на имя прежнего председателя Совета министров П. А. Столыпина: «Святейший Синод не встречает ныне со своей стороны препятствий к осуществлению предложений Министерства юстиции о раздельном жительстве супругов..., оставляя за собой, за духовной властью Православной Церкви, право пастырского воздействия на раздельноживущих супругов и вразумления их к прекращению разножительства и к возобновлению совместного жительства»¹⁵. Однако в реальности российский парламент, правительство, верховная власть с согласия Синода, пренебрегая справедливыми опасениями, и из самых лучших побуждений, защищая права обездоленных женщин, создали правовые предпосылки для фактического прекращения брачных отношений супругами в случае недобросовестного использования положений нового закона.

Рост законодательной активности парламента, расширение сферы правового регулирования светских властей не могли не вызывать опасений со стороны Святейшего синода. Общий законодательный порядок предполагал прохождение проектов законов через парламент и утверждение их императором. Указы, издаваемые императором в порядке верховного управления и законы, как правило, предварительно обсуждались в Совете министров или ином совещательном органе. Указы императора, относившиеся к военным вопросам, если не касались новых финансовых расходов и общего законодательства, имели силу закона, т. е. принимались без участие парламента и, как правило, без предварительного рассмотрения в Совете министров. Разграничение, таким образом, сфер общего правового регулирования и специального, с участием исключительно императора и заинтересованного ведомства было крайне важным вопросом. Последний порядок позволял лучше защищать

¹⁴ Особые журналы по делам, разрешенным собственною властью Совета министров за 1910 год. СПб., 1910. С. 1 — 7.

¹⁵ Государственный Совет: Стеногр. отчеты: 1912 — 1913 годы. Сессия восьмая. Заседания 1-51 (1 ноября 1912 г. — 4 июля 1913 г.). СПб., 1913. Ст. 1127.

ведомствам свои интересы, быстрее принимать необходимые решения, но учитывая меньший контроль со стороны Совета министров, он не способствовал достижению единства управления и законодательства.

Однако разграничение сфер общего и специального, указного, нормативно-правового регулирования в каждом конкретном случае вызывало споры и затруднения. Правительство пыталось выработать общие принципы в отношении военных ведомств и Канцелярии по учреждениям императрицы Марии. Выше говорилось о том, что в 1906 г. уже шла речь о сфере гражданских (светских) отношений в противоположность церковной, но каких-либо четких правил по их разграничению просто не существовало.

В сентябре 1913 г. подобное решение состоялось по ведомству Святейшего синода. Обер-прокурор В. К. Саблер представил в правительство следующие соображения по данной проблеме. В ст. 65 Основных государственных законов закреплялось то, что императорская власть в церковном управлении действует посредством Святейшего правительствующего синода. По мнению В. К. Саблера, статья полностью воспроизводила прежнее законодательное положение, когда под церковным управлением понимались и законодательные дела, если только они не касались ведения иных государственных учреждений и финансовых ассигнований из казны на штатное содержание. Такие законодательные дела восходили через обер-прокурора Синода непосредственно на высочайшее утверждение, носили наименование уставов, положений, определений, инструкций и могли публиковаться в Полном собрании законов. В новых условиях, в отсутствии специальных норм и иных указаний, прежний порядок сохранился. В связи с этим в сфере собственно церковного управления законодательные полномочия принадлежали Синоду и императору без участия парламента. Причем Синод до настоящего времени осуществлял законодательную власть отчасти самостоятельно. Так, постановления «по вопросам чисто религиозным, т. е. каноническим, богослужебным и касающимся учительства пастырского, издавались Святейшим синодом в силу власти Апостольской», а «определения по делам суда церковного и управления в области духовных установлений восходили обыкновенно» на утверждение императора, и, наконец, «дела по вопросам церковно-государственного значения разрешались в общем для всех государственных учреждений законодательном порядке»¹⁶. Соответственно постановления по исключительно церковным делам, утвержденные императором, должны иметь силу закона, как и принятого последним совместно с Государственной думой и Государственным советом, и представляться на высочайшее утверждение непосредственно обер-прокурором Синода.

Церковное законодательство, по мнению В. К. Саблера, не может касаться налогов, изменения прав на церковное имущество или прав духовенства, а значит такие законы должны издаваться при участии светских властей, так как это гражданское (светское) законодательство, принимаемое в общем порядке. Подобным образом устанавливаются и новые церковные штаты, если они сопряжены с госу-

¹⁶ Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909 — 1917 гг.: 1913 год. М., 2005. С. 352.

дарственным финансированием. Смешанные законопроекты, где имеются гражданские и церковные нормы одновременно, должны рассматриваться законодательными учреждениями лишь в частях, которые не касаются собственно церковного законодательства, а также подлежат предварительному рассмотрению Святейшего синода. Кроме того, В. К. Саблер высказал предложение опубликовать данное постановление Совета министров по его одобрению императором в Собрании узаконений и распоряжений правительства для ознакомления всеми государственными учреждениями и, прежде всего, Государственной думой. Отношения последней и Синода складывались непросто, стоит только вспомнить разногласия по вопросу о контроле над церковными финансовыми средствами [9, с. 232 — 241].

Последняя идея была решительно отвергнута Советом министров, так как данное по своей сути «инструкционное» положение не может быть облечено в формы высочайше утвержденного положения Совета министров, но, конечно, будет доведено до соответствующих ведомств. Однако правительство полностью согласилось с порядком прохождения церковных законопроектов исключительно через Синод и императора, а также с тем, что вопросы церковного управления, которыми затрагиваются «предметы общего законодательства или круг ведения иных, кроме ведомства православного исповедания, государственных учреждений или кои сопряжены с расходами государственного казначейства, разрешаются в общем законодательном порядке, но лишь в тех частях оных, которые не касаются предметов единственного ведения Святейшего правительствующего Синода». Последние дела поступают на предварительное заключение Синода и по одобрению правительством и императором вносятся в Государственную думу. В случае разногласий правительства и Синода создается соединенное присутствие данных учреждений для рассмотрения спора. Если стороны не достигнут соглашения, вопрос передается на высочайшее усмотрение. Последний пункт был добавлен по инициативе Совета министров. Кроме того, он сделал оговорку о том, что смешанные законопроекты вносятся в правительство целиком, не отделяя светских частей от церковных, для их лучшего обозрения [9, с. 354 — 355]. Журнал заседания правительства был утвержден императором 4 сентября 1913 г.

Заключение

Таким образом, последняя оговорка носила принципиальный характер. Она позволяла правительству и законодательным учреждениям фактически обсуждать смешанные проекты законов во всей их полноте (как это и было на практике до данного постановления Совета министров). Утверждение таких законопроектов постепенно бы привело к расширению сферы светского (гражданского) регулирования, а последняя, конечно, не ограничилась бы установлением «каких-либо налогов», ни расширением «прав церковных учреждений на имущество или прав лиц духовного ведомства на какие-либо преимущества по службе государственной», ни получением государственного финансирования на содержание штатов¹⁷. Возможность вынесения разногласий, сохранявшихся в ходе работы примиритель-

¹⁷ Особые журналы Совета министров Российской империи. 1909 — 1917 гг.: 1913 год. С. 352 — 353.

ного соединенного присутствия, предложенного правительством, на высочайшее разрешение также не способствовало в существующих реалиях защите церковных интересов. При таком совместном докладе императору вес мнения правительства и ведущих ведомств создавал бы Святейшему синоду лишь дополнительные трудности.

Все это, несмотря на сохранение за Синодом своей исключительной компетенции во все более узкой церковной сфере правового регулирования, свидетельствовало о том, что Российская империя, ее законотворческая практика медленно, но неумолимо шли по пути увеличения сферы светского (гражданского) законодательства. Попытки более или менее четкого разделения светской и церковной сфер правового регулирования, инициированные Святейшим синодом, его обеспокоенность существующей практикой, как раз и выступали очевидным доказательством развития ситуации именно в данном направлении, а позиция правительства говорила о том, что борьба церковного ведомства по этому вопросу могла закончиться лишь временными и несущественными тактическими успехами.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Аверин М. Б. Совет министров Российской империи: правовое регулирование в национальных окраинах (1906 — 1914 годы). М.: РПА Минюста России, 2013. 104 с.
2. Алексеева С. И. Святейший Синод в системе высших и центральных государственных учреждений пореформенной России 1856 — 1904 гг. СПб.: Наука, 2003. 276 с.
3. Амбарцумов И. В. Проблемы и коллизии брачного права Российской империи (конец XIX — начало XX века) // Христианское чтение. 2013. № 1. С. 39 — 113.
4. Веремко В. А. Дворянская семья и государственная политика России (вторая половина XIX — начало XX в.). СПб.: Европейский Дом, 2007. 624 с.
5. Дорская А. А. Российское законодательство о свободе совести в 1905 — 1917 гг. // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX — XX веков. СПб.: Алетейя, 1999. С. 354 — 363.
6. Дорская А. А. Церковное право в системе права Российской империи конца XVIII — начала XX вв.: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2008. 402 с.
7. Лавров В. М., Лобанов В. В., Мазырин А. В. Иерархия Русской Православной церкви, патриаршество и государство в революционную эпоху. М.: Русская панорама, 2008. 376 с.
8. Левшин Э. М. Нерасторжимость брака как культуuroобразующий принцип брачного права: выбор России на рубеже XIX — XX веков // История государства и права. 2014. № 20. С. 58 — 63.
9. Рожков В. Церковные вопросы в Государственной Думе. М.: Изд-во Крутицкого подворья, 2004. 560 с.
10. Федоров В. А. Русская Православная Церковь и государство: Синодальный период: 1700 — 1917. М.: Русская панорама, 2003. 480 с.

Статья поступила в редакцию 19.07.2023; одобрена после рецензирования 02.10.2023; принята к публикации 07.10.2023.

Информация об авторе:

Михаил Борисович Аверин, доцент департамента теории права и сравнительного правоведения Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (123022, Россия, г. Москва, Большой Трёхсвятительский пер., 3), кандидат юридических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2509-7502>, averin.mb@yandex.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Averin MB. The Council of Ministers of the Russian Empire: Legal Regulation in National Suburbs (1906 — 1914). Moscow;2013. (In Russ.)
2. Alekseeva SI. The Holy Synod in the System of Higher and Central State Institutions of Post-Reform Russia 1856 — 1904. St. Petersburg;2003. (In Russ.)
3. Ambartsumov IV. Problems and Conflicts of the Marriage Law of the Russian Empire (Late XIX — Early XX Century). *Christian Reading*. 2013;(1):39—113. (In Russ.)
4. Veremenko VA. The Noble Family and the State Policy of Russia (the Second Half of the XIX — the Beginning of the XX Century). St. Petersburg;2007. (In Russ.)
5. Dorskaya AA. Russian Lawmaking on Freedom of Conscience in 1905 — 1917. *Problems of Socio-Economic and Political History of Russia of the XIX—XX Centuries*. St. Petersburg;1999:354—363. (In Russ.)
6. Dorskaya AA. Church Law in the System of Law of the Russian Empire of the Late XVIII — Early XX Centuries. Dis. ... Dr. of Legal Sci. Moscow;2008. (In Russ.)
7. Lavrov VM, Lobanov VV, Mazyrin AV. The Hierarchy of the Russian Orthodox Church, the Patriarchate and the State in the Revolutionary Era. Moscow;2008. (In Russ.)
8. Levshin EM. The Indissolubility of Marriage as a Culture-Forming Principle of Marriage Law: the Choice of Russia at the Turn of the XIX — XX Century. *History of State and Law*. 2014;(20):58—63. (In Russ.)
9. Rozhkov V. Church Issues in the State Duma. Moscow;2004. (In Russ.)
10. Fedorov VA. The Russian Orthodox Church and the State. Synodal Period. 1700 — 1917. Moscow;2003. (In Russ.)

The article was submitted 19.07.2023; approved after reviewing 02.10.2023; accepted for publication 07.10.2023.

Information about the author:

Mikhail B. Averin, Associate Professor of Department of Theory of Law and Comparative Law of the National Research University Higher School of Economics (3 Bolshoy Trekhsvyatelsky Lane, Moscow 123022, Russia), Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2509-7502>, averin.mb@yandex.ru

Conflict of interest: the author declares that there is no conflict of interest.

The author read and approved the final version of the manuscript.

УДК: 94(470.57)«1917/1941»
EDN PHSXKR

<http://vestnikniign.ru>

Научная статья

МЛАДЕНЧЕСКАЯ СМЕРТНОСТЬ В ДЕРЕВНЕ В 1920 — 1930-е гг. (на примере Башкирской АССР)

Ш. Н. Исянгулов

Уфимский федеральный исследовательский центр Российской академии наук,
г. Уфа, Россия
isangul-schamil@mail.ru

Аннотация

Введение. В статье рассматривается младенческая смертность в сельской местности Башкирской АССР в 1920 — 1930-е гг. в сравнении с аналогичными показателями относительно всего населения. В ней впервые в историографии определены коэффициенты младенческой смертности в 1926 — 1940 гг. как в деревне, так и по всей территории региона.

Материалы и методы. Обзор имеющейся по обозначенной теме литературы показал, что проблема изучена недостаточно. Основными источниками стали опубликованные и неопубликованные статистические материалы. Коэффициенты младенческой смертности рассчитаны по формуле Ратса: $1/3$ родившихся в предыдущем году и $2/3$ — в текущем.

Результаты исследования и их обсуждение. Исчисленные коэффициенты младенческой смертности показывают, что в 1924 г. произошло значительное ее снижение по сравнению с дореволюционным периодом. Причинами данного явления могли стать уменьшение уровня рождаемости в годы Гражданской войны и голод 1921 — 1922 гг. Низкий уровень младенческой смертности в деревне также объясняется национальными (прежде всего башкирскими и татарскими) традициями ухода за детьми, заключавшимися в том числе в долгом грудном вскармливании и позднем вводе прикорма. Наибольшие показатели младенческой смертности на селе имели народы, в прошлом исповедовавшие православие, прежде всего русские. У бывших мусульман (башкир, татар) и язычников (марийцев, удмуртов) ее уровень был намного ниже. Однако в конце 1930-х гг. практически у всех народов (за исключением русских) в деревне произошло увеличение уровня младенческой смертности. Данное обстоятельство, скорее всего, было вызвано вовлечением женщин в общественное производство, в результате чего они стали уделять меньше внимания своим новорожденным детям, будучи заняты на колхозной работе.

Заключение. В рассматриваемый период коренного перелома в эволюции младенческой смертности в Башкирии не произошло. Переплетение различных факторов способствовало сохранению в сельской местности в довоенный период более низких показателей младенческой смертности в сравнении с городом.

Ключевые слова: младенческая смертность, Башкирия, довоенный период, коэффициент младенческой смертности, село, город

Для цитирования: Исянгулов Ш. Н. Младенческая смертность в деревне в 1920 — 1930-е гг. (на примере Башкирской АССР) // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2024. Т. 16, № 1. С. 97 — 108. EDN PHSXKR

© Исянгулов Ш. Н., 2024

Original article

INFANT MORTALITY IN THE VILLAGE IN THE 1920S — 1930s (a Case Study of the Bashkir ASSR)

Sh. N. Isyangulov

Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences,
Ufa, Russia
isangul-schamil@mail.ru

Abstract

Introduction. The article examines infant mortality in rural areas of the Bashkir ASSR in the 1920s — 1930s in comparison with similar indicators for the entire population. For the first time in historiography, infant mortality rates were determined in the village and throughout Bashkiria from 1926 to 1940, mainly on the basis of unpublished sources.

Materials and methods. A review of the literature showed that the problem has not been studied enough. The main sources were published and archived statistical sources. Infant mortality rates are calculated according to the Rats Formula: 1/3 of those born in the previous year and 2/3 — in the current year.

Results and discussion. The calculated infant mortality rates show that as early as 1924 there was a significant decrease in death rate compared to the pre-revolutionary period. One of the reasons for this phenomenon could be a decrease in the birth rate during the Civil War and the famine of 1921 — 1922. The low level of infant mortality in the village is also explained by national, primarily Bashkir and Tatar women, traditions of child care, which included, among other things, long breastfeeding and late introduction of complementary foods. The highest rates of infant mortality in rural areas were among peoples who in the past professed Orthodoxy, primarily Russians. Among former Muslims (Bashkirs, Tatars) and pagans (Mari, Udmurts) it was much lower. At the same time, in the late 1930s, almost all peoples (except Russians) in the village experienced an increase in the infant mortality rate. This circumstance was most likely caused by the involvement of women in social production, after which they began to pay less attention to their newborn children, being engaged in collective farm work.

Conclusion. There was no radical change in the evolution of infant mortality in Bashkiria during the period under review. The interweaving of various factors continued to contribute to the preservation of the infant mortality rate in the village in the pre-war period at a high level.

Keywords: infant mortality; Bashkiria; pre-war period; infant mortality rate; village; city

For citation: Isyangulov ShN. Infant Mortality in the Village in the 1920s — 1930s (a Case Study of the Bashkir ASSR). *Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia*. 2024;16(1):97—108. EDN PHSXKR

Введение

В настоящее время определенную озабоченность государства и общественности вызывает тенденция повышения показателя младенческой смертности в стране. В связи с этим растет научный интерес к динамике смертности грудных детей в возрасте до одного года в довоенный период, когда ее уровень был достаточно высоким. Исследование эволюции младенческой смертности в сельской местности в довоенные годы позволяет выявить тенденции развития смертности всего населения.

Целью данной статьи является изучение младенческой смертности в 1920 — 1930-е гг. в Башкирской АССР, где большинство населения было сельским. В ней впервые в историографии определены коэффициенты младенческой смертности как в деревне, так и по всей территории региона.

Обзор литературы

Историография рассматриваемой темы немногочисленна. Младенческую и детскую смертность в Уфе в 1923 г. изучали Э. Ф. Ваннах и М. И. Коц. Они констатировали ее относительно низкий уровень в столице Башкирии по сравнению с дореволюционным периодом [4]. Детскую смертность в 1926 — 1929 гг. в Башкирии рассмотрел Г. В. Голубцов. Значительную часть его работы составляют статистические таблицы, и сегодня представляющие практическую ценность [8]. Причины младенческой смертности в 1938 — 1939 гг. проанализировали Н. А. Шерстенников и Н. Н. Барсов¹.

Другое направление в историографии представлено изучением продолжительности жизни и воспроизводства населения. В частности, демографы С. А. Новосельский и В. В. Паевский, используя материалы Всесоюзной переписи населения 1926 года, составили так называемые таблицы смертности, в том числе по Башкирской АССР². В годы Великой Отечественной войны исследованием воспроизводства населения региона занимался профессор А. М. Мерков, находившийся в Уфе в эвакуации. Его работа 1943 г. осталась в рукописи³. В дальнейшем материалы рукописи нашли отражение в последующих работах ученого. Так, А. М. Мерков совместно с Н. С. Махмутзяновой составили таблицы смертности населения в 1938 — 1939 гг. в Башкирской АССР [15, с. 159 — 170; 16]. Однако в исследованиях историков указанные таблицы практически не использовались, в том числе и при изучении младенческой смертности.

В последующие годы данная проблема фактически не изучалась. Региональные ученые постсоветского времени в основном опирались на материалы Г. В. Голубцова [11, с. 257; 21]. На современном этапе появились исследования, посвященные историко-демографическим проблемам России и СССР, в которых так или иначе затрагивается вопрос о младенческой смертности в 1920 — 1930-е гг., в том числе и в Башкирии [3, с. 91 — 96; 5, с. 100 — 103, 198; 10, с. 43 — 73; 17, с. 206 — 211]. Эволюция младенческой и детской смертности в России и СССР в XX в. нашла отражение в ряде статей [1; 12; 14]. Детскую смертность на Южном Урале в 1933 — 1939 гг. на примере Башкирской АССР, Оренбургской и Челябинской областей рассматривают Р. Р. Хисамутдинова и А. И. Ажигулова. В их работах приводятся абсолютные показатели смертности младенцев, относительные — остались не численными [2; 24].

Материалы и методы

Анализ статистических источников, отложившихся в фондах центрального и регионального архивов, позволяет проследить динамику младенческой смертности в Башкирии на длительном периоде времени. До этого в научной литературе пуб-

¹ Шерстенников Н. А., Барсов Н. Н. Сводно-аналитический обзор здравоохранения и санитарного состояния Башкирской АССР за 1939 г.: рукоп. Уфа, 1940.

² Смертность и продолжительность жизни населения СССР. 1926 — 1927: Табл. смертности. М., 1930. 139 с.

³ ГА РФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. Р-8009. Оп. 6. Д. 512; НА РБ (Национальный архив Республики Башкортостан). Ф. Р-444. Оп. 1. Д. 8.

ликовалась абсолютная и относительная информация о младенческой смертности в регионе только за отдельные годы, что затрудняет восприятие проблемы.

Все цифровые данные младенческой смертности в сельской местности Башкирской АССР даются в сравнении с аналогичными показателями относительно всего населения. Коэффициенты младенческой смертности исчислены по формуле Ратса: $1/3$ родившихся в предыдущем году и $2/3$ — в текущем.

Результаты исследования и их обсуждение

Младенческая смертность, т. е. смертность грудных детей до одного года, в дореволюционный период в России была высокой. Так, в Оренбургской губернии на 1000 родившихся в 1867 — 1881 гг. умерло детей до 1 года 320 чел., в 1886 — 1897 гг. — 308, в 1908 — 1910 гг. — 250, в Уфимской губернии соответственно 243, 253, 207, в 50 губерниях Европейской части России — 271, 274 и 253 [19, с. 195 — 196]. Это означало, что на первом году жизни умирало от четверти до трети родившихся детей. По сведениям Э. И. Гиккеля, в Уфимской губернии в 1897 — 1911 гг. в среднем за год на 1000 родившихся умирало 224 младенца [7, с. 48]. В дореволюционной деревне на смертность младенцев до года влияла традиция кормления и воспитания детей (в основном у башкирского и татарского народа): долгое грудное вскармливание и поздний прикорм (отсюда относительно низкая младенческая смертность по сравнению с русским населением). В городах, большинство населения которых составляли русские, младенческая смертность была выше, чем в деревне. Однако смертность у башкир и татар повышалась в возрасте 1 — 5 лет, тогда как у русских в этой возрастной группе она была ниже [6, с. 66 — 67; 7, с. 51 — 53; 13, с. 63 — 65; 18, с. 240 — 278].

С 1916 по 1923 г. статистические данные о младенческой смертности в Башкирии отсутствуют. Относительно достоверные сведения по детской смертности в республике мы имеем с 1924 г., в сельской местности — с 1925 г. Однако и в 1926 г., и в последующие годы по Башкирской АССР отмечалась неполнота сведений ЗАГСа⁴. Если в городах учет был более или менее полным, то в сельской местности отмечался недоучет смертей, особенно младенцев.

Младенческая и детская смертность в 1920-е гг., как и в дореволюционный период, продолжали определять смертность всего населения региона, составляя значительный удельный вес в ее общей структуре. Так, в 1897 — 1911 гг. в Уфимской губернии умершие в возрасте до одного года в общей структуре смертности населения составляли 37,2 %, в том числе у православных — 47,8, у мусульман — 27,1 %; в возрасте 1 — 10 лет соответственно 29,3 %, 23,4 и 35,1 %. Таким образом, в конце XIX — начале XX в. умершие в возрасте до 10 лет составляли 66,5 % от общего числа всех умерших, у православных — 71,2 %, у мусульман — 62,2 %. В целом дети до 15 лет составляли 68,6 % всех умерших [7, с. 35 — 36]. В Оренбургской губернии в 1897 — 1899 гг. умершие в возрасте до 5 лет в среднем в год составляли 71,0 % всех умерших, в том числе у православных — 73,7, у мусульман — 61,4 % [13, с. 60, 63]. Младенцы до одного года продолжали составлять значительный процент умерших и в довоенные годы (табл. 1).

⁴ Естественное движение населения Союза ССР в 1926 г. М., 1929. С. 5.

Таблица 1. Удельный вес умерших детей до 1 года в Башкирии, %
Table 1. The proportion of deceased children under 1 year old in Bashkiria, %

Год	Село	Город	Всего
1925	35,1	41,4	35,6
1926	38,2	41,2	38,6
1927	41,2	41,5	41,2
1928	36,9	28,7	36,8
1929	36,6	36,2	36,6
1930	37,2	34,2	36,8
1931	35,1	30,4	34,5
1932	32,8	28,3	32,0
1933	19,8	19,3	19,7
1934	23,5	18,6	22,7
1935	30,3	28,2	30,1
1936	34,7	33,4	34,6
1937	36,7	37,0	36,8
1938	33,1	35,3	33,4
1939	42,4	38,5	41,6
1940	35,5	34,8	35,3

Составлена по: Голубцов Г. В. Опыт изучения детской смертности в Башкирии. Уфа, 1933. С. 10; Башкортостан в цифрах. Уфа, 2018. С. 113, 129; Статистический справочник СССР за 1928 год. М., 1929. С. 76 — 77; Естественное движение населения Союза ССР в 1926 г. М., 1929. С. 56 — 71; НА РБ. Ф. Р-472. Оп. 3. Д. 1259. Л. 4, 5; Д. 1258. Л. 319 — 319 об., 320 — 320 об., 323 — 323 об.; Оп. 6. Д. 509. Л. 1 об., 3 об.; ГА РФ. Ф. А-374. Оп. 23. Д. 251. Л. 75 — 75 об., 77 — 77 об., 79 — 79 об.; Д. 297. Л. 63 об., 64 об., 65 об.; Д. 388. Л. 184, 185, 187; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 790. Л. 270; Д. 394. Л. 133 об., 134 об., 135 об.; Оп. 20. Д. 89. Л. 175 об., 176 об., 178 об.; Д. 154. Л. 77 — 77 об.

Compiled by: Golubtsov G. V. The experience of studying child mortality in Bashkiria. Ufa, 1933. P. 10; Bashkortostan in numbers. Ufa, 2018. P. 111 — 112, 129; Statistical Handbook of the USSR for 1928. Moscow, 1929. P. 76 — 77; Natural movement of the population of the USSR in 1926. Moscow, 1929. P. 56 — 71; National Archives of the Republic of Bashkortostan. F. R-472. Record 3. Case 1259. P. 4, 5; Case 1258. P. 319 — 319 verso, 320 — 320 verso, 323 — 323 verso; Record 6. Case 509. P. 1 verso, 3 verso; State Archives of the Russian Federation. F. A-374. Record 23. Case 251. P. 75 — 75 verso, 77 — 77 verso, 79 — 79 verso; Case. 297. P. 63 verso, 64 verso, 65 verso; Case 388. P. 184, 185, 187; Russian State Archive of Economy. F. 1562. Record 329. Case 790. P. 270; Case 394. P. 133 verso, 134 verso, 135 verso; Record 20. Case 89. P. 175 verso, 176 verso, 178 verso; Case 154. P. 77 — 77 verso.

Примерно такой же процент составляли младенцы от общего числа умерших в 1926 — 1927 гг. и в других поволжских национальных республиках (Татарии и Чувашии), тогда как на Среднем Урале он был еще выше (в Уральской области — 58,1 %, в Вятском районе — 47 %) [17, с. 210 — 211]. В 1930-е гг. (за исключением 1938 и 1939 гг.) удельный вес умерших младенцев в общей смертности в Башкирии был выше, чем в РСФСР и СССР [10, с. 65].

Удельный вес младенцев в общей смертности населения в сельской местности в 1920 — 1930-е гг. (за исключением 1937 — 1938 гг.) в отличие от дореволюционного периода был выше, чем в городе. Следует отметить, что этот показатель в 1933 г. в

деревне снизился на 39,6 % по сравнению с предыдущим годом, в городах — на 31,8 %, по республике — на 38,4 %. Дело в том, что во время голода повысился удельный вес других возрастных групп (стариков, взрослых людей, детей старше года) среди умерших. Такое положение в 1933 — 1934 гг. отмечалось по всей стране [9, с. 23]. С 1935 г. удельный вес младенцев в структуре смертности населения вновь повысился и достиг к 1939 г. в деревне пика.

Высоким оставался удельный вес среди умерших и детей в возрасте 1 — 5 лет. В целом смертность детей до 5 лет оставалась очень высокой, доходя в иные годы до 2/3 всех смертей. Если в 1897 г. в Башкирии (в сопоставимых границах) в возрасте до 4 лет умирало 106,5 человека на 1000 населения, то в 1927 г. — 84,2⁵.

В 1920 — 1930-е гг. уровень младенческой смертности в сельской местности был ниже, чем в городе (табл. 2). Несомненно, здесь следует учитывать недоучет родившихся и умерших детей на селе. Между тем на Среднем Урале (на территории данной области) младенческая смертность в деревне была намного выше, чем в городе. Даже учитывая то, что в конце 1930-х гг. в Свердловской области более половины населения являлось уже городским, тогда как в Башкирии горожанами были лишь 17,1 % [14, с. 82]. В 1920-е гг. (в частности, в 1926 — 1928 гг.) в Европейской части РСФСР младенческая смертность в сельской местности была выше, чем в городе [8, с. 11]⁶. Все эти обстоятельства наталкивают на мысль, что ни уровень медицинского обслуживания, ни статистический недоучет смертей и рождений, по крайней мере в Башкирии, не являются главными причинами низкого уровня младенческой смертности в деревне (по сравнению с городом).

Таблица 2. Младенческая смертность в Башкирии в 1920-е — 1940 гг.

Table 2. Infant mortality in Bashkiria in the 1920s — 1940s

Год	Число родившихся, тыс. чел.		Число умерших детей до 1 года, тыс. чел.		Коэффициент младенческой смертности, ‰	
	село	всего	село	всего	село	всего
1	2	3	4	5	6	7
1923	—	86,1	—	—	—	—
1924	—	122,2	—	19,8	—	179
1925	121,3	129,3	21,9	23,8	—	187
1926	108,4	118,5	14,6	16,6	129	136
1927	121,5	132,5	22,2	24,7	189	193
1928	141,3	151,6	16,5	18,2	122	123
1929	130,1	144,6	19,7	21,5	147	147
1930	112,0	122,1	14,3	16,4	121	127
1931	113,7	123,6	18,4	20,7	163	168

⁵ ГА РФ. Ф. А-374. Оп. 23. Д. 351. Л. 48.

⁶ Естественное движение населения Союза ССР в 1926 г. С. 39; Статистический справочник СССР за 1928 год. М., 1929. С. 76 — 77; Сдвиги в сельском хозяйстве СССР между XV и XVI партийными съездами: Стат. сведения о сельском хозяйстве за 1927 — 1930 гг. для членов XVI съезда ВКП(б). М., 1930. С. 10.

Окончание табл. 2 / End of table 2

1	2	3	4	5	6	7
1932	102,6	114,3	11,6	13,8	109	118
1933	91,2	96,2	12,7	14,6	133	143
1934	109,7	117,6	10,1	11,5	97	104
1935	130,7	143,6	17,1	19,3	138	143
1936	133,4	148,5	25,5	28,8	193	196
1937	116,9	135,0	22,4	26,5	183	190
1938	124,6	145,3	18,6	22,4	152	158
1939	129,3	150,4	23,8	28,0	186	189
1940	101,0	119,6	22,2	27,4	201	211

Составлена по: Башкортостан в цифрах. С. 113, 129; Статистический ежегодник 1924 г. М., 1926. Вып. 1. С. 40; Естественное движение населения Союза ССР. 1923 — 1925. М., 1928. С. 9, 30 — 31, 38 — 39, 46 — 47, 52 — 53, 60 — 61; Естественное движение населения Союза ССР в 1926 г. С. 56 — 71; Статистический справочник СССР за 1928 год. С. 76; НА РБ. Ф. Р-472. Оп. 3. Д. 1256. Л. 1, 2; Д. 1259. Л. 4, 5; Д. 1258. Л. 319 — 319 об., 320 — 320 об., 323 — 323 об.; Оп. 6. Д. 509. Л. 1 об., 3 об.; Ф. Р-804. Оп. 2. Д. 625. Л. 250; ГА РФ. Ф. А-374. Оп. 23. Д. 251. Л. 75 — 75 об., 77 — 77 об., 79 — 79 об.; Д. 297. Л. 63 об., 64 об., 65 об.; Д. 388. Л. 184, 185, 187; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 790. Л. 214, 260, 270; Д. 394. Л. 133 об., 134 об., 135 об.; Оп. 20. Д. 58. Л. 98; Д. 89. Л. 175 об., 176 об., 178 об.; Д. 154. Л. 77 — 77 об.

Compiled by: Bashkortostan in num bers. Ufa, 2018. P. 113, 129; Statistical Yearbook 1924. Moscow, 1926. Issue 1. P. 40; Natural movement of the population of the USSR. 1923 — 1925. Moscow, 1928. P. 9, 30 — 31, 38 — 39, 46 — 47, 52 — 53, 60 — 61; Natural movement of the population of the USSR in 1926. Moscow, 1929. P. 56 — 71; Statistical Handbook of the USSR for 1928. Moscow, 1929. P. 76; National Archives of the Republic of Bashkortostan. F. R-472. Record 3. Case 1256. P. 1, 2; Case 1259. P. 4, 5; Case 1258. P. 319 — 319 verso, 320 — 320 verso, 323 — 323 verso; Record 6. Case 509. P. 1 verso, 3 verso; F. R-804. Record 2. Case 625. P. 250; State Archives of the Russian Federation. F. A-374. Record 23. Case 251. P. 75 — 75 verso, 77 — 77 verso, 79 — 79 verso; Case 297. P. 63 verso, 64 verso, 65 verso; Case 388. P. 184, 185, 187; Russian State Archive of Economy. F. 1562. Record 329. Case 790. P. 214, 260, 270; Case 394. P. 133 verso, 134 verso, 135 verso; Record 20. Case 58. P. 98; Case 89. P. 175 verso, 176 verso, 178 verso; Case 154. P. 77 — 77 verso.

Э. Ваннах и М. Коц отмечали, что после голода в 1923 г. в Уфе произошло резкое снижение младенческой смертности по сравнению с дореволюционным периодом. Данное явление, по их мнению, объяснить трудно, оно требует более детального изучения [4, с. 40]. Такое положение наблюдалось и в Москве, и Петрограде⁷. Значительное снижение уровня младенческой смертности произошло в 1920-е гг. и в сельской местности. Так, в Башкирии в 1924 г. младенцев умерло на 20,1 % меньше, чем в Уфимской губернии в 1897 — 1911 гг. (см. табл. 2) [7, с. 48].

Одной из причин снижения смертности грудных детей могли стать уменьшение уровня рождаемости в годы Гражданской войны и голод 1921 — 1922 гг. По мнению известного советского демографа Р. И. Сифман, вопрос влияния сокращения рождаемости на снижение детской смертности остается неопределенным. Она предполагала, что разрежение детской среды в силу снижения уровня рождаемости предот-

⁷ Уипль Дж. Ч., Новосельский С. А. Основы демографической и санитарной статистики. М., 1929. С. 608.

вращало массовое распространение инфекций и определенным образом влияло на детскую смертность [20, с. 55, 57 — 59]. Таким образом, связь между сокращением рождаемости в начале 1920-х гг. и снижением младенческой смертности после 1922 г. могла иметь место. Однако данное явление требует дальнейшего изучения.

В первой половине 1930-х гг. на снижение уровня рождаемости в деревне бесспорно повлияла насильственная коллективизация сельского хозяйства. С ее началом в 1930 г. родилось детей на 13,9 % меньше, чем в 1929 г., в 1932 г. — на 21,1 %. Уровень младенческой смертности в 1930 г. по сравнению с 1929 г. снизился на 17,7 %, в 1932 г. — на 25,8 %. В деревне общий коэффициент рождаемости уменьшился с 42,1 ‰ в 1931 г. до 35,5 ‰ в 1933 г., т. е. на 15,7 %⁸. В 1933 г. на селе родилось на 22,5 тыс. детей меньше, чем в 1931 г. Все это привело к значительному снижению уровня младенческой смертности, который в 1934 г. в сельской местности Башкирии был наименьшим за весь рассматриваемый период.

Следует отметить, что динамика уровня младенческой смертности на селе в 1926 — 1940 гг. имела волнообразный характер: он повышался или понижался в зависимости от числа родившихся детей. В 1932 — 1934 гг. уровень младенческой смертности в башкирской деревне был относительно низким, с 1935 г. он вновь начинает расти, в 1940 г. превысил общероссийские показатели [5, с. 198]. Между тем в РСФСР (как в городе, так и на селе) в 1933 г. коэффициент смертности детей до 1 года оказался наивысшим за весь довоенный период, а во второй половине 1930-х гг. имел тенденцию к снижению [12, с. 48]. В то же время повышение уровня младенческой смертности на селе в конце 1930-х гг. было общероссийской тенденцией [5, с. 198].

Особо важным для Башкирской АССР является изучение этнических различий в младенческой смертности (табл. 3).

Таблица 3. Уровень младенческой смертности в сельской местности
Башкирской АССР по национальностям, ‰

Table 3. Infant mortality rate in rural areas of the Bashkir ASSR by nationality, ‰

Национальность	1928	1929	1937	1938
Башкиры	93	103	151	136
Татары	90	106	158	135
Русские	175	218	217	173
Украинцы	112	132	151	142
Чуваши	128	162	184	171
Марийцы	80	109	245	162
Мордва	—	—	227	172
Удмурты	—	—	215	195
Всего	123	147	183	152

В таблице сведения за 1928 г. приводятся по книге Г. В. Голубцова, за 1929, 1937 и 1938 гг. — исчисления автора. Проверка исчислений Г. В. Голубцова за 1929 г. показала небольшую разницу: у русских — 219 (авторские исчисления — 218), у чувашей — 163 (авторские исчисления — 162), у марийцев — 110 (авторские исчисления — 109).

⁸ Подсчитано по: НА РБ. Ф. Р-472. Оп. 3. Д. 1258. Л. 320 — 320 об; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 256. Л. 22.

Составлена по: Голубцов Г. В. Указ. соч. С. 15 — 16; НА РБ. Ф. Р-472. Оп. 3. Д. 1256. Л. 2; Д. 1259. Л. 5; ГА РФ. Ф. А-374. Оп. 23. Д. 298. Л. 234 — 234 об; Д. 336. Л. 189 — 189 об; Д. 388. Л. 187 / Compiled by: Golubtsov G. V. Op zit.: 15 — 16; National Archives of the Republic of Bashkortostan. F. R-472. Record 3. Case 1256. P. 2; Case 1259. P. 5; State Archives of the Russian Federation. F. A-374. Record 23. Case 298. P. 234 — 234 verso; Case 336. P. 189 — 189 verso; Case 388. P. 187.

Дореволюционная статистика по национальностям практически отсутствует, в связи с этим воспользуемся сведениями по вероисповеданиям. В Уфимской губернии в 1897 — 1911 гг. младенческая смертность в среднем у православного населения составляла 297 ‰, у мусульман — 155, у язычников — 112 ‰ [7, с. 52]. В 1920 — 1930-е гг. уровень младенческой смертности оставался относительно высоким у всех народов. Наиболее высоким, как и в дореволюционный период, он был у русского населения. У некоторых народов наблюдался скачок уровня младенческой смертности, например, у марийцев и удмуртов (бывших язычников) в 1937 г. он стал выше, чем в дореволюционный период. В целом в 1937 — 1938 гг. по сравнению с 1928 — 1929 гг. произошло ухудшение положения со смертностью грудных детей практически у всех народов, заселяющих регион (башкир, татар, украинцев, чувашей, марийцев; предположительно, мордвы и удмуртов), за исключением русских. Данное обстоятельство, очевидно, было вызвано широким вовлечением женщин в общественное производство, после чего они стали меньше внимания уделять своим новорожденным детям, будучи с утра до вечера заняты на колхозной работе.

В 1920 — 1930-е гг. система медицинской помощи беременным женщинам и грудным детям в Башкирской АССР только складывалась [22; 23]. Первые женские консультации в республике появились в 1924 г., в 1927 г. их было 17, в 1932 г. — 54, в 1940 г. — 105. Число коек для беременных и рожениц с 1932 по 1940 г. выросло с 216 до 1 547⁹. Наибольшие успехи в данной сфере были достигнуты в городах. Если в городской местности (при учреждениях и на дому) с 1928 г. по 1939 г. охват медицинскими услугами при родах увеличился с 60 % до 80 %, то в сельской — только с 6 % до 29 % [23, с. 124]. Данное обстоятельство свидетельствует, что развитие здравоохранения в 1920 — 1930-е гг. не могло быть решающим фактором в снижении младенческой смертности в башкирской деревне.

К сожалению, в рассматриваемый период органы статистики не разрабатывали сведения о причинах смертности в сельской местности. Определенные данные известны лишь по некоторым городским поселениям за отдельные годы. Так, в 1930 г. в Уфе распространенной причиной смерти детей до одного года были болезни органов пищеварения (32,6 %): диарея, колиты, диспепсия и другие, вызванные недостатком пищи; далее врожденные аномалии (22,3 %), болезни органов дыхания (18 %), эпидемические и инфекционные заболевания (15,3 %), болезни нервной системы и органов чувств (6 %) и др.¹⁰ Болезни органов пищеварения и дыхания оставались главными причинами младенческой смертности и в 1939 — 1940 гг.¹¹ В сельской местности ситуация была сходной.

⁹ Башкортостан в цифрах. Уфа, 2018. С. 364.

¹⁰ Подсчитано по: НА РБ. Ф. Р-472. Оп. 3. Д. 1259. Л. 46 — 46 об.

¹¹ НА РБ. Ф. Р-444. Оп. 1. Д. 794. Л. 6.

Заключение

Младенческая смертность — один из демографических показателей, отражающих уровень развития страны и происходящие в ней экономические и социальные изменения. Несмотря на устойчивую тенденцию к снижению младенческой смертности в 1920-е гг. по сравнению с дореволюционным периодом, она на протяжении рассматриваемого периода продолжала оставаться достаточно высокой. Подобная ситуация наблюдалась и в сельской местности Башкирской АССР. На динамику младенческой смертности влияло множество факторов. Один из первых был связан с особенностями вскармливания грудных детей. Низкий уровень младенческой смертности в деревне объясняется национальными (прежде всего башкирскими и татарскими) традициями ухода за детьми, заключавшимися в долгом грудном вскармливании и позднем вводе прикорма. Наибольшие показатели младенческой смертности на селе имели православные народы, т. е. по большей части русские. У них традиционно было принято чуть ли не с первых дней жизни давать ребенку прикорм или лишать вообще грудного молока. В конце 1930-х гг. практически у всех народов (за исключением русских) в деревне произошло увеличение уровня младенческой смертности. Данное обстоятельство, скорее всего, было вызвано вовлечением женщин в общественное производство, в результате чего они стали уделять меньше внимания своим новорожденным детям, будучи заняты на колхозной работе. Еще одна причина высокой младенческой смертности определялась организацией и качеством оказания медицинской помощи. Несмотря на развитие системы здравоохранения, уровень младенческой смертности в конце 1930-х гг. имел тенденцию к повышению как на селе, так и в городе.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Авдеев А. Младенческая смертность и история охраны материнства и детства в России и СССР // Историческая демография: сб. ст. / под ред. М. Б. Денисенко, И. А. Троицкой. М.: МАКС Пресс, 2008. С. 13 — 72. (Демогр. исслед.; вып. 14).
2. Ажигулова А. И. Младенческая смертность на Южном Урале во второй половине 1930-х гг.: причины, динамика // Современная научная мысль. 2022. № 4. С. 102 — 107.
3. Араловец Н. А. Городская семья в России, 1927 — 1959 гг. Тула: Гриф и К, 2009. 304 с.
4. Ваннах Э. Ф., Коц М. И. Движение населения г. Уфы в 1923 году // Вестник Башкирского народного комиссариата здравоохранения. 1924. № 1 — 2. С. 34 — 47.
5. Вербицкая О. М. Российская сельская семья в 1897 — 1959 гг. (историко-демографический аспект). М.; Тула: Гриф и К, 2009. 296 с.
6. Воспроизводство населения СССР / А. Г. Волков [и др.]. М.: Финансы и статистика, 1983. 304 с.
7. Гиккель Э. И. Санитарно-статистические сведения по Уфимской губернии. Вып. 1: Очерк движения населения Уфимской губернии в 1897 — 1911 гг. Уфа: Типо-лит. изд-ва «Красный Октябрь», 1916. 80 с.
8. Голубцов Г. В. Опыт изучения детской смертности в Башкирии. Уфа, 1933. 32 с.
9. Жиромская В. Б. Демографическая история России в 1930-е гг. Взгляд в неизвестное. М.: РОССПЭН, 2001. 280 с.
10. Жиромская В. Б., Араловец Н. А. Российские дети в конце XIX — начале XXI в.: историко-демографические очерки. М.: Институт российской истории РАН; Центр гуманитарных инициатив, 2018. 223 с.
11. История Башкортостана. 1917 — 1990-е годы: в 2 т. Т. 2: 1945 — 1990. Уфа: Гилем, 2005. Т. 2. 313 с.

12. Кваша Е. А. Младенческая смертность в России в XX веке // Социологические исследования. 2003. № 6. С. 47 — 55.
13. Кенигсберг М. М. Сборник медико-статистических работ по Оренбургской губернии. Т. 1, ч. 1: Санитарное состояние Оренбургской губернии по данным естественного движения за трехлетие 1897 — 1899 гг. Оренбург: Губернская типо-литография, 1901. 517 с.
14. Корнилов Г. Е. Эволюция младенческой смертности на Урале в первой половине XX в. // Уральский исторический вестник. 2014. № 3 (44). С. 80 — 89.
15. Мерков А. М. Здоровье населения и методы его изучения: Избр. произв. М.: Статистика, 1979. 232 с.
16. Мерков А.М., Махмутзянова Н. С. Воспроизводство населения Башкирской АССР (материалы по динамике смертности) // Изучение воспроизводства населения. М.: Наука, 1968. С. 268 — 284. (Уч. зап. по статистике; вып 14).
17. Население России в XX веке: ист. очерки: в 3 т. Т. 1: 1900 — 1939. М.: РОССПЭН, 2000. 463 с.
18. Птуха М. В. Очерки по статистике населения. М.: Госстатиздат ЦСУ СССР, 1960. 460 с.
19. Рашин А. Г. Население России за 100 лет (1811 — 1913 гг.): стат. очерки. М.: Гос. стат. издат. 1956. 352 с.
20. Сифман Р. И. К вопросу о причинах снижения детской смертности в годы Великой Отечественной войны // Продолжительность жизни: анализ и моделирование : сб. ст. М.: Статистика, 1979. С. 50 — 60.
21. Сулейманова Р. Н. Из истории охраны материнства и младенчества в Башкортостане // Ватандаш. 1999. № 9. С. 125 — 133.
22. Сулейманова Р. Н. Охрана материнства и детства в советской России в 1920-х гг.: опыт Башкирии // Женщина в российском обществе. 2022. № 1. С. 98 — 107.
23. Султангузина Г. Ю. Охрана материнства и младенчества в Башкирии в 1920 — 1930 гг. // Вестник Башкирского университета. 2008. Т. 13, № 1. С. 123 — 125.
24. Хисамутдинова Р. Р., Ажигулова А. И. Младенческая смертность на Южном Урале в 1930-е гг. // Современные исследования социальных проблем. 2017. Т. 9, № 4. С. 92 — 106.

Статья поступила в редакцию 02.10.2023; одобрена после рецензирования 29.11.2023; принята к публикации 06.12.2023.

Информация об авторе:

Шамиль Наилевич Исянгулов, старший научный сотрудник отдела новейшей истории Башкортостана Ордена Знак Почета Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук (450054, г. Уфа, пр. Октября, 71), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5691-5566>, Scopus ID: 57221677332, isangul-schamil@mail.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Avdeev A. Infant Mortality and the History of Maternity and Childhood Protection in Russia and the USSR. *Historical Demography. Collection of Articles*. Moscow;2008;14:13—72. (In Russ.)
2. Azhigulova AI. Infant Mortality in the Southern Urals in the Second Half of the 1930s: Causes, Dynamics. *Modern Scientific Thought*. 2022;(4):102—107. (In Russ.)
3. Aralovets NA. The Urban Family in Russia: 1927 — 1959. Tula;2009. (In Russ.)
4. Vannah EF, Kotz MI. The Movement of the Population of Ufa in 1923. *Bulletin of the Bashkir People's Commissariat of Health*. 1924;(1—2):34—47. (In Russ.)

5. Verbitskaya OM. Russian Rural Family in 1897 — 1959: Historical and Demographic Aspects. Moscow;Tula;2009. (In Russ.)
6. Volkov AG. Reproduction of the Population of the USSR. Moscow;1983. (In Russ.)
7. Hickel EI. Health and Statistical Information on the Ufa Gubernia. Essay on the Movement of the Ufa Gubernia Population in 1897 — 1911. Ufa;1916. (In Russ.)
8. Golubtsov GV. The Experience of Studying Child Mortality in Bashkiria. Ufa;1933. (In Russ.)
9. Zhiromskaya VB. Demographic History of Russia in the 1930s. A Sight into the Unknown. Moscow;2001. (In Russ.)
10. Zhiromskaya VB, Aralovets NA. Russian Children in the Late XIX — Beginning of the XXI Century: Historical and Demographic Essays. Moscow;2018. (In Russ.)
11. History of Bashkortostan. 1917 — 1990s. Ufa;2005. (In Russ.)
12. Kvasha EA. Infant Mortality in Russia in the XX Century. *Sociological Research*. 2003;(6): 47—55. (In Russ.)
13. Kenigsberg MM. Collection of Medical and Statistical Works on the Orenburg Gubernia. The Sanitary Condition of the Orenburg Gubernia According to the Data of the Natural Movement for the Three Years 1897 — 1899. Orenburg;1901. (In Russ.)
14. Kornilov GE. Evolution of Infant Mortality in the Ural during the First Half of the XX Century. *Ural Historical Journal*. 2014;(3):80—89. (In Russ.)
15. Merkov AM. Population Health and Methods of Its Study: Selected Works. Moscow;1979. (In Russ.)
16. Merkov AM, Makhmutzyanova NS. Reproduction of the Population of the Bashkir ASSR (Based on Mortality Dynamics Materials). *Study of Population Reproduction*. Moscow;1968;14: 268—284. (In Russ.)
17. The Population of Russia in the XX Century: Historical Essays. Moscow;2000. (In Russ.)
18. Ptukha MV. Essays on the Statistics of Population. Moscow;1960. (In Russ.)
19. Rashin AG. Population of Russia for 100 Years (1811 — 1913). Statistical Essays. Moscow;1956. (In Russ.)
20. Sifman RI. On the Issue of the Causes of the Decrease in Child Mortality during the Great Patriotic War. *Lifespan: Analysis and Modeling*. Moscow;1979:50—60. (In Russ.)
21. Suleimanova RN. From the History of Maternity and Infancy Protection in Bashkortostan. *Compatriot*. 1999;(9):125—133. (In Russ.)
22. Suleimanova RN. Protection of Maternity and Infancy in Soviet Russia of the 1920s: Regional Experience. *Woman in Russian Society*. 2022;(1):98—107. (In Russ.)
23. Sultanguzhina GU. Mother and Child in Bashkiria in 1920 — 1930. *The BSU Bulletin*. 2008;13(1): 123—125. (In Russ.)
24. Hisamutdinova RR, Azhigulova AI. Infant Mortality in the Southern Urals in the 1930s. *Modern Studies of Social Issues*. 2017;9(4):92—106. (In Russ.)

The article was submitted 02.01.2023; approved after reviewing 29.11.2023; accepted for publication 06.12.2023.

Information about the author:

Shamil N. Isyangulov, Senior Researcher of Department of Modern History of Bashkortostan of the Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences (71 Oktyabrya Avenue, Ufa 450054, Russia), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5691-5566>, Scopus ID 57221677332, isangul-schamil@mail.ru

Conflict of interest: the author declares that there is no conflict of interest.

The author read and approved the final version of the manuscript.

УДК 908
EDN PPTINI

<http://vestnikniign.ru>

Научная статья

СТАЛИНСКИЙ ПЛАН ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ПРИРОДЫ В МОРДОВИИ

Е. И. Денискин

Московский областной медицинский колледж № 1,
г. Москва, Россия
edeniskin@yandex.ru

Аннотация

Введение. Проблема изменения человеком окружающего природного ландшафта сегодня как никогда важна, в связи с чем актуально обращение к истории Сталинского плана преобразования природы. В частности, весьма интересным представляется опыт его реализации на территории Мордовии. Многие мероприятия, проведенные в рамках этого плана, положительно повлияли на окружающую природную среду и развитие сельского хозяйства не только в пределах региона, но и в масштабах всей страны.

Материалы и методы. Источниками исследования послужили материалы архивных документов, периодических изданий, отдельных научных трудов и монографий. Исследование базируется на приемах принципов историзма и объективности, сравнительно-исторического, проблемного-хронологического методов.

Результаты исследования и их обсуждение. Повышение продуктивности сельскохозяйственных земель в рамках проводимой И. В. Сталиным программы приводило в итоге к увеличению посевных площадей и росту урожайности. Это, в свою очередь, благоприятно сказалось на обеспечении страны и ее населения продовольствием, что было особенно актуальным в первые послевоенные годы, когда повсюду царил разруха.

Заключение. Сталинский план преобразования природы, как и вся проводимая им политика в области лесозащитного лесоразведения и мелиорации земель, имела исключительное значение для развития сельского хозяйства и экономики нашей страны. В настоящее время трудно переоценить масштабы проводимых советским правительством мероприятий. Благодаря им была создана прочная база сельского хозяйства в малопригодных для него районах страны. К сожалению, после смерти Сталина многие инициированные проекты были свернуты, большое количество земель было заброшено. В дальнейшем широкомасштабные мероприятия в рамках целой страны не проводились.

Ключевые слова: план преобразования природы, засуха, лесозащитные полосы, лесонасаждения

Для цитирования: Денискин Е. И. Сталинский план преобразования природы в Мордовии // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2024. Т. 16, № 1. С. 109 — 117. EDN PPTINI

© Денискин Е. И., 2024

Original article

STALIN'S PLAN FOR THE TRANSFORMATION OF NATURE IN MORDOVIA

E. I. Deniskin

Moscow Regional Medical College № 1,
Moscow, Russia
edeniskin@yandex.ru

Abstract

Introduction. The problem of man changing the surrounding natural landscape is more important today than ever. Therefore it is relevant to turn to the history of Stalin's plan for the transformation of nature. In particular, the experience of its implementation on the territory of Mordovia seems interesting. Many activities carried out within the framework of this plan have had a positive impact on the natural environment and agricultural development not only within the region, but also throughout the country.

Materials and methods. The study materials were archival documents, periodicals, individual scientific works and monographs. The study is based on the principles of historicism and objectivity, comparative-historical and problem-chronological methods.

The results of the study and their discussion. The increase in productivity of agricultural lands within the framework of the program, conducted by I. V. Stalin, led, as a result, to an increase in sown areas and an increase in yields. This, in turn, had a beneficial effect on providing the country and its population with food, which was especially important in the first post-war years, when devastation reigned throughout the country.

Conclusion. Stalin's plan for the transformation of nature, as well as his entire policy in the field of protective afforestation and land reclamation, was of exceptional importance for the development of agriculture and the economy of our country. Today it is difficult to overestimate the scale of the activities carried out by the Soviet government and Stalin. Thanks to them, a solid base of agriculture was created in areas of the country that were not suitable for it. Unfortunately, with the death of Stalin, all the actions carried out by him were curtailed; a lot of developed lands were abandoned. Subsequently, large-scale events were not carried out within the entire country.

Keywords: nature transformation plan, drought, protective forest strips, forest plantations

For citation: Deniskin EI. Stalin's Plan for the Transformation of Nature in Mordovia. *Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia.* 2024;16(1):109—117. EDN PPTIH

Введение

В царской России, особенно в засушливые годы, часто случались неурожаи, которые были очень губительными. В первую очередь это касалось крестьянских хозяйств, фактически беззащитных перед засухой. Кроме того, технически слабая развитость агротехники и орудий труда вели к тому, что любая засуха приводила к тяжелым неурожаям и голоду крестьян. После Октябрьской революции ситуация в этой сфере начала меняться.

С первых дней Советской власти правительство страны проводило большую работу по предупреждению засухи и борьбе с ее последствиями. Одним из основных мероприятий в этом направлении является защитное лесоразведение.

Материалы и методы

Источниками исследования послужили материалы архивных документов, отдельных научных трудов и монографий. Главными методами являются сравнительно-исторический и проблемно-хронологический.

Обзор литературы

Сталинский план преобразования природы был знаковым событием в истории нашей страны. Важность его изучения заключается в том, что, с одной стороны, он оказал огромное влияние на историю России, так как являлся грандиозным историческим событием. С другой стороны, повлиял на экономику, так как был эффективным экономическим проектом, по сути, решившим важную задачу — борьбу с неурожаями и голодом.

Отдельного внимания заслуживает работа «Великий план преобразования природы» В. А. Ковды, в которой говорится о предпосылках и этапах создания системы полезащитного лесоразведения в СССР, о масштабном сталинском плане изменения природных ландшафтов во благо людей [2]. В «Очерках истории советского лесного хозяйства» В. Я. Колданова речь идет о путях и способах создания и формирования системы лесного хозяйства в СССР, а также о сути лесохозяйственной политики Советской страны и изменениях в этой политике [3]. В сочинениях самого И. В. Сталина в числе прочего упоминается и лесохозяйственная практика нашего государства, и система защитного лесоразведения. Предлагаются способы улучшения природохозяйственной структуры страны, в том числе за счет создания системы полезащитного лесоразведения¹.

В вышеперечисленных работах указываются направления реализации плана преобразования природы, необходимые для этого цели и задачи, дано законодательное обоснование и его практическое выполнение.

Несмотря на значительную историю изучения данной тематики в масштабах страны, вопрос изучения осуществления этого плана на территории Мордовии фактически не поднимался.

Результаты исследования и их обсуждение

Начало защитного лесоразведения было связано с принятием 27 мая 1918 г. «Основного закона о лесах», в котором посадка защитных лесонасаждений стала одной из мер планового лесовозобновления. В дальнейшем законодательное закрепление лесоустроительных работ стало осуществляться и реализовываться на практике.

В 1924 г. И. В. Сталин предложил план преобразования засушливых земель юго-востока СССР путем орошения и мелиорации для ликвидации засухи [2, с. 25.]. Для этого были приняты радикальные меры по улучшению культуры земледелия, был образован «мелиоративный клин», проходивший по линии Самара — Саратов — Царицын — Астрахань — Ставрополь. По мнению И. В. Сталина, орошение Заволжья должно было стать началом революции в сельском хозяйстве и в деле борьбы с засухой. Существовала потребность создания серьезной базы хлебного

¹ Сталин И. В. Письмо т. Демьяну Бедному // И. В. Сталин. Сочинения. М., 1947. Т. 6. С. 273 — 276.

производства на Волге, которая независимо от погодных случайностей была бы способна давать ежегодно 3 276 т товарного зерна. Это было необходимо с учетом роста городов на Волге, с одной стороны, и любых возможных осложнений в области международных отношений — с другой².

Впечатляют и масштабы финансирования развития мелиоративных и оросительных работ. С 1924 по 1942 г. на эти мероприятия было потрачено около 6 млрд руб.

Несмотря на тяжелые военные годы, работа в данном направлении продолжалась, и к 1951 г. по стране были созданы новые крупные системы орошения, в том числе и в Поволжье [2, с. 26].

Усилия, направленные на борьбу с засухой и повышение плодородности почвы, в конечном счете дали свои результаты. Итогами преобразования земледелия стало повышение урожайности сельского хозяйства. Кроме того, принимались меры по укреплению технической вооруженности земледелия, его способности противостоять природным стихиям. Тем самым обеспечивался рост производительности труда в земледелии [2, с. 27].

Обобщая вышеизложенное, можно отметить, что на первом этапе создания и развития системы мелиоративных и оросительных работ в целом по стране и в Поволжье в частности была создана материальная и техническая база системы полезащитного лесоразведения. Несмотря на выпавшие в этот период военные годы, в данном направлении постоянно велась большая работа, приводившая к хорошим результатам.

Итоги Всесоюзной конференции по борьбе с засухой (1931) стали началом второго этапа защитного лесоразведения в СССР. В процессе ее работы было принято решение о посадке 3 млн га леса, в основном в Заволжье³. Таким образом, за 10 лет, с 1931 по 1941 г., было высажено 844,5 тыс. га защитных лесонасаждений, из которых 465,2 тыс. га — полезащитные лесные полосы [7, с. 8].

Критерием эффективности проводимых мероприятий стала засуха в 1946 г., по итогам которой стало очевидно, что на защищенных лесополосами участках урожай зерновых культур был в 3 — 4 раза выше, чем на других землях, и достигал показателей от 6 до 17 центнеров с гектара. Созданное в апреле 1947 г. Министерство лесного хозяйства СССР одним из важных направлений своей работы сделало борьбу с засухой путем лесоразведения [4; 5].

В 1948 г. в ходе третьего этапа развития степного лесоразведения в СССР был создан Великий сталинский план преобразования природы, рассчитанный на 15 лет, утвержденный постановлением Совмина СССР и ЦК ВКП(б) от 20 октября 1948 г. (№ 3960).

В рамках плана предполагалось создать 8 государственных лесных полос длиной 5 320 км (в 1951 г. эта цифра была увеличена до 5 674 км), в основном на территории лесостепных и степных областей Европейской части СССР. Они располага-

² Сталин И. В. Отчетный доклад XVII Съезду партии о работе ЦК ВКП(б) 26 янв. 1934 г. // И. В. Сталин. Сочинения. М., 1954. Т. 13. С. 332.

³ Лосяцкий К. Б. Государственная защитная лесная полоса Гора Вишневая — Каспийское море. М.; Л. 1949. 32 с.

лись по берегам важнейших рек. Эти лесные полосы должны были защищать от засухи основные зерновые районы страны. Предполагалось засеять защитными лесонасаждениями 5 709 тыс. га пашни, одновременно создав в колхозах и совхозах свыше 44 тыс. прудов и водоемов для того, чтобы обеспечить постоянный сбор урожая зерновых культур на площади в 120 млн га.

Государственные лесозащитные полосы должны были включать в себя определенное количество небольших лесных полос, «лент» (как правило, от двух до четырех), каждая шириной по 60 м с расстоянием 300 м между ними. Помимо этого, согласно постановлению Минлесхоз СССР был обязан принимать меры по сохранению ценных лесных массивов в степях и лесостепях европейской части страны [8].

Выполнение плана возлагалось на учреждения, ведавшие вопросами полезащитного лесоразведения на всех уровнях. Общее управление осуществляло Главное управление полезащитного лесоразведения при Совете министров СССР. К 1951 г. система учреждений степного лесоразведения (региональные и местные управления по насаждению государственных защитных лесных полос, учреждения лесного хозяйства, лесозащитные станции, лесхозы и лесничества, государственные лесопитомники, отряды «Агролесопроекта») в целом была сформирована. По состоянию на 1 января 1953 г. в ней работали 6 тыс. специалистов с высшим и средним профессиональным образованием [1].

Для реализации этого плана на практике в 1949 — 1951 гг. заготовили 119 тыс. т семян, в том числе 105 тыс. т желудей. Для их перевозки от мест заготовки к местам посадки каждую осень подавалось до 3 тыс. вагонов. За обозначенный выше период в лесных питомниках и других структурах лесного хозяйства СССР вырастили 10 739 млрд саженцев, из которых 3 890 млн шт. — в 1949 г., 4 719 млн шт. — в 1950 г., 5 130 млн шт. — в 1951 г. В общей сложности за это время на государственных защитных лесных полосах заложили 64,6 тыс. га лесных культур [1].

Предстояло провести большую работу по облесению степных и пустынных земель. Свыше 20 % территории Европейской части СССР, в которую входило и Нижнее Поволжье, в 1946 — 1947 гг. занимала засушливая зона (около 5 млн км²)⁴. Засуха оказывала большое влияние на урожай. В связи с этим перед сельским хозяйством степных и лесостепных зон была поставлена задача: урегулировать водный режим почв этих зон, навсегда покончить с засухами и неурожаями и создать условия для непрерывного повышения урожайности⁵. Для борьбы с засухой в СССР предусматривалось сажать лес, в среднем по 380 тыс. га в год. В действительности леса сажались в 2 раза быстрее. В конце 1951 г. насчитывалось свыше 2 млн га полезащитных лесных насаждений, более 13 тыс. прудов и водоемов, более 350 лесозащитных станций, оснащенных передовой на тот момент техникой [3, с. 30].

Создаваемые полезащитные лесонасаждения, как и ожидалось, внесли большие изменения в состав местной фауны. Советские зоологи уже на первом этапе

⁴ Зайцев Б. Д. Государственная защитная лесная полоса Камышин — Сталинград: (Лесорастит. условия.). М.; Л. 1949. 16 с.

⁵ Зайцев Б. Д. Государственная защитная лесная полоса Пенза — Екатериновка — Вешенская — Каменск на Северном Донце: (Лесорастит. условия.) М.; Л., 1949. 32 с.

реализации плана скрупулезно изучали среду насекомых-вредителей, несущих угрозу посаженным деревьям и кустарникам. Значительный вклад в эти исследования внесли Е. Н. Павловский, Г. Я. Бей-Биенко, Л. В. Арнольди и др. Наряду с этим орнитологи (Е. П. Спангенберг, Л. В. Шапошников и др.) рассматривали вероятность регулирования популяции вредителей ползающих лесных полос природным путем, т. е. за счет заселения и привлечения в зону полезных видов птиц⁶.

Следует отметить, что создание лесных полос не приносило положительных результатов, если не проводились работы по их сохранению [9]. Несоблюдение определенных правил приводило к гибели защитных лесонасаждений. В дальнейшем (после XX съезда КПСС 1956 г.) последствия недобросовестности и обычной пассивности должностных лиц антагонистами сталинского плана преподносились как свидетельства его «непродуманности» и даже «вредности».

В начале 1952 г. ползающая система лесных насаждений в основном была создана и работала: выросло качество защищенных лесополосами сельскохозяйственных земель, сократилась эрозия почв, улучшился водный баланс и, как итог, повысилась урожайность полей. Однако темпы работ по всей стране к концу года замедлились. В 1953 г., после смерти Сталина, выполнение плана было приостановлено. Несмотря на постановление Совета министров СССР «О проведении работ по защитному лесоразведению» от 1 августа 1953 г., в котором было отмечено, что «в степных и лесостепных районах страны с целью дальнейшего повышения урожайности сельскохозяйственных культур необходимо сконцентрировать внимание на выращивании существующих лесонасаждений, посевах и посадке новых лесных полос, также предлагалось продолжить работу по закреплению и облесению песков и оврагов для создания благоприятных условий для развития земледелия»⁷, лесополосы вырубались, тысячи прудов и водоемов забрасывались. По распоряжению Н. С. Хрущева созданные в 1953 — 1955 гг. 570 лесозащитных станций были ликвидированы.

Одним из результатов недалёковидной деятельности нового руководства страны стала экологическая катастрофа, произошедшая в 1962 — 1963 гг., связанная с эрозией почв на целине. В итоге в СССР грянул продовольственный кризис [1].

В марте 1967 г., в период правления Л. И. Брежнева, было принято постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР «О неотложных мерах по защите почвы от ветровой и водной эрозии», отчасти возродившее практику ползающего лесоразведения [1].

Работы по созданию полосно-защитных насаждений в Мордовии начались еще в 1930-е гг. В ползающий лесной фонд Мордовии включались: 1) овраги, эродированные склоны и балки; 2) пески и песчаные почвы, не входившие в систему севооборотов; 3) площади, отчуждаемые под ползающие лесные полосы; 4) ле-

⁶ Спангенберг Е. П. Птицы ползающих насаждений / под ред. проф. Г. П. Дементьева. М., 1949. 96 с.

⁷ ЦГА РМ (Центральный государственный архив Республики Мордовия). Ф. Р-1496. Оп. 2. Д. 23. Л. 1.

сокультурный фонд⁸. За 1933 — 1936 гг. было посажено и посеяно 6 тыс. га защитных лесонасаждений в оврагах и балках и 500 га на песках и других неудобных землях⁹. Однако наиболее активное осуществление мероприятий в рамках плана преобразования природы началось только в послевоенные годы. В 1940 — 1955 гг. наблюдался значительный прирост лесных культур, вся учтенная площадь которых на 1 января 1940 г. составляла 25,9 тыс. га, а в 1955 г. — 52 тыс. га [9, с. 98, 100].

В газете «Красная Мордовия» от 26 января 1949 г. в соответствии с постановлением Совета министров СССР и ЦК ВКП(б) «О плане полезащитных лесонасаждений, внедрения травопольных севооборотов, строительства прудов и водоемов для обеспечения высоких и устойчивых урожаев в степных и лесостепных районах европейской части СССР» от 20 октября 1948 г. начальник отдела лесокультур и лесомелиорации Управления лесного хозяйства МАССР отметил, что в Мордовии в ближайшие годы необходимо посадить лесопосадки на площади в 110 тыс. га. Был дан и примерный перечень деревьев, рекомендованных к посадке: дуб, береза, лиственница, сосна, ясень, клен, липа, груша, яблоня. Причем одни деревья, такие как дуб, рекомендовалось сажать на черноземах, другие, как сосна, — на песках [6].

В 1948 г. на территории Мордовии были посажены 36 тыс. га полезащитных полос, 29 тыс. га приовражных полос, облесены 10 тыс. га оврагов, закреплены 48 тыс. га песков, заложены питомники на площади 2,38 тыс. га¹⁰.

Более масштабно эти работы в МАССР стали проводиться в 1949 г. Эффективность работы во многом зависела от создания лесозащитных станций. В 1948 — 1949 гг. в регионе их было шесть, они проработали до 1953 г. За вышеуказанный период на сельскохозяйственных землях было посажено 29,1 тыс. га защитных лесных насаждений.

До 1949 г. общая площадь существующих и проектируемых полезащитных полос на землях колхозов МАССР составляла 43 тыс. га, засажено песков — 41 тыс. га, оврагов и эродированных балок — 148 637 га, из которых существовало и проектировалось под защитные лесонасаждения — 18 569 га, до 1949 г. было создано 9 тыс. га, за 1949 — 1954 гг. еще 4 313 га, кроме того, предполагалось вырастить еще 14 247 га лесных насаждений¹¹.

С 1949 по 1954 г. было посажено 35 060 га полезащитных лесных полос и овражно-балочных лесонасаждений и 8 300 га насаждений на песках. Кроме того, предусматривалось создание еще 7 580 га защитных лесонасаждений по засадке песков, всего — 43 360 га. К сожалению, на момент проверки в 1953 г. сохранилось лишь 24 735 га насаждений, что составило 57 %¹².

По отдельным видам на 1953 — 1955 гг. в Мордовии деревьями было засажено: оврагов и балок — 148 637 га, песков — 19 704 га, из которых существовало и пред-

⁸ ЦГА РМ. Ф. Р-1496. Оп. 2. Д. 23. Л. 11.

⁹ Там же. Л. 19.

¹⁰ Там же. Ф. Р-1572. Оп. 1. Д. 307. Л. 22.

¹¹ Там же. Ф. Р-1496. Оп. 2. Д. 23. Л. 51 об., 52.

¹² Там же. Л. 19, 20.

полагалось на засадку лесонасаждениями — 15 073 га; создано новых полезащитных лесных полос — 27 733 га. Лесокультурный фонд в 19 районах составлял 800 тыс. га. Кроме того, планировалось создание еще 14 720 га. полезащитных полос¹³.

Фонд учета лесокультур в лесах колхозов, к сожалению, устанавливался приблизительно, со слов специалистов сельского хозяйства и представителей колхозов. Это было вызвано тем, что работы по лесоустройству в лесах не велись и учетных материалов лесокультурного фонда в районах не было.

Заключение

В число запланированных мероприятий для реализации Сталинского плана преобразования природы в Мордовии, как и в целом по стране, входили высадка полос деревьев по периметру полей с учетом климатических особенностей местности, укрепление оврагов, мелиорация и орошение земель. Созданный в 1948 — 1953 гг. полезащитный лесной фонд способствовал повышению плодородности земель, защите их от засухи и увеличению урожайности. В современной непростой экономической обстановке трудно переоценить масштабы проводимых советским правительством мероприятий. Благодаря им была создана прочная база сельского хозяйства в малопригодных для него районах страны. К сожалению, план не воплотился в реальность полностью. После смерти И. В. Сталина многие проекты были свернуты, большое количество земель было заброшено.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бердышев С. 70 лет Великому плану преобразования природы // Сталин: революционер, вождь, человек. 2018. 22 дек. URL: <https://stalinism.ru/stalin-i-gosudarstvo/70-let-velikomu-planu-preobrazovaniya-prirody.html>
2. Ковда В. А. Великий план преобразования природы. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1952. 112 с.
3. Колданов В. Я. Очерки истории советского лесного хозяйства. М.: Экология. 1992. 256 с.
4. Логгинов Б. И. Основы полезащитного лесоразведения. Киев: Изд-во Украинск. акад. с.-х. наук, 1961. 352 с.
5. Михин Д. В., Михин В. И., Кругляк В. В. Полезащитное лесоразведение Воронежской области // Научный журнал КубГАУ. 2012. № 79 (05). URL: <http://ej.kubagro.ru/2012/05/pdf/42.pdf>
6. Парамонов Е. Г. Создание агролесоландшафтов как путь устойчивого природопользования в Кулундинской степи // Известия Алтайского отделения Русского географического общества. 2016. № 1 (40). С. 57 — 63.
7. Писаренко А. И. Защитные леса и защитное лесоводство в устойчивом лесопользовании // Вестник Поволжского государственного технологического университета. Сер.: Лес. Экология. Природопользование. 2014. № 1 (21). С. 5 — 17.
8. Савельева Л. С. Устойчивость деревьев и кустарников в защитных лесных насаждениях. М.: Лесная пром-сть, 1975. 168 с.
9. Тонких В. С. Леса Мордовии. Саранск, 1976. 176 с.

Статья поступила в редакцию 30.08.2023; одобрена после рецензирования 01.11.2023; принята к публикации 06.11.2023.

¹³ ЦГА РМ. Ф. Р-1496. Оп. 2. Д. 23. Л. 51 об., 52.

Информация об авторе:

Евгений Иванович Денискин, преподаватель Московского областного медицинского колледжа № 1» (129110, Россия, г. Москва, ул. Щепкина, 61/2), кандидат исторических наук, edeniskin@yandex.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил вариант рукописи.

REFERENCES

1. Berdyshev S. 70 Years of the Great Plan for the Transformation of Nature. Stalin: a Revolutionary, a Leader, a Man. 2018. URL: <https://stalinism.ru/stalin-i-gosudarstvo/70-let-velikomuu-planu-preobrazovaniya-prirody.html> (In Russ.)
2. Kovda VA. The Great Plan for the Transformation of Nature. Moscow;1952. (In Russ.)
3. Koldanov VYa. Essays on the History of Soviet Forestry. Moscow;1992. (In Russ.)
4. Logginov BI. Fundamentals of Protective Afforestation. Kiev;1961. (In Russ.)
5. Mikhin DV, Mikhin VI, Kruglyak VV. Protective Afforestation of the Voronezh Region. *Scientific Journal of KubSAU*. 2012;(79). URL: <http://ej.kubagro.ru/2012/05/pdf/42.pdf> (In Russ.)
6. Paramonov EG. The Creation of Agroforestry Landscapes As a Way of Sustainable Nature Management in the Kulunda Steppe. *Bulletin of the Altay Branch of the Russian Geographical Society*. 2016;(1):57—63. (In Russ.)
7. Pisarenko AI. Protective Forests and Protective Forestry in Sustainable Forest Management. *Vestnik of Volga State University of Technology. Ser.: Forest. Ecology. Nature. Management*. 2014;(1):5—17. (In Russ.)
8. Savelyeva LS. Stability of Trees and Shrubs in Protective Forest Plantations. Moscow;1975. (In Russ.)
9. Tonkikh VS. Forests of Mordovia. Saransk;1976. (In Russ.)

The article was submitted 30.08.2023; approved after reviewing 01.11.2023; accepted for publication 06.11.2023.

Information about the author:

Evgeniy I. Deniskin, Teacher of Moscow Regional Medical College No. 1 (61/2 Shchepkina Str., Moscow 129110, Russia), Candidate of Historical Sciences, edeniskin@yandex.ru

Conflict of interest: the author declares that there is no conflict of interest.

The author read and approved the final version of the manuscript.

УДК 94(47)(084).8
EDN RDNSLE<http://vestnikniign.ru>*Научная статья*

ВКЛАД СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА МОРДОВИИ В КОРЕННОЙ ПЕРЕЛОМ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ (вторая половина 1942 — 1943 гг.)

С. В. МитинНациональный исследовательский Мордовский
государственный университет им. Н. П. Огарёва,
г. Саранск, Россия
mitin72@inbox.ru*Аннотация*

Введение. Исследование опыта функционирования сельского хозяйства в условиях крупного военного конфликта является несомненно актуальным. В статье рассматривается роль крестьянства и всего сельского хозяйства Мордовии в военно-мобилизационных условиях второго и третьего года Великой Отечественной войны.

Материалы и методы. Для достижения цели и исследовательских задач в статье использовались архивные материалы Центрального государственного архива Республики Мордовия. В основе работы лежат системный, сравнительно-исторический и историко-типологический методы исследования. Данные методы позволили изучить и провести анализ деятельности сельского хозяйства Мордовии на одном из этапов Великой Отечественной войны.

Результаты исследования и их обсуждение. Анализ использованных источников позволил сделать вывод, что в результате самоотверженной работы крестьянство и сельское хозяйство Мордовии выдержали испытание военным временем и приблизили долгожданную победу.

Заключение. Давая общую оценку функционированию сельского хозяйства республики в 1942 — 1943 гг., можно констатировать, что конечные результаты и качественные показатели стали улучшаться лишь к концу 1943 г. В условиях всеобщего недостатка рабочих рук и технических средств сельское хозяйство Мордовии внесло свой вклад в коренной перелом в ходе Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: колхоз, совхоз, уборочная, сенокос, машинно-тракторная станция, яровые, озимые, урожайность, животноводство, хлебопоставки

Для цитирования: Митин С. В. Вклад сельского хозяйства Мордовии в коренной перелом в Великой Отечественной войне (вторая половина 1942 — 1943 гг.) // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2024. Т. 16, № 1. С. 118 — 127. EDN RDNSLE

Original article

AGRICULTURE'S CONTRIBUTION OF MORDOVIA TO THE RADICAL CHANGE IN THE GREAT PATRIOTIC WAR (the Second Half of 1942 — 1943)

S. V. Mitin

National Research Mordovia State University
Saransk, Russia,
mitin72@inbox.ru

Abstract

Introduction. The study of the functioning experience of agriculture in the conditions of a major military conflict is undoubtedly relevant. This article examines the role of the peasantry and the entire agriculture of Mordovia in the military mobilization conditions of the second and third years of the Great Patriotic War. An assessment of the role of agriculture and the heroic labor of the peasantry during the radical turning point of the war is given.

Materials and methods. To achieve the goal and study objectives, documents and archival materials of the Central State Archive of the Republic of Mordovia are used. The work is based on systematic, comparative-historical and historical-typological methods. These methods made it possible to study and analyze the activities of agriculture in Mordovia at one of the stages of the Great Patriotic War.

Results and discussion. Analysis of archival materials allowed us to conclude that as a result of selfless work, the peasantry and agriculture of Mordovia withstood the test of wartime and brought the long-awaited victory closer.

Conclusion. Thus, giving a general assessment of the functioning of agriculture in the republic in 1942 — 1943, it can be stated that the final results and qualitative indicators began to improve only by the end of 1943. In the conditions of a general shortage of workers and technical means, agriculture of Mordovia contributed to a radical change during the Great Patriotic War and to the achievement of victory.

Keywords: collective farm, state farm, harvesting, haymaking, machine and tractor station, spring cereals, winter cereals, productivity, animal husbandry, grain deliveries

For citation: Mitin SV. Agriculture's Contribution of Mordovia to the Radical Change in the Great Patriotic War (the Second Half of 1942 — 1943). *Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia*. 2024;16(1):118—127. EDN RDNSLE

Введение

В течение Великой Отечественной войны сельское хозяйство Мордовии находилось в сложных условиях. 1942 — 1943 гг. по сравнению с другими периодами военного времени для сельского населения оказались самыми трудными. Ситуация складывалась сложно как на фронте, так и в тылу. Начиная с 1942 г. объективно продолжала возрастать роль тыла, который всемерно должен был обеспечивать полноценные боевые действия Красной армии.

Обзор литературы

В советской историографии деятельность крестьянства в годы Великой Отечественной войны широко рассматривалась в работе Ю. В. Арутюняна. Она явилась одной из первых работ, где предметом исследования непосредственно выступают проблемы развития сельскохозяйственного производства в годы войны как

в СССР, так и в Мордовии [1]. В региональной историографии следует отметить работу Д. И. Глазунова, в которой была показана роль молодежи и комсомола в оказании помощи фронту [4]. В 1975 г. вышла монография «Мордовия — фронту» Т. В. Попкова, где автор большое внимание уделил работе комсомола в тылу, попытался определить место молодежи как в промышленном, так и в сельскохозяйственном производстве республики в годы войны [12]. В коллективном исследовании «Очерки истории Мордовской организации КПСС» приведены цифры по мобилизации сельских коммунистов в годы войны [11].

В перестроечный период в СССР в положительную сторону поменялась историографическая ситуация с доступностью архивных материалов. В то время издается двухтомная коллективная монография «История советского крестьянства Мордовии», в которой подробно исследуются хозяйственная деятельность в аграрном секторе и трудности на селе в годы войны [7].

Анализируя постсоветское время, следует отметить опубликованную в 2005 г. коллективную монографию «Мордовия в период Великой Отечественной войны 1941 — 1945 гг.». Во втором томе данного исследования подробно проанализированы экономическая ситуация и социально-экономическое положение населения Мордовии в условиях военного времени [9]. Документальной базой явились и воспоминания работников тыла, которые приведены в работе «Великая Отечественная война: устная история: свидетельства участников боев, работников тыла и детей войны» [3]. Несомненно, нужно отметить и многогранные научные труды В. А. Юрчёнкова, где ученый смог восполнить многие пробелы в региональной историографии по периоду Великой Отечественной войны [13;14;15].

Из новых работ, посвященных сельскохозяйственному производству в годы войны, стоит отметить статьи «Колхозное крестьянство Мордовии в годы Великой Отечественной войны (на примере Темниковского и Пурдошанского районов МАССР)» Т. Н. Кадровой, А. С. Ивлиева, С. А. Яровской и «Колхоз „Комсомолец“ села Кера Пензенской области в годы Великой Отечественной войны» И. Н. Иноземцева, в которых авторы проанализировали вопросы организации сельскохозяйственного производства, состояние материально-технической базы, количественные и качественные изменения в показателях [6; 8]. Изучению повседневного быта на селе в военные годы посвящена статья «Повседневная жизнь в тылу в период Великой Отечественной войны (на примере села Подлесная Тавла Мордовской АССР)» Н. Е. Горячева, где частично затрагиваются и вопросы обеспечения процесса сельскохозяйственного производства, сложности и проблемы, связанные с этим аспектом деятельности [5]. В настоящей статье рассматривается роль МТС в сельском хозяйстве республики. В связи с этим научный интерес представляют теоретические выводы публикации «К вопросу об эффективности машинно-тракторных станций в 1945 — 1958 гг. (по материалам Темниковского района Мордовской АССР)» Е. Н. Бикейкина, Г. А. Куршевой, С. В. Першина [2]. В статье «Аграрная политика и восстановление сельского хозяйства в первые годы после освобождения от немецко-фашистской оккупации» В. В. Наухацкого приводятся некоторые статистические данные об ущербе, нанесенном сельскому хозяйству в военное время [10].

Итак, имеющиеся исследования являются важным заделом для дальнейшей научной разработки широкого спектра вопросов по изучаемой тематике. Настоящая работа призвана дополнить имеющиеся знания и выводы по данной теме.

Материалы и методы

В методологическом плане работа основывалась на принципах историзма и объективности, в ней задействованы системный, сравнительно-исторический и проблемно-хронологический методы. Для достижения цели и исследовательских задач в статье использовались архивные материалы Центрального государственного архива Республики Мордовия.

Результаты исследования и их обсуждение

Составной частью тылового социально-экономического народнохозяйственного комплекса в годы Великой Отечественной войны являлась и Мордовия. Она в годы войны развивалась в общегосударственном русле, но при этом обладала своеобразной спецификой. В республике, как и по всей стране, происходило нарастание негативных тенденций, которые увеличили экономическую нагрузку на село. Так, в первую очередь сельские жители стали основным ресурсом мобилизации, в результате которой трудоспособных мужчин в колхозах и совхозах Мордовии на 1 декабря 1942 г. оставалось 48 400 чел., тогда как за год до этого их было 96 000 чел.¹

Материально-техническая база колхозов и совхозов Мордовии продолжала ухудшаться, увеличивалась численность неисправной и простаивающей техники. Так, за 1942 г. было безвозвратно потеряно 62 трактора, которые были разобраны на запасные части. Общие цифры показателей по тракторам в 52 МТС Мордовии в 1942 г. были следующие: в начале года — 2 942, в конце — 2 880².

Второй военный год отмечен заметным сокращением поголовья лошадей в колхозах республики, которых массово мобилизовали на военные нужды. Если в июне 1941 г. в колхозах МАССР содержалось 82 311 голов лошадей, то в сентябре 1942 г. — 65 670 голов вместе с молодняком³.

Однако и в этих условиях крестьянству Мордовии удавалось производить необходимое количество продовольствия для потребностей фронта. В 1942 г. стало радикально меняться планирование сельскохозяйственного производства: более грамотно учитываться имеющиеся трудности, количество тружеников и сезонность работ на селе.

Первой крупной сельскохозяйственной кампанией 1942 г. стал сенокос. Предстояло скосить естественных трав с площади в 122 100 га. План поставок сена государству составлял 200 тыс. ц. С небольшими задержками план по сеноуборке и сенопоставкам государству был выполнен полностью⁴.

Уборку урожая необходимо было провести в максимально сжатые сроки. По-всемирно заявлялось о недопущении потерь урожая. Следует отметить, что посевные площади в Мордовии продолжали сокращаться, а сельхозпродукции требовалось все больше. Например, в 1941 г. в уборке урожая нуждалась площадь в

¹ ЦГА РМ. Ф. Р-516. Оп. 1. Д. 857. Л. 99.

² Там же. Оп. 5. Д. 205. Л. 5.

³ Там же. Ф. 269-П. Оп. 3. Д. 648. Л. 52.

⁴ Там же. Д. 637. Л. 134.

934 тыс. га, то в 1942 г. — в 865 тыс. га. Сокращение посевных площадей произошло в основном из-за недостатка рабочих рук и невыполнения осеннего плана 1941 г. по озимому севу.

Если сенокос в Мордовии прошел без масштабного применения сельскохозяйственных машин, то для уборки урожая 1942 г. потребовался весь имеющийся машинно-тракторный парк республики. Уже в начале уборочной кампании открылась тяжелая ситуация с горюче-смазочными материалами, которых катастрофически не хватало, и кризисное положение колхозных машинно-тракторных парков. Данные причины не позволили начать полноценную уборку урожая техническими средствами, которым требовался ремонт и минимум около 2,5 тыс. т различного горючего. Во всех МТС республики выросло число простаивающей техники, например, из 117 грузовых автомобилей исправными были только 4, в ходе уборочных работ было отремонтировано еще 32 автомобиля⁵. Изысканием ГСМ занимались работники Мордовского обкома ВКП(б), Совнаркома МАССР, министерств и ведомств республики. В результате к началу уборочной кампании получилось добиться поступления 140 т бензина и лигроина, 1 820 т керосина, 140 т автола, что составило 36 % от всего плана. Существующий дефицит ГСМ возникал из-за недочетов в системе государственных поставок. Например, в августе 1942 г. в Мордовию было доставлено 1 300 т керосина, но он не мог использоваться по назначению без автомобильного масла, которого не было в наличии, хотя керосин поступил в Мордовию из Туапсе, а автол должен быть доставлен из Саратова⁶.

Недостаток горюче-смазочных материалов приводил к использованию большого количества ручного труда, поэтому урожай преимущественно убирали вручную, а имеющиеся горюче-смазочные материалы оставляли в качестве неприкосновенного запаса. Например, в сентябре 1942 г. сельскохозяйственной техникой было убрано 93 414 га, что составляло 12 % от всей убранной площади, а косами и серпами, т. е. с использованием преимущественно женского и подросткового труда, — 347 тыс. га, или 44,5 % [9, с. 228].

При всех трудностях уборочная кампания 1942 г. прошла практически с итоговым выполнением плана. Не последнюю роль в этом сыграли благоприятные метеорологические условия, ужесточение дисциплины и усиление внеэкономического принуждения в колхозах, чему способствовало постановление Президиума Верховного Совета СССР «О повышении обязательного минимума трудодней», опубликованное в феврале 1942 г. Кроме того, как уже отмечалось, площадь подлежащих уборке культур в 1942 г. по сравнению с 1941 г. была меньше на 69 тыс. га⁷.

Осенью 1942 г. было убрано 100 % яровых и озимых с площади в 652 270 га и посеяно озимых на площади в 342 100 га, что составило 86 % от всего озимого клина.

Урожай был убран, но урожайность была невысокой, что негативно сказалось на выполнении планов обязательных хлебопоставок государству. Если в 1941 г. план обязательных хлебопоставок для Мордовии составлял 269 437 т (план был перевы-

⁵ ЦГА РМ. Ф. 269-П. Оп. 3. Д. 648. Л. 134.

⁶ Там же. Д. 637. Л. 137.

⁷ Там же. Д. 651. Л. 5, 27.

полнен), то в 1942 г. он был увеличен до 276 400 т. Республика смогла сдать хлеба государству около 129 600 т, что составило 46,8 % от плана. Среди прочих причин низкого показателя выполнения плана было снижение урожайности в военные годы. Если в 1941 г. урожайность зерновых по Мордовии была в среднем 6,7 ц /га, то в 1942 г. — 4 ц /га [1, с. 164, 423].

В 1943 г. еще более усугубилась ситуация для крестьянства Мордовии. Все заметнее становился недостаток сельскохозяйственной техники, на селе все меньше оставалось рабочих рук и тягловой силы, и это несмотря на то, что мобилизация в 1943 г. проходила в республике не так масштабно, как в 1941 — 1942 гг. Однако и небольшое изъятие рабочих сил из деревни болезненно отражалось на всем сельском хозяйстве.

Ухудшилось техническое оснащение сельского хозяйства. Государственных поставок техники и запасных частей для нее в 1943 г. практически не происходило, что сказалось на ремонтных работах⁸. Отметим тот факт, что весной 1943 г. по показателям ремонтных работ МАССР занимала последнее место в РСФСР [11, с. 387]. Из 2 880 тракторов МТС Мордовии к весеннему севу необходимо было отремонтировать 2 592 трактора текущим и капитальным ремонтом, т. е. около 90 % из имеющихся. В результате проведенного ремонта было подготовлено к работе 2 255 тракторов⁹.

Весной 1943 г. большие надежды возлагались на газогенераторные трактора, работавшие на дровах (на деревянных чурках стандартного размера, заготовленных и высушенных заранее). Однако положение с их ремонтом также было неудовлетворительным. Из 353 тракторов данной модификации смогли отремонтировать только 205.

Что касается ГСМ, то из 5 100 т различного горючего, требуемых для сева, в республику в апреле 1943 г. было завезено 1 700 т. В мае того же года потребность в керосине составляла 9 840 т, поступило 3 977 т, бензина требовалось 500 т, поступило 159 т, лигроина (нечто среднее между бензином и дизелем) было необходимо 200 т, поступления не было¹⁰.

Несмотря на перечисленные трудности, посевная кампания прошла в сжатые сроки. Государство для нее выделило 20 тыс. т зерна высокого качества. Недостаток техники и лошадей колхозники пытались компенсировать использованием крупного рогатого скота, чего практически не происходило в первые два года войны. Так, весной 1943 г. на полях республики эксплуатировалось 20 600 голов крупного рогатого скота [9, с. 230].

К июню 1943 г. было посеяно 84 % запланированных яровых, отставание наблюдалось в севе овощебахчевых (тыква) и технических (конопля, лен-долгунец) культур. Следует отметить, что машинно-тракторный парк также не выполнил поставленные задачи. Так, тракторами из запланированных 90 тыс. га (план для машинной обработки) было обработано 59 тыс. га¹¹.

⁸ НА НИИГН. И-358. Л. 78.

⁹ ЦГА РМ. Ф. 269-П. Оп. 3. Д. 684. Л. 78.

¹⁰ Там же. Л. 46, 106.

¹¹ Там же. Д. 687. Л. 46.

Кризисные явления в сельском хозяйстве усиливались из-за продолжающегося сокращения мужского населения. Весной 1943 г. в колхозах республики насчитывалось 48 635 мужчин в возрасте от 16 до 65 лет. Основную массу из них составляла молодежь 15 — 17 лет. Взрослых мужчин 20 — 40 лет было мало, они в основном выполняли или занимали руководящие должности. Например, 1 400 мужчин были председателями колхозов и более 1 500 — бригадирами колхозных бригад. Количество мужчин продолжало сокращаться, так как в 1943 г. на фронт из колхозов Мордовии было мобилизовано еще 17 тыс. мужчин.

Все больше тяжелый труд ложился на плечи женщин и подростков. Причем их численность в колхозах практически не уменьшалась. Например, работоспособных женщин в колхозах республики в 1943 г., как и в 1942 г., было около 190 тыс. Однако вовлечение в производство женщин и детей не могло компенсировать убыли трудоспособного мужского населения.

Как было отмечено выше, в период весенне-полевых работ ситуация в колхозах республики была сложной. Объем всех высаженных семян был меньше, чем в 1942 г. Кроме того, произошла гибель озимых на площади в 54 тыс. га. Практически имевшая место засуха в июле сменилась массивным градом, что еще больше ухудшило положение.

Уборка урожая в 1943 г. началась в середине июля. К октябрю было убрано 80 % зерновых и зернобобовых культур.

В 1943 г. еще заметнее сократилась роль МТС в сельскохозяйственных работах. Если в 1942 г. комбайнами было убрано 13 % урожая, то в 1943 г. — 10 % [9, с. 231]. Снижился и такой показатель, как выработка на один трактор. Например, в 1940 г. он составлял 401 га, в 1943 г. — 179 га¹². Такая тенденция была повсеместно. Некоторые районы пытались найти выход из положения. Например, руководство передового Теньгушевского района распорядилось не ждать поступлений в МТС горючего, а начать уборку урожая простыми орудиями труда — жатками, лобогрейками, косами и серпами. Из всех районов только он в срок завершил уборку¹³.

Осенью 1943 г. государству было сдано 96 330 т зерна, что составило 43 % от всего плана. Такой процент выполнения был самым низким за все военные годы. Однако были и отличившиеся колхозы. Так, из 1 526 колхозов республики 600 не только выполнили план, но и сдали хлеб в счет 1944 г. Такая ситуация складывалась и потому, что у каждого колхоза был индивидуальный план по госпоставкам.

Положение животноводства в годы войны также резко ухудшилось. Прекратилось строительство животноводческих комплексов, недоставало помещений для скота, сократилось ветеринарное обслуживание. В 1942 — 1943 гг. уменьшились посев кормовых и фуражных культур и поставки отходов растениеводства, служивших до войны кормом. В таких условиях крестьянство республики для спасения как колхозного, так и личного поголовья вынуждено было собственными силами создавать необходимые запасы. Сельские жители республики для заготовок кормов

¹² ЦГА РМ. Ф. 269-П. Оп. 3. Д. 685. Л. 115.

¹³ Там же. Д. 827. Л. 14, 12.

вынуждены были заготавливать и силосовать дополнительно ветки деревьев, крапиву, ботву и различные растительные отходы.

Ситуацию мог улучшить урожайный сенокос 1942 г., но большая часть сена, а именно 200 тыс. ц, была сдана государству, поэтому основную кормовую роль зимой 1942 — 1943 гг. сыграли грубые корма (в основном солома) и отходы. Произошло резкое сокращение поголовья лошадей, которых в массовом порядке мобилизовали на фронт. В 1941 — 1943 г. количество лошадей в Мордовии сократилось на 26 тыс. голов¹⁴. Кроме того, сильно пострадало и свиноводство. Если в августе 1942 г. свиней насчитывалось 73 038 голов, то в декабре 1943 г. — 23 500 [7, с. 57].

Необходимо отметить, что в животноводстве наблюдалось снижение его продуктивности. Палили надои молока, настриг шерсти, сокращались мясозаготовки и последующие мясоставки. Если план мясоставок в 1941 г. был перевыполнен, то в 1942 — 1943 гг. республика его уже не выполняла. Надои молока в 1941 — 1943 гг. упали в среднем на 20 %.

Еще одной причиной резкого сокращения поголовья скота стала его эвакуация. Эвакуированный в 1941 г. в республику скот стали возвращать в освобожденные районы страны. Так, осенью 1943 г. Мордовия передала (по сути, вернула) в Смоленскую, Рязанскую, Орловскую и Тульскую области 4 577 лошадей, 8 803 крупного рогатого скота, 3 660 голов овец и коз [9, с. 232]

Заключение

Начиная с 1942 г. сельское хозяйство Мордовии столкнулось с всеобщей проблемой сокращения трудовых ресурсов и пахотных земель, поголовья скота и кормовой базы, а также с износом машинно-тракторного парка, отсутствием должного ремонта и дефицитом горюче-смазочных материалов. Аграрному сектору война нанесла огромный ущерб, и сельское хозяйство республики, несмотря на напряженную работу, не смогло удержать довоенные показатели по растениеводству и животноводству. Однако колхозы Мордовии даже в таких экстремальных условиях показали свои мобилизационные возможности, поставляя все необходимое для нужд фронта.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Арутюнян Ю. В. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. Москва: Наука, 1970. 446 с.
2. Бикейкин Е. Н., Куршева Г. А., Першин С. В. К вопросу об эффективности машинно-тракторных станций в 1945 — 1958 гг. (по материалам Темниковского района Мордовской АССР) // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2021. № 4 (60). С. 70 — 79. URL: <http://www.niign.ru/nauchnie-jurnaly/vestnik-niign-4-2021.pdf>
3. Великая Отечественная война: устная история: Свидетельства участников боев, работников тыла и детей войны / редкол.: В. А. Юрченок, Е. Н. Бикейкин (отв. редакторы) и др. Саранск: НИИГН, 2015. Т. 1. 696 с. URL: <http://www.niign.ru/knigi/velikaya-otechestvennaya-vojna.-ustnaya-istoriya.-t.1.pdf>
4. Глазунов Д. И. Комсомол Мордовии в годы Великой Отечественной войны. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1958. 177 с.

¹⁴ ЦГА РМ. Ф. 269-П. Оп. 3. Д. 695. Л. 20.

5. Горячев Н. Е. Повседневная жизнь в тылу в период Великой Отечественной войны (на примере села Подлесная Тавла Мордовской АССР) // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2020. № 2 (54). С. 70 — 77. URL: <http://niign.ru/nauchnie-jurnaly/vestnik-niign-2,2020.pdf>

6. Иноземцев И. Н. Колхоз «Комсомолец» села Кера Пензенской области в годы Великой Отечественной войны // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2019. № 1 (49). С. 70 — 79. URL: <http://niign.ru/centrandperifirya/vestnik-niign-1,2019-v-tipografiyu.pdf>

7. История советского крестьянства Мордовии. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1989. Ч. 2. 254 с.

8. Кадерова Т. Н., Ивлиев С. А., Яровская С. А. Колхозное крестьянство Мордовии в годы Великой Отечественной войны (на примере Темниковского и Пурдошанского районов МАССР) // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2022. № 3 (65). С. 135 — 145. URL: <http://vestnikniign.ru/gallery/V-3-2022-st-15.pdf>

9. Мордовия в период Великой Отечественной войны 1941 — 1945 гг.: в 2 т. / под общ. ред. В. А. Юрчёнкова. Саранск: НИИГН. 2005. Т. 2. 424 с. URL: <http://www.niign.ru/knigi/mordoviya-v-period-vov,-t2-4.pdf>

10. Наухацкий В. В. Аграрная политика и восстановление сельского хозяйства в первые годы после освобождения от немецко-фашистской оккупации (на материалах регионов Юга России) // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2022. № 2 (62). С. 119 — 131. URL: <http://vestnikniign.ru/gallery/V-2-2022-st-14.pdf>

11. Очерки истории Мордовской организации КПСС. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1979. 709 с.

12. Попков Т. В. Мордовия — фронту. Саранск: Морд. кн. изд-во, 1975. 52 с.

13. Юрчёнков В. А. Война на всех одна. Мордовский край в 1941 — 1945 годах / авт.-сост. В. А. Юрчёнков. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 2015. 552 с. URL: <http://www.niign.ru/knigi/vojna-na-vsex-odna-.pdf>

14. Юрчёнков В. А. Мордовия. 1941 — 1945: тайные страницы // Странник. 1995. № 3. С. 41 — 48.

15. Юрчёнков В. А. Начертание мордовской истории. Саранск: НИИГН. 2012. 611 с. URL: <http://niign.ru/knigi/yurchenkov-v.-a.-nachertanie-mordovskoj-istori.pdf>

Статья поступила в редакцию 02.10.2023; одобрена после рецензирования 02.12.2023; принята к публикации 09.12.2023.

Информация об авторе:

Сергей Владимирович Митин, доцент кафедры всеобщей истории, политологии и регионоведения Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва (430005, Россия, г. Саранск, ул. Большевикская, 68), кандидат исторических наук, mitin72@inbox.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Harutyunyan YuV. Soviet Peasantry during the Great Patriotic War. Moscow;1970. (In Russ.)
2. Bikeikin EN, Kursheva GA, Pershin SV. On the Issue of the Efficiency of Tire-Tractor Stations in 1945 — 1958 (a Case Study of the Temnikovsky District of the Mordovian ASSR). *Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia*. 2021;(4):70—79. URL: <http://www.niign.ru/nauchnie-jurnaly/vestnik-niign-4-2021.pdf> (In Russ.)

3. The Great Patriotic War. Oral History: Testimonies of Participants in Battles, Home Front Workers and Children of War. Saransk;2015. URL: <http://www.niign.ru/knigi/velikaya-otechestvennaya-vojna.-ustnaya-istoriya.-t.1.pdf> (In Russ.)
4. Glazunov DI. Komsomol of Mordovia during the Great Patriotic War. Saransk;1958. (In Russ.)
5. Goryachev NE. Daily Life in the Rear during the Great Patriotic War (a Case Study of the Village of Podlesnaya Tavla of the Mordovian ASSR). *Bulletin of the Research Institute of Humanities by the Government of the Republic of Mordovia*. 2020;2:70—77. URL: <http://niign.ru/nauchnie-jurnaly/vestnik-niign-2,2020.pdf> (In Russ.)
6. Inozemtsev IN. Collective Farm “Komsomolets” of the Village of Kera, Penza Region during the Great Patriotic War. *Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia*. 2019;1:70—79. URL: <http://niign.ru/centrandperifrya/vestnik-niign-1,2019-v-tipografiyu.pdf> (In Russ.)
7. The History of the Soviet Peasantry of Mordovia. Saransk;1989. (In Russ.)
8. Kaderova TN, Ivliev SA, Yanovskaya SA. Collective Farm Peasantry of Mordovia during the Great Patriotic War (a Case Study of Temnikovskiy and Purdoshansky Districts of the MASSR). *Bulletin of the Research Institute of Humanities by the Government of the Republic of Mordovia*. 2022;3:135—145. URL: <http://vestnikniign.ru/gallery/V-3-2022-st-15.pdf> (In Russ.)
9. Mordovia during the Great Patriotic War of 1941 — 1945. 2005;2. URL: <http://www.niign.ru/knigi/mordoviya-v-period-vov,-t2-4.pdf> (In Russ.)
10. Nauhatsky VV. Agrarian Policy and the Restoration of Rural Economy in the First Years after Liberation from the Nazi Occupation (a Case Study of the Regions of Southern Russia). *Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia*. 2022;(2):119 — 131. URL: <http://vestnikniign.ru/gallery/V-2-2022-st-14.pdf> (In Russ.)
11. Essays on the History of the Mordovian Organization of the CPSU. Saransk;1979. (In Russ.)
12. Popkov TV. Mordovia — to the Front. Saransk;1975. (In Russ.)
13. Yurchenkov VA. There is One War for Everyone. Mordovia in 1941 — 1945. Saransk;2015. URL: <http://www.niign.ru/knigi/vojna-na-vsex-odna-.pdf> (In Russ.)
14. Yurchenkov VA. Mordovia. 1941 — 1945: Secret Pages. *Wanderer*. 1995;(3):41—48. (In Russ.)
15. Yurchenkov VA. The Outline of Mordovian History. Saransk;2012. URL: <http://niign.ru/knigi/yurchenkov-v.-a.-nachertanie-mordovskoj-istori.pdf> (In Russ.)

The article was submitted 02.10.2023; approved after reviewing 02.12.2023; accepted for publication 09.12.2023.

Information about the author:

Sergey V. Mitin, Associate Professor of Department of General History, Political Science and Regional Studies of National Research Mordovia State University (68 Bolshevistskaya Str., Saransk 430005, Russia), Candidate of Historical Sciences, mitin72@inbox.ru

Conflict of interest: the author declares that there is no conflict of interest.

The author has read and approved the final version of the manuscript.

УДК 353:94(47).084.9«1953/1964»
EDN TIYCFW<http://vestnikniign.ru>*Научная статья*

**«ВСЬ АППАРАТ ЗАНЯТ БУМАЖНОЙ ПЕРЕПИСКОЙ»:
БОРЬБА С БЮРОКРАТИЗМОМ В РЕГИОНАЛЬНЫХ ОРГАНАХ
ВЛАСТИ В 1953 — 1964 гг.
(на материалах Марийской, Мордовской и Чувашской АССР)**

Л. А. Королева¹, П. С. Учватов²✉¹ Пензенский государственный университет архитектуры и строительства,
г. Пенза, Россия² Научно-исследовательский институт гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия,
г. Саранск, Россия

✉ uchvatov.pavel@yandex.ru

Аннотация

Введение. Исследование развития советских управленческих практик является значимым направлением современной отечественной истории, в особенности на уровне регионов, где данный вопрос остается недостаточно изученным. Целью статьи является рассмотрение на примере партийно-государственного аппарата Марийской, Мордовской и Чувашской АССР реализации кампании по борьбе с «бюрократизмом» и ее эффективности в 1953 — 1964 гг.

Материалы и методы исследования. Материалами исследования послужили документы региональных архивов, а также публикации в газетах по вопросам организации партийно-государственного аппарата на территории Марийской, Мордовской и Чувашской АССР. Кроме общенаучных методов, в работе использовались историко-системный и проблемно-хронологический методы.

Результаты исследования и их обсуждение. В статье рассмотрены попытки упрощения административного аппарата и ведения делопроизводства в автономных республиках в 1953 — 1964 гг. Изучены попытки трансформации региональных управленческих практик в государственных органах и учреждениях автономных республик Поволжья.

Заключение. Инициированные преемниками И. В. Сталина реформы государственного управления предполагали удешевление и сокращение государственного аппарата, снижение документооборота и уменьшение числа чиновников, в том числе на уровне регионов. Однако проведенный анализ показывает ограниченный эффект осуществленной кампании по борьбе с «бюрократизмом» и значительную инертность региональных элит.

Ключевые слова: «оттепель», государственное управление, бюрократизм, региональные элиты, региональные органы власти

Для цитирования: Королева Л. А., Учватов П. С. «Весь аппарат занят бумажной перепиской»: борьба с «бюрократизмом» в региональных органах власти в 1953 — 1964 гг. (на материалах Марийской, Мордовской и Чувашской АССР) // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2024. Т. 16, № 1. С. 128 — 139. EDN TIYCFW

Original article

**“THE ENTIRE STATE APPARATUS IS BUSY WITH PAPER CORRESPONDENCE”: THE FIGHT AGAINST BUREAUCRACY IN REGIONAL AUTHORITIES IN 1953 — 1964
(a Case Study of Mari, Mordovian and Chuvash ASSR)**

L. A. Koroleva¹, P. S. Uchvatov²✉

¹ Penza State University of Architecture and Construction,
Penza, Russia

² Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia,
Saransk, Russia

✉ uchvatov.pavel@yandex.ru

Abstract

Introduction. The study of the development of Soviet management practices is a significant area of modern Russian history, especially at the regional level, where this issue remains insufficiently studied. The purpose of this article is to examine, using the example of the party-state apparatus of the Mari, Mordovian and Chuvash Autonomous Soviet Socialist Republics, the implementation of the campaign to combat “bureaucracy” and its effectiveness in 1953 — 1964.

Materials and methods. The study materials included documents from regional archives, as well as publications in newspapers on the organization of the party-state apparatus on the territory of the Mari, Mordovian and Chuvash Autonomous Soviet Socialist Republics. In addition to general scientific methods, the work used historical-systemic and problem-chronological methods.

Results and discussion. The article examines attempts to simplify the administrative apparatus and record keeping in the autonomous republics in 1953 — 1964. Attempts to transform regional management practices in government bodies and institutions of the autonomous republics of the Volga region have been studied.

Conclusion. The public administration reforms initiated by the successors of I. V. Stalin involved reducing the cost and reduction of the state apparatus, reducing document flow and reducing the number of officials, including at the regional level. However, the analysis shows the limited effect of the campaign to combat “bureaucracy” and significant inertia of the regional elites.

Keywords: The Khrushchev Thaw, public administration, bureaucracy, regional elites, regional authorities

For citation: Koroleva LA, Uchvatov PS. “The Entire State Apparatus is Busy with Paper Correspondence”: the Fight against Bureaucracy in Regional Authorities in 1953 — 1964 (a Case Study of Mari, Mordovian and Chuvash ASSR). *Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia*. 2024;16(1):128—139. EDN TIYCFW

Введение

«Хрущевская оттепель» является особым периодом в истории нашей страны, ознаменованным проведением масштабных преобразований, оказавших большое влияние на все основные сферы общественной жизни. Заметными, но в то же время противоречивыми реформами были попытки пересмотра векторов государственного управления, к началу 1950-х гг. осуществлявшегося в рамках сложившейся в 1930 — 1940-е гг. сталинской командно-административной системы. К этому времени отраслевой подход, основанный на жесткой централизации власти и показавший высокую эффективность в годы Великой Отечественной войны, исчерпал себя, и дальнейшее ужесточение административных мер не приводило к повышению результативности управления народным хозяйством [13, с. 322]. Переход к новой

управленческой модели произошел с 1957 г., когда образование совнархозов привело к децентрализации управления. В то же время критика предшествующей системы, а также отдельные попытки ее трансформации начались за несколько лет до этого, фактически сразу после смерти И. В. Сталина. При этом спускаемые из союзного Центра инициативы, далеко не всегда продуманные, часто приобретали вид громких кампаний, подхватываемых на региональном уровне. Одной из этих кампаний стала борьба с так называемым бюрократизмом, активно развернувшаяся в середине 1950-х гг. и заключающаяся в упрощении административного аппарата и отчетности, снижении объема делопроизводства, «приближении» системы управления к производству и «проблемам на местах».

Материалы и методы

Источниковой базой статьи послужили документы региональных архивов (Государственный архив Республики Марий Эл, Государственный исторический архив Чувашской Республики, Центральный государственный архив Республики Мордовия), стенографические отчеты заседаний сессий Верховных Советов АССР, а также публикации в газетах («Марийская правда», «Советская Мордовия» и др.) по вопросам организации государственного аппарата на территории выбранных для исследования автономий. Работа основана на базовых принципах научной объективности и историзма. При обработке материалов использовались общенаучные, а также историко-системный и проблемно-хронологический методы.

Обзор литературы

Представляется закономерным, что вопросы истории общественно-политической жизни столь неоднозначного периода нашли отражение в историографии. Специальные исследования, касающиеся данной тематики, начали проводиться в нашей стране еще с начала 1990-х гг. [7; 8; 16; 17]. Впоследствии по «хрущевскому десятилетию» был опубликован ряд обобщающих монографий Ю. В. Аксютина, Р. Г. Пихои, А. В. Пыжикова и других ученых-историков, в которых подробно рассмотрены предпосылки осуществленных реформ, борьба за власть между высшими руководителями государства, влияние десталинизации на состояние административной системы и т. д. [1; 18; 19]. Преобразования периода «оттепели» продолжают вызывать интерес и в последние годы [9; 24]. О хрущевских реформах, включая трансформацию партийно-государственного аппарата, писали также зарубежные советологи Дж. Боффа, М. Макколей, У. Таубман и др. [4; 10; 20].

В литературе, изданной в рассматриваемых в статье национальных республиках, прежде всего следует выделить опубликованную в 2022 г. коллективную монографию «Мордовия в период реформ Н. С. Хрущева (1953 — 1964 гг.)», содержащую сведения о реализации на уровне республики хрущевских «сверхпрограмм» и связанных с ними реорганизациях органов власти [13]. В ряде статей региональных историков поднимаются отдельные проблемы, связанные с управлением отраслями народного хозяйства и социокультурной сферы республик [11; 12; 21; 22; 25]. К истории региональных элит обратились Д. В. Доленко и В. А. Юрченок, отмечавшие постепенный рост «бюрократизации» советского общества [5]. В статьях Е. Н. Бикейкина, Ю. М. Морозовой, И. В. Муравьевой, Т. А. Першиной и других авторов рассматривается состояние советских органов автономных республик РСФСР послевоенных десятилетий, в том числе периода «оттепели» [2; 3; 14; 15]. Относительно малоизу-

ченным, но перспективным направлением представляется также исследование коммуникативной связи между региональной властью и обществом [6; 23].

Результаты исследования и их обсуждение

Термин «бюрократизм» использовался в публикациях, газетных статьях и докладах советско-партийных чиновников как распространенное идеологическое клише, с помощью которого было принято критиковать существовавшие недостатки административной системы в органах власти, учреждениях и предприятиях. Наиболее распространенное значение, которое вкладывалось идеологами и должностными лицами в это слово, вполне адекватно передает советский словарь русского языка, согласно которому бюрократизм — это «пренебрежение к существу дела ради соблюдения формальностей, формализм, канцелярищина», в то время как бюрократ являлся «должностным лицом, выполняющим свои обязанности формально, в ущерб делу»¹. Бюрократизм предполагал оторванность громоздкого чиновничьего аппарата от «конкретной», «живой» работы, ее подмену чрезмерно раздутой отчетностью и перепиской между властными структурами, безразличное отношение к интересам населения и подведомственной отрасли.

Это явление в советских органах управления признавалось и открыто порицалось и до начала 1950-х гг., однако критика «канцелярских методов руководства» резко возросла после смерти И. В. Сталина, когда его соратники, пытавшиеся модернизировать существовавшую систему, усилили негативные оценки ее отдельных, наиболее неприглядных сторон. Принято считать, что отправной точкой кампании по борьбе с бюрократизмом стали постановление ЦК КПСС «О серьезных недостатках в работе партийного и государственного аппарата» от 25 января 1954 г. и принятое вскоре после него совместное постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР «О существенных недостатках в структуре министерств и ведомств СССР и мерах по улучшению работы государственного аппарата» от 14 октября 1954 г. Так, в последнем документе обозначались пороки существовавшей командно-административной системы: министерства и ведомства искусственно расширяли свой аппарат и отчетность, управление рассредоточивалось по различным структурным подразделениям, работавших «канцелярско-бюрократическими» методами, что порождало безответственность в принятии решений, организационный беспорядок и т. д. При этом чрезмерная централизация приводила к фактическому отстранению региональных органов власти от реального управления предприятиями, расположенными на подведомственных территориях². Однако критика бюрократизма резко усилилась уже в 1953 г., когда указанные выше решения активно готовились. Как отмечали ЦК КПСС и Совет министров СССР, в результате этой работы во всех в министерствах и ведомствах были «вскрыты серьезные недостатки в организационном построении аппарата», следствием которых стало разрастание числа чиновников и распространение «бюрократических» методов работы³. Министр государственно-

¹ Словарь русского языка: в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А. П. Евгеньевой. 3-е изд., стереотип. М., 1985. Т. 1. С. 131.

² Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898 — 1986). 9-е изд., доп. и испр. М., 1985. Т. 8. С. 438 — 445.

³ Там же. С. 439.

го контроля РСФСР Н. М. Васильев в статье, опубликованной в мае 1953 г., подчеркивал, что служащие советского аппарата обязаны «неустанно вести борьбу с волокитой, бюрократизмом, недобросовестным отношением к порученной работе, решительно искоренять все еще имеющиеся в отдельных звеньях... факты чрезмерной доверчивости и ротозейства»⁴. Подвергалась критике неупорядоченность организации работы в советских организациях и учреждениях со свойственными ей ненормированным рабочим днем, слабой трудовой дисциплиной, проявлениями волокиты, общей низкой культуры служащих⁵.

Проявлялось это и на уровне автономных республик. В региональной печати неоднократно поднимались проблемы бюрократического отношения и равнодушия в отношении к письмам граждан в органах управления⁶, формализма в деятельности отдельных властных структур⁷. В 1954 — 1955 гг. местные средства массовой информации с энтузиазмом подключились к усилившейся кампании по борьбе с указанными явлениями⁸. Критике подвергались власти как республиканского, так и районного уровней. Например, 28 декабря 1953 г. на заседании Президиума Верховного совета Чувашской АССР депутатов Калининского райсовета и сельских Советов района обвинили в «оторванности» от избирателей, а исполком райсовета — в неподотчетности перед депутатами⁹. Председатель Президиума Верховного Совета З. А. Андреева, критикуя исполком Цивильского райсовета, обращала внимание на «возмутительные факты формализма, волокиты, бюрократического отношения к жалобам»¹⁰. На XII мордовской областной партконференции (февраль 1954 г.) нападкам подверглись министерства просвещения, социального обеспечения, юстиции и другие исполнительные органы Мордовской АССР, руководители которых обвинялись в «неизжитых элементах» бюрократизма и волокиты¹¹. В отрыве от «реального положения», а также других многочисленных недостатках в управлении обвинялись даже высшие руководители республики, включая первого секретаря обкома КПСС В. И. Закурдаева и председателя Совета министров Мордовской АССР П. А. Кокорева¹².

4 мая 1955 г. было издано постановление Совета министров СССР «Об организации работы в Совете министров СССР», а 7 июня того же года вышел одно-

⁴ Васильев Н. Совершенствовать советский государственный аппарат // Советская Мордовия. 1953. 19 мая.

⁵ О режиме рабочего дня в советских учреждениях // Правда. 1953. 1 сент.

⁶ Больше внимания письмам трудящихся // Советская Мордовия. 1953. 8 авг.; Больше внимания письмам и жалобам трудящихся // Там же. 23 сент.

⁷ Улучшить работу судебно-следственных органов // Там же. 22 июля; Всемерно улучшать работу советского аппарата // Там же. 29 нояб.

⁸ Петров В. В стороне от коренных вопросов работы министерства // Советская Мордовия. 1954. 7 мая; Брижахин М. Путаники из министерства // Там же. 1954. 2 июня; Против канцелярских методов в практике советского руководства // Марийская правда. 1955. 26 июня.

⁹ ГИА ЧР (Государственный исторический архив Чувашской Республики). Ф. Р-1041. Оп. 1. Д. 1060. Л. 2.

¹⁰ Там же. Л. 9.

¹¹ XII областная партийная конференция // Советская Мордовия. 1954. 13 февр.

¹² XII областная партийная конференция. Прения по отчетным докладам обкома КПСС и ревизионной комиссии // Там же. 1954. 20 февр.

именный документ Правительства РСФСР¹³. В соответствии с этими документами принимались постановления Советов министров автономных республик, в общем дублировавшие закрепленные в них положения. Так, ненормальным признавалось принятие высшими органами государственного управления АССР чрезмерно большого числа постановлений, распоряжений и других документов по вопросам, которые можно было разрешить на уровне конкретных министерств, ведомств или рай(гор)исполкомов; руководителям этих органов, в свою очередь, запрещалось пересылать в региональные правительства второстепенные вопросы; при подготовке постановлений Советов министров необходимо было соблюдать краткость, документы должны были предусматривать только конкретные мероприятия; запрещалось вносить в Советы министров проекты, не прошедшие предварительного согласования с заинтересованными сторонами; неправильной признавалась практика, при которой рай(гор)исполкомы иногда обращались непосредственно в Совет министров РСФСР, минуя Совет министров своей автономной республики¹⁴.

В качестве одной из главных мер, призванных устранить негативные явления в управлении, рассматривалось сокращение и удешевление аппарата. После получения директив из вышестоящих органов в республиках активно приступили к разработке и осуществлению соответствующих мер. Предложения по сокращению аппарата и ликвидации лишних звеньев собирали Советы министров автономных республик, после чего они направлялись в Совет министров РСФСР¹⁵. Уменьшались расходы на систему управления: например, в Мордовской АССР расходы бюджета 1954 г. на эту сферу сократились по сравнению с 1953 г. на 7,1 млн руб.¹⁶ В Чувашской АССР в результате реализации мер по удешевлению аппарата в 1955 г. численность административных работников на предприятиях и в учреждениях сократилась на 908 чел., что позволило сэкономить 5 418 тыс. руб.¹⁷ Работа в данном направлении подразумевала и более решительные меры, такие как упразднение и объединение органов государственного управления. Если в 1951 г. Советы министров автономий, в состав которых входили руководители региональных министерств и других исполнительно-распорядительных органов, включали от 23 до 25 чел. (в зависимости от республики)¹⁸, то в 1959 г. — от 16 до 20 чел.¹⁹ Сокращался и

¹³ Хронологическое собрание законов, указов Президиума Верховного Совета и постановлений Правительства РСФСР. Т. 5: 1954 — 1956 гг. М., 1959. С. 222 — 227.

¹⁴ ЦГА РМ (Центральный государственный архив Республики Мордовия). Ф. Р-228. Оп. 1. Д. 1621. Л. 204 — 207.

¹⁵ ГИА ЧР. Ф. Р-203. Оп. 24. Д. 1475. Л. 2, 4 — 13, 69 — 73, 77 — 88.

¹⁶ Седьмая сессия Верховного Совета Мордовской АССР третьего созыва (17 июня 1954 г.): стеногр. отчет. Саранск, 1954. С. 9.

¹⁷ ГИА ЧР. Ф. Р-1041. Оп. 6. Д. 292. Л. 37.

¹⁸ Марийская правда. 1951. 28 апр.; Первая сессия Верховного Совета Мордовской АССР третьего созыва (20 апреля 1951 г.): стеногр. отчет. Саранск, 1951. С. 141 — 142; ГИА ЧР. Ф. Р-1041. Оп. 1. Д. 1072. Л. 347 — 348.

¹⁹ Марийская правда. 1959. 20 марта; Первая сессия Верховного Совета Мордовской АССР пятого созыва (26 марта 1959 г.): стеногр. отчет. Саранск, 1959. С. 99 — 100; Первая сессия Верховного Совета Чувашской АССР пятого созыва (20 — 21 марта 1959 г.): стеногр. отчет. Чебоксары, 1959. С. 115 — 117.

аппарат самих Советов министров: например, в 1958 г. в аппарате Правительства Мордовской АССР работало 59 сотрудников (в эту статистику включались также председатель Совета министров и его заместители), а в 1959 г. — 50²⁰.

Аналогичные меры принимались и в дальнейшем. Так, в 1962 г. Министерством местной промышленности Чувашской АССР были представлены предложения в Совет министров республики по объединению 22 и ликвидации 3 предприятий местной промышленности, реализация чего позволила бы существенно сократить административный аппарат²¹.

Официальная идеология утверждала, что сокращение отдельных звеньев аппарата не приведет к снижению эффективности управления, поскольку оно будет компенсироваться более широким привлечением к государственному управлению общественности. Это также должно было решить проблему отживших «канцелярских методов» в советских органах. «Близится время, когда управление делами общества не будет являться особой профессией, — писала в 1962 г. „Марийская правда“. — Уже сейчас навыками управления... овладевают самые широкие массы трудящихся. Так, в нашей республике работают 40 отделов исполкомов Советов на общественных началах»²².

Несмотря на во многом показательный характер развернувшейся кампании по борьбе с бюрократизмом, нельзя не отметить и определенные успехи, достигнутые в методах управления народным хозяйством республик. Так, 24 апреля 1962 г. бюджетной комиссией Верховного Совета Чувашской АССР отмечалось, что за 1961 г. Министерство местной промышленности республики заслушало доклады о работе всех подведомственных предприятий, по некоторым из которых созывалась коллегия; по итогам каждого доклада принимались соответствующие решения. Повседневное руководство предприятиями осуществлялось путем выезда на места, а также созыва республиканских и кустовых совещаний по наиболее проблемным вопросам. Кроме того, проводились документальные ревизии, и представители плохо работающих предприятий вызывались для обсуждения²³. Формально уменьшилось и число документов, издаваемых некоторыми республиканскими органами власти. Например, в 1952 г. Советом министров Мордовской АССР было принято 1 262 постановления, а в 1963 г. — 755 (почти в два раза меньше)²⁴.

Однако, несмотря на некоторые достигнутые успехи, реальный эффект от сокращения аппарата и других мер по «борьбе с бюрократизмом» чаще всего оказывался незначительным. Так, невзирая на раздававшуюся критику, к началу 1960-х гг. в органах государственного управления республик оставалась слабо поставленной работа по контролю за исполнением ранее принятых решений, в том числе вышестоящих властных структур. Крупные упущения в данной сфере фиксировались в Госплане, министерствах коммунального хозяйства, местной

²⁰ ЦГА РМ. Ф. Р-228. Оп. 1. Д. 1843. Л. 111 — 115; Д. 1795. 56 — 57.

²¹ ГИА ЧР. Ф. Р-1041. Оп. 6. Д. 583. Л. 15 — 16.

²² Загайнов Л. Общепародное социалистическое государство // Марийская правда. 1962. 14 марта.

²³ ГИА ЧР. Ф. Р-1041. Оп. 6. Д. 583. Л. 34 — 35.

²⁴ ЦГА РМ. Ф. Р-228. Оп. 1. Д. 1472. Л. 158; Д. 2104. Л. 82.

промышленности, торговли Чувашской АССР. В Совете министров республики об этом было известно, однако конкретных мер по исправлению ситуации не предпринималось²⁵.

Региональные руководители, открыто горячо поддерживавшие инициативы Центра, не стремились сокращать свой управленческий аппарат, коренным образом менять привычный стиль работы и добиваться реализации собственных решений, направленных на улучшение организации деятельности исполнительно-распорядительных органов. Например, в 1956 г. в Марийской АССР все еще сохранялось много штатных излишеств, в том числе в системах министерств местной промышленности и промышленности продовольственных товаров, потребкооперации и т. д., а Министерство финансов республики и Контрольно-ревизионное управление Министерства финансов РСФСР по Марийской АССР смотрели на это «сквозь пальцы», не проявляя требуемого от них рвения²⁶. В январе 1956 г. председатель Совета министров Марийской республики Г. И. Кондратьев признавал, что заметных улучшений в стиле работы советских органов не произошло: «Некоторые министры, начальники управлений и руководители ведомств ведут нас в бумажное болото, посылают в Совет Министров большое количество бумаг со всякого рода мелкими вопросами, уклоняясь от самостоятельного решения...»²⁷. На подмену организаторской работы на местах «потоком бумаг» и телефонных указаний со стороны Совета министров Мордовской АССР указывалось в отчетном докладе на XIV мордовской областной партконференции (15 — 16 января 1958 г.)²⁸. Депутат Верховного Совета Чувашской АССР И. В. Новиков, выступая в марте 1959 г. на сессии законодательного органа республики, отмечал, что Совет министров Чувашской АССР не добивается реализации «на местах» своих решений, плохо занимается проверкой собственных постановлений, направленных на улучшение организаторской работы министерств и ведомств²⁹.

Более того, в некоторых случаях попытки упразднения административных звеньев и реорганизации управления, сокращения бумажного потока из-за своей поспешности давали очень краткий эффект, и система быстро возвращалась к своему первоначальному состоянию. Так, в середине 1955 г. в Марийской АССР признавалось, что за полтора года активной кампании по упрощению делопроизводства в Госплане республики численность официальных документов только возросла³⁰. По данным чувашского советско-партийного руководителя, заместителя Госплана Чувашской АССР З. И. Ижеева, если в 1959 г. в этом органе работало 35 чел., то в 1961 г., после очередной реорганизации системы управления,

²⁵ ГИА ЧР. Ф. Р-1041. Оп. 6. Д. 583. Л. 16.

²⁶ За экономичность и совершенствование аппарата управления // Марийская правда. 1956. 27 нояб.

²⁷ ГА РМЭ (Государственный архив Республики Марий Эл). Ф. П-1. Оп. 7. Д. 562. Л. 138.

²⁸ ЦГА РМ. Ф. 269-П. Оп. 6. Д. 577. Л. 174.

²⁹ Первая сессия Верховного Совета Чувашской АССР пятого созыва (20 — 21 марта 1959 г.): стеногр. отчет. Чебоксары, 1959. С. 35.

³⁰ Против канцелярских методов в практике советского руководства // Марийская правда. 1955. 26 июня.

вызавшей увеличение объемов работ в области сельского хозяйства — уже 80 сот-рудников³¹.

Заключение

Борьба с бюрократизмом в советской управленческой системе стала одной из шумных кампаний, объявленных высшим руководством страны в период «оттепели» и спущенной на уровень регионов. Однако подчеркнутая готовность местных властных структур и региональных лидеров следовать директивам ЦК КПСС, выражавшаяся в резкой критике недостатков работы органов управления, развернувшейся в многочисленных заявлениях официальных лиц и газетных публикациях, не означала быстрого достижения результатов. Властвующие элиты республик были инертны и консервативны, устоявшийся стиль работы советских руководителей изменялся медленно. В результате возникла ситуация, при которой борьба с действительно существовавшими негативными явлениями в работе аппарата (чрезмерный поток документов, большое число заседаний и совещаний, оторванность чиновников от рабочих коллективов на местах, пренебрежение к обращениям граждан и т. д.) во многих своих аспектах становилась формальной. Административные реформы снижали число ведомств и управленческих звеньев, но это не означало автоматическое упрощение отчетности и повышения эффективности работы исполнительно-распорядительных органов, что в полной мере проявилось на уровне рассматриваемых республик. Пожалуй, наиболее опасным для власти и далеко идущим последствием борьбы с бюрократизмом, приводившей к постоянным реорганизациям и «перетряскам» аппарата, было восстановление против верховной власти ее главной опоры — советского чиновничества. Как и многие другие инициативы Н. С. Хрущева, попытка модернизировать управленческий аппарат в 1950-х — первой половине 1960-х гг. оказалась недостаточно продуманной и не была реализована в полной мере.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Аксютин Ю. В. Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953 — 1964 гг. 2-е изд., испр. и доп. М.: РОССПЭН, 2010. 621 с.
2. Бибина Н. М. Местные Советы Мордовии в политической системе Советского государства в 1953 — 1964 гг. // Центр и периферия. 2018. № 3. С. 58 — 62. URL: <http://niign.ru/centrandperifirya/centr2018-3.pdf>
3. Бикейкин Е. Н., Першина Т. А. Верховный Совет Мордовской АССР в системе органов управления региона (1953 — 1964 гг.) // Экономическая история. 2022. Т. 18, № 4 (59). С. 310 — 320. URL: https://jeh.isi.mrsu.ru/assets/econ_hist_2022_59_3.pdf
4. Боффа Дж. История Советского Союза: в 2 т. Т. 2: От Отечественной войны до положения второй мировой державы. Сталин и Хрущев. 1941 — 1964 гг.; [пер. с итал.]. 2-е изд. М.: Междунар. отношения, 1994. 632 с.
5. Доленко Д. В., Юрчёнков В. А. Правящий класс и властные структуры Мордовии: вехи истории и современное состояние // Мордовия в период реформ: материалы II Меркушкин. науч. чтений. Саранск: Тип. «Красный Октябрь», 2001. С. 58 — 83.

³¹ Воспоминания бывшего заместителя председателя Госплана Чувашской АССР Ижеева Зиновия Ивановича — участника Великой Отечественной войны 1941 — 1945 гг. о жизни и деятельности в Госплане республики за период работы в 1959 — 1984 гг. URL: <http://old-economy.cap.ru/sitemap.aspx?id=94168> (дата обращения: 29.11.2023).

6. Задкова Т. Ю. Общественно-политическая жизнь Саранска в 1953 — 1964 гг.: власть и общество в эпоху «оттепели» // Центр и периферия. 2021. № 1. С. 60 — 68. URL: <http://www.niign.ru/nauchnie-jurnaly/czentr-i-periferiya-1-2021-na-sajt.pdf>
7. Зезина М. Р., Сивохина Т. А. От сталинской диктатуры к «коллективному руководству». М.: Изд-во МГУ им. М. В. Ломоносова, 1993. 34 с.
8. Зубкова Е. Ю. Общество и реформы 1945 — 1964. М.: «Россия молодая», 1993. 198 с.
9. Лушин А. И. «Великое десятилетие» Н. С. Хрущева: попытка модернизации. СПб., 2023. 348 с.
10. Макколей М. Хрущев и его политика: Какие выводы можно сделать из хрущевской эпохи (1953 — 1964 гг.) // Россия в XX веке: Историки мира спорят. М.: Наука, 1994. С. 548 — 551.
11. Матвеев А. П. Основные тенденции развития промышленности строительных материалов во второй половине 1950-х — первой половине 1960-х гг. (по материалам Марийской, Мордовской и Чувашской АССР) // Ученые записки: электронный научный журнал Курского государственного университета. 2015. № 1 (33). С. 36 — 41.
12. Минеев А. И., Сануков К. Н. Опыт формирования и развития советов народного хозяйства в РСФСР в 1950 — 1960-е годы (на материалах Чувашской и Марийской автономий) // Вестник Чувашского университета. 2015. № 2. С. 84 — 88.
13. Мордовия в период реформ Н. С. Хрущева. 1953 — 1964 гг.: в 2 т. [В. А. Юрчёнков, Е. Н. Бикейкин, Т. Ю. Задкова и др.]; Саранск: НИИГН, 2022. Т. 1. 644 с. URL: <http://niign.ru/knigi/xrushhevskij-period-tom-1.pdf>
14. Морозова Ю. М. Верховный Совет — высший орган государственной власти Мордовии (1938 — 1994 гг.): к 80-летию образования // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2018. № 3 (47). С. 77 — 85. URL: <http://niign.ru/nauchnie-jurnaly/vestnik-2018-%E2%84%96-3u.pdf>
15. Муравьева И. В. История формирования и деятельности законодательного органа власти Чувашии (к 80-летию создания Верховного Совета Чувашии) // Вестник Чебоксарского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 2019. № 1 (16). С. 9 — 25.
16. Наумов В. П. Борьба Н. С. Хрущева за единоличную власть // Новая и новейшая история. 1996. № 2. С. 10 — 31.
17. Опенкин Л. А. Оттепель: как это было (1953 — 1965 гг.). М.: «Знание», 1991. 64 с.
18. Пихоя Р. Г. Советский Союз: история власти. 1945 — 1991. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2019. 655 с.
19. Пыжиков А. В. Хрущевская «оттепель». М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. 512 с.
20. Таубман У. Хрущёв / пер. с англ. Н. Л. Холмогоровой. 2-е изд. М.: Молодая гвардия, 2008. 850 с.
21. Щербакова Т. И. Реформа управления промышленностью 1957 — 1964 гг.: проблемы осуществления и результаты // Экономическая история. 2010. № 2. С. 73 — 82.
22. Широков О. Н. Опыт реформирования системы управления народным хозяйством в 1957 — 1962 гг. (на примере промышленного развития республик Волго-Вятского экономического региона) // Государственная власть и местное самоуправление в России: традиции и современность: материалы регион. науч.-практ. конф. Чебоксары: Фил. ВВЛГС, 2005. С. 68 — 74.
23. Шукин Д. С. Партийно-государственные органы и творческие союзы МАССР в 1953 — 1985 гг. // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2011. № 1 (17). С. 206 — 215. URL: <http://niign.ru/nauchnie-jurnaly/1-2011.pdf>
24. Юдин К. А. Анатомия «фатальных реформ»: особенности партийно-государственного контроля и управления в СССР (середина 1950-х — начало 1960-х гг.) // Вестник Ивановского государственного университета. Сер. «Гуманитарные науки». 2021. Вып. 4. С. 118 — 126.
25. Юрчёнков В. А. «Целинная эпопея»: взгляд из провинции // Центр и периферия. 2008. № 1. С. 67 — 69. URL: <http://niign.ru/centrandperifirya/1-2008.pdf>

Статья поступила в редакцию 22.11.2023; одобрена после рецензирования 19.01.2024; принята к публикации 25.01.2024.

Информация об авторах:

Лариса Александровна Королева, заведующий кафедрой истории и философии Пензенского государственного университета архитектуры и строительства (440028, Пензенская область, г. Пенза, ул. Германа Титова, 28), доктор исторических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5403-4682>, la-koro@yandex.ru

Павел Сергеевич Учватов, старший научный сотрудник отдела истории Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (430005, Россия, г. Саранск, ул. Л. Толстого, 3), кандидат исторических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9993-7415>, uchvatov.pavel@yandex.ru

Вклад авторов:

Королева Л. А. — разработка концепции, научное редактирование статьи;
Учватов П. С. — сбор материалов и анализ литературы, написание первоначального варианта статьи.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Aksyutin YuV. The Khrushchev thaw and Public Sentiment in the USSR in 1953 — 1964. Moscow;2010. (In Russ.)
2. Bibina NM. Local Councils of Mordovia in the Political System of the Soviet State. *Center and Periphery*. 2018;(3):58—62. URL: <http://niign.ru/centrandperifirya/centr2018-3.pdf> (In Russ.)
3. Bickeykin EN, Pershina TA. The Supreme Council of the Mordovian Autonomous Soviet Socialist Republic in the System of Government Bodies of the Region (1953 — 1964). *Economic History*. 2022;18(4):310—320. URL: https://jeh.isi.mrsu.ru/assets/econ_hist_2022_59_3.pdf (In Russ.)
4. Boffa J. History of the Soviet Union: from the Patriotic War to the Position of the Second World Power. Stalin and Khrushchev. 1941 — 1964. Moscow;1994. (In Russ.)
5. Dolenko DV, Yurchenkov VA. The Ruling Class and Power Structures of Mordovia: Milestones of History and the Current State. *Mordovia during the Period of Reforms*. Proceedings of the II Merushkin Scientific Readings. Saransk;2001;58—83. (In Russ.)
6. Zadkova TYu. Social and Political Life of Saransk in 1953 — 1964: Power and Society in the Era of the Khrushchev thaw. *Center and Periphery*. 2021;(1):60—68. URL: <http://niign.ru/centrandperifirya/centr2018-3.pdf> (In Russ.)
7. Zezina MR, Sivokhina TA. From Stalinist Dictatorship to “Collective Leadership”. Moscow;1993. (In Russ.)
8. Zubkova EYu. Society and Reforms 1945 — 1964. Moscow;1993. (In Russ.)
9. Lushin AI. “The Great Decade” of N. S. Khrushchev: an Attempt at Modernization. St. Petersburg;2023. (In Russ.)
10. McCauley M. Khrushchev and His Politics: What Conclusions Can Be Drawn from the Khrushchev Era (1953 — 1964). *Russia in the Twentieth Century: World Historians Argue*. Moscow;1994:548—551. (In Russ.)
11. Matveev AP. Main Trends in the Development of the Building Materials Industry in the Second Half of the 1950s — the First Half of the 1960s (a Case Study of the Mari, Mordovian and Chuvash Autonomous Soviet Socialist Republics). *Scientific Notes. Electronic Scientific Journal of Kursk State University*. 2015;(1):36—41. (In Russ.)
12. Mineev AI, Sanukov KN. Experience in the Formation and Development of National Economic Councils in the RSFSR in the 1950s — 1960s (a Case Study of the Chuvash and Mari Autonomies). *Bulletin of Chuvash University*. 2015;(2):84—88. (In Russ.)

13. Mordovia in the Period of N. S. Khrushchev's Reforms. 1953 — 1964. Saransk;2022. URL: <http://niign.ru/knigi/xrushhevskij-period-tom-1.pdf> (In Russ.)
14. Morozova YuM. The Supreme Council is the Highest Body of State Power of Mordovia (1938 — 1994): on the 80th Anniversary of Its Formation. *Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia*. 2018;(3):77—85. URL: <http://niign.ru/nauchnie-jurnaly/vestnik-2018-%E2%84%96-3u.pdf> (In Russ.)
15. Muravyova IV. History of the Formation and Activities of the Legislative Body of Chuvashia (to the 80th Anniversary of the Creation of the Supreme Council of Chuvashia). *Bulletin of the Cheboksary Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration*. 2019;(1):9—25. (In Russ.)
16. Naumov VP. N. S. Khrushchev's Struggle for Sole Power. *New and Recent History*. 1996;(2):10—31. (In Russ.)
17. Openkin LA. The Thaw: How It Happened (1953 — 1965). Moscow;1991. (In Russ.)
18. Pihoya RG. Soviet Union: History of Power. 1945 — 1991. Moscow;Berlin;2019. (In Russ.)
19. Pyzhikov AV. The Khrushchev Thaw. Moscow;2002. (In Russ.)
20. Taubman W. Khrushchev. Moscow;2008. (In Russ.)
21. Shcherbakova TI. Industrial Management Reform 1957 — 1964: Implementation Problems and Results. *Economic History*. 2010;(2):73—82. (In Russ.)
22. Shirokov ON. Experience in Reforming the National Economic Management System in 1957 — 1962 (on the example of the Industrial Development of the Republics of the Volga-Vyatka Economic Region). *State Power and Local Self-Government in Russia: Traditions and Modernity*. Proceedings of a Regional Scientific and Practical Conference. Cheboksary;2005;68—74. (In Russ.)
23. Shchukin DS. Party-State Bodies and Creative Unions of the MASSR in 1953 — 1985. *Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia*. 2011;(1):206—215. URL: <http://niign.ru/nauchnie-jurnaly/1-2011.pdf> (In Russ.)
24. Yudin KA. Anatomy of “Fatal Reforms”: Features of Party-State Control and Management in the USSR (mid-1950s — early 1960s). *Ivanovo State University Bulletin. Ser.: Humanities*. 2021;4:118—126. (In Russ.)
25. Yurchenkov VA. Virgin Epic: a View from the Provinces. *Center and Periphery*. 2008;(1):67—69. URL: <http://niign.ru/centrandperifirya/1-2008.pdf> (In Russ.)

The article was submitted 22.11.2023; approved after reviewing 19.01.2024; accepted for publication 25.01.2024.

Information about the authors:

Larisa A. Koroleva, Head of Department of History and Philosophy of the Penza State University of Architecture and Construction (28 German Titov Str., Penza 440028, Russia), Doctor of Historical Sciences, Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5403-4682>, la-koro@yandex.ru

Pavel S. Uchvatov, Senior Researcher of Department of History of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia (3 L. Tolstogo Str., Saransk 430005, Russia), Candidate of in Historical Sciences, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9993-7415>, uchvatov.pavel@yandex.ru

Contribution of the authors:

Koroleva L. A. — concept development, scientific editing of the article;

Uchvatov P. S. — collecting materials and analyzing the literature, writing the original version of the article.

Conflict of interests: the authors declare no conflict of interests.

The authors have read and approved the final version of the manuscript.

УДК 930.23
EDN GEBBCX<http://vestnikniig.ru>

Научная статья

ОРГАНИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ И НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ЛЕНИНГРАДСКОЙ ВЫСШЕЙ ПАРТИЙНОЙ ШКОЛЕ В 1965 — 1975 гг.

А. И. Лушин✉, Е. Ю. Щербина

Северо-Западный институт управления РАНХ и ГС,

г. Санкт-Петербург, Россия

✉lushinai@mail.ru

Аннотация

Введение. Данное исследование расширяет существующие знания о деятельности партийных школ в Советском Союзе и условиях организации обучения партийно-советских кадров. Авторы проводят анализ в контексте исторических событий и процессов 1965 — 1975 гг., что позволяет получить более глубокое понимание деятельности Ленинградской высшей партийной школы (ЛВПШ) и предложить свежие толкования истории подготовки партийно-советских кадров. Проблема исследования заключается в поиске интерпретативной схемы анализа деятельности образовательных институтов, связанных с подготовкой партийно-советских кадров в СССР.

Материалы и методы. Исследование опирается на аксиологический подход, в фокусе которого находится анализ причин функционирования политических режимов, и на анализ архивных документов ЛВПШ, которые ранее не были изучены в отечественной литературе.

Результаты исследования и их обсуждение. ЛВПШ как образовательная организация, обеспечивающая подготовку партийно-советских кадров, являлась институтом-посредником в поддержании политического режима в СССР. Реализация этого посредничества происходила через три аспекта: формирование непосредственно организационных оснований деятельности ЛВПШ; воспроизводство исторической памяти, которое в том числе включало в себя «научную мимикрию»; многочисленные элементы контроля в организации деятельности ЛВПШ.

Заключение. Исследование показывает, что руководство и педагогический состав ЛВПШ играли в 1965 — 1975 гг. важную роль в формировании фрейма профессиональной подготовки партийно-советских кадров, действуя часто автономно от директивных указаний КПСС.

Ключевые слова: Ленинградская высшая партийная школа, советско-партийные кадры, высшее образование в СССР, архив ЛВПШ, политический режим, советская политическая система, гегемония

Для цитирования: Лушин А. И., Щербина Е. Ю. Организация образовательной и научно-исследовательской деятельности в Ленинградской высшей партийной школе в 1965 — 1975 гг. // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2024. Т. 16, № 1. С. 140 — 155. EDN GEBBCX

Original article

ORGANIZATION OF EDUCATIONAL AND RESEARCH ACTIVITIES AT LENINGRAD HIGHER PARTY SCHOOL IN 1965 — 1975

A. I. Lushin✉, E. Y. Shcherbina

North-West Institute of Management — Branch of the Russian Presidential
Academy of National Economy and Public Administration

Saint Petersburg, Russia

✉lushinai@mail.ru

Abstract

Introduction. This article expands the existing knowledge about the activities of party schools in the Soviet Union and the conditions of the organization of training of Party-Soviet cadres. The author conducts the analysis in the context of historical events and processes of 1965 — 1975, which makes it possible to gain a deeper understanding of the activities of Leningrad Higher Party School (LHPS) and to offer fresh interpretations of the history of Party-Soviet cadre training. The problem of the study is to find an interpretative scheme for analyzing the activities of educational institutions related to the training of Soviet-Party cadres in the USSR.

Materials and methods. The study is based on the axiological approach, which focuses on analyzing the reasons for the functioning of political regimes, and analyzing archival documents of Leningrad Higher Party School, which have not been previously studied in the domestic literature.

Results and discussion. Leningrad Higher Party School as an educational organization providing training for Party-Soviet cadres was an intermediary institution in the maintenance of the political regime in the USSR. The implementation of this intermediation took place through three aspects: the formation of the organizational foundations of the activity of LHPS; the reproduction of historical memory, which included “scientific mimicry”; and elements of control in the organization of LHPS activity.

Conclusion. The study shows that the leadership and teaching staff of LHPS played an important role in the period of 1965 — 1975 due to the frame formation for the professional training of Soviet-Party personnel, often acting autonomously from the directives of the CPSU.

Keywords: Leningrad Higher Party School, Soviet-Party cadres, higher education in the USSR, LHPS archive, political regime, Soviet political system, hegemony

For citation: Lushin AI, Shcherbina EY. Organization of Educational and Research Activities at Leningrad Higher Party School in 1965 — 1975. *Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia.* 2024;16(1):140—155. EDN GEBBCX

Введение

Кадровая политика государства неотделима от системы государственного управления и политического режима [11]. Она олицетворяет целенаправленные усилия, ориентированные на управление и развитие человеческих ресурсов согласно целям и задачам, определяемым руководством страны. Эта политика является неотъемлемой частью как институциональной структуры государства, так и политического режима и играет важную роль в обеспечении структурной и функциональной эффективности государства. Идеологически кадровая политика отражает приоритеты политического режима в отношении назначения на руководящие должности и внутриэлитного распределения власти в обществе. В зависимости от поли-

тического режима в большей или в меньшей степени кадровая политика государства регулирует взаимодействие между государственными и общественными институтами, формирует механизмы участия граждан в процессах принятия решений, предоставляет возможности для профессионального роста публичных управленцев, а также способствует созданию открытых и эффективных государственных структур.

Политическая система и политический режим воспроизводят кадровую политику через институты образования, определяя требования к подготовке руководящих кадров для сферы публичного управления и экономики общественного сектора. При этом государство, играющее ключевую роль в политической системе, является более устойчивым и долговечным институтом по сравнению с политическим режимом, который определяет особенности кадровой политики. Особенно это касается советской политической системы, в которой идеологическая составляющая имела доминирующее значение, вследствие чего все решения по подбору, обучению и продвижению кадров принимались на основе партийно-политических критериев и правил [7], а для подготовки партийно-советских кадров (далее — ПСК) были созданы специальные партийные учебные заведения КПСС — высшие партийные школы (далее — ВПШ).

На протяжении всего советского периода высшие партийные школы служили для подготовки руководящих партийных кадров, а также руководителей идеологических учреждений и средств массовой информации. Создание ВПШ осуществлялось по решению ЦК КПСС, а их учебно-методическая и научно-исследовательская деятельность контролировалась аппаратом партии.

Несмотря на значимость ВПШ как образовательного института, на который опиралась советская кадровая политика, современная историческая наука не обладает подробными данными о внутренних процессах, происходивших в ВПШ. Частично это связано с тем, что значительный пласт интересующих нас архивных источников (в первую очередь, ежегодные и перспективные планы обучения и повышения квалификации ПСК, а также отчеты об их исполнении) до сих пор находятся в ограниченном доступе. Кроме того, политическая природа этих учебных заведений и их связь с КПСС означали, что многие ключевые детали их деятельности носили латентный характер и не подлежали документированию. В связи с этим многое о внутренних процессах ВПШ остается неизвестным или требует дополнительного исследования. Этим, в первую очередь, обусловлена актуальность данной статьи. Обратившись к архивным материалам деятельности одного из старейших партийных учебных заведений советского периода — Ленинградской высшей партийной школы (далее — ЛВПШ) — мы проанализируем, каким образом была организована в ней образовательная деятельность в 1965 — 1975 гг.

Материалы и методы

Для объяснения основ функционирования ЛВПШ как важного института подготовки ПСК на северо-западе России авторы настоящей статьи проанализировали образовательную и научно-исследовательскую деятельность через призму изучения архивных источников (приказы, протоколы, доклады, отчеты), ранее не рассматривавшихся в отечественной исторической науке. В работе использовались архивные

материалы из фонда Р-4768 «Отчеты о работе Ленинградской высшей партийной школы» Центрального государственного архива историко-политических документов Санкт-Петербурга¹.

Исходя из методологических ориентиров при работе с архивной базой, авторы уделили внимание трем аспектам:

1) непосредственно организационные основания деятельности ЛВПШ в изучаемый период — данный аспект значим с точки зрения структуры организации деятельности образовательного института;

2) процесс воспроизводства исторической памяти в организации научно-исследовательской деятельности ЛВПШ;

3) обеспечение административного и идеологического контроля за слушателями и персоналом ЛВПШ.

Выбор исторического периода, рассматриваемого в работе, обусловлен тем, что ЛВПШ, созданная в 1944 г., как одногодичная партийная школа при Ленинградском обкоме ВКП(б), в последующие 20 лет претерпевала неоднократные организационные изменения, связанные с формами и порядком обучения слушателей, содержанием и объемом образовательных программ. В 1956 г. перешедшая на четырехгодичный учебный план ЛВПШ начала давать своим выпускникам оконченное высшее и высшее партийно-политическое образование, а также глубокие знания в области экономики и управления народным хозяйством. Только к концу «великого десятилетия» Н. С. Хрущева за ВППШ закрепляется функция основного образовательного института по подготовке и повышению квалификации партийно-советских кадров.

Проведенное исследование строится на использовании следующих научных методов:

— метода исторического описания и конкретного анализа, применение которого дает возможность последовательно двигаться от генезиса к развитию изучаемых процессов, выявляя общее и особенное в организации образовательной и научно-исследовательской деятельности ЛВПШ;

— структурно-функционального метода, с помощью которого авторы прослеживают эволюцию организационных структур и учебных планов ЛВПШ;

— проблемно-хронологического метода, позволяющего рассматривать образовательную и научно-исследовательскую деятельность ЛВПШ в контексте тех исторических условий, в которых она развивалась.

Обзор литературы

Методологической основой работы выступает аксиологический подход, изложенный в работах А. Грамши [4], Дж. Куймана и М. Бавинка [14; 15], Р. Кокса [13] и др. В фокусе их работ находится анализ причин функционирования политических режимов.

Согласно этому подходу, власть основывается не только на использовании силы, но и на согласии элит с существующим положением вещей, а также на поддержке и принятии населением сложившегося положения. Достижение согласия между

¹ ЦГАИПД СПб (Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга). Ф. Р-4768. Оп. 64 (при цитировании орфография и пунктуация источника сохранены).

элитами и населением обеспечивает правящему классу гегемонию, которая достигается, прежде всего, путем поддержки власти со стороны интеллигенции и делится на два основных типа: традиционную, сохраняющую историческую память, и органическую, создаваемую заново, с опорой на разделяемые ценности и контроль [5]. Данный подход мы считаем продуктивным с точки зрения решения исследовательской задачи познания особенностей организации деятельности ВПШ как образовательного института, обеспечивавшего режим гегемонии правящего партийно-советского класса в СССР.

При рассмотрении вопросов отбора, расстановки и воспитания партийных кадров, кадров для аппарата советского (государственного) управления, а также подготовки их представителей через систему партийных учебных заведений КПСС авторы опираются на работы Л. Л. Барткевич [1], Л. С. Леоновой [7], Б. Д. Лебина и М. Н. Перфильева [6] и М. С. Восленского [2], написанные в рамках методологии партийно-исторического, социологического подходов, а также теории «нового класса».

Результаты исследования и их обсуждение

ЛВПШ в 1965 — 1975-х гг. имела структуру, идентичную структуре других ВПШ страны. В ней было два отделения: с двухгодичным и с четырехгодичным сроком для получения высшего общего и партийно-политического образования, а также постоянные месячные курсы для переподготовки региональных ПСК.

Организация образовательной деятельности в ЛВПШ

Численность учебных групп в ЛВПШ составляла от 15 до 25 человек. Ежегодно в партийной школе обучались и повышали квалификацию от 6 до 8 тысяч партийно-советских работников и журналистов. Абитуриенты должны были обязательно быть членами КПСС, обладать опытом партийно-советской, комсомольской или журналистской работы не менее 3 лет, либо проявить организаторские способности на выборных должностях в партийных или советских органах. Прием в ЛВПШ осуществлялся на основании рекомендации ЦК компартий союзных республик, бюро крайкомов и обкомов и КПСС. Для приема и организации вступительных экзаменов преподаватели школы командировались в различные регионы Союза ССР².

Поскольку требования к базовому образованию абитуриентов ЛВПШ были мягкими, то их уровень часто был не высоким. Например, в отчете за 1965/66 учебный год отмечается, что «вступительные экзамены обнаружили очень слабую подготовку слушателей по русскому языку, поэтому все усилия преподавателей были направлена прежде всего на развитие элементарных практических навыков в области грамматики и синтаксиса»³. Среди абитуриентов, помимо представителей Ленинграда и области, присутствовали ПСК из Мурманска, Калининграда, Вологды, Архангельска, Карелии, Новгорода, Коми АССР, а также Эстонской, Латвийской и Литовской ССР⁴.

Учебный план подготовки слушателей Ленинградской высшей партийной школе в рассматриваемый период менялся, но в целом оставался в пределах 1 590 —

² Приказ по ЛВПШ № 265 от 16 июня 1966 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 4768. Оп. 33. Д. 4. Л. 81 — 83.

³ Отчет о работе ЛВПШ за 1965 — 1966 уч. г. // Там же. Оп. 30. Д. 155. Л. 5.

⁴ Приказ № 147 от 27 марта 1967 г. // Там же. Оп. 33. Д. 45. Л. 160.

1 700 часов для двухгодичной и 3 550 — 3 670 для четырехгодичной образовательной программы⁵. Сопоставление учебных планов высшего партийно-политического образования в ЛВПШ в рассматриваемый период с учебными планами современных российских вузов по направлению подготовки «Государственное и муниципальное управление» (в среднем 8 900 часов на четырехлетнюю программу очного бакалавриата и более 4 000 часов на двухлетнюю программу магистратуры) обнаруживает, по нашему мнению, значительно большую компактность и практическую ориентированность подготовки публичных управленцев в ЛВПШ.

В рассматриваемый период в структуре ЛВПШ было 9 кафедр: истории КПСС, политэкономии, марксистско-ленинской философии, научного коммунизма, партийного строительства, экономики и управления социально-экономическими процессами, журналистики, экономики и организации промышленных производств и строительства, стилистики, языка и литературы. Кафедра являлась основной организационно-педагогической единицей ЛВПШ и осуществляла свою деятельность во взаимодействии с предметно-методическими комиссиями (далее — ПМК). Кафедры были численно небольшими (в среднем до 10 преподавателей) и состояли из профессиональных научно-педагогических работников, большинство из которых (до 80 %) работали в ЛВПШ по основному месту работы. В 1965/66 учебном году состоялось 11 заседаний кафедр (обсуждено более 50 вопросов) и 30 заседаний ПМК, на которых рассматривались вопросы повышения уровня учебно-методической работы профессорско-преподавательского состава, обсуждались тексты лекций, планы семинарских занятий, содержание практических заданий и т. д.⁶

Большинство преподавателей ЛВПШ работало в учебном заведении на постоянной основе. Их учебная нагрузка и оплата труда в рассматриваемый период были следующие: на кафедре истории КПСС заведующий кафедрой с ученой степенью кандидата наук и ученым званием доцента выполнял нагрузку 400 ч в год при окладе в 384 руб. в месяц, профессор с докторской степенью — 550 ч в год при окладе 450 руб. в месяц, доцент с наличием степени кандидата наук — 550 ч в год при окладе в 320 руб. в месяц, старший преподаватель без степени — 550 ч в год при окладе 165 руб. в месяц⁷; на кафедре стилистики, языка и литературы, за исключением заведующего кафедрой, преподаватели не имели ученых степеней и выполняли нагрузку в среднем в объеме 720 ч в год при окладе в 165 руб. в месяц; на кафедре марксистско-ленинской философии в основном преподавали кандидаты философских наук — их оклад составлял 320 руб. в месяц, а учебная нагрузка — 600 ч в год; на кафедре экономики и организации промышленных производств и строительства в основном работали кандидаты экономических или технических наук. Их учебная нагрузка составляла 550 ч, а должностной оклад — 320 руб. в месяц⁸.

Отметим, что в сравнении с условиями труда преподавателей современных российских управленческих вузов, учебная нагрузка преподавателей ЛВПШ в

⁵ Стенограмма заседания Совета ЛВПШ // ЦГАИПД СПб. Ф. 4768. Оп. 33. Д. 10. Л. 8.

⁶ Отчет о работе ЛВПШ за 1965 — 1966 уч. г. Л. 25 — 27.

⁷ Приказы по ЛВПШ за 1967 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 4768. Оп. 33. Д. 46. Л. 161.

⁸ Там же.

рассматриваемый период была ниже, а оплата труда, особенно у профессоров со степенью доктора наук и доцентов, существенно выше: профессор в ЛВПШ имел нагрузку в среднем 550 ч в год, в современных российских вузах — от 600 ч; доцент — 600 и 700 ч, старший преподаватель — 700 и 800 ч соответственно. Оклад профессора в ЛВПШ составлял 450 руб. в месяц, доцента — 320 руб. при средней заработной плате в СССР в 1968 г. в 110 руб.; в современных российских вузах оклад профессора — около 100 тыс. руб. в месяц, доцента — около 80 тыс. руб. при средней заработной плате в РФ по итогам 2022 г. в 65 338 руб.

Штатные преподаватели ЛВПШ должны были вести учебную работу не только на очном и заочном отделениях школы, но и на постоянно действующих курсах переподготовки ПСК⁹. При этом оплата почасовой нагрузки за учебную работу на курсах производилась по окончании учебного года только тем преподавателям, которые перевыполнили установленную им соответствующими кафедрами и приказом по данной партийной школе учебную нагрузку за весь учебный год. Остальным преподавателям проведенная ими учебная работа на курсах засчитывалась в учебную нагрузку по занимаемой в ЛВПШ преподавательской ставке¹⁰.

Наряду со штатными преподавателями к чтению лекций привлекались сотрудники и руководящие работники партийных комитетов. Так, в течение 1965/66 учебного года перед слушателями ЛВПШ выступали секретари и заведующие отделами Ленинградского обкома и горкома КПСС, секретари городских и сельских райкомов партии, работники Леноблисполкома и др. (всего 27 чел.)¹¹.

В целом организационная концепция учебного процесса в ЛВПШ демонстрировала постоянное обращение к практике партийно-советской работы и реального производства и не экономила на качестве образовательной деятельности. Например, слушателям, выезжающим на практику за пределы Ленинграда, оплачивались командировочные расходы¹². Вместе с ними командировались преподаватели школы «для организации, проверки и оказания помощи»¹³. В качестве обязательного компонента учебного процесса в партийной школе включались выступления представителей партийно-советских и хозяйственных органов. Преподаватели кафедр командировались на мероприятия всесоюзного и международного масштабов «для подбора учебных материалов». Так, в частности, в 1966 г. доцент кафедры экономики и организации сельскохозяйственного производства Б. В. Ключников был командирован в Москву на Всемирную выставку сельскохозяйственных машин для подбора учебных материалов на кафедру¹⁴. Организовывались также выезды слушателей в районные комитеты партии и первичные партийные организации для изучения положительного опыта работы. Например, в течение 1965/66 учебного года практические занятия со слушателями 1-го и 2-го курсов двухгодичной программы

⁹ Распоряжения по ЛВПШ за 1968 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 4768. Оп. 33. Д. 111.

¹⁰ Там же.

¹¹ Отчет о работе ЛВПШ за 1965 — 1966 уч. г. Л. 19.

¹² Приказ по ЛВПШ № 120 от 4 апреля 1966 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 4768. Оп. 33. Д. 3. Л. 132 — 134.

¹³ Приказ по ЛВПШ № 68 от 15 февраля 1966 г. // Там же. Л. 75.

¹⁴ Приказ по ЛВПШ № 177 от 16 мая 1966 г. // Там же. Л. 192 — 193.

ЛВПШ проводились в 13 городских, 5 сельских райкомах партии и 18 первичных партийных организациях КПСС с участием около 75 работников партийного аппарата, секретарей первичных парторганизаций и внештатного актива. В хозяйственных структурах слушатели знакомились с партийной работой и принимали участие в работе партийных организаций, наглядно изучали организацию производства, проводили экономический анализ хозяйственной деятельности совхозов и производственных объединений, собирали необходимый материал и готовили курсовые работы по отдельным темам партийного строительства, экономики и организации народного хозяйства¹⁵.

Привлечение сотрудников производственных предприятий к организации практики слушателей ЛВПШ оплачивалось из средств партийной школы. Так, в 1966 г. начальник планового отдела объединения «Скороход» А. П. Жуков получил денежное вознаграждение в размере 18 руб. за организацию практики для 5 слушателей ЛВПШ, начальник отдела кадров объединения «Электросила» М. М. Панич — 25,20 руб. за организацию практики для 7 чел., а заместитель начальника планового отдела завода «Электрик» — 10,80 руб. за организацию практики для 3 чел.¹⁶

Интересно, что широкое, оплачиваемое привлечение к проведению практических занятий в ЛВПШ практиков с производства и из системы партийных и советских органов сочеталось с определенной академической автономией самой ЛВПШ как образовательной организации в вопросах государственной итоговой аттестации своих выпускников. В отличие от современных российских управленческих вузов, где председатель и до половины членов состава государственных экзаменационных комиссий (далее — ГЭК) назначаются из числа «представителей работодателей», часто мало знакомых с содержанием вузовской образовательной программы, в ЛВПШ в рассматриваемый период внешние преподаватели и практики в состав ГЭК не включались. Председателем ГЭК, как правило, утверждался заведующий одной из выпускающих кафедр ЛВПШ, в состав ГЭК также включался представитель обкома КПСС (в приказах — без уточнения фамилии), а также 5 преподавателей профильных кафедр ЛВПШ¹⁷.

Особую роль в работе кафедр и организации учебного процесса в целом в ЛВПШ играл Кабинет общественных наук, который работал под руководством заместителя директора ЛВПШ по учебной работе. Кабинет обслуживал кафедры исторических наук, истории КПСС, политической экономии и марксистско-ленинской философии. В его основные функции входило: «составление библиографии; обеспечение учебных занятий наглядными пособиями; обеспечение слушателей и преподавателей учебной литературой, наглядными справочными пособиями для работы в кабинетах; организация учебных экскурсий, факультативных лекций и выступлений партийных и советских работников, деятелей науки и культуры и т. д.; демонстрация учебных и научных фильмов; сбор, обобщение, оформление и популяризация местных материалов; организация дежурств преподавате-

¹⁵ Отчет о работе ЛВПШ за 1965 — 1966 уч. г. Л. 20, 29.

¹⁶ Приказ по ЛВПШ № 157 от 30 апреля 1966 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 4768. Оп. 33. Д. 3. Л. 172.

¹⁷ Приказ по ЛВПШ № 515 от 30 ноября 1966 г. // Там же. Д. 111. Л. 185 — 187.

лей в кабинете для оказания помощи слушателям в самостоятельной работе; организация выставок в кабинете и т. д.»¹⁸.

Как следует из отчетов ЛВПШ, в качестве целевых ориентиров успешности партийно-политического образования в этот период рассматривалось то, что слушатели «имеют хорошие знания произведений классиков марксизма-ленинизма, решений съездов, конференций и пленумов ЦК КПСС, правильно оценивают роль Коммунистической партии в борьбе за сплочение народов мирового коммунистического движения и в борьбе народов за мир»¹⁹.

Организация научно-исследовательской деятельности в ЛВПШ

Организационно-руководящую роль в деятельности ЛВПШ играл Совет Школы, возглавляемый директором (в рассматриваемый период — Н. В. Цапкин). Список вопросов, которые обсуждались на Совете ЛВПШ, позволяет сформировать представление о динамике организационных приоритетов партийного учебного заведения в 1965 — 1975 годах (таблица).

Таблица. Перечень вопросов, выносимых на рассмотрение Совета ЛВПШ в 1965 — 1975 гг.

Table. The list of issues submitted to the LVPSH Council for consideration in 1965 — 1975

Отчет 1965/66 учебного года	Отчет 1973/74 учебного года
1	2
1. Основные задачи школы в новом учебном году	1. Об итогах работы в 1972/73 учебном году и задачах на 1973/74 учебный год
2. О планах мероприятий кафедр по улучшению работы на заочном отделении	2. О состоянии методической работы и рациональной организации труда профессорско-преподавательского и учебно-вспомогательного персонала кафедр
3. Об опыте работы со слушателями первых курсов	3. О состоянии и перспективах развития научно-исследовательской работы в ЛВПШ
4. Отчет о работе кафедр	4. О состоянии и мерах усиления связи научно-педагогической работы с практикой на кафедрах экономики и организации промышленного производства и строительства и журналистики
5. О выполнении плана научной работы за 1965 год и задачи на 1966 г.	5. О перспективном плане комплексного развития ЛВПШ на 1974 — 1980 гг.
6. Роль советской печати, радиовещания и телевидения в осуществлении задач развернутого строительства коммунизма	6. О состоянии и мерах усиления учебно-воспитательной работы со слушателями
7. Решения XXIII съезда КПСС и задачи ЛВПШ	7. Об организации и содержании дифференцированного обучения слушателей двухгодичного отделения ЛВПШ в 1974/75 учебном году
8. Итоги проведения учебной практики и выполнения курсовых работ слушателями промышленных групп	8. О работе кафедры политэкономии по выполнению постановления Бюро Ленинградского ОК КПСС от 29 мая 1973 г.
9. О работе учебных кабинетов	—

¹⁸ Распоряжения по ЛВПШ за 1968 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 4768. 33. Д. 111.

¹⁹ Отчет о работе ЛВПШ за 1965 — 1966 уч. г. Л. 10.

Окончание таблицы/ End of table

1	2
10. Сообщения об итогах государственных экзаменов	—
11. О присвоении ученых званий	—

Составлена по: ЦГАИПД СПб. Ф. 4768. Оп. 30. Д. 155. Л. 42. Д. 19.

Данные таблицы демонстрируют эволюцию ЛВПШ за 10 лет с чисто образовательного учреждения по подготовке и переподготовке ПСК до более комплексной организации, занимающейся не только образовательным процессом, но и научными исследованиями.

В 1970-е гг. появляются научные кружки для слушателей ЛВПШ и студенческое научное общество. В 1975 г. началось создание собственного специализированного диссертационного совета по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора исторических наук, который заработал в 1976 г. по двум научным специальностям: 07.00.01 — «История КПСС» и 07.00.04 — «История международного рабочего и коммунистического движения и национально-освободительных движений». Председателем Диссертационного совета был утвержден проректор по научной работе, доктор исторических наук, профессор Н. Н. Маслов, ученым секретарем — старший преподаватель кафедры истории КПСС ЛВПШ, кандидат исторических наук Л. И. Комиссарова.

В рассматриваемый период руководством ЛВПШ предпринимались неоднократные попытки активизировать научно-исследовательскую деятельность преподавателей. Так, в 1966 г. была создана предметная комиссия по основам научного коммунизма, в состав которой вошли члены кафедр политэкономии, истории КПСС и др. Был разработан план заседаний этой комиссии, но работу ее организовать так и не удалось, «так как состоялось лишь первое заседание, все последующие были сорваны по причине неявки членов других кафедр»²⁰.

Незаинтересованность преподавателей в развитии научной деятельности не была связана с их большой педагогической нагрузкой. Формальные показатели по публикациям, требуемые при приеме на научно-педагогическую должность, в тот период еще не были установлены. В связи с этим вопросы мотивации публикационной активности преподавателей неоднократно обсуждались на заседании Совета ЛВПШ. Например, на заседании Совета в 1967 г. ректором ЛВПШ было заявлено: «Большие задачи стоят перед нами в области научной работы. Мы приближаемся к пятидесятилетию Советской власти. На совете мы с вами приняли большой план научной работы. В частности, в этом плане предусмотрели выпуск 3-х сборников. Первый на очереди сборник журналистики, а еще нет ни одной статьи... В плане научной работы предусмотрены теоретические конференции. В частности, в Ленинграде будет проходить Всесоюзная конференция высших партийных школ, Академии общественных наук и других партийных учебных и научных учреждений

²⁰ Отчет о работе ЛВПШ за 1965 — 1966 уч. г. Л. 13.

страны. На этой конференции будет много докладчиков из других городов. Наши товарищи: Канова, Белова, Прицкер, Вологжанин, Черницовский согласились подготовить тексты выступлений. Есть просьба подготовить эти тексты выступлений, чтобы они не позднее 1 ноября были в Москве»²¹.

Помимо отсутствия у преподавателей мотивации публиковать свои работы, препятствием для научной деятельности служил и сам предмет исследования. Изучение тематики коммунистического строительства и партийной работы в СССР было крайне идеологизировано и не могло предполагать исследовательской работы, в то время как «партийная» направленность науки, напротив, приветствовалась: «Главное в том, что не может быть науки вне политики, а у нас наблюдается стремление к этому известной части студентов и даже преподавателей, поэтому надо бороться с таким настроением»²².

Поскольку критическое и объективное исследование предметов, связанных с коммунистическим строительством и партийной работой, было невозможным, научная деятельность в ЛВПШ выступала мимикрирующим инструментом для воспроизводства исторической памяти в том виде, в каком это было необходимо для сохранения политического режима, и выливалась в итоге в принятие «комплексных планов коллективных научных исследований актуальных проблем коммунистического строительства и партийного руководства».

Обеспечение контроля за слушателями и сотрудниками ЛВПШ

В ЛВПШ средний контроль велся не только за образовательным процессом, но и за административно-хозяйственным. В первую очередь, он касался случаев халатного отношения технического персонала к выполнению своих должностных обязанностей, а также широко распространенной в тот период практики совершения мелких хищений по месту работы. При этом обращает на себя внимание сочетание высокой требовательности руководства ЛВПШ к своим сотрудникам при одновременном нежелании придавать огласке факты совершаемых ими правонарушений. Например, из приказа по ЛВПШ за 1967 г. следовало: «Несмотря на неоднократные замечания и предупреждения на недоброкачественное размножение на ротаторе материалов для учебных целей школы, ротаторщица тов. Федулова Л. В. продолжала халатно относиться к работе. В размножении „Методического письма к письменным работам по партийному и советскому строительству для слушателей ЗВПШ“ при явном браке восковки она выпустила работу в количестве 1 600 листов и отдала в заочное отделение. За недобросовестное безответственное отношение к делу тов. Федуловой Л. В. объявить выговор. Тов. Антониненкову О. М., машинистку школы за невнимательное отношение к работе при напечатания методического письма для заочного отделения (не пробивалась несколько букв) — предупредить»²³.

В другом приказе за 1966 г. отмечалось: «15 июня 1966 г. при получении материалов из кладовой маляром Маркиным А. В. при содействии дворника обще-

²¹ Заседания Совета ЛВПШ в 1967 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 4768. Оп. 33. Д. 10. Л. 10 — 11.

²² Там же. Л. 12.

²³ Приказы ЛВПШ за 1967 г. Д. 45.

жития № 1 Шанина П. И. было увезено 2 мешка асбеста (в тот же день возвращены на место), принадлежащих стройорганизации ведущей ремонт Л/з №1, этот недостойный поступок следует квалифицировать, как хищение. За недостойное поведение, порочащее работников ЛВПШ — Маркину А. В. — объявить ВЫГОВОР; Шанину П. И. — поставить НА ВИД»²⁴.

Однако в первую очередь контроль был неотъемлемой частью образовательного процесса. Он включал в себя контроль за освоением учебного материала и самостоятельной работой с первоисточниками, просмотром учебных кинофильмов. Кинофильмы выбирались из каталога фильмов, изданных Ленинградской областной конторой кинопроката и Домом политического просвещения ЛК и ЛГК КПСС. Просмотр четко организовывался и контролировался руководством ЛВПШ: «В дни демонстрации учебных фильмов обеспечить обязательное присутствие на сеансе одного из преподавателей кафедры для проведения краткого рассказа, увязывающего содержание фильмов с проблемами или конкретными учебными вопросами курса... Деканам ЛВПШ совместно с преподавателями кафедр постоянно проводить работу со слушателями по разъяснению значения кино как одного из важнейших технических средств пропаганды и принимать меры к обеспечению организованного посещения ими сеансов учебных кинофильмов»²⁵.

Преподавательская деятельность контролировалась руководством кафедр, ПМК и Совета ЛВПШ. На кафедрах обсуждались и утверждались практически все тексты лекций и планы семинарских занятий, а также список основной и дополнительной литературы. Недостатки работы кафедры и отдельных преподавателей подробно обсуждались на Совете ЛВПШ, где в основном указывалось на небольшое количество проанализированных лекций, написанных предварительно, недостаточный контроль за качеством учебного процесса, недостатки методологического характера в отдельных лекциях, что вызывало недовольство слушателей²⁶. Например, критике подвергалась рецензия, данная П. Д. Иващенко на письменную работу «Работа партийной организации по приему в партию и воспитанию молодых коммунистов» Е. М. Коваленко, состоявшая из семи строк. «...Из этой рецензии нельзя понять — почему письменная работа заслуживает оценки „хорошо“, а не „отлично“, какие имеются в ней недостатки, а как показала проверка, их немало, т. к. работа выполнена небрежно»²⁷.

Основной целью контролирующего воздействия руководства ЛВПШ на преподавателей и слушателей, безусловно, являлось сохранение и упрочение власти КПСС и советского государства. Эта цель достигалась различными методами: «Мы должны силами опытных преподавателей, работающих в школе, добиваться, чтобы ни одна лекция не вызывало недовольство слушателей»²⁸. Следуя строгой дисциплине, за любое «недостойное поведение» студентов отчисляли, преподавателей

²⁴ Приказ по ЛВПШ № 232 от 16 июня 1966 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 4768. Оп. 33. Д. 4. Л. 45.

²⁵ Приказ по ЛВПШ № 545 от 29 декабря 1966 г. // Там же. Д. 5. Л. 217 — 218.

²⁶ Заседания Совета ЛВПШ в 1967 г. Л. 4.

²⁷ Приказ по ЛВПШ № 33 за 1967 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 4768. Оп. 33. Д. 10. Л. 37.

²⁸ Заседания Совета ЛВПШ в 1967 г. Л. 9.

увольняли²⁹. «Недостойными» считались прогулы, плагиат, различные формы аморального поведения, такие как кражи, мошенничество, нарушение общественного порядка, хулиганство, пьянство, распространение порнографии, а также дискредитация идеологических основ коммунистического строя, участие в «антиобщественных» движениях и другие формы политической нелояльности.

Современные исследования доказывают, что советская нормативная база подготовки партийных и советских кадров была недостаточно разработанной. Работа в партийно-советском аппарате управления официально не рассматривалась как отдельная профессия, а люди, занимавшие руководящие должности в системе государственного и общественного управления, включались в прослойку интеллигенции в соответствии с установками «классиков марксизма» о социальной конструкции государства, в которой широкие массы трудящихся должны были овладеть навыками управления. В результате в СССР отсутствовал единый закон о государственной службе, а деятельность аппарата публичного управления фактически регулировалась лишь постановлениями ЦК КПСС.

В этой ситуации организация образовательного процесса подготовки кадров фактически отводилась на усмотрение руководства ВПШ. Исследование того, каким образом ВПШ реализовывали эту задачу, во многом позволяет не только понять институциональные границы конкретного образовательного института, но и роль этих партийных учебных заведений в поддержании политической системы советского государства.

Исходя из аксиологического подхода, следует отметить, что власть основывается на определенном образом выраженном согласии различных социальных групп с существующим положением вещей. В рамках анализа деятельности ЛВПШ мы определили три наиболее важных аспекта, воплощающих это согласие: организация деятельности преподавателей и учащихся, воспроизводство исторической памяти, а также обеспечение административного и идеологического контроля. Данные аспекты характерны для различных политических режимов, однако реализуются они всегда по-разному [16]. Грамши отмечал, что между обществом и государством существует не только взаимодействие, но и взаимопроникновение [4]. Гегемония может быть установлена только в ситуации органической сплоченности интересов власти и их признания гражданским обществом [8]. Это признание не всегда складывается само по себе — в случае советской системы оно требовало определенных институтов-посредников, одним из которых стали ВПШ. Все эти положения довольно давно известны в отечественных социальных науках [3; 9; 10; 12], однако до настоящего исследования не было показано, как реализовалась деятельность ВПШ как института посредника.

Любой политический режим выстраивает свои уровни обеспечения кадровой политики, а также контролирует ход реализации кадровых процессов. В научной литературе сложилось устойчивое убеждение, что роль КПСС в истории страны

²⁹ Например, «за недостойное поведение и систематическое нарушение учебной дисциплины» был отчислен товарищ Дубровин (Приказ по ЛВПШ № 147 от 21 апреля 1966 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. 4768. Оп. 33. Д. 3. Л. 160).

была настолько определяющей, что она полностью регулировала процесс подготовки ПСК [7]. На самом деле — и это демонстрирует настоящее исследование — данный процесс носил очень сложный характер и важной движущей силой поддержания гегемонии КПСС был сам образовательный институт.

Заключение

Проведенное исследование показывает, что руководство и профессорско-преподавательский состав ЛВПШ играли важную роль в формировании фрейма профессиональной подготовки ПСК, действуя часто автономно от директивных указаний партии. Оно привносит новое знание об институциональных основах партийно-советской системы и в целом об организации воспроизводства политического режима в СССР.

Исследование имеет важное значение для понимания внутренних процессов формирования системы подготовки партийных и советских кадров в СССР и политического режима в целом. Оно помогает понять, какие факторы и инструменты влияли на подготовку ПСК, а также каким образом обеспечивалась стабильность и лояльность к политическому режиму. Его важной особенностью является то, что оно является одним из первых подобных исследований в отечественной историографии, которое отличает новый нетрадиционный взгляд на механизмы формирования политического режима в СССР и влияние партийно-советских кадров на его функционирование. Понимание этих внутренних процессов имеет большое значение не только для историков и политологов, но и для всех, кто интересуется историей СССР и спецификой политической системы советского государства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Барткевич Л. Л. Подготовка партийных кадров. Рига: Авотс, 1980. 147 с.
2. Восленский М. С. Номенклатура: [анатомия советского правящего класса]. М: Захаров, 2005. 640 с.
3. Головин А. Г. О взаимосвязи гражданского общества и публичной власти в контексте концепции делегирования власти народом // *Lex russica*. 2022. № 5 (186). С. 71 — 88.
4. Грамши А. Избранные произведения: в 3 т. Т. 3: Тюремные тетради. М.: Изд-во иностр. литературы, 1959. 369 с.
5. Исхаков Р. Л., Корсаков А. Н. Концепция гегемонии Антонио Грамши для современной России // *Гуманитарная дипломатия: личность, социум, мир, права человека: материалы Междунар. конвента (4 — 6 дек. 2014 г.): сб.* Екатеринбург: Гуманитар. ун-т. 2015. С. 130 — 135.
6. Лебин Б. Д., Перфильев М. Н. Кадры аппарата управления в СССР: Социол. проблемы подбора и расстановки кадров. Л.: Наука, 1970. 252 с.
7. Леонова Л. С. Исторический опыт КПСС по подготовке партийных кадров в партийных учебных заведениях, 1917 — 1975 гг. М.: Изд-во МГУ, 1979. 205 с.
8. Низомиддинхужаев О. Формирование институтов гражданского общества // *Вопросы науки и образования*. 2020. № 29 (113). С. 4 — 10.
9. Упоров И. В., Тицкий И. А. Проблема взаимоотношений партийных организаций КПСС и Советов народных депутатов и попытка ее решения накануне распада СССР // *Гуманитарный научный вестник*. 2021. № 7. С. 24 — 28.
10. Федоренко С. Н. Государственная кадровая политика в Советском Союзе и современной России: политико-философский анализ. М.: Инфра-М, 2020. 154 с.
11. Шамахов В. А., Балашов А. И. Новая общественно-политическая нормальность и уроки модернизации постсоветской системы государственного управления // *Управленческое консультирование*. 2016. № 12. С. 6 — 15.

12. Шпаковская Л. Л. Советская образовательная политика: социальная инженерия и классовая борьба // Журнал исследований социальной политики. 2009. № 7 (1). С. 39 — 64.

13. Cox R. W. Social Forces, States and World Orders: Beyond International Relations Theory // Millennium. 1981. Vol. 10, № 2. P. 126 — 155.

14. Kooiman J., Bavinck M. Theorizing governability — the interactive governance perspective // Governability of fisheries and aquaculture. Netherlands; Dordrecht: Springer, 2013. P. 9 — 30.

15. Kooiman J., Bavinck M. The governance perspective // J. Kooiman, M. Bavinck, S. Jentoft, & R. Pullin (eds). Fish for life: Interactive governance for fisheries. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2005. P. 3 — 11.

16. Morton A. D. Social Forces in the Struggle over Hegemony: Neo-Gramscian Perspectives in International Political Economy // Rethinking Marxism. 2003. Vol. 15, № 2. P. 153 — 179.

Статья поступила в редакцию 02.10.2023; одобрена после рецензирования 25.12.2023; принята к публикации 28.12.2023.

Информация об авторах:

Александр Иванович Лушин, профессор кафедры общественных наук Северо-Западного института управления РАНХиГС, (199178, Россия, г. Санкт-Петербург, Васильевский остров, Средний проспект, 57), доктор исторических наук, профессор, lushinai@mail.ru

Елена Юрьевна Щербина, аспирант кафедры общественных наук Северо-Западного института управления РАНХиГС (199178, Россия, г. Санкт-Петербург, Васильевский остров, Средний проспект, 57), eva770@mail.ru

Вклад авторов:

Лушин А. И. — развитие методологии, критический анализ и научное редактирование текста;

Щербина Е. Ю. — разработка концепции, сбор данных и анализ литературы, написание первоначального варианта статьи.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Bartkevich LL. Training of Party Personnel. Riga;1980. (In Russ.)
2. Voslensky MS. Nomenclature. Moscow;2005. (In Russ.)
3. Golovin AG. On the Relation between Civil Society and Public Authority in the Context of the Concept of Power Delegation by the People. *Lex Russica*. 2022;(5):71—88. (In Russ.)
4. Gramsci A. Selected Works: Prison Notebooks. Moscow;1959. (In Russ.)
5. Iskhakov RL, Korsakov AN. Antonio Gramsci's Concept of Hegemony for Modern Russia. *Humanitarian Diplomacy: Personality, Society, World, Human Rights*. Proceedings of the International Conference. 2015:130—135. (In Russ.)
6. Lebin BD, Perfilyev NM. Personnel of the Management Apparatus in the USSR. Sociological Problems of Selection and Placement of Personnel. Leningrad;1970. (In Russ.)
7. Leonova LS. Historical Experience of the CPSU in Training Party Personnel in Party Educational Institutions. 1917 — 1975. Moscow;1979. (In Russ.)
8. Nizomiddinkhujjev O. Formation of Civil Society Institutions. *Issues of Science and Education*. 2020;(29):4—10. (In Russ.)

9. Uporov IV, Titsky IA. The Problem of the Relation between the Party Organizations of the CPSU and the Soviets of People's Deputies and Attempts to Solve It on the Eve of the Collapse of the USSR. *Humanitarian Scientific Bulletin*. 2021;(7):24—28. (In Russ.)

10. Fedorenko SN. State Personnel Policy in the Soviet Union and Modern Russia: Political and Philosophical Analysis. Moscow;2020. (In Russ.)

11. Shamakhov VA, Balashov AI. New socio-political normality and lessons of modernization of the post-Soviet system of public administration. *Administrative Consulting*. 2016;(12):6—15. (In Russ.)

12. Shpakovskaya LL. Soviet Educational Policy: Social Engineering and Class Struggle. *The Journal of Social Policy Studies*. 2009;(7):39—64. (In Russ.)

13. Cox R. W. Social Forces, States and World Orders: Beyond International Relations Theory. *Millennium*. 1981;10(2):126—155.

14. Kooiman J, Bavinck M. Theorizing Governability — the Interactive Governance Perspective. *Governability of Fisheries and Aquaculture*. Dordrecht;2013:9—30.

15. Kooiman J, Bavinck M. The Governance Perspective. *Fish for Life: Interactive Governance for Fisheries*. Amsterdam;2005:3—11.

16. Morton AD. Social Forces in the Struggle over Hegemony: Neo-Gramscian Perspectives in International Political Economy. *Rethinking Marxism*. 2003;15(2):153—179.

The article was submitted 02.10.2023; approved after reviewing 25.12.2023; accepted for publication 28.12.2023.

Information about the authors:

Alexander I. Lushin, Professor of Department of Social Sciences of the North-West Institute of Management — Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (57 Sredny Avenue, Vasilievsky Island, St. Petersburg 199178, Russia), Doctor of Historical Sciences, Professor, lushinai@mail.ru

Elena Y. Shcherbina, Post-Graduate Student of Department of Social Sciences of the North-West Institute of Management — Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (57 Sredny Avenue, Vasilievsky Island, St. Petersburg 199178, Russia), eva770@mail.ru

Contribution of the authors:

Lushin A. I. — methodology improvement, critical analysis and scientific editing of the article;
Shcherbina E. Y. — concept development, data collection and literature analysis, writing the draft version of the article.

Conflict of interests: the authors declare no conflict of interests.

The authors have read and approved the final version of the manuscript.

УДК 94(470.34)
EDN FTXMUQ<http://vestnikniig.ru>*Научная статья*

РАЗВИТИЕ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В АВТОНОМНЫХ РЕСПУБЛИКАХ ВОЛГО-ВЯТСКОГО РАЙОНА В ГОДЫ ВОСЬМОЙ ПЯТИЛЕТКИ (1966 — 1970)

И. Ю. Асабин

Научно-исследовательский институт гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия,
г. Саранск, Россия
asabin_saransk@mail.ru

Аннотация

Введение. Исследование региональных аспектов претворения в жизнь косыгинской реформы, осуществление которой проходило в годы восьмой пятилетки, является сегодня весьма актуальным для исторической науки, прежде всего в связи с востребованностью опыта данной реформы в условиях современной российской модернизации.

Материалы и методы. В работе использовались документы архивных фондов, опубликованные статистические данные, материалы периодической печати. Статья базируется на принципах историзма и объективности, а также на сравнительно-историческом, проблемно-хронологическом методах.

Результаты исследования и их обсуждение. Годы восьмой пятилетки стали временем реализации косыгинской реформы, существенно изменявшей принцип управления развитием советской индустрии. Норматив рентабельности (прибыль в процентном отношении к фондам) выдвигался в качестве одного из основных критериев в оценке работы предприятия. Чем выше был уровень рентабельности, тем больше денег предприятие могло отчислять в свои фонды и распоряжаться ими. На практике, как показал региональный материал республик Волго-Вятского района — Марийской, Мордовской и Чувашской АССР, в ходе реализации реформы постепенно выравнивалось промышленное развитие центра и периферии страны. Изучаемые регионы представляют собой образец этого процесса: благодаря проводимым реформам и щедрой финансовой помощи союзного центра промышленный потенциал республик заработал на полную мощь. Однако для обеспечения стабильной работы, гибкости и маневренности производства, его открытости новинкам науки и техники, каждому предприятию жизненно был важен определенный резерв мощностей, а принятая система премирования нацеливала на полную загрузку производственного оборудования, даже незначительное невыполнение плана снижало заработной платы.

Заключение. Анализ регионального материала показал, что, несмотря на существенные достижения в области технической модернизации, повышение благосостояния населения, процесс интенсификации промышленного производства был осложнен элементами кризисных явлений в экономике, обусловленных экстенсивным путем развития.

Ключевые слова: промышленность, косыгинская реформа, наукоемкие отрасли индустрии, Марийская АССР, Мордовская АССР, Чувашская АССР, восьмая пятилетка

Для цитирования: Асабин И. Ю. Развитие промышленности в автономных республиках Волго-Вятского района в годы восьмой пятилетки (1966 — 1970) // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2024. Т. 16, № 1. С. 156 — 167. EDN FTXMUQ

© Асабин И. Ю., 2024

Original article

INDUSTRY DEVELOPMENT IN THE AUTONOMOUS REPUBLICS OF THE VOLGA-VYATSK REGION DURING THE EIGHTH FIVE-YEAR PLAN (1966 — 1970)

I. Yu. Asabin

Research Institute of the Humanities by the Government
of the Republic of Mordovia,
Saransk, Russia
asabin_saransk@mail.ru

Abstract

Introduction. The study of regional aspects of the implementation of the Kosygin reform, which took place during the Eighth Five-Year Plan, is relevant for modern historical science, primarily due to the demand for the experience of this reform in the conditions of contemporary Russian modernization.

Materials and methods. In this work, documents from archival funds, published statistical data, as well as materials from periodicals were used. The article is based on the principles of historicism and objectivity, as well as on comparative-historical and problem-chronological methods.

Results and discussion. The years of the Eighth Five-Year Plan became the time of implementation of the Kosygin reform, which significantly changed the principle of managing the development of Soviet industry. The profitability standard, which was defined as profit as a percentage of funds, was put forward as one of the main criteria in assessing the performance of an enterprise. The higher the level of profitability achieved, the more money the company could transfer to its funds and dispose of it at its own discretion. In practice, as shown by regional material from the republics of the Volga-Vyatka region — the Mari, Mordovian and Chuvash Autonomous Soviet Socialist Republics, there was a gradual equalization of the industrial development of the center and periphery of the country during the implementation of the reform. The regions under study provide an eloquent example of this process: due to ongoing reforms and generous financial assistance from the union and federal centers, the industrial potential of the republics has reached its full potential. However, the same regional material indicates that in order to ensure stable operation, flexibility and maneuverability of production, its openness to the latest innovations in science and technology, it is important to have a certain reserve capacity for each enterprise. The adopted bonus system aimed at full utilization of production equipment, even the slightest failure to fulfill the intense plan reduced earnings.

Conclusion. An analysis of regional material showed that despite significant achievements in the field of technical modernization and improving the well-being of the population, the process of intensification of industrial production was complicated by elements of crisis phenomena in the economy, the roots of which lay in the extensive path of development.

Keywords: industry, the Kosygin reform, knowledge-intensive industries, the Mari ASSR, the Mordovian ASSR, the Chuvash ASSR, the Eighth Five-Year Plan

For citation: Asabin IYu. Industry Development in the Autonomous Republics of the Volga-Vyatsk Region during the Eighth Five Year Plan (1966 — 1970). *Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia*. 2024;16(1):156—167. EDN FTXMUQ

Введение

Период восьмой пятилетки (1966 — 1970 гг.) стал своеобразной вехой в истории отечественной промышленности, что оказалось связанным как с претворением в жизнь известной косыгинской реформы, так и с существенным подъемом советской индустрии не только в ведущих промышленных центрах страны, но и в рамках

провинции. Именно в то время построенный за предшествующие годы промышленный потенциал периферии заработал на полную мощь, что дало возможность говорить о наметившейся ярко выраженной тенденции ее «подтягивания» к уровню развития центральных областей (Московской, Ленинградской и др.). Научный анализ этого еще не до конца исследованного и оцененного опыта особенно актуален в условиях современной постсоветской России, отличающейся заметными диспропорциями в экономическом развитии центральных и периферийных территорий. Типичным примером для рассмотрения данного процесса могут служить автономные республики Волго-Вятского района — Марийская, Мордовская и Чувашская АССР, вплоть до середины XX в. являвшиеся аграрными регионами и пережившие в 1960-е – начале 1970-х гг. своеобразную «промышленную революцию».

Обзор литературы

В современной историографии проблематика развития промышленного производства во второй половине 60-х — начале 70-х гг. XX в. является достаточно разработанной. Интерес представляют работы А. Н. Ефимова [7; 8], А. Ф. Полякова [12], Н. Н. Разуваевой [14], С. Г. Коваленко [10], А. В. Тебекина [17] и др., касающиеся общих социально-экономических аспектов модернизации индустриального сектора СССР. Региональная историография представлена исследованиями И. П. Прокопьева [13], А. А. Адамеску и Н. Н. Акиншина [1], У. Б. Беялова и Г. Л. Горника [4], Ю. П. Смирнова [16], Е. В. Моисеева [11], Ю. В. Базова [2], М. В. Ведерникова [6], Е. Н. Бикейкина [5], В. И. Белоуса и Б. Л. Гинзбурга [3], Н. Г. Русиновой [15] и др., в которых раскрываются разные стороны указанного процесса на региональном уровне. Однако ни в одной из данных работ не исследовались особенности, позволяющие более детально проследить связи общегосударственных и общерегиональных трансформаций в экономике с обществом.

Материалы и методы

В работе использовались как документы архивных фондов, опубликованные статистические данные, так и материалы периодической печати. Статья базируется на принципах историзма и объективности, сравнительно-историческом и проблемно-хронологическом методах.

Результаты исследования и их обсуждение

В ходе осуществления косыгинской реформы имели место ликвидация территориальной системы управления индустрией и возвращение отраслевых министерств, существенное сокращение количества директивных плановых показателей, расширение хозяйственной самостоятельности предприятий, ключевое значение придавалось интегральным показателям экономической эффективности производства — прибыли и рентабельности. Согласно практиковавшейся ценовой политике, оптовая цена реализации была направлена на обеспечение предприятию заданной рентабельности производства [17, с. 12]. «Главное достоинство Косыгинской реформы заключалось в создании механизма заинтересованности предприятий в принятии более высоких плановых заданий, во внедрении технических, технологических и организационных инноваций. Такой подход стимулировал в свою очередь развитие научной организации на предприятии» [17, с. 11].

Реализация реформы в республиках Волго-Вятского экономического района происходила не без проблем, в числе которых на первом этапе реформирования

отмечались проблемы согласования. Так, в связи с реорганизацией совнархозовской системы управления промышленностью и подчинением предприятий, расположенных на территориях Марийской, Мордовской и Чувашской АССР, воссозданным министерствам резко увеличилась потребность в предоставлении переговоров с Москвой. Существовавшее в 1965 — 1966 гг. количество связей не обеспечивало эту все возрастающую потребность, и значительная часть принятых заказов переносилась на вторые и третьи сутки, что снижало оперативность руководства предприятиями. В связи с этим обкомы КПСС и Советы Министров исследуемых республик просили министра связи СССР Н. Д. Псурцева рассмотреть вопрос об увеличении числа каналов связи с Москвой, что в итоге было сделано, и вопрос в относительно короткие сроки удалось решить. Тогда же, выполняя постановления сентябрьского (1965 г.) пленума ЦК КПСС и решения XXIII съезда партии, коллективы промышленных предприятий изучаемых регионов проделали необходимую работу по подготовке своих предприятий к переходу на новую систему планирования и экономического стимулирования. Руководство и партийные организации заводов и фабрик разъясняли решения власти рабочим, служащим и инженерно-техническим работникам: в цехах и отделах предприятий были прочитаны лекции, доклады, проведены открытые партийные собрания с обсуждением задач, вытекающих из постановлений¹ [6, с. 32; 9, с. 162 — 165].

Для перехода на новую систему работы на каждом заводе или фабрике были проведены расчеты основных показателей хозяйственной деятельности, которые продемонстрировали, что для создания необходимых поощрительных фондов коллективы предприятий должны увеличить на 1966 г. план производства и реализации продукции. Как следствие, большое внимание было уделено усилению экономической работы. На заводах и фабриках Марийской, Мордовской и Чувашской АССР создавались всевозможные лаборатории экономики и организации управления производством, общественные бюро экономического анализа и подобные структуры, призванные вскрыть и привести в действие неиспользованные резервы производства. С этой же целью при участии рабочих систематически проводились разноплановые экономические конференции. Экономические службы заводов и фабрик анализировали хозяйственно-финансовую деятельность предприятий и использование основных производственных фондов² [6, с. 32; 9, с. 162 — 165].

Несмотря на то, что в ходе косыгинской реформы упор делался на экономические методы и рост материальной заинтересованности работников, продолжали практиковаться и прежние, испытанные, методы повышения производительности труда, в числе которых большая роль отводилась движению рационализаторов. Например, на Чебоксарском электроаппаратном заводе, как не без гордости рапортовало в 1969 г. его руководство, существенный вклад в экономию трудовых и материальных ресурсов внесли заводские рационализаторы. За 1965 г. ими было подано 1 515 рационализаторских предложений, из которых внедрено в производство 566, что дало 319 тыс. руб. условно-годовой экономии при обязательстве

¹ ЦГА РМ (Центральный государственный архив Республики Мордовия). Ф. 269-П. Оп. 7. Д. 307. Л. 64; Д. 323. Л. 130.

² Там же. Д. 307. Л. 65.

270 тыс. руб. В 1969 г. каждый одиннадцатый из числа работающих являлся рационализатором³.

Реализуемая в ходе мероприятий восьмой пятилетки (1966 — 1970) косыгинская реформа показала, что задания плана по всем главным экономическим показателям были выполнены. Национальный доход СССР за восьмую пятилетку вырос на 41 % (против 32 % в седьмой пятилетке) и составил значительную сумму — 1 166 млрд руб. (против 840 млрд руб. за седьмую пятилетку)⁴. Автономные республики Волго-Вятского района внесли в эти достижения свой вклад. Промышленное производство в них за восьмую пятилетку выросло: в Марийской АССР — на 77 %, в Мордовской и Чувашской республиках — на 80 %. Особенно бурно в них развивались недавно введенные в эксплуатацию наукоемкие отрасли промышленности — электротехника, электроэнергетика, химия, машиностроение⁵.

За годы восьмой пятилетки были созданы новые специализированные комплексы предприятий: в Мордовии — по производству светотехнической продукции, в Чувашии — электроизмерительных изделий, в Марийской республике — в приборостроении и машиностроении [1, с. 49]. Финансовая устойчивость заводов и фабрик постепенно повышалась, а в конце 1960-х гг. многие коллективы перевыполняли планы, систематически добиваясь снижения себестоимости товарной продукции и получения сверхплановой прибыли, которая стала идти не только на ежемесячные выплаты, но и на вошедшую в практику ежегодную «тринадцатую зарплату»⁶ [6, с. 32; 9, с. 162 — 165]. «Понятие „тринадцатая зарплата“ прочно входит в наш словарный обиход», — не без удовлетворения отмечал, например, в январе 1968 г. на собрании партийно-хозяйственного актива Мордовской АССР второй секретарь Саранского горкома КПСС А. Д. Ледяйкин⁷.

В Чувашской АССР в восьмой пятилетке строились промышленные объекты — Чебоксарский завод тракторных запасных частей, опытные корпуса Всесоюзного научно-исследовательского института релестроения, ткацкая и прядильно-ниточная фабрики на Чебоксарском хлопчатобумажном комбинате, новые цехи и корпуса на Чебоксарском электроаппаратном заводе и заводе «Чувашкабель», Алатырский хлебозавод. Была пущена на полную мощность Новочебоксарская ТЭЦ-3, начато строительство пятой ступени Волжского энергетического каскада — Чебоксарской ГЭС [15]. Всего за восьмую пятилетку в республике было сдано в эксплуатацию 99 производственных цехов и предприятий [13, с. 37]. Производительность труда в промышленности Чувашской АССР в 1970 г. по сравнению с 1965 г. повысилась на 45 %⁸.

³ ГИА ЧР (Государственный исторический архив Чувашской Республики). Ф. Р-1517. Оп. 15. Д. 154. Л. 84.

⁴ Материалы XXIV съезда КПСС. М., 1971. С. 33, 34, 129, 134.

⁵ См.: Вереин Б. Этапы большого пути // Марийская правда. 1971. 17 окт.; Выполнение пятилетки — живое творчество масс. С собрания республиканского партийного актива // Советская Мордовия. 1971. 7 марта; На стремя технического прогресса // Советская Чувашия. 1971. 3 марта.

⁶ ЦГА РМ. Ф. 269-П. Оп. 7. Д. 307. Л. 64.

⁷ Там же.

⁸ ГИА ЧР. Ф. Р-872. Оп. 13. Д. 223. Л. 327.

В Мордовской АССР за 1966 — 1970 гг. было введено в строй 28 заводов, фабрик и крупных цехов, в том числе литейный завод, резиновый комбинат, завод медицинского оборудования; мощность Алексеевского цементного завода увеличилась на 1,2 млн т цемента в год; построено более 4 тыс. км линии электропередач, 127 км газопровода и много других объектов⁹.

В промышленности Марийской республики за эти годы было установлено 190 поточных автоматических и полуавтоматических линий, введены в строй завод крупнопанельного домостроения и хлебозавод в Йошкар-Оле, завод сборного железобетона в Волжске, швейная фабрика «Заря», рыбообрабатывающий завод, Ронгинское торфопредприятие и др.¹⁰ Ведущее место в витаминной отрасли СССР к 1970 г. занял Йошкар-Олинский витаминный завод¹¹.

Наряду с открытием новых предприятий, усиливалась концентрация индустриального производства. В Мордовии, например, созданное в 1964 г. Саранское производственное объединение (СПО) «Светотехника» собрало под единое управление Саранский электроламповый завод, Ардатовский светотехнический завод, Рузаевский завод электровакуумного машиностроения и саранские заводы электровакуумного стекла и специальных источников света. В 1965 г. в СПО вошел Кадошкинский электротехнический завод. На долгие годы это объединение стало флагманом промышленности Мордовии¹².

К концу восьмой пятилетки подавляющее большинство промышленных предприятий поволжских республик было переведено на новую систему планирования и экономического стимулирования. В Чувашии, например, в конце 1970 г. работало по новой системе 94 % всех предприятий, выработавших в последнем году пятилетки 97 % всей промышленной продукции [13, с. 12]; в Марийской АССР — 165 предприятий, которые произвели 98 % всей промышленной продукции республики¹³, в Мордовии — 241 предприятие, производившее 95 % всей промышленной продукции¹⁴. Темпы роста общего объема продукции промышленности в республиках Волго-Вятского района опережали общероссийские цифры (табл. 1). Из табл. 1 видно, что в процентном отношении темпы роста общего объема продукции промышленности в каждой из трех исследуемых республик ежегодно превосходили подобный показатель по РСФСР. Если в целом за пятилетку темпы роста общего объема продукции по России выросли на 41 %, то в Чувашии — на 64, в Марийской республике — на 65, и более всего по Мордовии — на 74 %.

⁹ Выполнение пятилетки — живое творчество масс.

¹⁰ О работе Марийского обкома КПСС: докл. первого секретаря обкома партии товарища Никонова В. П. // Марийская правда. 1971. 20 февр.; Андреев В. П. Созидатели // Там же. 8 авг.; Верейн Б. Указ. соч.

¹¹ История компании ОАО «Марбиофарм» // ОАО «Марбиофарм»: офиц. сайт. URL: <https://marbiopharm.ru/company/history/> (дата обращения: 24.12.2022).

¹² Липатова Л. Н. «Лисма» // Мордовия: энцикл.: в 2 т. Саранск, 2003. Т. 1. С. 495.

¹³ Широкий шаг республики. Об итогах выполнения народно-хозяйственного плана за 1970 год по Марийской АССР // Марийская правда. 1971. 22 янв.

¹⁴ Исторический очерк // Официальный портал органов государственной власти Республики Мордовия. URL: <https://www.e-mordovia.ru/o-mordovii/obshchaya-informatsiya/istoriya/istoricheskiy-ocherk/> (дата обращения: 09.10.2023)..

Таблица 1. Темпы роста общего объема продукции промышленности в РСФСР, Марийской, Мордовской и Чувашской АССР в годы восьмой пятилетки (1966 — 1970), % к 1965 г.

Table 1. Growth rates of total industrial output in the RSFSR, Mari, Mordovian and Chuvash ASSR during the eighth Five-Year Plan (1966 — 1970), % by 1965

Республика	1966	1967	1968	1969	1970
РСФСР	108	119	129	138	149
Марийская АССР	112	128	144	159	177
Мордовская АССР	114	134	150	167	188
Чувашская АССР	116	132	147	165	180

Составлена по: Народное хозяйство РСФСР в 1970 году: стат. ежегод. М., 1971. С. 47 — 49.

Данный факт объясняется как удачными «стартовыми возможностями» молодой (только что заработавшей на полную мощь) промышленности республик Волго-Вятского района и благоприятной экономической конъюнктурой, созданной реформой А. Н. Косыгина, так и целенаправленным стремлением руководства страны к выравниванию экономического развития центральных и периферийных территорий, что на практике означало увеличение финансирования последних. Большие капиталовложения направлялись на строительство новых и реконструкцию существующих предприятий. За годы восьмой пятилетки в Марийской республике они составили 524 млн руб., в Мордовской АССР — 950 млн, в Чувашской — более 1 млрд руб. Это в среднем было в 1,5 — 2,0 раза больше по сравнению с предыдущим пятилетием¹⁵ [13, с. 56].

Аналогичная картина опережающего развития исследуемых автономий вырисовывается и при анализе темпов роста производительности труда в сфере индустрии (табл. 2).

Таблица 2. Темпы роста производительности труда в промышленности по РСФСР, Марийской, Мордовской и Чувашской АССР за годы восьмой пятилетки (1966 — 1970) (без промышленности колхозов; по выработке валовой продукции на 1 работающего), % к 1965 г.

Table 2. Growth rates of labor productivity in industry in the RSFSR, Mari, Mordovian and Chuvash ASSR over the years of the eighth Five-Year Plan (1966 — 1970) (without the industry of collective farms; in terms of gross output per 1 worker), % by 1965

Республика	1966	1967	1968	1969	1970
РСФСР	106	113	119	125	134
Марийская АССР	108	119	127	136	147
Мордовская АССР	106	115	123	130	141
Чувашская АССР	109	118	125	134	144

Составлена по: Народное хозяйство РСФСР в 1970 году. С. 62 — 63.

¹⁵ См.: О работе Марийского обкома КПСС; Выполнение пятилетки — живое творчество масс.

Из табл. 2 следует, что за годы восьмой пятилетки темпы роста производительности труда в промышленности выросли по РСФСР на 28 %, тогда как по Мордовии и Чувашии — на 35, а по Марийской АССР — на 39 %. Таким образом, происходило постепенное выравнивание экономического развития центра и периферии страны, и изучаемые регионы представляют собой красноречивый пример этого процесса.

Кроме того, как верно подмечает отечественный исследователь Ю. В. Базов, «в годы восьмой пятилетки выросло производство основных видов продукции промышленности Волго-Вятского экономического района, а также его удельный вес в РСФСР. Для национальных республик были характерны высокие темпы развития машиностроения и металлообработки по сравнению с промышленным производством в целом. В Мордовии развивалось производство светотехнической продукции, в Марий Эл — изделий точного машиностроения, в Чувашии — электротехнической продукции. ...нарастали темпы кооперирования предприятий машиностроительных комплексов автономных республик ВВЭР» [2, с. 13 — 14].

Подобное устойчивое развитие не исключало, однако, наличия проблем: на ряде предприятий отмечалась неритмичность в выпуске промышленной продукции, которая объяснялась перебоями в снабжении сырьем и проблемами в сфере организации труда¹⁶. В период восьмой пятилетки, как и в предшествующее ему время, имели место значительное отставание местной промышленности от новых высокотехнологичных отраслей индустрии, неудовлетворительное состояние ее производственно-технической базы. Предприятия местной промышленности изучаемых регионов по-прежнему характеризовались крайне низкой технической оснащенностью, оборудование здесь было физически изношено и морально устарело. Мало использовались местное сырье и промышленные отходы. В итоге в Марийской, Мордовской и Чувашской АССР недостаточно выпускалось товаров народного потребления. Региональные власти почти не занимались укреплением материально-технической базы предприятий местной промышленности, сосредоточив основное внимание на развитии новых наукоемких производств.

Слабой в исследуемых республиках была топливно-энергетическая база. Развитие промышленности в восьмую пятилетку характеризовалось интенсивным потреблением топливно-энергетических ресурсов, в том числе гидроэнергоресурсов, количество которых здесь было невелико по сравнению с другими регионами. Особенностью топливно-энергетического комплекса всех регионов Волго-Вятки было то, что 2/3 топливных ресурсов составляло привозное сырье — нефть, уголь, природный газ. Если на начало 1960-х гг. электроэнергетический баланс по Волго-Вятскому экономическому району соответствовал потреблению и не был напряженным, но к 1970 г. сложился дефицит энергоресурсов, что было связано с промышленным строительством и растущей энергоемкостью выпускаемой продукции, а также с возрастающим потреблением в социальной инфраструктуре¹⁷ [2, с. 13].

Одним из вызовов времени были старый автопарк и неудовлетворительное использование предприятиями имевшихся у промышленных предприятий автомо-

¹⁶ ЦГА РМ. Ф. Р-228. Оп. 1. Д. 2443. Л. 47а.

¹⁷ ЦГА РМ. Ф. 269-П. Оп. 7. Д. 381. Л. 3; Д. 401. Л. 43.

билей. Например, по предприятиям отрасли строительных материалов (где наиболее остро стоял транспортный вопрос), на Рузаевском и Атемарском заводах в Мордовской АССР ремонтные мастерские были захлаплены, графики профилактического ремонта автомобилей отсутствовали, дисциплина среди водителей была низкой, и работали они в одну смену. Кирпич в основном перевозился россыпью, что приводило к большому бою продукции и неоправданным затратам труда на погрузку/разгрузку¹⁸.

Не лучше обстояли дела с работой транспорта на предприятиях этой отрасли в Марийской и Чувашской АССР. Так, 13 августа 1968 г. вышел приказ № 64 по Управлению промышленности строительных материалов Совета Министров Марийской АССР «О мерах по улучшению использования автомобилей на предприятиях управления», в котором отмечалось, что средняя продолжительность работы автомобилей в целом по предприятиям в первом квартале 1968 г. составила 7,1 часа, а во втором — 5,1 часа в сутки. Однако на Горно-Марийском кирпичном заводе транспорт работал 2,0 часа в сутки, а на Мари-Турекском кирпичном заводе — 3,5 часа. Кроме того, большими были порожние пробеги автомобилей, графики технического обслуживания не соблюдались, расход бензина не контролировался, путевые листы не оформлялись. Так, расход бензина в Коркатовском карьероуправлении составлял 920 г на 1 км вместо запланированных 224 г, в Ронгинском карьероуправлении — 224 г, а на Марийском заводе силикатного кирпича — 253 г.¹⁹ На Алатырском, Чебоксарском, Шумерлинском, Ибресинском, Ивановском кирпичных заводах, Канашском заводе строительных материалов, Вурманкасинском заводе керамических блоков средняя продолжительность работы автомобилей составляла 6 часов в сутки²⁰.

Наряду с частными недостатками, в республиках отмечались отрицательные факторы, связанные с общими проблемами реализации косыгинской реформы. В частности, для обеспечения стабильной работы, гибкости и маневренности производства, его открытости новшества науки и техники каждому предприятию жизненно важен определенный резерв мощностей, а принятая система премирования нацеливала на полную загрузку производственного оборудования и даже при самом незначительном невыполнении напряженного плана понижала зарплатки. Иными словами, реформа в некотором роде противоречила научно-техническому прогрессу²¹.

Говоря на исходе восьмой пятилетки о недостатках индустриального развития, руководящие работники исследуемых республик верно отмечали: на предприятиях не находят должного решения вопросы перспективного развития — специализация, внедрение новой техники и передовой технологии, научная организация труда и производства²² [11, с. 56]. Например, на сессии Верховного Совета Мордовской АССР

¹⁸ ЦГА РМ. Ф. Р-923. Оп. 5. Д. 24. Л. 40.

¹⁹ ГА РМЭ (Государственный архив Республики Марий Эл). Ф. Р-1073. Оп. 1. Д. 1. Л. 111.

²⁰ ГИА ЧР. Ф. Р-1332. Оп. 3. Д. 221. Л. 19.

²¹ Экономическая реформа 1965 года URL: <https://istoriarusi.ru/cccp/ekonomicheskie-reformi-1965-goda.html> (дата обращения: 20.04.2023).

²² ЦГА РМ. Ф. 269-П. Оп. 7. Д. 664. Л. 64; Верейн Б. Указ. соч.

29 декабря 1969 г. констатировалось, что на ряде промышленных предприятий республики низок технический уровень производства, слабо внедряется новая техника, допускается выпуск некачественной и некомплектной продукции. О низком техническом уровне промышленного производства говорил, например, такой факт: «только за 10 месяцев текущего года потери от брака в промышленности составили 9,3 млн рублей. ...Низкий технический уровень производства сдерживает рост производительности труда, не дает возможности добиться резкого снижения себестоимости выпускаемой продукции. ...Задача состоит в том, чтобы... более эффективно, с наибольшей отдачей использовать основные фонды, каждую машину и каждый рубль, вложенный в производство»²³. Однако, признавая наличие проблемы, ни региональные, ни союзные власти так и не смогли выработать «готовых рецептов» ее преодоления, что в конечном счете привело советскую экономику к явлению, получившему в отечественной историографии наименование «застой».

Заключение

В индустриальном развитии исследуемых автономных республик Волго-Вятского района за годы восьмой пятилетки произошли значительные положительные сдвиги. В регионах более высокими темпами развивались отрасли, определяющие научно-технический прогресс: машиностроение, металлообработка, химия, электротехника, приборостроение, электроэнергетика, производство новых строительных материалов и др. Вступили в строй новые промышленные предприятия. Благодаря опережающим общероссийские и общесоюзные показатели (в процентном отношении) темпам индустриального развития и значительным капиталовложениям в региональную экономику, исследуемые автономии во все большей степени «подтягивались» к уровню центральных областей, что способствовало более глубокому повороту экономики автономных республик к решению задач, связанных с повышением благосостояния населения, удовлетворением его материальных и духовных запросов. Однако, проанализировав региональный материал, мы пришли к выводу как о существенных достижениях (техническая модернизация производства, повышение уровня благосостояния людей и др.), так и о кризисных моментах в экономике, корни которых лежали в экстенсивном пути развития.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Адамеску А. А., Акиншин Н. Н. Проблемы развития и размещения производительных сил Волго-Вятского района. М.: Мысль, 1974. 264 с.
2. Базов Ю. В. Основные тенденции социально-экономического развития в 60-е — начале 90-х годов XX века в Приволжском регионе: На примере Кировской, Нижегородской областей, Марий Эл, Мордовской и Чувашской республик: автореф. ... канд. ист. наук. Саранск, 2005. 23 с.
3. Белоус В. И., Гинзбург Б. Л. Изменения в оплате труда на предприятиях металлургической промышленности СССР в 1957 — 1965 гг. (На материалах Выксунского, Кулебакского и Горьковского металлургических заводов) // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2014. № 2 (30). С. 68 — 74. URL: <http://niign.ru/nauchnie-jurnaly/vestnik-2-2014.pdf>

²³ Заседания Верховного Совета Мордовской АССР седьмого созыва, шестая сессия (29 дек. 1969 г.): стеногр. отчет. Саранск, 1970. С. 90 — 91.

4. Белялов У. Б., Горник Г. Л. Индустриальное развитие автономных республик Поволжья в восьмой и девятой пятилетках // История СССР. 1976. № 1. С. 71 — 85.
5. Бикейкин Е. Н. Провинциальная столица в индустриальную эпоху. Из социально-экономической истории Саранска во второй половине 1960-х — середине 1980-х гг. // Центр и периферия. 2011. № 2. С. 29 — 39. URL: <http://niign.ru/centrandperifirya/2-2011.pdf>
6. Ведерников М. В. Развитие промышленности Марийской АССР в 1966 — 1980 гг. // Вестник Чувашского государственного педагогического университета имени И. Я. Яковлева. 2010. Т. 1, № 3 (67). С. 29 — 34.
7. Ефимов А. Н. Советская индустрия: (Производственный аппарат, управление и планирование). М.: Экономика, 1967. 327 с.
8. Ефимов А. Н. Экономика и планирование советской промышленности. М.: Экономика, 1970. 333 с.
9. История промышленности и рабочего класса Чувашии: [в 2 ч.] / [науч. ред. и авт. предисл. А. В. Изоркин]. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1982. Ч. 2. 256 с.
10. Коваленко С. Г. Реформы управления народным хозяйством СССР середины 1950-х — 1970-х годов // Вопросы истории. 2008. № 6. С. 37 — 47.
11. Моисеев Е. В. Мордовия во второй половине XX века: тенденции и противоречия социально-экономического развития (исторический аспект): дис. ... д-ра ист. наук. Саранск, 2004. 594 с.
12. Поляков А. Ф. Региональные хозяйственные комплексы: вопросы управления процессами формирования и развития. Саратов: СГУ, 1983. 146 с.
13. Прокопьев И. П. Народное хозяйство Чувашии: итоги и перспективы. Чебоксары: Чувашкнигоиздат, 1972. 103 с.
14. Разуваева Н. Н. Экономическая политика КПСС в 1960-е — первой половине 1980-х гг.: противоречия и трудности развития // Вопросы истории КПСС. 1988. № 9. С. 123 — 138.
15. Русинова Н. Г. Система управления и кадровая политика при строительстве Чебоксарской гидроэлектростанции // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2022. № 3 (63). С. 155 — 160. URL: <http://vestnikniign.ru/gallery/V-3-2022-st-17.pdf>
16. Смирнов Ю. П. Индустрия автономных республик Поволжья в середине 50-х — конце 80-х годов: достижения и нереализованные возможности: дис. ... д-ра ист. наук. М., 1998. 555 с.
17. Тебекин А. В. Уроки Косыгинских реформ: научные подходы к управлению инновационным развитием экономики // Инновации. 2017. № 3 (221). С. 11 — 17.

Статья поступила в редакцию 19.10.2023; одобрена после рецензирования 02.12.2023; принята к публикации 09.12.2023.

Информация об авторе:

Игорь Юрьевич Асабин, докторант отдела истории Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (430005, Россия, г. Саранск, ул. Л. Толстого, 3), кандидат исторических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7102-1111>, asabin_saransk@mail.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Adamescu AA, Akinshin NN. Problems of Development and Allocation of Productive Forces of the Volga-Vyatka Region. Moscow;1974. (In Russ.)
2. Bazov YuV. The Main Trends of Socio-Economic Development in the 60s — Early 90s of the Twentieth Century in the Volga Region: a Case Study of the Kirov, Nizhny Novgorod Regions, Mari El, Mordovian and Chuvash Republics. Abstract of Dis. ... Cand. of Hist. Sci. Saransk;2005. (In Russ.)

3. Belous VI, Ginzburg BL. Changes in Wages at Enterprises of the Metallurgical Industry of the USSR in 1957 — 1965 (Based on the Materials of the Vyksa, Kulebasky and Gorky Metallurgical Plants). *Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia*. 2014;(2):68—74. URL: <http://niign.ru/nauchnie-jurnaly/vestnik-2-2014.pdf> (In Russ.)
4. Belyalov UB, Gornik GL. Industrial Development of the Autonomous Republics of the Volga Region in the Eighth and Ninth Five-Year Plans. *History of the USSR*. 1976;(1):71—85. (In Russ.)
5. Bikeikin EN. Provincial Capital in the Industrial Era. From the Socio-Economic History of Saransk in the Second Half of the 1960s — mid 1980s. *Center and Periphery*. 2011;(2):29—39. URL: <http://niign.ru/centrandperifrya/2-2011.pdf> (In Russ.)
6. Vedernikov MV. Industrial Development of the Mari ASSR in 1966 — 1980. *Bulletin of I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University*. 2010;(3):29—34. (In Russ.)
7. Efimov AN. Soviet Industry: Production Apparatus, Management and Planning. Moscow;1967. (In Russ.)
8. Efimov AN. Economics and Planning of Soviet Industry. Moscow;1970. (In Russ.)
9. The History of Industry and the Working Class of Chuvashia. *Cheboksary*;1982;2. (In Russ.)
10. Kovalenko SG. Reforms of the Management of the National Economy of the USSR in the Mid-1950s — 1970s. *Questions of History*. 2008;(6):37—47. (In Russ.)
11. Moiseev EV. Mordovia in the Second Half of the Twentieth Century: Trends and Contradictions of Socio-Economic Development: Historical Aspect. Dis. ... Dr. of Hist. Sci. Saransk;2004. (In Russ.)
12. Polyakov AF. Regional Economic Complexes: Issues of Management of Formation and Development Processes. Saratov;1983. (In Russ.)
13. Prokopyev IP. National Economy of Chuvashia: Results and Prospects. *Cheboksary*;1972. (In Russ.)
14. Razuvaeva NN. The Economic Policy of the CPSU in the 1960s — the First Half of the 1980s: Contradictions and Difficulties of Development. *Questions of the History of the CPSU*. 1988;(9):123—138. (In Russ.)
15. Rusinova NG. Management System and Personnel Policy in the Construction of Cheboksary Hydroelectric Power Plant. *Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia*. 2022;(3):155—160. URL: <http://vestnikniign.ru/gallery/V-3-2022-st-17.pdf> (In Russ.)
16. Smirnov YuP. The Industry of the Autonomous Republics of the Volga Region in the Mid-50s — Late 80s. Achievements and Unrealized Opportunities. Dis. ... Dr. of Hist. Sci. Moscow;1998. (In Russ.)
17. Tebekin AV. Lessons of Kosygin Reforms: Scientific Approaches to Management of Innovative Economic Development. *Innovations*. 2017;(3):11—17. (In Russ.)

The article was submitted 19.10.2023; approved after reviewing 02.12.2023; accepted for publication 09.12.2023.

Information about the author:

Igor Yu. Asabin, Doctoral Student of Department of History of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia (3 L. Tolstogo Str., Saransk 430005, Russia), Candidate of Historical Sciences, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7102-1111>, asabin_saransk@mail.ru

Conflict of interest: the author declares no conflict of interest.

The author read and approved the final version of the manuscript.

УДК 93/94: 351.746
EDN ASYNOW<http://vestnikniign.ru>*Научная статья*

СОТРУДНИЧЕСТВО МИЛИЦИИ И ОБЩЕСТВЕННОСТИ В БОРЬБЕ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ В ПЕРИОД ПОЗДНЕГО СОЦИАЛИЗМА (по материалам Ярославской области)

Д. В. ТумаковЯрославский государственный медицинский университет,
г. Ярославль, Россия
denistumakov@yandex.ru*Аннотация*

Введение. Вопросы взаимодействия советской милиции и общественности в борьбе с преступностью в период позднего социализма по-прежнему остаются недостаточно изученными. Целью данной работы является исследование различных форм сотрудничества правоохранительных органов и общественности Ярославской области в борьбе с криминальными отклонениями в период «застоя».

Материалы и методы. В статье проанализированы материалы центральной и региональной печати 1960 — 1980-х гг., а также рассекреченная переписка органов правопорядка с ярославским обкомом КПСС тех лет. В основу исследования положены принципы объективности и историзма, проблемно-хронологический и историко-сравнительный методы.

Результаты исследования и их обсуждение. В период позднего социализма, несмотря на заметный прогресс в работе милиции и общее улучшение социально-экономической обстановки в стране, масштабы уголовной преступности сохранились и даже возрастали. В борьбе с ней МВД СССР прибегало к тесному сотрудничеству с общественностью. Массово создавались добровольные народные дружины и опорные пункты охраны правопорядка, через прессу активно велась пропаганда их деятельности.

Заключение. В результате исследования удалось выявить существование тесного и небезуспешного сотрудничества советской милиции и широкой общественности в борьбе с различными криминальными отклонениями. Вместе с тем начавшийся кризис социально-экономической и политической системы Советского Союза обусловил ряд существенных недостатков в деятельности добровольных народных дружин, преодолеть которые так и не удалось.

Ключевые слова: поздний социализм, милиция, добровольная народная дружина, уголовная преступность, общественность, пресса, Ярославская область

Для цитирования: Тумаков Д. В. Сотрудничество милиции и общественности в борьбе с преступностью в период позднего социализма (по материалам Ярославской области) // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2024. Т. 16, № 1. С. 168 — 182. EDN ASYNOW

© Тумаков Д. В., 2024

Original article

COOPERATION BETWEEN THE POLICE AND THE PUBLIC IN THE FIGHT AGAINST CRIME IN THE PERIOD OF LATE SOCIALISM (a Case Study of the Yaroslavl region)

D. V. Tumakov
Yaroslavl State Medical University,
Yaroslavl, Russia
denistumakov@yandex.ru

Abstract

Introduction. The issues of interaction between the Soviet police and the public in the fight against crime in the period of late socialism are still insufficiently studied. The purpose of this work is to study various forms of cooperation between law enforcement agencies and the public of the Yaroslavl region in the fight against criminal deviations during the period of “stagnation”.

Materials and methods. This article analyzes the materials of the central and regional press of the 1960s — 1980s, as well as the declassified correspondence of law enforcement agencies with the Yaroslavl regional committee of the CPSU of those years. The research is based on the principles of objectivity and historicism, problem-chronological and historical-comparative methods.

Results and discussion. In the period of late socialism, despite the noticeable progress in the work of the police and the general improvement of the socio-economic situation in the country, crime remained relevant and even increased. In the fight against it, the Ministry of Internal Affairs of the USSR resorted to close cooperation with the public. Voluntary people’s squads and strongholds for law enforcement were massively created, and propaganda of their activities was actively carried out through the press.

Conclusion. As a result of the study, it was possible to identify the existence of close and not unsuccessful cooperation between the Soviet police and the general public in the fight against various criminal deviations. At the same time, the beginning of the crisis of the socio-economic and political system of the Soviet Union led to a number of significant shortcomings of the voluntary people’s squads, which could not be overcome.

Keywords: late socialism, police, voluntary people’s squad, crime, public, press, the Yaroslavl region

For citation: Tumakov DV. Cooperation between the Police and the Public in the Fight against Crime in the Period of Late Socialism (a Case Study of the Yaroslavl Region). *Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia*. 2024;16(1):168—182. EDN ASYNOW

Введение

Период позднего социализма в СССР характеризовался как политической стабильностью и существенным ростом качества жизни населения страны, так и началом кризисных явлений в экономике, ростом коррупции и заметным падением народного энтузиазма. В силу этого представляется интересным обратиться к изучению опыта взаимодействия правоохранительных органов и общественности в борьбе с преступностью на локальном примере Ярославской области.

Материалы и методы

До настоящего времени с внутренней документации органов милиции, суда и прокуратуры периода позднего социализма не снят гриф секретности, поэтому главным источником стали материалы переписки УВД Ярославской области с обкомом

КПСС. Они впервые введены нами в научный оборот. Немаловажную роль сыграли также публикации в центральной и областной периодике 1960 — 1980-х гг. Работа строится на традиционных принципах историзма, системности и объективности, для изучения темы применялись проблемно-хронологический и историко-сравнительный методы.

Обзор литературы

В современной российской исторической науке тема взаимодействия правоохранительных органов СССР и советской общественности в борьбе с криминалом в период позднего социализма является сравнительно слабо востребованной. Исключение составляют статьи молодых авторов А. Д. Азмуханова, Л. Е. Столярова и В. Р. Губаева [1], а также курского историка А. Г. Рагунштейна [8]. Между тем в коллективном труде по истории ярославской милиции затронуты чисто профессиональные аспекты работы стражей порядка, преимущественно в позитивном для них ключе [3]. Ценная информация о возрастании преступных явлений в ряде республик СССР и реакции общества и союзных властей на эти явления содержится в трудах таких отечественных и зарубежных специалистов, как С. Коткин [4], И. В. Маметьев [7], В. В. Кривошеев [5; 6] и А. Юрчак [10]. Для понимания общеисторического контекста криминогенной обстановки 1960 — 1980-х гг. в советской провинции нужно упомянуть исследование казанского историка А. Г. Галлямовой, изучавшей данный аспект на примере Татарстана [2]. Общим для всех упомянутых работ является акцент на негативных тенденциях, прежде всего на укреплении «теневой экономики». Однако проблема взаимодействия органов власти и правоохранительных органов в борьбе с криминалом по-прежнему остается на периферии внимания российских и зарубежных ученых. Восполнению этого пробела посвящена данная публикация.

Результаты исследования и их обсуждение

За год до начала «перестройки» министр внутренних дел СССР генерал армии В. В. Федорчук в интервью редакции газеты «Известия» утверждал, что «Коммунистическая партия и Советское государство уделяли и уделяют неослабное внимание укреплению правопорядка и социалистической законности как одному из важнейших условий успешного коммунистического строительства»¹. Несмотря на пафос, во многом его слова соответствовали действительности, так как даже в провинции работа правоохранительных органов в период позднего социализма стала лучше организованной. В частности, в структуре УВД по Ярославской области для охраны примерно 600 объектов были созданы 11 подразделений ночной милиции, включая авто- и мотопатрули. Наряды патрульно-постовой службы были приближены к различным торговым предприятиям, а в городских и районных отделах внутренних дел появились спецгруппы в составе инспекторов уголовного розыска, следователей и работников оперативно-технической службы². Подобные действия позволили ярославской милиции добиться снижения краж всех видов, предупредить многие из них, а также задержать 133 преступников в течение девяти месяцев³.

¹ Народная забота о правопорядке // Известия. 1984. 2 марта.

² ЦДНИЯО (Центр документации новейшей истории Ярославской области). Ф. 272. Оп. 235. Д. 51. Л. 3 — 4.

³ Там же. Л. 3.

В 1973 г. в те районы области, где отмечалась сложная оперативная обстановка (Ленинский район Ярославля, Некрасовский, Пошехонский, Ростовский, Переславский районы области), были командированы на усиление руководящий состав и бригады из числа наиболее опытных сотрудников ведущих служб УВД. В том же году проверки некоторых аспектов деятельности органов правопорядка проходили в Ярославле и Рыбинске, Ярославском сельском, Ростовском, Переславском, Гаврилов-Ямском, Некоузском, Некрасовском и Гутаевском районах. Результаты позднее рассматривались на оперативных совещаниях руководства УВД⁴. При отделах уголовного розыска в Ярославле, Рыбинске, Угличе, Ростове и Переславле в начале 1970-х гг. работала оперативно-поисковая группа из 25 человек, наблюдавших за всеми рынками и магазинами, где преступники могли сбывать незаконно нажитые ценности, а также искавших воров и мошенников⁵. Ряд громких уголовных преступлений в 1970 — 1980-е гг. раскрыл один из самых известных ярославских милиционеров — начальник управления уголовного розыска полковник милиции М. Н. Зайденшнир⁶.

В эпоху позднего социализма существенно вырос образовательный уровень как населения СССР в целом, так и сотрудников сил правопорядка в частности. К 1970 г. уже 10 % граждан страны имели высшее образование, а до 70 % — полное среднее [5, с. 48]. Положение дел в органах МВД было даже лучше, чем в среднем по стране. Так, с 1966 по 1971 г. число представителей начсостава УВД Ярославской области с высшим образованием увеличилось с 16,7 до 25,2 %, со средним специальным — с 27,9 до 33,7 %. Аналогичные процессы, как утверждало командование, происходили среди рядового и сержантского состава ярославской милиции⁷. В сравнении с предыдущими десятилетиями в эпоху «застоя» заметно улучшилось и техническое оснащение городских и районных органов внутренних дел Ярославской области: по официальным данным, 78 из 102 служебных помещений были оснащены телефонами, существенно выросло обеспечение милиции радиостанциями, фотолабораториями, магнитофонами и специальной техникой⁸. Для поиска пропавших без вести граждан и решения других сложных задач работниками УВД стал использоваться даже специальный вертолет⁹.

Однако в эпоху «застоя» заметно изменилась сама структура преступности в СССР. Речь, прежде всего, идет об активизации экономической преступности («теневой экономики»). Современный астраханский исследователь И. В. Маметьев датирует начало ее возникновения приходом к власти большевиков, но полагает, что именно в 1960 — 1980-е гг. «теневая экономика стала не только неотъемлемой частью советской жизни, но и превратилась в организованную систему хищения государственной собственности» [7, с. 65]. На рубеже 1970 — 1980-х гг. сначала в южных регионах страны, а затем по всему СССР «теневики» тесно сотрудничали с преступным миром, коррумпированными чиновниками и работниками сил право-

⁴ ЦДНІЯО. Ф. 272. Оп. 235. Д. 51. Л. 2.

⁵ Там же. Оп. 237. Д. 66. Л. 7.

⁶ История ярославской милиции / ред.-сост. А. В. Шиханов. Ярославль, 2010. С. 114 — 118.

⁷ ЦДНІЯО. Ф. 272. Оп. 237. Д. 66. Л. 13.

⁸ Там же. Л. 8 — 9, 11.

⁹ История ярославской милиции. С. 108.

порядка [7, с. 68]. По данным некоторых современных ученых, к тому времени оборот организованной преступности в стране достиг примерно 150 — 200 млрд руб. и был лишь в 3,0 — 3,5 раза меньше государственного бюджета Советского Союза [6, с. 97]. Репрессии со стороны государства — в течение 1962 — 1991 гг. за хищения государственного имущества в особо крупных размерах, а также спекуляцию валютными ценностями или ценными бумагами были казнены не менее 8 тыс. чел. [5, с. 96] — не меняли положения.

Отметим, что, несмотря на заметный рост грамотности и уровня жизни населения, проблема уголовной преступности в СССР оставалась актуальной. Лишь по официальным данным, за 1970 — 1983 гг. число зарегистрированных (особенно — в корыстных целях) преступлений в стране удвоилось [6, с. 97]. Не являлась исключением и Ярославская область. В частности, в отчетах о работе УВД или органов прокуратуры региона начиная с середины 1970-х гг. констатировался рост количества изнасилований, хулиганств, тяжких телесных повреждений, умышленных убийств и покушений на них, грабежей и разбоев, а также краж личного, государственного и общественного имущества. В связи с этим правоохранительные структуры активизировали борьбу с причинами подобных явлений. Так, прокуратура проводила специальные проверки по вопросам борьбы с туеядством и призывала к активизации судебного надзора по отношению к ранее судимым или не занятым общественно-полезным трудом гражданам. В 1974 г. в общей сложности 263 жителя региона были привлечены к уголовной ответственности за паразитический образ жизни и бродяжничество¹⁰. Добавим к этому, что вопросы состояния преступности и мер по укреплению общественного порядка регулярно привлекали внимание советских органов власти. В течение 1973 — 1974 гг. городские и районные прокуроры и их помощники сделали по указанному вопросу на сессиях Советов и исполкомов соответствующего уровня в общей сложности 330 докладов¹¹.

Бичом советской экономики в то время стали растраты и мелкие хищения. В исследовании казанского историка А. Г. Галлямовой содержится утверждение о «всестороннем характере хищений в республике (в Татарстане. — *Д. Т.*)» [2, с. 136]. Ситуация в Ярославской области также не была простой. Проведенные весной 1973 г. смотры состояния сохранности социалистической собственности на предприятиях государственной торговли, кооперации и общепита выявили факты нарушений, злоупотреблений и бесхозяйственности в системе «Мясрыбторга», на Ростовской межрайонной базе, предприятиях фирмы «Океан» и т. д. Хотя расхитители, как гласили секретные документы УВД, были наказаны, а обо всех имевшихся недостатках было доложено в ярославский обком КПСС и облисполком¹², эта проблема не утратила актуальности и в дальнейшем. К началу 1974 г. задолженность по недостачам, хищениям и порче товарно-материальных ценностей на предприятиях мясомолочной, пищевой и легкой промышленности составила 692 тыс. руб.¹³

¹⁰ ЦДНІЯО. Ф. 272. Оп. 239. Д. 287. Л. 4 — 5; Оп. 244. Д. 93. Л. 1 — 2.

¹¹ Подсчитано по: ЦДНІЯО. Ф. 272. Оп. 239. Д. 85. Л. 5.

¹² ЦДНІЯО. Ф. 272. Оп. 235. Д. 51. Л. 4.

¹³ Там же. Оп. 239. Д. 86. Л. 6.

Отметим, что в целом в 1967 — 1974 гг. аппарат ОБХСС выявил 1 656 случаев хищений путем присвоения и растраты, 689 — путем кражи и 1 262 факта мелких хищений¹⁴.

Аналогичные проблемы имели место и в сельском хозяйстве региона, где в ходе масштабной проверки противопожарного состояния на фермах, в колхозах и совхозах милиция и комитет народного контроля не только выявили нередкие случаи хищения кормов, сена или скота, но и возбудили 21 уголовное дело в отношении 24 чел. Усилиями правоохранительных органов было изъято и возвращено сельскохозяйственным предприятиям более 1,1 т зерна и 720 кг комбикормов¹⁵.

В эпоху «застоя» в СССР отмечались высокий уровень потребления населением крепких спиртных напитков и, вследствие этого, постепенное падение трудовой дисциплины работников. Данный вывод верен и для Ярославской области. На заседании комиссии по борьбе с пьянством при местном облисполкоме за 1974 г. приводились крайне неприятные факты на эту тему. Так, в 1973 г. 274 работника системы транспортного управления были уволены за различные нарушения трудовой дисциплины¹⁶. При этом в общей сложности 3 500 из 10 700 сотрудников автотранспортных предприятий (АТП) области, т. е. примерно треть, была привлечена к тем или иным дисциплинарным взысканиям, а 533 попали в медвытрезвитель. В АТП № 3 Ярославля на 300 работников приходилось 500 нарушений трудовой дисциплины, причем дела 5 человек обсуждались в товарищеском суде, а еще 101 был наказан за пьянство. Похожая картина складывалась и в Рыбинске¹⁷. Несмотря на строгие меры, в 1973 г. водители АТП допустили 49 дорожно-транспортных происшествий, в результате которых погибли 7 и пострадали 45 чел., а еще в 1 585 случаях врачи, осмотрев водителей, запретили им выезд в рейс по причине опьянения¹⁸. В те же годы в Рыбинском, Гаврилов-Ямском и Пошехонском районах области злоупотребление алкоголем вело к общему росту уголовной преступности, в том числе среди несовершеннолетних¹⁹.

Период правления Л. И. Брежнева характеризовался во многом показным вниманием государства к «гласу народа» [3, с. 138 — 139]. Как следует из рассекреченных документов органов внутренних дел Ярославской области, в эпоху позднего социализма важное внимание уделялось обсуждению вопросов соблюдения законности и дисциплины широкой общественностью. В частности, в Ярославле в 1976 г. на заседаниях товарищеских судов, цеховых комитетов, собраниях бригад и профсоюзных групп, комиссий по борьбе с пьянством трудовых коллективов нефтеперерабатывающего завода, завода «Техуглерод», комбината «Красный Перекоп», кожевенного объединения, треста «Ярнефтехимстрой» и автоколонны № 1138 регулярно критиковались нарушения трудовой дисциплины и общественного порядка²⁰. Как правило,

¹⁴ ЦДНІЯО. Ф. 272. Оп. 235. Д. 51. Л. 7.

¹⁵ Там же. Оп. 235. Д. 51. Л. 5.

¹⁶ ГАЯО (Государственный архив Ярославской области). Ф. Р-2380. Оп. 10. Д. 1070а. Л. 4.

¹⁷ Там же. Л. 2.

¹⁸ Там же. Л. 5.

¹⁹ Там же. Л. 12, 13, 15 — 16, 26.

²⁰ ЦДНІЯО. Ф. 272. Оп. 239. Д. 642. Л. 6.

работники, виновные в различных нарушениях законности или дисциплины, лишались премий, льготных путевок в санатории и Дома отдыха, а также могли потерять место в очереди на получение жилплощади. В некоторых случаях их также могли подвергнуть критике через сатирические листки или стенгазеты²¹.

Ярославский облисполком периода позднего социализма регулярно принимал двухлетние планы комплексных межведомственных мероприятий по улучшению воспитательной и профилактической работы, а также дальнейшему усилению борьбы с алкоголизмом и пьянством в регионе²². Акцент делался не столько на ужесточение наказаний, сколько на назидательную сторону вопроса. Такие действия были вполне типичными. Например, на одном из заседаний в мае 1981 г. председатель облисполкома В. И. Попов считал необходимым усилить работу по воспитанию подростков и детей, а также повысить ответственность несовершеннолетних и их родителей «за беспорядки и безобразия» в подъездах. Примечательно, что для реализации этих целей он считал нужным дать широкую информацию о нарушителях порядка через местное радио и даже телевидение²³.

Возможности органов правопорядка в этом аспекте были немалыми. Как утверждал еще в 1970 г. начальник УВД по Ярославской области полковник милиции А. Д. Макаров, правоохранительные органы пытались повысить свой авторитет у населения региона через рубрики «Моя милиция» в газете обкома КПСС и облисполкома «Северный рабочий» и «Твоя, комсомолец, милиция» или «Внимание, подросток» в газете «Юность», издававшейся областной организацией ВЛКСМ²⁴. Кроме того, УВД активно сотрудничало с местным радио и телевидением, его сотрудники регулярно читали цикл лекций по правовым вопросам для несовершеннолетних рабочих крупнейших промышленных предприятий Ярославля и учащихся ПТУ. Было налажено сотрудничество милиции и средних школ по вопросам правил дорожного движения и противопожарной безопасности²⁵. В Красноперекопском районе Ярославля на крупнейших предприятиях, а также при кинотеатрах и Домах культуры в 1973 — 1974 гг. действовали 4 школы правового воспитания и 4 лектория по борьбе с алкоголизмом и пьянством²⁶. В борьбе с названными социальными аномалиями помимо УВД участвовала кафедра судебной медицины Ярославского медицинского института, чьи сотрудники анкетировали алкоголиков²⁷.

Даже на далекой периферии местные власти стремились использовать все имевшиеся в их распоряжении агитационно-пропагандистские ресурсы для создания негативного образа всех нарушителей законности в глазах широкой общественности. Например, в Брейтовском районе в 1975 г. с соответствующими лекциями по колхозному радиоузлу или перед аудиторией выступали учителя, юристы, медицинские работники и руководители общественных организаций. Статьи аналогич-

²¹ ЦДНІЯО. Ф. 272. Оп. 239. Д. 642. Л. 6.

²² ГАЯО. Ф. Р-2380. Оп. 10. Д. 2068. Л. 176.

²³ Там же. Л. 199.

²⁴ ЦДНІЯО. Ф. 272. Оп. 237. Д. 66. Л. 18.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же. Д. 137. Л. 31.

²⁷ Там же. Оп. 239. Д. 87. Л. 17.

ного содержания выходили в районной газете²⁸. В том же году актив Большесельского райкома КПСС в числе неотложных мер по укреплению правопорядка и предотвращению преступлений назвал создание в районе университета правовых знаний и чтение административными работниками лекций для населения по вопросам морали и права. Другими важными мерами считались учреждение звания «Коллектива без правонарушений» и вручение таким коллективам переходящего Красного знамени²⁹. Почетные грамоты облисполкома и областного совета профсоюзов и переходящие Красные знамена в те годы вручались также городам и сельским районам, добившимся прогресса в борьбе с преступностью³⁰.

Антикриминальная деятельность Советского государства в 1960 — 1980-е гг. не сводилась к непосредственной работе милиции, соответствующей агитации в массах или распространению правовых знаний среди населения. Напротив, через центральные и местные СМИ власть регулярно призывала население к борьбе с различными проявлениями уголовной преступности, публикуя конкретные примеры подобного рода. Так, статья в «Северном рабочем» — печатном органе ярославского обкома КПСС и облисполкома — сообщала о том, как ученики 57-й и 69-й средних школ Ярославля П. Холкин, В. Чистяков, В. Буров, Е. Манюнин и Н. Белоусов в конце 1964 г. поймали двух воров, укравших детскую одежду в ближайшем магазине и пытавшихся скрыться на троллейбусе. Приказом начальника управления охраны общественного порядка комиссара милиции 3-го ранга А. В. Толицына школьникам были вручены памятные подарки и почетные грамоты³¹.

Спустя десятилетие передовица официального печатного органа ЦК КПСС газеты «Правда» вновь призывала всех граждан СССР «с чувством высокой гражданской ответственности относиться к законам и моральным нормам социалистического общества, свято блюсти требования дисциплины поведения, активно бороться за утверждение коммунистической нравственности». Подобные действия газета оценивала как «патриотический долг каждого советского человека», поэтому строго контролируемая государством активность граждан в этом направлении ею приветствовалась³².

Передовица утверждала, что парторганизации Москвы и Ленинграда достигли заметных успехов в «воспитании советских людей»: им удалось скоординировать действия исполкомов местных Советов, трудовых коллективов и различных правоохранительных органов. В частности, в столицах активно работали опорные пункты охраны порядка, объединившие усилия домовых комитетов, товарищеских судов, детских комитетов, добровольных народных дружин по охране общественного порядка (ДНД) и милиции. Успешной с точки зрения профилактики правонарушений передовица «Правда» сочла работу парторганизаций Днепропетровской и Гомельской областей, Киргизской ССР и киевского завода «Арсенал». Газета также приводила

²⁸ ЦДНІЯО. Ф. 272. Оп. 239. Д. 11. Л. 7.

²⁹ Там же. Л. 1 — 2.

³⁰ Там же. Оп. 239. Д. 287. Л. 2.

³¹ Касюков И. Находчивость и смелость. Школьники задержали грабителей // Северный рабочий. 1964. 27 дек.

³² Дисциплина поведения // Правда. 1974. 14 мая.

цитату из письма рабочего Чирчикского электрохимического комбината, Героя Социалистического Труда Д. Шерчибаева, считавшего приоритетной роль трудового коллектива в профилактике различных правонарушений³³.

О работе образцовых ДНД регулярно выходили хвалебные публикации в центральной печати Советского Союза. Так, газета «Известия» в 1972 году напечатала рассказ о деятельности Первомайского оперативного отряда Москвы, считавшегося одним из лучших в стране. На рубеже 1960 — 1970-х гг. его штаб посетили 208 делегаций, включая 17 из зарубежных стран (США, Болгария и др.), оставивших комплиментарные отзывы о деятельности отряда. Среди визитеров были корреспондент американской коммунистической газеты *The Daily World* и высокопоставленные представители МВД многих союзных республик³⁴. К достижениям столичных дружинников автор статьи относил снятие с учета после визита дружинников на дом ряда неблагополучных граждан, ранее замеченных в связях с преступными элементами, попрошайничестве, пьянстве, систематическом нарушении общественного порядка. В подтверждение своих слов журналист Ю. Феофанов приводил обширные цитаты из картотеки Первомайского отряда, при этом пафосно называя его участников «часовыми порядка»³⁵. Согласно озвученной им статистике, в СССР насчитывалось почти 7 млн членов ДНД, которые в общей сложности задержали более 5 тыс. различных преступников³⁶.

Спустя десятилетие в упомянутом интервью союзного министра внутренних дел В. В. Федорчука, посвященном 25-летию ДНД, присутствовал краткий экскурс в их историю. Добровольные народные дружины возникли в конце 1950-х гг. по инициативе рабочих Кировского завода и других промышленных предприятий Ленинграда, а уже 2 марта 1959 г. было принято совместное постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «Об участии трудящихся в охране общественного порядка в стране». Спустя четверть века, как подчеркнул министр, в Советском Союзе функционировали уже 282 тыс. ДНД общей численностью 13 млн чел., ежедневно свыше 400 тыс. дружинников совместно с милицией в свободное от основного вида деятельности время боролись с пьянством, браконьерством, хищениями и спекуляцией, предупреждали правонарушения несовершеннолетних³⁷.

Региональные власти и правоохранительные структуры проявляли заметную активность в вопросе создания ДНД, 85 % из которых были зарегистрированы в исполкомах Советов разного уровня³⁸. В докладе заместителя начальника УВД по Ярославской области полковника милиции Е. Г. Спевака в обком КПСС от 22 ноября 1974 г. четко прослеживается механизм действия властей. Сразу после призыва в передовице «Правды» в регионе повсеместно прошли собрания партийно-хозяйственного актива и трудящихся с обсуждением мер по активизации борьбы с преступностью и правонарушениями. 28 мая был утвержден областной штаб ДНД,

³³ Дисциплина поведения // Правда. 1974. 14 мая.

³⁴ Феофанов Ю. Патруль добра. Рассказ о народной дружине // Известия. 1972. 8 янв.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же.

³⁷ Народная забота о правопорядке // Известия. 1984. 2 марта.

³⁸ ЦДНИАО. Ф. 272. Оп. 239. Д. 87. Л. 6.

разославший на места методические рекомендации по их регистрации, а также примерный порядок принятия торжественного обещания дружинников и тематический план занятий с ними³⁹.

О том, что процесс создания ДНД не был стихийной инициативой народных масс свидетельствует тот факт, что во главе народных дружин стояли те или иные представители Советского государства. Так, руководителями городского штаба ДНД в райцентре Переславль в 1974 г. стали заместитель председателя горисполкома М. П. Мяникова и заместитель начальника отдела внутренних дел П. М. Киселёв⁴⁰. Позднее во всех отделах внутренних дел городского или районного уровня появились специальные сотрудники для взаимодействия с ДНД, а рядовым дружинникам читались лекции по советскому уголовному и административному праву⁴¹. Даже для вступления в ряды ДНД желавшие сделать это — граждане в возрасте от 18 лет — должны были получить рекомендацию в местных партийных или профсоюзных органах [8, с. 124].

В интервью В. В. Федорчука «Известиям» в качестве наиболее успешных дружинников также назывались те, кто имел хотя бы опосредованное отношение к советской элите. К таковым в публикации были отнесены руководитель штаба ДНД одного из заводов Электростали, ударник коммунистического труда, Герой Советского Союза Д. Тремасов, слесарь-инструментальщик машиностроительного завода в Мытищах, фронтовик, Герой Социалистического Труда, делегат XXVI съезда КПСС Л. Пацейко и наладчик подшипникового завода в Минске, руководитель дружины одного из цехов, кавалер ордена Ленина С. Авсеевич⁴². Министр особо подчеркивал, что органы правопорядка и народные дружинники «делают одно общее дело». В ряде крупных городов СССР (Горький, Нижний Тагил, Ростов-на-Дону, Рига) ими создавались совместные посты и велось уличное патрулирование, в других местах перед заступлением на службу члены ДНД получали инструкции от опытных сотрудников милиции⁴³.

Доклады представителей УВД об успехах и мерах по улучшению условий работы ДНД в те годы регулярно звучали на заседаниях ярославского облисполкома⁴⁴. У нас нет оснований считать эти сведения фикцией. Например, только силами народных дружин Краснопереконского района Ярославля в 1979 г. в милицию или в штаб ДНД были доставлены 3 660 нарушителей общественного порядка, а за первый квартал 1980 г. — еще 1 746⁴⁵. В середине 1970-х гг. милиция и общественность Ярославской области ежемесячно проводили по 2-3 рейда по изъятию с улиц пьяниц, хулиганов, бродяг и других правонарушителей⁴⁶. В конце концов деятельность ДНД была далеко не безопасной. Во второй половине 1960-х гг. в Казани от рук вооружен-

³⁹ ЦДНИАЮ. Ф. 272. Оп. 237. Д. 177. Л. 14.

⁴⁰ Там же. Л. 15.

⁴¹ Там же. Л. 13.

⁴² Народная забота о правопорядке.

⁴³ Там же.

⁴⁴ ГАЯО. Ф. Р-2380. Оп. 10. Д. 2068. Л. 27.

⁴⁵ Там же. Д. 1914. Л. 14.

⁴⁶ ЦДНИАЮ. Ф. 272. Оп. 239. Д. 287. Л. 2.

ных преступников погибли А. Айдинов и И. Ассман — студенты местного авиационного института [1, с. 198], и этот факт не был единственным.

Опасность для членов ДНД сохранялась и в дальнейшем. В том же редакционном интервью «Известиям» министр внутренних дел Советского Союза В. В. Федорчук приводил некоторые примеры самоотверженности народных дружинников. Так, латвийские колхозники Я. Салминыш, Д. Эбериныш и Р. Ритиныш были награждены медалями «За отличную службу по охране общественного порядка»: они умело организовали преследование преступников, ограбивших сельский магазин и задержали их. Вступившим в единоборство с вооруженными преступниками и задержавшим их дружиннику С. Кондакову из Донецка был вручен орден Красной Звезды, а его коллегам Е. Таслунову (Череповец) и А. Хрусталёву (Москва) — орден «Знак Почета»⁴⁷.

Вместе с тем деятельность дружинников подчас вызывала у командования органов внутренних дел области обоснованные нарекания. Так, в упомянутом докладе в обком КПСС полковник милиции Е. Г. Спевак сообщал, что в реальности деятельность большинства из 799 дружин была фиктивной. На охрану общественного порядка ежедневно выходили не более 650 чел. из 60 тыс. членов ДНД, официально имевшихся в области. Подобные факты были отмечены даже в Кировском, Ленинском, Красноперекопском и Заволжском районах Ярославля, а также в Центральном и Пролетарском районах Рыбинска⁴⁸. Острота данной проблемы сохранялась и в последующие годы. Как утверждал в 1977 г. инструктор отдела административных органов обкома КПСС В. Бородин, эффективность работы 17 ДНД Заволжского района Ярославля общей численностью 4 340 чел. по-прежнему низкая, так как «почти половина дружин бездействует, многие из них допускают срывы дежурств»⁴⁹.

Неудовлетворительной в упомянутом докладе полковника Е. Г. Спевака была признана работа народных дружин на крупнейших промышленных предприятиях областного центра — моторном, вагоноремонтном и электромашиностроительном заводах, а также ДСК-1, заводах «Холодмаш», «Пролетарская свобода» и АТИ, заводе топливной аппаратуры и заводе № 50, комбинате «Красный Перекоп», швейном объединении «Волга», обувной фабрике «Североход»⁵⁰. Между тем в январе — октябре 1974 г. 421 работник Ярославского моторного завода был задержан за пронос водки на его территорию, а еще 2 455 рабочих данного предприятия были доставлены в медицинский вытрезвитель⁵¹.

Согласно тому же документу, слабо работали ДНД и на периферии. Так, в Ростовском, Гаврилов-Ямском, Гутаевском и Ярославском сельском районах дружинники были плохо обучены формам и методам борьбы с правонарушениями, не имели требуемой связи с местными органами внутренних дел, а сами их дежурства

⁴⁷ Народная забота о правопорядке.

⁴⁸ ЦДНІЯО. Ф. 272. Оп. 237. Д. 177. Л. 11.

⁴⁹ Там же. Оп. 244. Д. 212. Л. 3.

⁵⁰ Там же. Оп. 237. Д. 177. Л. 12.

⁵¹ Там же.

⁵² Там же. Л. 13.

систематически срывались⁵², поэтому результативность работы оставалась низкой. В райцентре Гутаев на 16 предприятиях и в организациях, располагавшихся на правом берегу Волги, дежурить выходили лишь 3 или 4 дружинника льнокомбината «Тульма», а в райцентре Гаврилов-Ям из 20 ДНД 15 фактически не участвовали в охране общественного порядка⁵³. По данным справки комиссии по борьбе с пьянством при ярославском облисполкоме за 1974 г., в Пошехонском районе товарищеские суды проявляли пассивность, ДНД бездействовали, а соответствующей комиссии при райисполкоме не оформлялась делопроизводственная документация⁵⁴. В Рыбинском районе на низком уровне велась борьба с самогонварением, РИК и РОВД слабо контролировали деятельность товарищеских судов и не проявляли внимания к работе сельских и поселковых Советов. Отмечалось в документе и безразличие отдельных руководителей совхозов и колхозов к проблеме пьянства и роста преступных проявлений⁵⁵.

В качестве меры по исправлению ситуации командование УВД еще в августе 1974 г. предлагало пересмотреть состав дружин за счет «их укомплектования коммунистами и комсомольцами, и лучшими людьми предприятий»⁵⁶, т. е. брать в их состав наиболее лояльных советскому режиму граждан. По официальным данным, в Ярославской области члены КПСС и ВЛКСМ в совокупности составляли примерно половину народных дружинников⁵⁷. Отметим, что спустя десять лет министр внутренних дел в интервью «Известиям» тоже подчеркивал высокую роль комсомола в организации и деятельности ДНД в масштабах всей страны. В середине 1980-х гг. в СССР насчитывалось более 40 тыс. оперативных комсомольских отрядов общей численностью более 1 млн чел., а в качестве лучших В. В. Федорчук назвал дружины Львова, Новосибирска, Ленинграда и других крупных городов⁵⁸.

Вторым важным недостатком, также подвергнутым критике в документах ярославской милиции, стала слабая координация действий различных инстанций в борьбе с преступностью, особенно среди несовершеннолетних. Как отмечали стражи порядка, руководители отдельных предприятий, председатели фабрично-заводских комитетов и месткомов, мастера и секретари комитетов ВЛКСМ проявляли в целом слабое внимание к несовершеннолетним правонарушителям и не передавали информацию о них в органы милиции. В ряде учебных заведений, по мнению областного УВД, классные руководители редко посещали трудных учеников на дому, не брали над ними шефство и не пытались найти к ним индивидуальный подход, а только стремились контролировать успеваемость⁵⁹. Медленно велась работа по созданию в Ярославской области опорных пунктов охраны правопорядка: в 1974 г. их насчитывалось всего 27, в то время как в 14 районах (Заволжский район Ярославля, Ярославский сельский, Ростовский, Угличский, Гав-

⁵³ ЦДНІЯО. Ф. 272. Оп. 237. Д. 177. Л. 17.

⁵⁴ ГАЯО. Ф. Р-2380. Оп. 10. Д. 1070а. Л. 18.

⁵⁵ Там же. Л. 32 — 33.

⁵⁶ ЦДНІЯО. Ф. 272. Оп. 237. Д. 177. Л. 18.

⁵⁷ Там же. Оп. 239. Д. 87. Л. 7.

⁵⁸ Народная забота о правопорядке.

⁵⁹ ЦДНІЯО. Ф. 272. Оп. 237. Д. 177. Л. 5.

рилов-Ямский и др.) их совсем не было, несмотря на сильный рост преступности на их территории⁶⁰.

В служебной документации УВД по Ярославской области приводились наглядные примеры успешной деятельности ДНД и опорных пунктов охраны правопорядка. К таковым, в частности, относились передовые народные дружины судостроительного завода имени Володарского в Рыбинске и радиозавода в Ярославле⁶¹. Второй случай в наибольшей степени соответствовал официальному идеалу и расценивался в документе как явный ориентир для остальных. Деятельностью опорного пункта руководил заместитель директора завода, член КПСС, депутат райсовета Слёзкин, благодаря которому состояние правопорядка в поселке заметно улучшилось. Партийная организация предприятия смогла объединить усилия ЖЭКа, товарищеского суда, детской комнаты, народной дружины, депутатской группы и милиции. Стражи порядка и общественные активисты регулярно проводили в поселке специальные рейды по выявлению пьяниц, дебоширов, тунеядцев и несовершеннолетних правонарушителей, проверяли образ жизни ранее судимых граждан и стремились найти индивидуальный подход к каждому из них⁶².

Заключение

Согласно хрестоматийному высказыванию антрополога А. Юрчака, в эпоху позднего социализма «советская система воспринималась большинством советских граждан и большинством зарубежных наблюдателей как система мощная и незыблемая» [10, с. 36]. Такой она и стремилась быть в борьбе с криминальными отклонениями. Милиция регулярно проводила рейды против преступников, используя при этом новейшие технические достижения тех лет, а позднее отчитывалась о достигнутых успехах перед партийно-советскими органами. Властями и МВД велась соответствующая агитация через региональные масс-медиа.

Одновременно Советское государство, как и в более ранние времена [9, с. 88], пыталось победить преступность при помощи широких масс населения. С этой целью еще в период «оттепели» власти поддержали создание ДНД по всей стране. В эпоху «застоя» данный курс продолжался в еще большем масштабе, причем роль правящей партии и комсомола в возникновении новых дружин на местах постоянно росла и всеми способами подчеркивалась. А. Г. Рагунштейн в целом положительно оценил этот опыт взаимодействия сил правопорядка и общества в борьбе с преступностью [8, с. 132]. Отрицать заслуги ДНД будет неверно, но в то же время в их деятельности присутствовали и такие негативные черты, как полная зависимость от партийных инстанций, акцент на количество создаваемых народных дружин, а не качество работы, а также полное бездействие значительной их части. В Ярославской области в 1970 — 1980-е гг. многие ДНД существовали лишь в официальных отчетах местных властей. Перечисленные характеристики были во многом характерны для политической и социально-экономической системы страны, в работе которой в те годы уже явно наметились кризисные черты.

⁶⁰ ЦДНДН. Ф. 272. Оп. 237. Д. 177. Л. 4.

⁶¹ Там же. Л. 13.

⁶² Там же. Л. 4.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Азмуханов А. Д., Столяров Л. Е., Губаев В. Р. Боевая студенческая дружина КАИ им. А. Айдинова // XXIII Туполевские чтения (школа молодых ученых): материалы Междунар. молодеж. науч. конф.: сб. докл.: в 4 т. Казань: Изд-во Академии наук РТ, 2017. Т. 4. С. 197 — 200.
2. Галлямова А. Г. История Татарстана: модернизация по-советски (вторая половина 1940-х — первая половина 1980-х гг.). Казань: Магариф, 2010. 223 с.
3. Кищенко М. С., Никифоров Ю. С., Тумаков Д. В. Документальные материалы верхневолжских архивов как источник по взаимоотношениям центра и регионов в позднесоветский период (1953 — 1985 гг.) // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2022. № 2 (62). С. 132 — 141. URL: <http://vestnikniign.ru/gallery/V-2-2022-st-15.pdf>
4. Коткин С. Предотвращенный Армагеддон. Распад Советского Союза, 1970 — 2000. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 240 с.
5. Кривошеев В. В. Организованная преступность в Советской России: парадокс институционализации. Часть первая // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2021. № 3. С. 86 — 99.
6. Кривошеев В. В. Организованная преступность в Советской России: парадокс институционализации. Часть вторая // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2021. № 4. С. 95 — 108.
7. Маметьев И. В. Особенности теневой экономики в СССР эпохи «застоя» // Вестник Астраханского государственного технического университета. 2020. № 1 (69). С. 65 — 70.
8. Рагунштейн А. Г. Правовой статус добровольных народных дружин по охране общественного порядка (1959 — 1991 годы) // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2020. № 1. С. 121 — 133.
9. Тумаков Д. В., Чудакова М. С. Правопорядок и госбезопасность Советской России (1917 — 1918 гг.) // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2022. № 3 (63). С. 82 — 93. URL: <http://vestnikniign.ru/gallery/V-3-2022-st-10.pdf>
10. Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 664 с.

Статья поступила в редакцию 30.08.2023; одобрена после рецензирования 10.01.2024; принята к публикации 17.01.2024.

Информация об авторе:

Денис Васильевич Тумаков, доцент кафедры истории и философии Ярославского государственного медицинского университета (150000, Россия, г. Ярославль, ул. Революционная, 5), кандидат исторических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8569-7246>, denistumakov@yandex.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Azmukhanov AD, Stolyarov LE, Gubaev VR. Aydinov Combat Student Squad of KAI. *XXIII Tupolev Readings*. Proceedings of International Youth Scientific Conference. 2017;4:197—200. (In Russ.)
2. Gallyamova AG. History of Tatarstan: Modernization in the Soviet Way (the Second Half of the 1940s — the First Half of the 1980s). Kazan;2010. (In Russ.)
3. Kishchenkov MS, Nikiforov YuS, Tumakov DV. Documentary Materials of the Upper Volga Archives As a Source on the Relations between the Center and the Regions in the Late Soviet Period

(1953 — 1985). *Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia*. 2022;(2):132—141. URL: <http://vestnikniign.ru/gallery/V-2-2022-st-15.pdf> (In Russ.)

4. Kotkin S. Prevented Armageddon. The Collapse of the Soviet Union, 1970—2000. Moscow;2018. (In Russ.)

5. Krivosheev VV. Organized Crime in Soviet Russia: the Paradox of Institutionalization. Part One. *Bulletin of Immanuel Kant Baltic Federal University*. 2021;(3):86—99. (In Russ.)

6. Krivosheev VV. Organized Crime in Soviet Russia: the Paradox of Institutionalization. Part Two. *Bulletin of Immanuel Kant Baltic Federal University*. 2021;(4):95—108. (In Russ.)

7. Mametyev IV. Features of the Shadow Economy in the USSR of the Era of “Stagnation”. *Bulletin of Astrakhan State Technical University*. 2020;(1):65—70. (In Russ.)

8. Ragunstein AG. Legal Status of Voluntary People’s Squads for the Protection of Public Order (1959—1991). *Historical and Legal Problems: a New Perspective*. 2020;(1):121—133. (In Russ.)

9. Tumakov DV, Chudakova MS. Law, Order and State Security of Soviet Russia (1917 — 1918). *Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia*. 2022;(3):82—93. URL: <http://vestnikniign.ru/gallery/V-3-2022-st-10.pdf> (In Russ.)

10. Yurchak A. Everything was Forever, until It was No More: the Last Soviet Generation. Moscow;2014 (In Russ.)

The article was submitted 30.08.2023; approved after reviewing 10.01.2024; accepted for publication 17.01.2024.

Information about the author:

Denis V. Tumakov, Associate Professor of Department of History and Philosophy of Yaroslavl State Medical University (5 Revolutsionnaya Str., Yaroslavl 150000, Russia), Candidate of Historical Sciences, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8569-7246>, denistumakov@yandex.ru

Conflict of interest: the author declares no conflict of interest.

The author has read and approved the final version of the manuscript.

УДК 94(470.345):070.1
EDN AEKDAS

<http://vestnikniig.ru>

Научная статья

ОТРАЖЕНИЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ОБЩЕСТВА И ВЛАСТИ В ГАЗЕТЕ «МОРДОВИЯ» В 1991 г.

А. В. Каторов

Научно-исследовательский институт гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия,
г. Саранск, Россия
alex-katorov@mail.ru

Аннотация

Введение. Перестроечные процессы, распад СССР, обострение общественно-политической ситуации в регионах, роль в этом печатных средств массовой информации все чаще привлекают внимание исследователей. В Мордовии противостояние между правящей коммунистической партией и идущей ей на смену демократической особенно обострилось и перешло в активную фазу действия в 1991 г., в чем немалую роль сыграла газета «Мордовия». Выявление в ней отражения взаимоотношений власти и общества позволит охарактеризовать события тех дней, осмыслить допущенные ошибки во избежание их повторения в будущем.

Материалы и методы. Материалом исследования явились номера газеты «Мордовия» за 1991 год — самый показательный в аспекте борьбы за власть и общественно-политических преобразований. В работе использованы методы контент-анализа, историко-типологический и статистический.

Результаты исследования и их обсуждение. Газета «Мордовия» является порождением «перестройки». Финансовую помощь на начальном этапе оказал Верховный Совет РСФСР, возглавляемый Б. Н. Ельциным. Основной целью была борьба с коммунистической идеологией. Главный редактор И. И. Келин за короткий срок сделал газету востребованной читателями, учитывающей интересы разных социальных групп и возрастных категорий. Внимание реципиентов привлекалось броскими заголовками, рисунками-шаржами, цитатами из выступлений, сообщениями о тематике ближайших номеров. В газете печатались наиболее резонансные материалы, освещающие острые общественные проблемы: изменения во властных структурах, недостатки работы МВД и Верховного Суда МССР и др.

Заключение. В номерах газеты «Мордовия» за 1991 г. отразились основные перипетии борьбы за власть в республике на ее пике, когда коммунистическое правление сменилось демократическим, Президентом Мордовии был избран малоизвестный основной массе населения В. Д. Гусянников, с ним народ связывал надежды на лучшее. Газета внесла в этот процесс определенный вклад, который преувеличивать не следует.

Ключевые слова: периодическая печать, средства массовой информации, газета «Мордовия», власть, общественное сознание, реформирование, преобразования

Для цитирования: Каторов А. В. Отражение взаимоотношений общества и власти в газете «Мордовия» в 1991 г. // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2024. Т. 16, № 1. С. 183 — 191. EDN AEKDAS

© Каторов А. В., 2024

Original article

REFLECTION OF THE RELATION BETWEEN SOCIETY AND GOVERNMENT IN THE NEWSPAPER “MORDOVIA” IN 1991

A. V. Katorov

Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Moravia,
Saransk, Russia
alex-katorov@mail.ru

Annotation

Introduction. The perestroika processes, the collapse of the USSR, the aggravation of the socio-political situation in the regions, and the role of the print media in this attract the attention of researchers. In Mordovia, the confrontation between the ruling communist party and the democratic one that was replacing it became especially aggravated and entered an active phase of action in 1991, in which the newspaper “Mordovia” played a significant role. Identifying a reflection of the relation between government and society will make it possible to characterize the events of those days and comprehend the mistakes made in order to avoid their repetition in the future.

Materials and methods. The research material was the issues of the newspaper “Mordovia” for 1991 — the most revealing in terms of the struggle for power and socio-political transformations. The work used methods of content analysis, historical-typological and statistical methods.

Research results and discussion. The newspaper “Mordovia” is a product of perestroika. At the initial stage, financial assistance was provided by the Supreme Council of the RSFSR, headed by B. N. Yeltsin. The main goal was the fight against communist ideology. Editor-in-chief I. I. Kelin in a short period of time made the newspaper in demand by readers, taking into account the interests of different social groups and age categories. The recipients' attention was attracted by catchy headlines, cartoon drawings, quotes from speeches, and messages about the topics of upcoming issues. The newspaper published the most resonant materials covering pressing social problems: changes in government agencies, shortcomings in the work of the Ministry of Internal Affairs and the Supreme Court of the MSSR, etc.

Conclusion. The issues of the newspaper “Mordovia” for 1991 reflected the main vicissitudes of the struggle for power in the republic at its peak, when communist rule was replaced by democratic rule, V. D. Guslyannikov, little known to the bulk of the population, was elected President of Mordovia, with whom the people pinned hopes for the best. The newspaper made a certain contribution to this process, which should not be exaggerated.

Keywords: periodicals, mass media, newspaper “Mordovia”, power, public consciousness, reform, transformation

For citation: Katorov AV. Reflection of the Relation between Society and Government in the Newspaper “Mordovia” in 1991. *Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Moravia.* 2024;16(1):183—191. EDN AEK DAS

Введение

Общественно-политические процессы в России начала 1990-х гг. в связи с их значительным влиянием на судьбы всех жителей страны периодически привлекают внимание историков, политологов, философов и представителей других наук. Ученые пытаются установить причины произошедших изменений и воздействие на них средств массовой информации, определить преобладающие настроения в обществе, охарактеризовать действия государственной власти как по всей стране, так и в отдельно взятых регионах. В Мордовии активная фаза борьбы за власть приходится на 1991 г., немалую роль при этом играли печатные средства массовой информации. Газета «Мордовия» была учреждена в первом квартале 1991 г., и на протяжении

всего года являлась главным рупором народных избранников, ратующих за изменения общественно-политической жизни. Выбор журналистами важных для основной массы читателей проблем и использование разных средств, методов и приемов подачи материала, несомненно, оказывали влияние на формирование общественного мнения.

Материалы и методы

Материал исследования — еженедельник «Мордовия», орган Верховного Совета и Совета Министров МССР, организованный в качестве альтернативного коммуникационного источника в период отказа от коммунистической идеологии, обострения борьбы за власть и усиления общественно-политической активности жителей республики, оказавший серьезное влияние на последующие преобразования. Решению поставленных задач способствовали контент-анализ (выявление качественно-содержательных характеристик текстов), историко-типологический (установление типов и классификация опубликованных материалов) и статистический (определение числовых показателей) методы.

Обзор литературы

Несмотря на отсутствие специальных исследований по заявленной теме, отдельные проблемы, связанные с ней, рассматривались историками, политологами, социологами, филологами и представителями других наук. Так, состояние периодической печати Марий Эл в условиях общественных трансформаций 1985 — 2000 гг. изучала Н. А. Ефимова. Говоря о 1985 — 1991 гг., она констатировала, что средства массовой информации (СМИ) стали в провинции тех лет катализатором процесса реформации общества. В рамках пока еще партийно-советской системы, на уровне отдельных газетных рубрик и разделов они отражали идеи «перестройки» [5]. Я. С. Евдокимов, анализируя печатные СМИ Ростовской области в аспекте их взаимодействия с органами власти, выделил в этом процессе четыре этапа, определил их специфику и хронологические рамки. Интересующий нас 1991 год автором отнесен ко второму этапу, в качестве его характерных признаков названы «усиление самостоятельности» органов печати и постепенное разрушение «партийно-советской модели взаимоотношений» [4, с. 15].

Отношения власти и общества в Мордовии первой половины 1990-х гг. рассматриваются в монографии Ж. Д. Кониченко и В. А. Юрчёнкова. Основное внимание учеными сосредоточено на осмыслении событий в республике, связанных со сменой власти [7, с. 39 — 65]. Ссылки на печатные СМИ авторами сделаны при цитировании опубликованных значимых документов. Определенный интерес представляют работы К. В. Дементьевой о способах и приемах формирования региональной прессой общественного мнения, рассмотренных на материалах газет «Известия Мордовии», «Столица С», «Эрзянь правда», «Мокшень правда», «Маяк» и «Юлдаш» [2, с. 300; 3, с. 6].

Проблему формирования СМИ общественного мнения с точки зрения социологии исследовала В. В. Абрамейцева. Она пришла к выводу о том, что «в критических ситуациях, связанных с глубоким внутренним расколом общества, с кризисом доверия к власти, общественное мнение выступает как решающий фактор», превращается «в эффективный социальный и политический институт» [1, с. 9]. Вопрос взаимодействия власти и СМИ находится в сфере научных интересов

А. А. Кошелева [6; 8; 9]. Им обоснована целесообразность выделения (наряду с ранее установленными тремя) четвертой модели взаимоотношений, «когда СМИ отражают интересы конкретных оппозиционных или лоббистских структур, ориентированы на критику власти, и также не имеющих собственной редакционной политики по ключевым вопросам» [9, с. 64]. Кроме того, автор подчеркивает вредность открытой конфронтации между СМИ и властными структурами, которая препятствует «развитию принципов гражданской журналистики» [8, с. 13], конструированию коммуникационного пространства, направленного на решение общезначимых проблем. Представленный обзор имеющейся литературы подтверждает, с одной стороны, актуальность рассматриваемой темы, с другой — недостаточность ее научной разработки.

Результаты исследования и их обсуждение

Газета «Мордовия» является в полной мере продуктом процессов «перестройки». Она была учреждена и зарегистрирована в 1990 г. (№ 16)¹. Информация о начале выпуска в республике газеты «Верховного Совета МССР» была напечатана в «Молодом ленинце». В сообщении «Свершилось» это событие журналисты связали с осуществлением мечты «наших демократов» и подчеркнули большую заслугу в этом «Верховного Совета России и его председателя Б. Н. Ельцина» — выделение «Мордовии на издание еженедельника полмиллиона рублей»². Первый номер «Мордовии» как органа Верховного Совета и Совета Министров МССР вышел в свет 15 марта 1991 г.³ В статье «Здравствуй, читатель!» главный редактор И. И. Келин сообщил, что газета предназначена для «сторонников обновления земли мордовской», нацелена на «отстаивание интересов народа», предоставляет возможность многочисленным народным избранникам разных уровней «вести открытый, честный диалог с избирателями»⁴. Газета была объявлена «общенародной», ратующей за «перемены во всех сферах общественной жизни», приветствующей «разнообразие мнений», выступающей «за консолидацию всех здоровых сил республики». Редакционная коллегия состояла из 12 членов. Наряду с главным редактором в нее входили: заместитель Председателя Верховного Совета МССР А. Н. Бурканов, два заместителя главного редактора — В. А. Зеленев, И. И. Откин, ответственный секретарь И. И. Рухменев и журналисты — А. Х. Габунова, А. А. Долгачев, А. В. Матеева, М. В. Петайкин, В. А. Петрухин, В. В. Шустин. Газета была еженедельной, 16-страничной, каждая страница, за исключением первой, имела название: «Право», «Народовластие», «Зеркало недели», «Спонсор номера», «Экономика», «Политика», «Дайджест», «Деловой мир», «История», «Культура», «Кормилица земля», «Ваш сад», «Нравы», «Колокольчик», «Давайте не скучать» и др.

Уже в первом номере (раздел «Народовластие») был представлен подробный отчет о рассмотренных 13 марта на заседании Президиума Верховного Совета

¹ Келин И. «Вы что, боитесь?» // Мордовия. 1991. 22 марта. С. 3.

² Свершилось // Молодой ленинец. 1991. 16 марта. С. 1.

³ В число учредителей с 9 августа 1991 г. наряду с Верховным Советом и Советом Министров МССР вошел коллектив еженедельника «Мордовия», который с 18 августа того же года начал указываться как «трудовой коллектив редакции».

⁴ Здравствуй, читатель! // Мордовия. 1991. 15 марта. С. 1.

Мордовской ССР вопросах. Основной акцент — на обсужденных социально значимых проблемах: недостатки приема в вузы республики в 1990 г. на контрактной основе, плохо организованная работа пассажирского общественного транспорта, нездоровая обстановка в коллективе Верховного суда республики⁵. Логичностью, компетентностью и государственным подходом отличалась статья Г. Пинясова (раздел «Политика»), посвященная осмыслению происходящих в республике событий с позиций общечеловеческой морали⁶. Автор сосредоточил внимание на воспитанной годами коллективной безответственности граждан, равной оплате труда трудолюбцев и бездельников, борьбе за власть не в интересах государства и народа, а для удовлетворения личных амбиций конкурентов. Независимо на ведомственной принадлежности газеты с первых дней ее существования проявилась нацеленность на коммерциализацию. Постоянными стали объявления о приеме заявок на рекламу, затем сама реклама и страница «Спонсор номера», где представлялись лучшие работники и достижения различных предприятий и организаций.

Интерес к газете поддерживался не только публикацией материалов, ориентированных на интересы многообразных категорий читателей, но и рассказом о противоречиях с главным органом коммунистов — «Советской Мордовией» (этому были посвящены материал И. Келина о печатании коллегами недостоверной информации⁷, «заметки по поводу» А. Матеевой⁸, письмо В. Чеглакова⁹ и др.). Кроме того, редакция «Мордовии» привлекала внимание размещаемыми на первой странице примечательными заголовками («Кухарка устала управлять государством»), иногда сопровождаемыми рисунками-шаржами («Над кем смеетесь, товарищи? Над собой смеетесь») или фотографиями («В. Гуслияников: Я пришел, чтобы дать вам волю...»)¹⁰, а также яркими цитатами из выступлений, краткими сообщениями о тематике ближайших номеров. Показательным в аспекте используемых редакцией приемов воздействия на читателей является материал, опубликованный более чем за месяц до окончания подписной кампании¹¹.

При представлении основных рубрик редколлегия сосредоточила внимание на том, насколько они будут полезны в знании политических деятелей и ориентировании в выборной борьбе, понимании современной экономики, проблем рынка и приватизации, истории мордовского края и Российского государства, постижении характеров руководителей Мордовии и способов их руководства. Наряду с этим было обещано печатание документальной повести М. Ельцина и Н. Лебедева «Смерть пилотов НЛО», брошюры английского медика Ф. Росситера «Все о сексе», объявлений «Службы знакомств», «увеличивающих шансы людей на счастье», и т. п. Кроме того, сообщалось об издании с 1 октября бесплатного для подписчиков рекламно-информационного приложения к газете.

⁵ В Президиуме Верховного Совета Мордовской ССР // Мордовия. 1991. 15 марта. С. 3.

⁶ Пинясов Г. Так хочется верить... // Мордовия. 1991. 15 марта. С. 7, 13.

⁷ Келин И. «Вы что, боитесь?».

⁸ Матеева А. Коля, Витя, Ната и Петя... // Мордовия. 1991. 19 июля. С. 5.

⁹ Чеглаков В. Коллеги, остановите злое перо // Мордовия. 1991. 16 авг. С. 3, 8.

¹⁰ Мордовия. 1991. 29 марта. С. 1.

¹¹ «Мордовия» в текущем и 1992 году // Мордовия. 1991. 20 сент. С. 1.

В течение года в газете печатались все резонансные материалы об изменениях, происходивших во властных структурах. Например, рядом с сообщением об отставке с поста Председателя Правительства МССР В. С. Учайкина был представлен полный текст его выступления на сессии Верховного Совета, где дана нелицеприятная оценка многим известным персонажам, чего раньше в печатных СМИ республики не наблюдалось¹². Это обуславливало ажиотажный интерес, оказывая существенное влияние на формирование общественного мнения.

Не меньшим потенциалом воздействия на читателя обладали периодически публикуемые статьи главного редактора «Мордовии». Подтверждением могут служить размышления И. И. Келина по поводу дебатов на VI сессии Верховного Совета в ходе выборов членов правительства республики¹³, влияния на принятие решений членов рескома партии. Несмотря на разгул криминала, минимальную (30 %) раскрываемость всех преступлений и вопреки мнению Председателя Совета Министров, министром внутренних дел был избран плохо справлявшийся с обязанностями В. Ф. Солтаганов, а председателем Верховного суда — В. Н. Кочкин, известный тем, что представители работавшего под его руководством суда оправдали преступника, изнасиловавшего семилетнюю девочку. Подчеркнем, что в последующих номерах редакция газеты периодически публиковала материалы о недовольстве жителей республики работой МВД¹⁴ и Верховного суда¹⁵.

Новым подходом к информированию читателей следует признать и публикуемые в газете интервью с российскими парламентариями, в частности с П. Н. Медведевым¹⁶ и даже с Председателем Верховного Совета РСФСР Б. Н. Ельциным¹⁷. Кроме того, начали практиковаться экспресс-интервью на тему дня. Например, в одном из них приведены размышления депутатов, связанные с вступлением в должность Президента России Б. Н. Ельцина, уповавших на достижение в стране под его руководством справедливости, законности, достатка, уважения к правам человека¹⁸. Ничего хорошего от этого не ждал только пенсионер, инвалид первой группы А. П. Моисеенко, мнение которого оказалось на поверку самым верным. Следует отметить, что в целях доказательства объективности отображения событий редакция газеты представляла, хотя и с оговорками, противоположные точки зрения. Так, на странице «Кого же на престол России?» между двумя публикуемыми материалами расположено объяснение, из которого следует, что постулавшие от

¹² Отставка. Выступление В. С. Учайкина на внеочередной пятой сессии Верховного Совета Мордовской ССР // Мордовия. 1991. 29 марта. С. 3, 4.

¹³ Келин И. Четыре дня, которые потрясли душу // Мордовия. 1991. 19 апр. С. 3.

¹⁴ Келин Г., Прохоров В. Пропать лжи и честь мундира // Мордовия. 1991. 28 июня. С. 10 — 11; Маштаков С. Синдром чинопочитания // Там же. 19 июля. С. 4; Открытое письмо министру внутренних дел МССР Солтаганову Вячеславу Федоровичу // Там же. 30 окт. С. 3.

¹⁵ Сергушкина А. Закон или беззаконие царит в Верховном суде // Мордовия. 1991. 17 мая. С. 5; Волков Н. Феномен Кочкина, или Что хоч, то и ворочу // Там же. 7 июня. С. 10.

¹⁶ Матеева А. Сподвижник Ельцина // Мордовия. 1991. 26 апр. С. 12; Ее же. Возврата к прошлому не будет // Там же. 9 авг. С. 3.

¹⁷ Вчера уже не придет никогда: интервью Б. Н. Ельцина еженедельнику «Мордовия» // Мордовия. 1991. 7 июня. С. 3.

¹⁸ Россия живет надеждою // Мордовия. 1991. 12 июля. С. 4.

читателей письма все были в поддержку Б. Н. Ельцина и лишь одно — против его кандидатуры, что «даже обрадовало»¹⁹. Трудно представить иную позицию редколлегии газеты, учрежденной при поддержке Б. Н. Ельцина. В дни августовских событий, названных путчем, «Мордовия» не выходила (выпуск был 1 раз в неделю), но в номерах от 23, 30 августа и 6 сентября представила материалы, связанные с осмыслением произошедшего²⁰.

Известно, что борьба за власть с избранием Б. Н. Ельцина Президентом РСФСР и победой над путчистами не закончилась. Б. Н. Ельцин, Л. М. Кравчук и С. С. Шушкевич 8 декабря 1991 г. подписали Соглашение о создании СНГ, М. С. Горбачев 25 декабря 1991 г. объявил о прекращении деятельности в качестве Президента СССР, союзный парламент 26 декабря 1991 г. принял декларацию о прекращении существования СССР как государства и субъекта международного права. Продолжилась битва и в Мордовии. Президиум Верховного Совета 15 октября 1991 г. учредил пост Президента МССР, затем прошли два тура выборов (14 и 22 декабря 1991 г.), закончившиеся неожиданно для многих победой лидера республиканских демократов В. Д. Гусянникова. Все эти процессы нашли отражение в газете «Мордовия»²¹. Несмотря на явные симпатии и всемерную поддержку редакционным коллективом, Н. В. Бирюкову победить на выборах не удалось. Причин тому много, и они, на наш взгляд, кроются не только в недостаточном влиянии печатного слова на избирателей. Люди на том этапе голосовали не за программу действий претендентов, их профессионализм и организаторский талант, а за непохожесть на привычных партийцев и «страдания за правду».

Заключение

В газете «Мордовия», учрежденной в 1991 г., отразилась рецепция представителями региональной власти, общества и печатных СМИ основных политических событий того года республиканского и союзного значения (выборы Б. Н. Ельцина Президентом РСФСР, августовский ГКЧП, подписание соглашения о создании СНГ, распад СССР, смена Председателя Совета Министров МССР, учреждение поста Президента Мордовской ССР и выборы на эту должность). Публикация резонан-

¹⁹ В бой опять идут... старики // Мордовия. 1991. 7 июня. С. 5.

²⁰ Маресьев В. Дни крутого перелома // Мордовия. 1991. 23 авг. С. 2 — 3; Келин И. Когда правда — не вся правда // Там же. 1991. 30 авг. С. 3; Матеева А. Дни, равные десятилетиям: материалы пресс-конференции от 26 августа // Там же. С. 4; Доклад Н. В. Бирюкова на внеочередной VII сессии Верховного Совета Мордовской ССР 31 августа 1991 года // Там же. 6 сент. С. 2 — 3; Постановление Верховного Совета Мордовской ССР о политической ситуации в республике в связи с антиконституционным государственным переворотом // Там же. С. 3; Маресьев В. Шумим? Играем? Боремся?... Заметки с VII сессии Верховного Совета Мордовской ССР // Там же. С. 4 и др.

²¹ Гусянников В. Верю в силу и разум народа // Мордовия. 1991. 18 окт. С. 3; Куршевы. Одних принципов мало // Там же. 18 дек. С. 2; Обращение ветеранов спорта, ведущих тренеров, спортсменов и физкультурного актива республики с просьбой о поддержке кандидатуры Н. В. Бирюкова // Там же; Матеева А. Без права на ошибку // Там же. 20 дек. С. 1; Сорокин С. Ф. Победит здравый смысл // Там же. С. 2; Келин И. Монолог потенциального избирателя // Там же. С. 3; Еремкин П. Кому доверим судьбу республики? // Там же; Мордовия голосует за Президента // Там же. 24 дек. С. 2 — 3; Президент вступает в свои права (информационное сообщение) // Там же. 27 дек. С. 2 и др.

сных материалов, в том числе принимаемых на уровне Верховного Совета республики, всемерная поддержка демократов и предоставление им возможности выражения своих политических взглядов, выборочное обращение к мнению рядовых читателей, экспресс-интервью — все это внесло определенную лепту в процесс общественных преобразований. Вместе с тем влияние печатного слова на общественное сознание преувеличивать не следует, поскольку оно — лишь один из значимых факторов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Абрамеева В. В. Средства массовой информации в процессе формирования общественного мнения в современной России: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Саратов, 2006. 18 с.
2. Дементьева К. В. Воздействие региональной прессы на общественное мнение // Вестник Чувашского университета. 2011. № 4. С. 299 — 303.
3. Дементьева К. В. Региональная пресса как фактор формирования общественного мнения (по материалам русскоязычных и национальных газет Республики Мордовия): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2012. 22 с.
4. Евдокимов Я. С. История взаимоотношений органов государственной власти и печатных средств массовой информации в 1985 — 1999 гг. (на материалах Ростовской области): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ростов н/Д, 2022. 25 с.
5. Ефимова Н. А. Периодическая печать Республики Марий Эл в условиях трансформации общества, 1985 — 2000 годы: дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2001. 207 с.
6. Ивченков С. Г., Кошелев А. А. Роль пресс-службы в процессе взаимодействия власти и СМИ по вопросам информационного обеспечения молодежи // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2018. № 1 (45). С. 99 — 107.
7. Конищенко Ж. Д., Юрченок В. А. На пороге реформ: Общественно-политическая жизнь Мордовии в первой половине 1990-х годов. Саранск: НИИГН, 2006. 368 с. URL: <http://www.niign.ru/knigi/na-poroqe-reform.pdf>
8. Кошелев А. А. Проблема взаимодействия печатных изданий и властных структур по продвижению имиджа Саратовской области: региональный аспект (по материалам Форума «Права журналиста и права читателя: пути развития гражданской журналистики, г. Хвалынский 2013 г.) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. Социология. Политология. 2014. Т. 14, вып. 1. С. 12 — 14.
9. Кошелев А. А. СМИ и власть: теоретические модели взаимодействия // Вестник научных конференций. 2016. № 2 — 5 (6). Наука. Образование. Общество: по материалам науч.-практ. конф. С. 63 — 64.

Статья поступила в редакцию 09.01.2024; одобрена после рецензирования 29.01.2024; принята к публикации 01.02.2024.

Сведения об авторе:

Александр Васильевич Каторов, аспирант отдела истории Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (430000, Россия, г. Саранск, ул. Л. Толстого, 3), alex-katorov@mail.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Abrameitseva VV. Mass Media in the Process of Forming Public Opinion in Modern Russia. Abstract of Dis. ... Cand. of Soc. Sci. Saratov;2006. (In Russ.)
2. Dementieva KV. The Impact of the Regional Press on Public Opinion. *Bulletin of Chuvash University*. 2011;(4):299—303. (In Russ.)
3. Dementieva KV. Regional Press As a Factor in the Formation of Public Opinion (a Case Study of Russian-Language and National Newspapers of the Republic of Mordovia). Abstract of Dis. ... Cand. of Philol. Sci. Kazan;2012. (In Russ.)
4. Evdokimov YaS. The History of Relations between Public Authorities and Print Media in 1985 — 1999 (a Case Study of the Rostov Region). Abstract of Dis. ... Cand. of Hist. Sci. Rostov-on-Don;2022. (In Russ.)
5. Efimova NA. Periodical Press of the Republic of Mari El in the Conditions of Transformation of Society, 1985 — 2000. Dis. ... Cand. of Hist. Sci. Kazan;2001. (In Russ.)
6. Ivchenkov SG, Koshelev AA. The Role of the Press Service in the Process of Interaction between the Government and the Media on Issues of Information Support for Youth. *Izvestia of Higher Educational Institutions. The Volga Region. Social Sciences*. 2018;(1):99—107. (In Russ.)
7. Konichenko JD, Yurchenkov VA. On the Threshold of Reforms: Socio-Political Life of Mordovia in the First Half of the 1990s. Saransk;2006. URL: <http://www.niign.ru/knigi/na-poroge-reform.pdf> (In Russ.)
8. Koshelev AA. The Problem of Interaction between Print Media and Government Structures to Promote the Image of the Saratov Region: a Regional Aspect. *Izvestia of the Saratov University. A New Series. Sociology: Political Science Series*. 2014;14;1:12—14. (In Russ.)
9. Koshelev AA. Mass Media and Power: Theoretical Models of Interaction. *Bulletin of Scientific Conferences*. 2016;(2—5):63—64. (In Russ.)

The article was submitted 09.01.2024; approved after reviewing 29.01.2024; accepted for publication 01.02.2024.

Information about the author:

Alexander V. Katorov, Post-Graduate Student of Department of History of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia (3 L. Tolstogo Str., Saransk 430000, Russia), alex-katorov@mail.ru

Conflict of interest: the author declares no conflict of interest.

The author has read and approved the final version of the manuscript.

УДК 903.25
EDN GADONP<http://vestnikniign.ru>*Научная статья*

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ВЕРХНЕМ ПОВЕТЛУЖЬЕ НА ПРИМЕРЕ МАТЕРИАЛОВ МОГИЛЬНИКА КУЗИНСКИЕ ХУТОРА

А. В. Акилбаев

Марийский научно-исследовательский институт языка,
литературы и истории им. В. М. Васильева,
г. Йошкар-Ола, Россия
akilbaev.alexandr@yandex.ru

Аннотация

Введение. Могильник Кузинские Хутора содержит два культурных компонента. Первый связан с древнемарийской культурой, второй, более поздний, — с вымской. Материалы могильника позволяют сделать вывод как о контактах этих двух этносов, так и о связях Верхнего Поветлужья с древнерусскими территориями, Верхним Прикамьем, Волжской Булгарией.

Материалы и методы. Материалом исследования послужили украшения из цветного металла, обнаруженные за все годы раскопок могильника Кузинские Хутора (2013 — 2021 гг.), а также условия проведения его погребального обряда. Сравнительно-типологический метод (формальная типология, поиск аналогий) позволил выявить вещи, связанные с внешним влиянием, и предположить пути и характер их поступления.

Результаты исследования и их обсуждение. Все изученные погребальные комплексы разделены на две группы, различающиеся по культурному происхождению: древнемарийские и вымские. Выделены четыре направления контактов населения, оставившего могильник Кузинские Хутора. Это взаимодействие марийского населения с представителями вымской культуры, западные, прикамские и южные связи. Выявлены особенности и хронологические рамки этих связей.

Заключение. Полученные данные позволили обозначить местные (прежде всего древнемарийские) и привозные украшения, а также с учетом имеющихся сведений о торговых путях и общеисторической ситуации в сопредельных регионах построить схему торговых и культурных контактов в Верхнем Поветлужье.

Ключевые слова: древнемарийская культура, вымская культура, могильник Кузинские Хутора, аналогии, украшения, погребальный обряд

Для цитирования: Акилбаев А. В. Этнокультурные процессы в Верхнем Поветлужье на примере материалов могильника Кузинские Хутора // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2024. Т. 16, № 1. С. 192 — 202. EDN GADONP

Original article

ETHNIC AND CULTURAL PROCESSES IN THE UPPER VETLUGA REGION: A CASE STUDY OF KUZINSKIE KHUTORA CEMETERY

A.V. Akilbaev

Vasiliev Mari Research Institute of Language, Literature and History,
Yoshkar-Ola, Russia
akilbaev.alexandr@yandex.ru

Abstract

Introduction. Kuzinskie Khutora Cemetery contains two cultural components. The first one is associated with the ancient Mari culture; the second one is associated with Vym culture. The materials of the cemetery allow us to draw conclusions both about the contacts of these two ethnic groups, and about the connections of the Upper Vetluga region with the Ancient Rus territories, the Upper Kama region, and the Volga Bulgaria.

Materials and methods. The material of the research was nonferrous metal jewelry discovered during all the years of excavations at Kuzinskie Khutora Cemetery and its funeral rite. The comparative typological method (formal typology, search for analogies) made it possible to identify things associated with external influence, and to suggest the ways and nature of their receipt.

Results and discussion. All studied burial complexes are divided into two groups, differing in their cultural origin: ancient Mari and Vym. Four directions of contacts of the population that left Kuzinskie Khutora Cemetery were identified. This is the interaction of the Mari population with representatives of the Vym culture, western, Kama and southern connections. The features and chronological framework of these connections are revealed.

Conclusion. The data materials made it possible to designate local (primarily ancient Mari) and imported jewelry, and also, taking into account the available data on trade routes and the general historical situation in adjacent regions, to build a scheme of trade and cultural contacts in the Upper Vetluga region.

Keywords: ancient Mari culture, Vym culture, Kuzinskie Khutora Cemetery, analogies, ornaments, funeral rite

For citation: Akilbaev AV. Ethnic and Cultural Processes in the Upper Vetluga Region: a Case Study of Kuzinskie Khutora Cemetery. *Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia.* 2024;16(1):192—202. EDN GADONP

Введение

Могильник Кузинские Хутора расположен вблизи г. Шарья Костромской области на коренной террасе ручья, левого притока реки Ветлуги. Памятник открыт и изучался Марийской археологической экспедицией с 2013 по 2021 г. На сегодняшний день на территории 406 м² исследованы 48 погребений и 3 жертвенных комплекса, которые содержат большое количество погребального инвентаря. Кроме того, часть предметов была обнаружена в межмогильном пространстве или передана в музей местными жителями. Таким образом, собран достаточный материал для того, чтобы решить обозначенную проблему.

Обзор литературы

Впервые информация о могильнике Кузинские Хутора (материалы 2013 — 2014 гг.) появилась в публикации Т. Б. Никитиной [16]. В этой статье дана характеристика погребального обряда, вещевых комплексов и обозначен двухкомпонентный

характер памятника. Накопление данных привело к появлению новых статей — Т. Б. Никитиной, А. В. Акилбаева, А. А. Аристова, где рассматриваются погребальный обряд [19] и погребальный инвентарь [20]. Первая статья разделяет захоронения могильника на группы на основании особенностей обряда. Во второй статье указываются предметы, имеющие аналогии на других территориях. Отдельно рассмотрены жертвенные комплексы могильника [1], вновь, на основании дополнительных материалов, подтвержден двухкомпонентный состав памятника.

Материалы и методы

Материалом исследования являются условия проведения погребального обряда, украшения и элементы костюма, происходящие из раскопок могильника Кузинские Хутора за 2013, 2014, 2017, 2018, 2020, 2021 гг. и находки местных жителей на территории могильника, переданные в музей. Нами рассматриваются украшения, связанные с импортом или культурными контактами населения, оставившего указанный могильник, с другими территориями.

Изучение украшений в составе закрытого комплекса, костюма, позволяет не только датировать инвентарь погребений, но и проследить взаимосвязь привозных изделий и вещей, характерных для местного населения. Это особо значимо для определения механизма поступления предметов. Часто привозное украшение в костюме может иметь другие функции, иначе носиться по сравнению с территорией его происхождения.

В статье с использованием сравнительно-типологического метода сделана попытка выделить привозные украшения и установить характер их поступления на территорию Верхнего Поветлужья.

Результаты исследования и их обсуждение

Археологическое исследование могильника и, в частности, анализ погребального обряда позволили достаточно четко разделить все захоронения на две группы.

Первая, наиболее ранняя, связана с древнемарийской культурой. Это девять погребений (9, 10, 25, 32, 36, 45, 46, 47, 48) и три жертвенных комплекса: один — в погребении (в юго-западной части погребения 23) и два — в межмогильном пространстве (между погребениями 1 и 2). В плане обряда — это ингумация (один подтвержденный факт, один — спорный) или кремация (большинство могил). Возможно, к этой же группе относятся захоронения 31 и 35, чью принадлежность определить затруднительно.

Наличие древнемарийского населения установлено по двум признакам.

1. Погребальный обряд.

1.1. Кремация, при которой вещи разложены в порядке, приближенном к порядку ношения, завернуты с кальцинированными костями в одежду и опоясаны ремнем. Подобный обряд неоднократно фиксировался в материалах древнемарийских могильников [17, с. 76 — 79].

1.2. Наличие жертвенного комплекса в межмогильном пространстве, когда завернутые в одежду из ткани, меха и кожи вещи опоясаны и уложены в берестяной туес. Такой комплекс относится к варианту III по классификации Т. Б. Никитиной. Он признается ею в качестве этнодиагностирующего элемента марийской культуры IX — XI вв. [13, с. 45 — 46; 16].

2. Наличие характерных украшений марийского костюма и способов их ношения.

2.1. Головной убор: височные кольца с отогнутыми концами, берестяной венчик, головная цепочка [4, с. 17 — 19].

2.2. Парные нагрудные подвески (трапециевидные, биконьковые литые, арочные) [4, с. 26].

2.3. Умбововидные и очковидные подвески в составе обуви [14, с. 135 — 136].

2.4. Сочетание перечисленных украшений с распространенными в средневековом марийском костюме вещами: ажурная округлая нагрудная подвеска (погребение 47), «глазовские» гривны (погребения 32, 36), граненые браслеты с кружковым орнаментом (погребения 10, 25, 47, жертвенный комплекс 2), «усатые» щитковые перстни (погребения 9, 10, 25, 45, 47, 48, жертвенный комплекс 2), грушевидный кошелек из бобрового хвоста (погребение 45).

В XI в. появляется новая группа погребений, связанная с вымской культурой. Это тридцать семь могил (1 — 8, 11 — 24, 26 — 30, 33, 34, 37 — 44) и один жертвенный комплекс (3).

Признаки этой группы объектов следующие.

1. Кремация с хаотично расположенными на разных уровнях вещами и кальцинированными костями.

2. Поломка вещей. Практически все предметы имеют следы порчи или воздействия огня.

3. Насыщенное межмогильное пространство, связанное, по-видимому, с тризнами и неглубокими жертвенными комплексами.

Указанные особенности погребального обряда находят аналогии в средневековых памятниках бассейнов Выми и Вычегды [21, с. 16 — 22; 22, с. 322]. Типичным инвентарем таких захоронений являются отдельные поясные накладки, пронизки, цепочки, привески от составных украшений, фрагменты железных предметов. Целых предметов крайне мало. Несмотря на то, что захоронения нового населения иногда перекрывают марийские, скорее всего, два этноса контактировали.

К взаимодействию двух народов можно отнести следующие особенности, зафиксированные по материалам могильника Кузинские Хутора.

1. Значение наборного пояса в костюме. На могильнике Кузинские Хутора наблюдается большое, по сравнению с основной территорией вымской культуры, количество элементов поясной гарнитуры. Для марийской культуры IX — XI вв. характерно частое ношение наборных поясов как мужчинами, так и женщинами [17, с. 86 — 87].

2. Больше, по сравнению с основной территорией вымской культуры, применение очкововидных и умбововидных подвесок. Однако материалы могильника не позволяют делать однозначные выводы о способах их ношения. Иногда в таких подвесках встречаются кожаные ремешки, что наталкивает на мысль об использовании их в качестве украшений обуви, по аналогии с марийской обувью IX — XI вв.

3. Наличие некоторых вещей волжско-финского облика: «усатые» щитковые перстни, фрагмент наконника, имеющий аналогии в древнемарийских древностях, свернутые «глазовские» гривны (в марийских средневековых материалах они фиксируются в качестве браслетов на плече).

4. В погребении 23, в целом совершенном по обряду вымской культуры, имеется жертвенный комплекс вещей марийского облика: парные биконьковые под-

вески, височные кольца с отогнутыми концами, «усатый» щитковый перстень, дровяные браслеты с кружковым орнаментом. Этот комплекс можно трактовать как женский заупокойный дар. Такое явление не редкость в могильниках Вятско-Ветлужского междуречья.

Весь период функционирования могильника (как в марийской его части, так и в вымской) прослеживается влияние Прикамья, которое выразилось в ряде украшений: подвеска с изображением всадника (рис. 1, 1), биконьковые литые подвески (рис. 1, 2), арочные прорезные подвески (рис. 1, 3), украшенные ножны, некоторые височные подвески (рис. 1, 4) [6].

Отметим, что в марийских захоронениях эти вещи имеют особенности, которые фиксируются и на других синхронных могильниках древнемарийской культуры [2].

1. Прикамские украшения не составляют единого комплекса, они всегда встречаются с марийскими или другими волжско-финскими элементами костюма.

2. Вещи прикамского облика имеют другие привески, чем аналогичные из материалов Прикамья.

3. Прикамские украшения часто носились по-другому. Например, умбоновидные и очковидные привески на Верхней Каме редко применялись для украшения обуви, в могильниках Ветлужско-Вятского междуречья их ношение не на обуви — редкость [5, с. 375].

Исходя из этих особенностей, украшения с Камы следует считать, скорее, культурным влиянием, возможно, связанным с этническими контактами. При этом не исключен импорт таких изделий посредством торговли непосредственно с территории Пермского Предуралья или посредством болгарских торговцев.

О характере происхождения прикамских вещей в вымских захоронениях сложно судить в силу фрагментарности и немногочисленности украшений. Они могли быть принесенными с основной территории вымской культуры или могли быть результатом марийского влияния.

Следующая категория — вещи западного происхождения — фиксируются в обеих группах погребений могильника. По характеру происхождения их можно разделить на два направления.

1. Предметы X — XI в.

Подкововидная фибула, происходящая из находок. Концы в виде многогранных головок, в средней части дуги находятся два многогранных выступа (рис. 1, 5). Схожие украшения с многогранными концами обнаружены в слоях Новгорода от X до середины XII в. [23, с. 86], в ярославских могильниках второй половиной X в., а также в Финляндии, Прибалтике, Швеции, Норвегии в памятниках конца IX — первой половины XI в. [10, с. 161; 24].

Три подкововидные фибулы из жертвенного комплекса 1. Головки их выполнены в виде усеченной пирамиды со срезанными углами (рис. 1, 6). Аналогии происходят с территории Руси X — первой половины XI в., Финляндии с IX по начало XI в. [10, с. 181 — 182].

Лировидный кошелек из жертвенного комплекса 1, украшенный металлическими пластинами (рис. 1, 7). Такие изделия имеются в материалах Минино II и Тимерево [3, с. 79], в Скандинавии (Бирка, Готланд) [26, рис. 128, 1; 27, с. 315], в Танкеевском [7, рис. 53, 20] и Крюково-Кужновском [11, табл. XII, 2] могильниках, в Шестовице и Гнездове [25, с. 174, рис. 78].

Рис. 1. Вещи из материалов могильника Кузинские Хутора,
связанные с прикамским влиянием и западным импортом:
1 — погребение 18; 2 — погребение 23; 3 — погребение 25; 4 — погребение 31;
5 — находки местных жителей; 6, 7 — жертвенный комплекс 1

Figure 1. Items from the materials of the Kuzinsky Farm burial ground
associated with the Kama influence and Western imports:
1 — burial 18; 2 — burial 23; 3 — burial 25; 4 — burial 31;
5 — finds of local residents;
6, 7 — sacrificial complex 1

Из этой группы предметов можно назвать обрывки плетеной цепочки, завязанный щитковый перстень, фрагменты ножен меча и скрамасакса, некоторые другие изделия. Как и в более южных марийских могильниках, такие вещи связаны с активной торговлей по Волге и попытками проникновения Руси в Предуралье. Встречены в марийских захоронениях по причине отсутствия вымских комплексов XI в.

2. Предметы второй половины XI в.

Пластинчатые браслеты с расширяющимися концами из погребения 1 и экземпляр из подъемного материала (рис. 2, 1). Украшены орнаментом «волчий зуб». Они получили распространение в Ярославском Поволжье в XI — XII вв. [8, с. 237], на Кубенском озере во второй половине XI в. [9, с. 342, табл. 130, 10].

«Усатый» перстень без валика, с узким щитком (рис. 2, 2). Также украшен «волчьим зубом». Происходит из жертвенного комплекса в погребении 23. Аналогии встречаются в древностях эстов, латгаллов, земгаллов [23, табл. III, 8; CVII, 30; CXVI], во владимирских курганах, Ленинградской, Псковской, Рязанской, Смоленской, Ярославской областях, Новгороде в слое XI в. [12, с. 267].

Завязанный перстень из погребения 25 (рис. 2, 3). Аналогии ему известны на территории Северной Руси, Прибалтики [12, с. 256 — 257], есть в памятниках Новгорода X в., в Финляндии и Швеции в X в. [24, с. 129 — 130].

К этой категории вещей относятся также некоторые другие украшения и европейские монеты. Они связаны с притоком нового населения в Костромское и Ивановское Поволжье, освоением северных и северо-восточных территорий, выходом на Сухоно-Вычегодский путь [15, с. 153 — 154].

Первое направление однозначно связано с импортом, второе может быть связано с миграцией населения, как это прослеживается по некоторым захоронениям Русенихинского могильника в Нижегородском Поволжье [18, с. 70]. Однако материалы Кузинских Хуторов не достаточны для выводов о приходе групп населения с запада.

Еще одна категория вещей связана с южным направлением. Стоит отметить небольшое разнообразие категорий таких вещей. К ним можно отнести только поясную гарнитуру (рис. 2, 4) и дирхемы (рис. 2, 5), но они встречаются на всем протяжении функционирования могильника.

У этих предметов есть некоторые особенности.

1. Практически все дирхемы пробиты.

2. Элементы поясной гарнитуры представлены различными типами. Целых поясов крайне мало. Большое количество накладок имеет аналогии кроме Волжской Булгарии на Верхней Каме, в древностях Руси и других территорий. Подробнее с аналогиями можно ознакомиться в статье Т. Б. Никитиной, А. В. Акилбаева, А. А. Аристовой [20].

Обращает на себя внимание слабость контактов с Волжской Булгарией. Ее влияние на более южные территории расселения средневековых марийцев значительнее [15, с. 149 — 152]. Вероятно, сравнительно слабые связи населения, оставившего могильник Кузинские Хутора, с Булгарией объясняются удаленностью этой территории от Волги и Нижней Камы. Можно предположить, что дирхемы и пояса попадали на Верхнюю Ветлугу транзитом через Нижнюю и Среднюю Ветлугу, через Русь или Верхнее Прикамье.

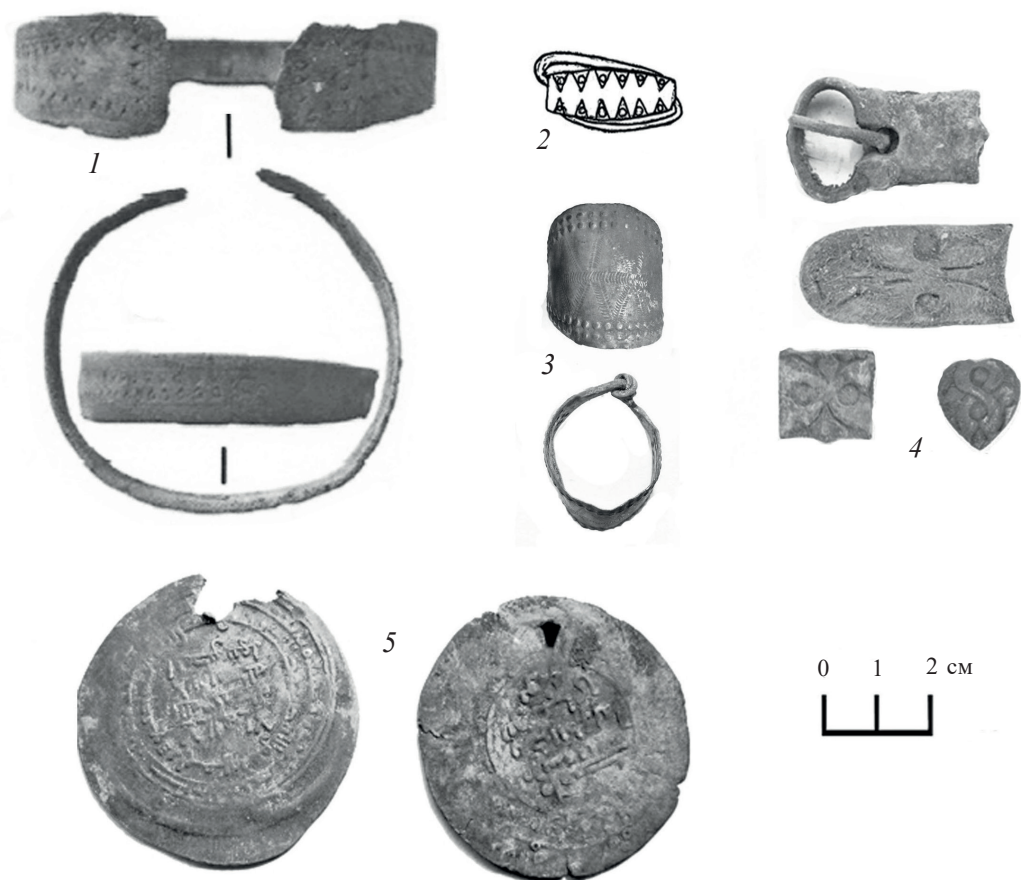

Рис. 2. Вещи из материалов могильника Кузинские Хутора, связанные с западным и южным импортом:

1 — погребение 1; 2 — погребение 23; 3 — погребение 25; 4 — погребение 46; 5 — погребение 29, жертвенный комплекс 3

Figure 2. Items from the materials of the Kuzinsky Farm burial ground related to Western and Southern imports: 1 — burial 1; 2 — burial 23; 3 — burial 25; 4 — burial 46; 5 — burial 29, sacrificial complex 3

Заклучение

Таким образом, на примере материалов могильника Кузинские Хутора можно обозначить некоторые исторические процессы, проходившие в Верхнем Поволжье.

1. Взаимодействие марийского и вымского населения. Материалы погребения 23 свидетельствуют даже о смешении этих народов (XI в.).

2. Влияние прикамского населения (конец IX — XI вв.).

3. Эпизодические торговые контакты с западными территориями (X — XI вв.).

4. Влияние древнерусского населения, осваивавшего новые территории в восточном и северо-восточном направлениях (со второй половины XI в.).

5. Торговые контакты с южными территориями (конец IX — XI вв.).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Акилбаев А. В. Жертвенные комплексы могильника Кузинские хутора // Археология Евразийских степей. 2021. № 2. С. 192 — 200.
2. Акилбаев А. В. Прикамские вещи в материалах могильников IX — начала XII веков Вятско-Ветлужского междуречья // Переходные эпохи в археологии: материалы Всерос. археол. конф. с междунар. участием «XIX Уральское археологическое совещание». Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2013. С. 86 — 87.
3. Археология севернорусской деревни X — XIII вв. Т. 2. Средневековые поселения и могильники на Кубенском озере / отв. ред.: Н. А. Макаров, С. Д. Захаров. М.: Наука, 2008. 365 с.
4. Архипов Г. А. Марийцы IX — XI вв. К вопросу о происхождении народа. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1973. 196 с.
5. Белавин А. М., Крыласова Н. Б. Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск / Перм. гос. пед. ун-т. Пермь, 2008. 603 с. (Археология Пермского края: свод археол. источников; вып. 1)
6. Белавин А. М., Крыласова Н. Б., Козлов А. И. Приуральские материалы в средневековых древностях Ветлужско-Вятского междуречья (комментарий этнокультурных процессов I — II тыс. н. э.) // Материалы и исследования по археологии Поволжья. Йошкар-Ола, 2010. Вып. 5. С. 106 — 121.
7. Казаков Е. П. Культура ранней Волжской Болгарии [(этапы этнокультурной истории)]. М.: Наука, 1992. 336 с.
8. Левашева В. П. Браслеты // Очерки по истории русской деревни X — XIII вв. М.: Совет. Россия, 1967. С. 207 — 252. (Труды ГИМ; вып. 43)
9. Макаров Н. А. Колонизация северных окраин Древней Руси в XI — XIII веках. По материалам археологических памятников на волоках Белозерья и Поонежья. М.: Скрипторий, 1997. 386 с.
10. Мальм В. А. Подковообразные и кольцевидные застёжки-фибулы // Очерки по истории русской деревни X — XIII вв. М.: Совет. Россия, 1967. С. 149 — 206. (Труды ГИМ; вып. 43)
11. Материалы по истории мордвы VIII — XI вв. Крюковско-Кужновский могильник [Дневник археологических раскопок П. П. Иванова] / ред. и вступ. ст. д-ра ист. наук, проф. А. П. Смирнова; Моршан. краевед. музей. Моршанск, 1952. 232 с.
12. Недошивина Н. Г. Перстни // Очерки по истории русской деревни X — XIII вв. М.: Совет. Россия, 1967. С. 253 — 274. (Труды ГИМ; вып. 43)
13. Никитина Т. Б. Жертвенно-поминальные комплексы как этноопределяющий признак погребального обряда марийцев в эпоху средневековья // Древности Поволжья и Прикамья. Йошкар-Ола: МарНИИ, 2001. С. 42 — 51 (Археология и этнография Марийского края; вып. 25).
14. Никитина Т. Б. Костюм поволжских финнов домонгольского периода: общее и особенное // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. 2017. № 12. С. 132 — 141.
15. Никитина Т. Б. Марийцы в эпоху средневековья (по археологическим материалам): моногр. Йошкар-Ола: МарНИИ, 2002. 432 с.
16. Никитина Т. Б. Население Верхнего Поветлужья в начале II тыс. н. э.: новые материалы // Краткие сообщения Института археологии. 2015. Вып. 240. С. 124 — 140.
17. Никитина Т. Б. Погребальные памятники IX — XI вв. Ветлужско-Вятского междуречья. Казань, 2012. 408 с. (Археология Евразийских степей; вып. 14)
18. Никитина Т. Б., Акилбаев А. В. Древнерусские вещи в материалах Русенихинского могильника // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. 2014. № 9. С. 65 — 74.
19. Никитина Т. Б., Акилбаев А. В. Погребальный обряд могильника «Кузинские хутора» IX — XI вв. // Финно-угроведение. 2020. № 61. С. 110 — 122.
20. Никитина Т. Б., Акилбаев А. В., Аристов А. А. Погребальный инвентарь могильника «Кузинские хутора» // Поволжская археология. 2019. № 4 (30). С. 82 — 98.
21. Савельева Э. А. Вымские могильники XI — XIV вв. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1987. 200 с.

22. Савельева Э. А., Истомина Т. В., Королев К. С. Пермь вычегодская // Финно-угры Поволжья и Приуралья в средние века. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1999. С. 299 — 349.
23. Седова М. В. Ювелирные изделия Древнего Новгорода (X — XV вв.). М.: Наука, 1981. 196 с.
24. Финно-угры и балты в эпоху средневековья / отв. ред. тома д-р ист. наук В. В. Седов. М.: Наука, 1987. 512 с. (Археология СССР; т. 17)
25. Моця О., Скороход В. Протоміста Подесення в процесі одержавлення регіону. Випуск І. Шестовицький археологічний комплекс. Київ: ІА НАН України, 2020. 228 с.
26. Arbman H. Birka. I. Die Gräber. Uppsala: Almqvist & Wiksells, 1940. 283 s.
27. Thunmark-Nylén L. Die Wikingerzeit Gotlands. 1. Abbildungen der Grabfunde. Stocholm: Almqvist och Wiksell, 1995. [382 s.]

Статья поступила в редакцию 06.08.2023; одобрена после рецензирования 10.10.2023; принята к публикации 17.10.2023.

Інформація об авторе:

Александр Владимирович Акилбаев, ведущий научный сотрудник направления «Археология» Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. В. М. Васильева (424036, Россия, г. Йошкар-Ола, ул. Красноармейская, 44), кандидат исторических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5710-1158>, akilbaev.alexandr@yandex.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Akilbaev AV. Sacrificial Complexes of Kuzinskie Khutora Cemetery. *Archeology of the Steppes of Eurasia*. 2021;(2):192—200. (In Russ.)
2. Akilbaev AV. Kama Things in the Materials of Cemeteries of the IX — Early XII Centuries of the Vyatka-Vetluga Region. *Transitional Epochs in Archeology*. Proceedings of the XIX Ural International Archaeological Conference. Syktyvkar;2013:86—87. (In Russ.)
3. The Archaeology of Northern Russian Village in X — XIII Centuries. Moscow;2008;2. (In Russ.)
4. Arkhipov GA. Mari People in X — XI Centuries. To the Issue on the Genesis of People. Yoshkar-Ola;1973. (In Russ.)
5. Belavin AM, Krylasova NB. Ancient Afkula: Archaeological Complex near the Village of Rozhdestvensky. Perm;2008;1. (In Russ.)
6. Belavin AM, Krylasova NB, Kozlov AI. Urals Materials in the Medieval Antiquities of the Vetluga-Vyatka Region (Commentary on the Ethnocultural Processes of the 1st — 2nd Millennium AD). *Materials and Research on the Archeology of the Volga Region*. Yoshkar-Ola; 2010;5:106—121. (In Russ.)
7. Kazakov EP. Culture of early Volga Bulgaria. Stages of Ethnocultural History. Moscow;1992. (In Russ.)
8. Levasheva VP. Bracelets. *Study on the History of the Russian Village in X — XIII Centuries*. Moscow;1967;43:207—252. (In Russ.)
9. Makarov NA. Colonization of the Northern Outskirts of Ancient Rus in the XI — XIII Centuries. Archaeological Site Materials on the Portages of Beloozero and Onega Regions. Moscow;1997. (In Russ.)
10. Malm VA. Fibulae in the Form of a Horseshoe and a Ring. *Study on the History of the Russian Village in X — XIII Centuries*. Moscow;1967;43:149—206. (In Russ.)
11. Smirnov AP. On the History of the Mordovians of the VIII — XI Centuries. Kryukovsko-Kuzhnovsky Cemetery. *Archaeological Diary*. Morshansk;1952. (In Russ.)

12. Nedoshivina NG. Rings. *Study on the History of the Russian in Village in X — XIII Centuries*. Moscow;1967;43:253—274. (In Russ.)
13. Nikitina TB. Sacrificial-Commemorative Complexes As an Ethno-Determining Feature of the Funeral Rite of the Mari in the Middle Ages. *Antiquities of the Volga and Kama Regions*. Yoshkar-Ola;2001;25:42—51. (In Russ.)
14. Nikitina TB. Costume of the Volga Finns of the Pre-Mongolian Period: General and Special. *Works of Kama Archaeological and Ethnographic Expedition*. 2017;(12):132—141. (In Russ.)
15. Nikitina TB. Mari People in the Middle Ages (Based on Archaeological Materials). Yoshkar-Ola;2002. (In Russ.)
16. Nikitina TB. The Population of the Upper Reaches of the Vetluga River at the Beginning of the 2nd Millennium AD: New Proceedings. *Brief Communications of the Institute of Archaeology*. 2015;240:124—140. (In Russ.)
17. Nikitina TB. Burial Monuments of Volga-Vyatka River System. Kazan;2012;14. (In Russ.)
18. Nikitina TB, Akilbaev AV. Old Russian Things in the Materials of Rusenikhinsky Cemetery. *Works of Kama Archaeological and Ethnographic Expedition*. 2014;(9):65—74. (In Russ.)
19. Nikitina TB, Akilbaev AV. The Funeral Rite of Kuzinskiye Khutora Cemetery of the IX — XI Centuries. *Finno-Ugric Studies*. 2020;(61):110—122. (In Russ.)
20. Nikitina TB, Akilbaev AV, Aristov AA. Funeral Inventory at Kuzinskiye Khutora Cemetery. *Volga River Region Archaeology*. 2019;(4):82—98. (In Russ.)
21. Savelyeva EA. Vym Cemeteries of XI — XIV Centuries. Leningrad;1987. (In Russ.)
22. Savelyeva EA, Istomina TV, Korolev KS. Perm Vychehodskaya. *Finno-Ugric Peoples of the Volga Region and the Urals in the Middle Ages*. Izhevsk;1999:299—349. (In Russ.)
23. Sedova MV. Jewelry of Ancient Novgorod (X — XV centuries). Moscow;1981. (In Russ.)
24. Finno-Ugric and Balts in the Middle Ages. *Archeology of the USSR*. Moscow;1987;17. (in Russ.)
25. Motsia O, Skorokhod V. Proto-Towns on the Desna River in the Process of Governmentalization of the Region. Kiev;2020;1.
26. Arbman H. Birka. 1. Die Gräber. Uppsala;1940.
27. Thunmark-Nylen L. Die Wikingerzeit Gotlands 1. Abbildungen der Grabfunde. Stocholm;1995.

The article was submitted 06.08.2023; approved after reviewing 10.10.2023; accepted for publication 17.10.2023.

Information about the author:

Alexander V. Akilbaev, Leading Researcher in Archeology of the Vasiliev Mari Research Institute of Language, Literature and History (44 Krasnoarmeyskaya Str., Yoshkar-Ola 424036, Russia), Candidate of Historical Sciences, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5710-1158>, akilbaev.alexandr@yandex.ru

Conflict of interest: the author declares that there is no conflict of interest.

The author read and approved the final version of the manuscript.

УДК 94:025.173(470.345)
EDN KCIEUH

<http://vestnikniign.ru>

Научная статья

ОТРАЖЕНИЕ ПОСЕЛЕНЧЕСКО-ЖИЛИЩНОГО КОМПЛЕКСА МОРДВЫ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ

Е. Н. Мокшина✉, М. И. Святкин

Национальный исследовательский Мордовский
государственный университет им. Н. П. Огарёва,
г. Саранск, Россия
✉enm2112@mail.ru

Аннотация

Введение. В дореволюционный период поселенческо-жилищный комплекс мордвы привлекал внимание многих исследователей. Был издан ряд статей в периодической печати, которые сегодня помогают полнее и глубже понять многие аспекты материальной и духовной культуры мордвы, что обуславливает актуальность выбранной темы.

Материалы и методы. В процессе исследования были использованы методы историко-этнографической науки: сравнительно-исторический, проблемно-хронологический, историко-генетический, комплексного подхода. Также применялись общенаучные методы: описательно-повествовательный, анализа, обобщения. Источниками для написания статьи послужили материалы дореволюционной периодической печати.

Результаты исследования и их обсуждение. На страницах пензенских, нижегородских, тамбовских, саратовских, самарских, симбирских губернских ведомостей, журналов «Этнографическое обозрение», «Мирское слово», «Живая старина» и других изданий мы находим большое количество сведений, раскрывающих многие аспекты этнической культуры мордвы, в том числе описание ее поселенческо-жилищного комплекса. Ценные этнографические материалы о поселениях, жилищах и хозяйственных постройках оставили А. Можаровский, К. Митропольский, П. Богословский, Н. И. Масленников, Н. Н. Оглоблин, П. И. Мельников (А. Печерский), И. Н. Смирнов и др. Вопросы наследования, дележа имущества, строительства жилищ и хозяйственных построек, бытовавшие в обычном праве мордвы, осветил В. Н. Майнов. В настоящее время большой пласт дореволюционной периодической печати исследован. Отдельные аспекты темы освещались в работах Н. Ф. Мокшина, Л. И. Никоновой, Г. А. Корнишиной, Е. Н. Мокшиной, Ю. Н. Сушковой, Л. Н. Щанкиной, М. Н. Романовой, М. И. Святкина и др. Весомым вкладом в систематизацию дореволюционной периодики стала публикация свода документов и материалов, составленного Т. М. Гусевой.

Заключение. Поселения, жилища и хозяйственные постройки мордвы в дореволюционной периодической печати описаны довольно подробно. Исследователи осветили их роль в традиционной обрядности этноса, рассмотрели структурные и конструктивно-архитектурные компоненты поселенческо-жилищного комплекса. Ныне многие аспекты материальной и духовной культуры забыты, и сведения дореволюционной периодики помогают глубже понять быт мордовского народа.

Ключевые слова: мордва, поселение, жилище, хозяйственные постройки, этническая культура, дореволюционная периодическая печать

© Мокшина Е. Н., Святкин М. И., 2024

Для цитирования: Мокшина Е. Н., Святкин М. И. Отражение поселенческо-жилищного комплекса мордвы в дореволюционной периодической печати // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2024. Т. 16, № 1. С. 203 — 212. EDN KCIEUH

Original article

REFLECTION OF THE SETTLEMENT AND HOUSING COMPLEX OF MORDOVIANS IN THE PRE-REVOLUTIONARY PERIODIC PRESS

E. N. Mokshina✉, M. I. Svyatkin

National Research Mordovia State University,
Saransk, Russia

✉enm2112@mail.ru

Abstract

Introduction. In the pre-revolutionary period, the settlement-housing complex of the Mordovians attracted the attention of many researchers. A number of articles in periodicals were published, which nowadays help us to understand many aspects of the material and spiritual culture of the Mordovians more fully and deeply, which determines the relevance of the chosen topic.

Materials and methods. In the process of the research the methods of historical and ethnographic science were used: comparative-historical, problem-chronological, historical-genetic and complex approach. General scientific methods were used: descriptive-narrative method, analysis, generalization. The sources for writing the article were materials of pre-revolutionary periodicals.

Results and discussion. On the pages of Penza, Nizhny Novgorod, Tambov, Saratov, Samara, Simbirsk provincial bulletins, magazines “Ethnographic Review”, “Mirskoe Slovo”, “Zhivaya Starina” and other publications we find a lot of information revealing many aspects of the ethnic culture of the Mordovians, including descriptions of their settlement and dwelling complex. Valuable ethnographic data on settlements, dwellings and farm buildings were left by A. Mozharovsky, K. Mitropolsky, P. Bogoslovsky, N. I. Maslennikov, N. N. Ogloblin, P. I. Melnikov (A. Pechersky), I. N. Smirnov and others. The issues of inheritance, property division, construction of dwelling and household buildings in the Mordovian customary law were highlighted by V. N. Mainov. At present, a large layer of pre-revolutionary periodicals has been studied. Some aspects of the topic were covered in the works of N. F. Mokshin, L. I. Nikonova, G. A. Kornishina, E. N. Mokshina, Y. N. Sushkova, L. N. Shankina, M. N. Romanova, M. I. Svyatkin and others. A significant contribution to the systematization of pre-revolutionary periodicals was the publication of a set of documents and materials compiled by T. M. Guseva.

Conclusion. Thus, the settlements, dwellings and farm buildings of the Mordovians in the pre-revolutionary periodicals were described in detail. Researchers covered their role in the traditional rituals of the ethnos, considered structural and structural-architectural components of the settlement-dwelling complex. Due to the fact that nowadays many aspects of material and spiritual culture are forgotten, information from pre-revolutionary periodicals helps to understand more deeply and completely the traditions and everyday life of the Mordovians.

Keywords: Mordovians, settlement, dwelling, outbuildings, ethnic culture, pre-revolutionary periodical press

For citation: Mokshina EN, Svyatkin MI. Reflection of the Settlement and Housing Complex of Mordovians in the Pre-Revolutionary Periodic Press. *Bulletin of the Research Institute of Humanities by the Government of the Republic of Mordovia*. 2024;16(1):203—212. EDN KCIEUH

Введение

Поселенческо-жилищный комплекс мордвы в дореволюционный период изучали и описывали многие исследователи. В периодической печати публиковались статьи на эту тему. Сегодня, когда большая часть традиций забыта, данный мате-

риал способствует всестороннему пониманию материальной и духовной культуры мордвы. Таким образом, бесспорна актуальность темы исследования.

Значительное количество сведений о быте и традициях мордовского народа оставили приходские священники. В публикациях епархиальных ведомостей по Нижегородской, Пензенской, Симбирской, Тамбовской, Самарской, Саратовской и другим губерниям содержится множество материалов, характеризующих различные аспекты этнической культуры мордвы. Следует отметить, что священники, описывая быт и реликты дохристианских верований и обрядов своей паствы, часто не преследовали задачи научного исследования материальной и духовной культуры мордвы, но в последующем их работы послужили источниковой базой для создания фундаментальных трудов по истории и этнографии.

Материалы и методы

В процессе работы нами были задействованы как методы историко-этнографической науки (сравнительно-исторический, проблемно-хронологический, историко-генетический, комплексный подход), так и общенаучные методы (описательно-повествовательный, анализ, обобщение). Источниками для написания статьи послужили материалы дореволюционной периодической печати.

Обзор литературы

В XIX в. наблюдалось активное развитие этнографической науки в России. Интерес к научным исследованиям этнической культуры народов привел к расширению экспедиционной работы, открытию этнографических обществ, в университетах страны начали преподавать учебные курсы по этнографии: в 1884 г. академик Д. Н. Анучин впервые прочитал курс «Этнография России» в Московском университете.

В 1845 г. было основано Русское географическое общество (РГО) с отделением этнографии, в рамках деятельности которого организовывались этнографические экспедиции, велась активная научно-исследовательская работа, был основан ряд периодических изданий, в том числе «Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском Императорском университете», где публиковались многочисленные материалы по истории, археологии, этнографии народов Среднего Поволжья, включая мордву [3, с. 128 — 130].

В последующем количество периодических изданий росло. На страницах пензенских, нижегородских, тамбовских, саратовских, самарских, симбирских губернских ведомостей, журналов «Этнографическое обозрение», «Мирское слово», «Живая старина» и других изданий мы находим большое количество сведений, раскрывающих различные аспекты этнической культуры мордвы, в том числе довольно подробные описания поселенческо-жилищного комплекса. Ценные этнографические сведения о поселениях, жилищах, хозяйственных постройках оставили: А. Можаровский¹, К. Митропольский², П. Богословский³, Н. И. Мас-

¹ Можаровский А. Мордово-крещенский приход с. Акузово Сергачского уезда Нижегородской епархии // Нижегородские епархиальные ведомости. 1893. № 12. С. 312 — 316.

² Митропольский К. Мордва: мировоззрения их, нравы и обычаи // Мирское слово. 1877. № 8. С. 58.

³ Богословский П. Церковно-приходская летопись. Село Дракино, Спассакого уезда, Тамбов. губ. // Тамбовские епархиальные ведомости. 1890. № 18. С. 924 — 948.

ленников⁴, Н. Н. Оглоблин⁵, П. И. Мельников (А. Печерский)⁶, И. Н. Смирнов⁷ и др. Вопросы наследования, дележа имущества, строительства жилищ и хозяйственных построек, бытовавшие в обычном праве мордвы, осветил В. Н. Майнов⁸.

В настоящее время большой пласт дореволюционной периодической печати исследован. Отдельные аспекты темы получили освещение в работах Н. Ф. Мокшина [2; 3], Л. И. Никоновой и М. Н. Романовой [7], Г. А. Корнишиной⁹, Е. Н. Мокшиной и М. И. Святкина [4; 5; 6], Ю. Н. Сушковой [8], Л. Н. Щанкиной [9] и др. Весомым вкладом в систематизацию материалов дореволюционной периодики стала публикация свода документов и материалов, составленного Т. М. Гусевой¹⁰.

Результаты исследования и их обсуждение

В большей степени отечественные исследователи XIX — начала XX в. в своих публикациях уделяли внимание духовной культуре, чем материальной, поэтому чаще имеются описания, повествующие о роли поселенческо-жилищного комплекса в традиционной обрядности. Реже встречаются сведения, раскрывающие конструктивно-архитектурные компоненты жилищ, хозяйственных и других построек. Весомый вклад в изучение хозяйственных построек, планировки и интерьера жилищ, форм поселений внесли А. О. Гейкель¹¹, Н. Н. Харузин¹². Они систематизировали накопленный ранее этнографический материал по поселенческо-жилищному комплексу ряда финно-угорских народов и сделали репрезентативные выводы, доказывающие близость в историческом развитии их поселений, жилищ и хозяйственных построек. Исследователи отметили большое влияние на поселенческо-жилищный комплекс финно-угров строительных традиций славянских, тюркских и других народов.

В описаниях поселений на страницах дореволюционных периодических изданий часто находятся материалы, подтверждающие большую распространенность у мордвы приречного типа заселения. Ряд исследователей объясняют данный факт тем, что реки имели для нее важное значение в хозяйственно-экономической деятельности. Так, Н. Н. Оглоблин отмечал: «...по берегам (реки Мокша) тянутся главные поселения этой мордвы (имеется в виду мордва-мокша). Река эта довольно значительных размеров и протяжения, но является сплавной и, отчасти, судоходной

⁴ Масленников Н. И. Крестьянские постройки мордвы с. Кученяево, Ульяновской губернии // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском государственном университете имени В. И. Ульянова-Ленина. Казань, 1927. Т. 33, вып. 4. С. 67 — 74.

⁵ Оглоблин Н. Н. В Мордовском крае (из заметок туриста) // Исторический вестник. 1899. № 9. С. 880 — 901.

⁶ Мельников П. И. (Андрей Печерский). Очерки мордвы. Саранск, 1981. 134 с.

⁷ Смирнов И. Н. Мордва: ист.-этногр. очерк / авт. вступ. ст. В. А. Юрченков. Саранск, 2002. 296 с.

⁸ Майнов В. Н. Очерк юридического быта мордвы / редкол.: В. А. Юрченков [и др.]. Саранск, 2007. 296 с.

⁹ Корнишина Г. А. Сезонные обряды мордвы: учеб. пособие. Саранск, 1999. 48 с.

¹⁰ Пастыри о пастве: Ист.-стат. описание русских сел Пензенской губернии приходскими священниками / сост., вступ. ст., археогр. предисл., коммент., именной и геогр. указ. Т. М. Гусевой [и др.]. Саранск, 2018. 504 с.

¹¹ Heikel A. O. Die Gebäude der Ceremissen, Mordwinen, Esten und Finnen // Journal de la Société Finno-Ougrienne. 1888. Bd. IV. 352 s.

¹² Харузин Н. Н. Очерк истории жилища у финнов. М., 1895. 99 [6] с.

только в нижнем своем течении, недалеко от впадения в реку Ока (в пределах Нижегородской губ.). В среднем же и верхнем течении река Мокша играет другую и более крупную роль в жизни приречного населения: она течет в широкой долине (от 3 до 5 верст ширины и больше), которая весною заливается ее водами и образует отличные луга. Именно эти луга издавна привлекали сюда население, густо осевшее по речной долине и сравнительно очень разреженное в стороне от нее»¹³.

Не менее содержательное описание с подробным перечислением мордовских поселений Самарской губернии с приречным заселением встречается у М. Гребнева: «По левую сторону Черемшана видны села и деревни с мордовским населением в больших скоплениях, — так по речке Кармалке, впадающей в Черемшан, находим мордву в селах: Новая Бесовка, Шентала и Старая Кармала (7 367 душ обою пола), т. е. в верхнем, среднем и нижнем течениях реки; между речками Сентемир и Малыкла ряд сел с мордвою, занявшей почти сплошное пространство земли в виде подковы, концами к северо-востоку: Александровка (на речке Сентемир), Новая Малыкла, Старая Малыкла (на речке Малыкла) и Старая Бесовка (на Черемшане) — 7 861 душа. В верховьях Черемшанского притока, Большого Аврала, три смежных мордовских села: Кирилловка (на Кирилловке), Новая Бинарадка (на Аврале) и Сухие Аврала (на речке того же наименования) — 2 594 души. Юго-западнее по направлению течения речек Ташолки, впадающей в Черемшан, и Сускана — непосредственно в Волгу, тянется непрерывный ряд сел с тем же инородческим населением, начинающийся селом Старая Бинарадка на реке Бинарадке, текущей в Волгу, в противоположном от Ташолки и Сускана направлении (на юго-востоке)». Далее исследователь отмечает, что в южной части Самарского и Николаевского уезда мордва расселилась по двум группам селений: первая расположилась по реке Моча, впадающей в Волгу — селения Подъем, Вязовый Гай, Каменный Брод, Титовка, Томылово, Горки, Мордовские и Русские Липяги (Липовка); вторая группа находилась по реке Иргиз, притоку Волги — селения Малая Глушица, Константиновка, Мосты, деревня Тепловка и Перекопное. В Николаевском и Новоузенском уездах имели приречное заселение селения Ново-Захаркино на речке Красной, впадающей в Малый Иргиз, Волжский приток; Миус на Миусе, впадающем в Большой Кутуш, приток Большого Иргиза; Милорадовка и Калдино. М. Гребнев констатировал, что на реке Моча проживало мордвы 11 573 чел., на реке Малый Иргиз — 769, на реке Большой Иргиз — 7 436 чел.¹⁴

Среди мордвы встречались различные формы расселения, но чаще наблюдалась гнездовая, подробное описание которой дал А. Постников на примере с. Верхнее Талызино Курмышского уезда Симбирской губернии. Исследователь отмечает, что между гнездовыми застройками оставляли небольшой переулочек в 8 саженей, в каждом гнезде было 2 дома, а через 40 дворов, или 20 гнезд, оставляли «прогалъ» размером в 50 саженей для разрыва поселений¹⁵.

¹³ Оглоблин Н. Н. Указ. соч. С. 881.

¹⁴ Гребнев М. Мордва Самарской губернии: ист.-этногр. очерк // Самарские епархиальные ведомости. 1886. № 23. С. 456 — 462.

¹⁵ Постников А. Жилище и различные постройки села Верх. Талызина Курмышского у. Симб. губ. // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. Казань, 1893 [фактически — 1894]. Т. 11, вып. 1 — 6. С. 385.

Нехватка земельных ресурсов и низкий уровень благосостояния крестьян часто являлись причинами переселения. Как отмечал Н. П. Огановский, большие потоки переселенцев во второй половине XIX — начале XX в. были направлены в Сибирь, что способствовало основанию новых мордовских поселений на этой территории. Но процесс переселения был затратным, и не каждый решался оставить родину. Количество денег, которые были у переселенцев, варьировалось, начиная со 102 руб. в 1896 г. до 171 руб. в 1900 — 1901 гг., затем опять снизилось, составляя в среднем, по данным переписи 1903 — 1904 гг., около 136 руб. на семью, имевшую деньги. По подсчетам, сделанным областным переселенческим бюро относительно денежных средств, необходимых для каждой переселяющейся семьи, при переселении в ближайшие области Сибири требовалось 50 руб. на дорогу и 400 руб. на хозяйственное обустройство. При переселении же в более отдаленные области — 101 руб. на дорогу и 600 руб. для обустройства хозяйством. Таким образом, переселенцу необходимо было иметь в среднем 575 руб. на хозяйство. Из переселенцев 1896 — 1903 гг. только 14,6 % дошло до места с 200 руб. и более, т. е. подавляющее большинство имело меньше половины денежных средств, необходимых (по расчетам земской организации) на первоначальное хозяйственное обустройство¹⁶.

Кроме денег переселенцы привозили с собой скот и инвентарь. По переписи 1903 — 1904 гг., было перевезено 3 300 голов крупного скота, что составляло 0,4 головы на хозяйство. По второй переписи — 1911 — 1912 гг., обеспеченность прибывших переселенцев крупным скотом составляла 1,6 головы на хозяйство. Таким образом, имущественное положение переселенцев начала XX в. было значительно выше, чем в XIX в.¹⁷

Наиболее часто до второй половины XIX в. встречалась беспорядочная застройка, но строгая государственная регламентация утвердила в сельской местности уличную планировку. Подобный факт, в частности, отмечал Н. И. Масленников¹⁸.

На планировку усадьбы накладывали отпечаток долгое время сохранявшиеся элементы патриархального уклада мордвы в виде большой семьи, патронимии и т. п., что обуславливало бытование общих для родственных семей усадеб, постановку нескольких жилых домов на одной усадьбе, иногда за линией уличной черты¹⁹.

Жилища чаще возводили из дерева, были также каменные, глинолитные, глинобитные. При сооружении глинолитных домов по углам и в средней части стен ставили коробку (опалубку). Потом рядами складывали солому и каждый ряд поливали раствором глины²⁰. Глинолитные дома были теплее и прочнее и имели ряд

¹⁶ Огановский Н. П. Закономерность аграрной эволюции. Т. 3. Обновление земледельческой России и аграрная политика. Вып. 1. Население. Переселенческий вопрос. Саратов [на обложке — Москва], 1914. С. 136.

¹⁷ Там же. С. 137.

¹⁸ Масленников Н. И. Указ. соч. С. 67 — 68.

¹⁹ Макушин Н. П. Поселения и жилища мордвы-эрзи Мордовской АССР: автореф. дис. ... канд. ист. наук. 1954. С. 15.

²⁰ Научный архив НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (НА НИИГН). И-217. Л. 8.

преимуществ перед саманными. В частности, саманные дома быстрее давали трещины и требовали частых ремонтов, особенно если фундамент плохой²¹.

Многие современники второй половины XIX — начала XX в. отмечали, что мордовские избы не отличались чистотой. Из-за содержания в зимнее время скота и топки «по-черному» в них наблюдались смрад и грязь. Часто это вызывало ряд заболеваний и проживавших в избе, что также негативно влияло на уровень жизни²². В. Н. Майнов, напротив, отмечал чистоту мордовских изб²³. Подобное мнение у него сложилось после обследования эрзя-мордовского села Лобаски в Лукояновском уезде Нижегородской губернии²⁴.

Большинство домов мордвы имели малую площадь, поэтому приходилось ютиться в тесноте. Например, в Сердобском уезде Саратовской губернии на 1 человека в мордовской избе приходилось 0,92 кубической сажени воздуха²⁵. Людность семей и нехватка материальных средств вынуждали людей селиться в небольших домах. Но даже в тесноте мордва старалась жить дружно, так как от количества рабочих рук зависели достаток и благосостояние семьи. Как отмечал В. Н. Майнов, встречались большие семьи (например, 17 человек), и никаких ссор в них, и все жили в дружбе²⁶.

Ценные сведения о хозяйственных постройках мордвы оставил Н. И. Масленников. Исследователь констатировал на примере с. Кученяева Алатырского уезда Симбирской губернии, что у мордвы бытовали различные надворные постройки: бани, амбары, дворы, овины и т. д., многие из которых имели своих богов-покровителей. Он зафиксировал интересный факт об устройстве бани, отметив, что некоторые из них строили без крыш, а на потолок набрасывали слой соломы²⁷.

Нехватка строительного материала и низкий уровень благосостояния во многом обуславливали маленькие площади жилищ и хозяйственных построек, небольшого размера окна и двери, преобладание топки «по-черному», так как считалось, что при установке трубы (к тому же это было довольно затратно) тепло уходит из дома [5].

Детально описана в дореволюционной периодике обрядность мордвы, связанная с поселением, жилищем и надворными постройками [6]. Многие исследователи констатировали, что родильная, свадебная, похоронно-поминальная, календарная

²¹ НА НИИГН. И-217. Л. 9.

²² Примеров А. Село Каменный Брод Краснослободского уезда // Пензенские епархиальные ведомости. 1872. № 5. С. 154 — 155; Минх А. Н. Народные обычаи, обряды, суеверия и предрасудки крестьян Саратовской губернии: собраны в 1861 — 1888 годах. СПб., 1890. С. 10 (Записки Императорского Русского географического общества по Отделению этнографии; Т. 19, вып. 2.); Богословский П. Указ. соч. С. 937.

²³ Майнов В. Н. Один день среди «мокши» (Отрывок из записной книжки) // Древняя и новая Россия. СПб., 1878. Т. 3, № 10. С. 123.

²⁴ Гр. П-в. Мордовское село Лобаски // Нижегородские епархиальные ведомости. 1887. № 14. С. 735.

²⁵ Сборник статистических сведений по Саратовской губернии. Т. 9. Сердобский уезд. Саратов, 1892. С. 83.

²⁶ Майнов В. Н. Очерк юридического быта мордвы. СПб., 1885. С. 154 (Записки Императорского Русского географического общества по Отделению этнографии; Т. 14. вып. 1).

²⁷ Масленников Н. Указ. соч. С. 67, 74.

обрядность в большой мере связана с поселенческо-жилищным комплексом, часто являющимся местом ее проведения²⁸. Вера в то, что поселения, жилища, хозяйственные постройки и даже их отдельные конструктивно-архитектурные детали имеют своих божеств-покровителей, очередной раз подтверждает заботу народа о местах проживания.

Заключение

Таким образом, поселения, жилища и хозяйственные постройки мордвы в дореволюционной периодической печати описаны довольно подробно. Исследователями была освещена их роль в обрядности, а также уделено внимание некоторым структурным и конструктивно-архитектурным компонентам. В связи с тем, что многие аспекты материальной и духовной культуры ныне забыты, дошедшие до нас сведения периодики помогают воссоздать и лучше понять существовавшие в прошлом традиции и быт мордовского народа. Не теряют актуальности дореволюционные периодические издания и в связи с тем, что являются важными источниками разнообразной информации для написания историко-этнографических научных трудов. Сегодня благодаря активному развитию электронных библиотечных ресурсов, пополнению и оцифровыванию архивных баз данных расширяются возможности в изучении материалов дореволюционной периодической печати.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Корнишина Г. А. Дом и ритуал в традиционной культуре мордвы // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2012. № 2 (18). С. 79 — 85.
2. Мокшин Н. Ф. Мордовский этнос. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1989. 160 с.
3. Мокшин Н. Ф. Мордва глазами зарубежных и российских путешественников. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1993. 240 с.
4. Мокшина Е. Н. Религиозная жизнь мордвы во второй половине XIX — начале XXI века. 2-е изд., доп. и перераб. Саранск: Тип. «Крас. Окт.», 2006. 308 с.
5. Мокшина Е. Н., Святкин М. И. Традиционные хозяйственные надворные постройки мордвы // Экономическая история. 2019. Т. 15, № 2. С. 154 — 165.
6. Мокшина Е. Н., Святкин М. И. Религиозные обряды и праздники мордвы-эрзи, связанные с жилищем и хозяйственными постройками // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2020. Т. 20, № 2 (50). С. 145 — 153.
7. Никонова Л. И., Романова М. Н. Историографический анализ традиционного жилища у мордвы // Научное мнение. 2011. № 1. С. 33 — 38.
8. Сушкова Ю. Н. Обычное право мордвы. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2019. 496 с.
9. Щанкина Л. Н. Мордва Сибири и Дальнего Востока: историко-этнографический аспект. М.: ВивидАрт, 2013. 459 с.

Статья поступила в редакцию 13.11.2023; одобрена после рецензирования 25.12.2023; принята к публикации 28.12.2023.

²⁸ Постников А. Верования и культ мордвы (эрзи) с. Сабанчеева Алатырского у. Симбирской губ. // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. Т. 11, вып. 1 — 6. С. 381 — 384; Белореченский И. Исторический очерк с. Лобаз Бузулукского уезда // Самарские епархиальные ведомости. 1875. № 19. С. 423.

Информация об авторах:

Елена Николаевна Мокшина, профессор кафедры истории России Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва (430005, Россия, г. Саранск, ул. Большевикская, 68), доктор исторических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7069-6563>, enm2112@mail.ru

Михаил Ильич Святкин, преподаватель кафедры истории России Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва (430005, Россия, г. Саранск, ул. Большевикская, 68), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8091-7713>, mihail_svyatkin@mail.ru

Вклад авторов:

Мокшина Е. Н. — разработка концепции, развитие методологии, анализ литературы, сбор материалов, научное редактирование статьи;

Святкин М. И. — сбор материалов и анализ литературы, написание первоначального варианта статьи.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Kornishina GA. House and Ritual in Traditional Mordovian Culture. *Humanitarian: Current Problems of Humanities and Education*. 2012;(2):79—85. (In Russ.)
2. Mokshin NF. Mordovian ethnic group. Saransk;1989. (In Russ.)
3. Mokshin NF. Mordvins through the Eyes of Foreign and Russian Travelers. Saransk;1993. (In Russ.)
4. Mokshina EN. Religious Life of the Mordovians in the Second Half of the XIXth — Early XX1st Centuries. Saransk;2006. (In Russ.)
5. Mokshina EN, Svyatkin MI. Traditional Outbuildings of the Mordovians. *Russian Journal of Economic History*. 2019;15(2):154—165. (In Russ.)
6. Mokshina EN, Svyatkin MI. Religious Rites and Holidays of Mordovian-Erzya, Related to Housing and Economic Buildings. *Humanitarian: Current Problems of Humanities and Education*. 2020;20(2):145—153. (In Russ.)
7. Nikonova LI, Romanova MN. Historiographical Analysis of the Traditional Dwelling of the Mordovians. *Scientific Opinion*. 2011;(1):33—38. (In Russ.)
8. Sushkova YuN. Customary Law of Mordovia. Saransk;2019. (In Russ.)
9. Shankina LN. Mordovians of Siberia and the Far East: Historical and Ethnographic Aspect. Moscow;2013. (In Russ.)

The article was submitted 13.11.2023; approved after reviewing 25.12.2023; accepted for publication 28.12.2023.

Information about the authors:

Elena N. Mokshina, Professor of Department of Russian History of National Research Mordovia State University (68 Bolshevistskaya Str., Saransk 430005, Russia), Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7069-6563>, enm2112@mail.ru

Mikhail I. Svyatkin, Teacher of Department of Russian History of National Research Mordovia State University (68 Bolshevistskaya Str., Saransk 430005, Russia), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8091-7713>, mihail_svyatkin@mail.ru

Contribution of the authors:

Mokshina E. N. — conceptualization, development of methodology, literature analysis, collection of materials, scientific editing of the article;

Svyatkin M. I. — collecting materials and analyzing literature, writing the initial version of the article.

Conflict of interests: the authors declare no conflict of interests.

The authors have read and approved the final version of the manuscript.

ISSN 2077-3579 (Print)

НАШИ ПРОЕКТЫ OUR PROJECTS

«ЛИТЕРАТУРНАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ МОРДОВИИ»* «LITERARY ENCYCLOPEDIA OF MORDOVIA»

Буква К / Part K

EDN BONJXX

КОЛОМА́СОВ Василий Максимович (14.8.1909, с. Ст. Найманы ныне Большеберезниковского р-на РМ — 6.3.1987, п. Молния того же р-на), эрзя-мордов. прозаик, драматург. Чл. СП СССР (1936). Участник Вел. Отеч. войны. Род. в крест. семье. Окончил краевую Мордов. сов.-парт. школу (1934), учился в МГПИ им. А. И. Полежаева (заочно). Василий был первым из 8 детей в семье. Отец Максим Варламович держал лавку в селе, был единоличником (в колхоз вступил в 1929). По окончании Старонаймманской шк. Василий трудился в хоз-ве отца, в 1926 — плотником в промысловой артели, 1927 — рабочим на стр-ве Сызранской гидроэлектростанции, 1928 — 29, 1932 — разнорабочим на стройках в Карелии, в 1930 — 31 — забойщиком на шахте Донбасса. В 1933 вернулся на родину. С 1934 — лит. сотр. ред. газ. «Эрзянь коммуна», затем ж. «Сятко»; в 1935 — пред. колхоза; 1936 — 38 — учитель родного яз. и лит-ры в Пермисской семилетней

шк., 1940 — 41 — учитель Старонаймманской средней шк. Большеберезниковского р-на МАССР. В 1938 — 39 являлся лит. консультантом правления СП Мордовии. На фронте К. был тяжело ранен (1943), после долгого лечения в госпиталях демобилизован (1944). В первый послевоенный год (1945 — 46) — зав. лит. частью Мордов. гос. драм. театра в г. Саранске. Затем вновь вернулся в Ст. Найманы, преподавал в шк. родной яз. и лит-ру (1946 — 56). В 1956 переехал в Саранск, до 1970 работал ред. в Мордов. кн. изд-ве, лит. сотр. ж. «Сятко». Последние годы жизни провёл в п. Молния.

Богатый жизн. опыт в значит. мере предопределил творч. интерес К. к формированию личности в новых социокультурных условиях. Увлечённость писателя данной темой обусловила изображение однотипного гл. героя в его рассказе «Прокопыч» (1935), пов. «Яхим Лавгинов» (1936), пьесах «Прокопыч» (1940) и «Норов ава» («Мать урожая», 1946), ром. «Лавгинов» (1941, перераб.

* Энциклопедические статьи / Encyclopedic articles

OUT PROJECTS

вариант — 1956). Как в драм., так и в прозаич. произведениях проблема формирования личности, изменения морального облика человека под влиянием социальных преобразований неразрывно связана с вопросами воспитания в семье, ответственности перед обществом и самим собой. Тема коллективизации сельского хоз-ва, колхозного строительства и их неоднозначных последствий, сказавшихся на судьбах людей, особенно явственно прозвучала в первом варианте ром. «Лавгинов», к-рый был подвергнут осуждению в послевоенной мордов. критике как искажающий сов. действительность. Вторая ред. в идейно-эстетич. отношении — это произв. социалистич. реализма с благополучным финалом, где представлен перевоспитанный коллективом персонаж. Если в первом варианте гл. герой Яхим Лавгинов нарисован как человек с плутовскими выходками, многословный лентяй и притворщик (писатель наделяет его говорящей фам.: «лавгамс» в пер. с эрз. яз. означает «болтать, молоть чепуху»), характер к-рого не меняется в течение жизни, несмотря на все перипетии, то во втором он получает развитие — под влиянием общества совершенствуется. По справедливому мнению лит-ведов, любящий праздное времяпрепровождение Лавгинов — самый яркий комич. образ в мордов. лит-ре. Автор показывает, что гл. причина такого поведения человека, неглупого от природы, надел. юмором, кроется в воспитании. Яхим был долгожданным и единств. ребёнком в семье, баловнем, к-рого мать до четырёх лет кормила грудью. Родители исполняли все его желания, к труду не приучали. В результате сформировалась личность, осн. заботой к-рой являлось самолюбование, желание представить себя в лучшем свете и ничего не делать. Это при-

вело Яхима к нравств. деградации, а в финале — к исправит. работам в колонии. Одно из гл. достоинств романа — его язык, характеризующийся яркостью, сочностью, колоритностью, добродушным юмором, нар. интонацией. К. достигает этого путём использования парных словосочетаний («шлямс-нардамс» — помыть-вытереть; «мекев-васов» — туда-сюда, букв.: обратно-далеко), идиоматич. выражений («сея ойде андомс» — накормить маслом козы; «пилыгть чавомс» — бить ноги, в значении «усиленно хлопотать о чём-л.»), слов с уменьшит.-ласкат. суффиксами («сазорка» — сестричка, «нармушконтень» — птичке), ярких авт. метафор («чись варштась виренть экштэ, валызе паксянтъ эсь сырнесэнзэ» — солнце посмотрело из-за леса, полило поле своим золотом), эпитетов и сравнений.

Проблема формирования характера нового человека раскрывается как в довоенных вышеназв. произв. К., так и в послевоенных рассказах «Пайстому пиштяка» («Несчастный», 1956), «Кавто цёрынеть» («Два мальчика», 1957), «Телень ки» («Зимняя дорога», 1984), пьесе «Каракужень свадьба» («Свадьба в Каракужах», 1960). В последней изображаются события, происходившие в мордов. селе в период Гражд. войны, в частности сбор мяса от населения в голодное время для нужд фронта. Конфликт основан на классовом противоречии между сторонниками и противниками сов. власти, бедняками и кулаками. Однако писателю не хватило худож. мастерства для полноценного раскрытия указ. конфликта и яркой обрисовки характеров персонажей. Среди драм. произв. К. наиболее удачной является комедия «Норов ава», где на первом плане находится изображение патриотич. пафоса тружеников села в годы Вел. Отеч. войны, их само-

отверж. борьбы за высокие урожаи ради победы над врагом. В качестве объекта иронии выступает Яхим Лавгинов, пишущий из госпиталя девушке письма любовного характера, в к-рых представляет себя в роли лётчика, а не повара, кем был на фронте на самом деле. В 1960 — 80-е гг. драм. произв. К. неоднократно ставились на сцене Мордов. драм. театра. В 1962 ром. «Лавгинов» был инсценирован реж. А. А. Шориным (см. *Инсценировка*).

В мордов. лит-ру К. вошёл и как талантливый переводчик на эрз. яз. произведений рус. и заруб. классики (комедия «Ревизор» Н. В. Гоголя, рассказ «Судьба человека» М. А. Шолохова, стихи Г. Гейне, рассказы болг. писателей: «По пути домой» А. Ценева, 1966; «Тошо и Жанна» З. Дафинова, 1966).

Награждён орденами Трудового Красного Знамени, Отеч. войны II ст., медалями.

Соч.: Прокопыч : (Комедия). Саранск, 1940 ; Норов ава : (Комедия). Саранск, 1946 ; Лавгинов : роман. Саранск, 1941 ; 1956 ; Лавгинов : роман / авторизов. пер. с эрзя-мордов. Л. Елисеева. Саранск, 1959 ; Лавгинов : повесть / пер. с мордов. Л. Нестеренко. М., 1975 ; Lavginov : romaан / vene keelest tõlk. L. Soe. Tallinn, 1987 ; Лавгинов : роман. 3-це изд. Саранск, 1989 (Шк. б-ка) ; Кода овтось ёмавтызэ пулонзо : ёвкс // Сятко. 2019. № 8 ; Зязо Михай : ёвтнема // Там же. 2020. № 5.

Лит.: ПМ. 2001 ; 2015. Т. 1 ; История мордовской советской литературы. Саранск, 1968. Т. 1 ; *Коломасов Н.* Мольсь эсь киява : В. М. Коломасовонь чачома чистэнзэ 80 иень топодемантень // Сятко. 1989. № 4 ; *Дёмин В. И.* Комическое в мордовской литературе (этапы эволюции). Саранск, 2001 ; Мордовия : энциклопедия. Саранск, 2003. Т. 1 ; Мордовия, XX век: культурная элита : энц. справ. Саранск, 2010. Ч. 1 ; *Сергеева Е., Цанюк Н.* «Обломов» ды «Лавгинов»: вейкетъксьчить ды явовкст // Сятко. 2015. № 4 ; Василий Максимович Ко-

ломасов : чачома чистэнзэ 110 иетненень // Там же. 2019. № 8.

А. М. Каторова.

EDN EWDOOJ

КОМЕ́ДИЯ (от греч. komos — весёлая процессия ряженных на дионисийских празднествах и ode — песня), драм. произв. с юмористич. или сатирич. пафосом, порождённым комич. противоречиями воссоздаваемых характеров. В К. конфликты часто основаны на случайности, характеры персонажей, как правило, не меняются по ходу событий. Осн. идейная направленность К. — изображение внутр. несостоятельности, нелепости, неполноценности комич. характеров, их сатирич. или юмористич. отрицание. Через комизм персонажей в К. показываются определённые обществ. нравы, связ. с устаревшими обществ. порядком или формой жизни. По характеру смеха и эстетич. пафосу лит-веды выделяют следующие виды К.: 1) сатирич., лирич. и героич. (Н. А. *Гуляев*); 2) сатирич.; сочетающие сатиру, комизм и серьёзное, трогательное; романтич., или лирич. (Н. П. *Шпагин*); 3) нравов; характеров; интриги (Б. В. *Томашевский*). В мордов. лит-ре данный жанр развивается с 1920-х гг. Генетически мордов. К. восходит к традициям нар. смеховой культуры: празднично-обрядовым действиям м. «Роштувань кудо», э. «Роштовань кудо» («Рождественский дом»), м. «Стирень пивань кудо», э. «Тейтерень пиянь кудо» («Дом девичьего пива») и др. (см. *Календарно-обрядовая поэзия*). Среди ранних образцов мордов. комедиаграфии сов. времени преобладали одноактные сатирико-юмористич. пьесы-агитки, в карикатурно-гротескной форме высмеивавшие представителей зажиточного крестьянства, служителей

церкви, пережитки патриархального быта и общечеловеч. пороки. Популярностью пользовались предназнач. для сельского самодеят. театра комедийные пьесы «Пеень лечиця» («Зубной доктор», 1922), «Роки туво» («Хрюкающая свинья», 1924) Ф. М. Чеснокова; «Якувонь полац» («Жена Якова», 1923) Ф. И. Завалишина; «Роштувань ютксо» («Во время Рождества», 1925) *Ильфёка*; «Чопода вий» («Тёмная сила», 1933) К. С. Петровой; «Ордакш» («Капризная», 1933) М. И. *Безбородова*. Первой мордов. К., поставл. на проф. сцене, стала многоактная пьеса «Прокопыч» В. М. *Коломасова* (1940). В ней показан процесс перевоспитания нерадивого колхозника, созданы нац. типы, продолжившие сценич. жизнь в следующей, более лирич. К. автора «Норов ава» («Мать урожая», 1946). С 1950-х гг. в мордов. драматургии получила значит. развитие лирич. К. с характерной для неё юмористич. легковесностью бытовых и производств. конфликтов, изображавшая преимущ. недостатки человека и общества: «Валдо васоло угол вельксэ» («Свет над дальним углом», 1950) П. С. *Кириллова*; «Цянавне» («Ласточка», 1958) П. У. *Гайни*; «Пряурма» («Головная боль», 1965) И. П. *Кишнякова* и И. М. *Девина*; «Эрванть эсензэ ормазо» («У каждого своя болезнь», 1969), «Од тейтерь» («Молодая девушка», 1974), «Васолдонь инже» («Гость издалека», 1977) К. Г. *Абрамова*; «Кафта свадьбат» («Две свадьбы», 1977) П. Н. Черняева и др., а также водевилей и муз. К., напр. «Косто моли морось» («Откуда звучит песня», 1982) Н. П. Васильева. В то же время, обретая большую остроту, развивалась сатирико-юмористич. социально-бытовая К., выставившая в неприглядном свете сельскую бюрократию, мздоимцев, бездарных рук., приспособленцев. Вместе с тем по причине слабой социально-полит. вос-

требованности сатирич. жанра в 1960 — 70-е гг. мн. лучшие сатирич. К. мордов. авторов («Эсеть эйстэ а туеват» — «От себя не уйдёшь» Абрамова; «Паро ки» — «В добрый путь» И. З. *Антонова*; «Гаравень честезэ» — «Честь Гараева» С. З. Платонова; «Ванодо: берянь ломань» — «Смотрите: плохой человек» А. С. Щеглова; и др.) не получили сценич. воплощения. Качеств. обновление жанра началось с 1980-х гг. в первых мордов. К. с элементами трагич. пафоса: «Кавалонь пизэ» («Гнездо коршунов», 1982; телеспостановка — 1989) и «Багировонь самозо» («Пришествие Багирова», 1992) Абрамова; «Куштаф ваймот» («Заплесневевшие души», 1989) Н. Б. *Голенкова*; «Эрямонь тапаркс» («Путаница жизни», 1996) Н. Я. Тремасова. В нач. 2000-х гг. появились К. абсурда («Назад, к победам» А. И. Пудина, 2007), К. нравов («Кафта нумол мельге» — «За двумя зайцами» А. П. Тяпаева, 2011) и др. Малыми формами сатирич. сценки, К.-сказки обогатила мордов. комедиографию С. М. Люлякина («Кенгелиця» — «Хвастунишка», «Печкин рот», «Гандавтыця» — «Страшило», 1994); фарса, инсценировки и интермедии — К. В. Смородин, А. И. Смородина («Пьеса для одной семьи», «Новогодний бенефис», «Сергей Сергеев в новом амплу», 1993), Пудин («Завтра — Агавайрем», 1994), А. Д. *Ганчин* («Эрямонь киулот» — «Жизненные перекрёстки», 1996; «Превей кудо» — «Умный дом», 2002; «Селень сельведть» — «Слёзы ежа», 2006); В. И. Мишанина («Мишендись и циркста алясь» — «Продавец и мужчина из цирка», 2002; «Пекурма» — «Расстройство желудка», 2002) и др.

Лит.: *Борев Ю. Б.* Эстетика. Теория литературы : энц. слов. терминов. М., 2003 ; ЛЭТП ; *Чернец Л. В.* Литературные жанры : Проблемы типологии и поэтики. М., 1982 ;

Бассаргин Б. А., Пешонова В. Л. Очерки истории мордовского советского театра. Саранск, 1966; **Чернов Е. И.** Годы и конфликты. Саранск, 1981; **Его же.** Драматурги Мордовии. Саранск, 1991; **Брыжгинский В. С., Пешонова В. Л.** Мордовский профессиональный театр // Мордва : ист.-культур. очерки. Саранск, 1995; **Дёмин В. И.** Комическое в мордовской литературе (этапы эволюции). Саранск, 2001; **Антонов Ю. Г.** Жанрово-тематическое своеобразие мордовской комедии второй половины XX в. // Фин.-угор. мир. [Саранск]. 2013. № 2; **Его же.** Истоки и эволюция жанра комедии в мордовской драматургии // Тр. Карел. науч. центра РАН. 2014. № 3; **Борисова Ю. В.** Комедийное творчество Александра Пудина // Огарёв-online. 2015. № 2. URL: <https://jurnal.mrsu.ru/arts/komedijjnoetvorchestvo-aleksandra-pudina>. Дата публикации: 21 янв. 2015.

С. Г. Девяткин, А. М. Каторова.

EDN ВРВУОК

КОМІЧЕСКОЕ (греч. komikos — весёлый, смешной, от komos — весёлая процессия ряженных на дионисийских празднествах), эстетич. категория, отражающая противоречия действительности; смешное, вызывающее смех, веселье. В лит-ведении под К. подразумевается «...определённый вид творчества, суть которого сводится к сознательному конструированию некой системы явлений или понятий, а также системы слов с целью вызвать эффект комического», или смех (Дземидок Б. О комическом. М., 1974, с. 7). К осмыслению К. как эстетич. категории обращались Аристотель, Платон, Б. Спиноза, И. Кант, Г. В. Ф. Гегель, Ф. Шеллинг, Жан Поль (И. П. Ф. Рихтер), В. Г. Белинский, Н. Г. Чернышевский, С. Кьеркегор, А. Шопенгауэр, Ф. Ницше, З. Фрейд, А. Бергсон и др. Исследованию К. в лит-ведч. аспекте посвящены работы М. М. Бахтина,

Ю. Б. Борева, Б. Дземидока, Д. С. Лихачёва, А. М. Панченко, Н. В. Поньрко, Л. Е. Пинского и др. Гл. признаком К. является смех. Он может быть как добродушным, так и злым, жестоким, заставляющим страдать. В лит-ведении общепринятой классификации видов К. нет. Вместе с тем есть традиция выделения его специфич. проявлений: *гротеска, иронии, сарказма* (язвит. насмешка, высшая степень иронии, когда негодование высказывается вполне открыто), пародии (комич. подражание) и шаржа (неправдоподобное преувеличение в обрисовке лица или явления). В произв. К. возникает только по воле автора: это могут быть элемент сюжета (недоразумение, принятие одного героя за другого, неузнавание, ошибочные действия), характер персонажа (противоречие между самооценкой и произведённым впечатлением, между словом и делом, между желаемым и действительным и т. д.), особенности его речи (нелепости, оговорки, имитация дефекта речи, акцента, не к месту звучащая иностр. речь). Как правило, смешное становится частью произв. для того, чтобы подчеркнуть к.-л. обществ. или личностные недостатки, противоречия. Часто расцвет юмористич. и сатирич. произв. приходится на ист. периоды, когда открыто говорить об обществ. проблемах рискованно.

Определённое представление о природе и характере смеховой культуры мордвы дают работы заруб. (И. Г. Георги, П. С. Паллас, Х. А. Паасонен и др.) и отеч., в т. ч. нац. (В. А. Ауновский, И. И. Лепёхин, А. А. Шахматов, М. Е. Евсеев, А. И. Маскаев, Б. Е. Кирюшкин, В. В. Горбунов, А. Г. Самошкин, А. Г. Борисов, Е. И. Чернов, В. М. Макушкин, В. С. Брыжгинский, К. Т. Самородов, А. Д. Шуляев, Г. С. Девяткин, А. В. Алёшкин, В. И. Дёмин, О. Е. Осовский и др.), иссле-

OUT PROJECTS

дователей. Ими раскрыты мн. особенности смеховой культуры мокши и эрзи, её влияние на формирование и развитие лит. сатиры и нац. лит-ры в целом.

Богатая зрелищно-смеховая культура мордов. народа берёт истоки в празднично-обрядовых действиях (см. *Календарно-обрядовая поэзия*), широко использовавших ряженье, маски, весёлые сценки и игры. Смех как форма эмоц. критики сопровождал мордвина, начиная с праздника новорождённого и заканчивая похоронно-помин. обрядами. Особым духом нар. смеха пронизаны свадебные сюжеты, богатые этнич. деталями. В мордов. свадьбе своеобразным состязанием в острологии являлось исполнение корильных (м. сяддомат, покордамат, э. сялгавтнемат, поэрамаат) и корильно-величальных (м. паряфнемат, паряфтомат, э. парявтнемат, парявтомат) песен.

Значит. роль в становлении и развитии К. в мордов. лит-ре, по мнению исследователей, принадлежит жанрам устного нар. творчества: сатирич. сказке (Маскаев, 1947), сатирич. песне (Самошкин, 1976; Шуляев, 1986), загадке, пословичным и присловичным выражениям (Самородов, 1986), частушке (Самошкин, 1987) и др. Учёные утверждают, что К. в фольклоре — это не единственный, случайный элемент, а выражение подлинной жизни народа, его самобытности.

В период формирования мордов. лит-ры (1920 — 30-е гг.) широкое распространение получило сатирич. стихотворение. Этот жанр был одной из начальных ступеней в развитии К. в проф. лит-ре. Он помог посредством К. художественно более полно обнаружить лучшие качества народа. Первые сатирич. стихотворения начинающих мордов. литераторов (М. И. Безбородов, Ф. Бездольный, Я. П. Григошин, А. В. Ду-

няшин, Ф. И. Завалишин, Ф. И. Чесноков, И. И. Прокин и др.), публиковавшиеся на страницах нац. газет («Якстере сокиця», «Якстере теште», «Од веле») и журналов («Валда ян», «Сятко»), хотя и были в худож. отношении несовершенно, обладали определённой ист. и худож. ценностью («Эрзякс овсе а корты, рузкс кортамо а машты» — «По-эрзянски совсем не говорит, по-русски говорить не умеет» Сэме, 1924; «Сон несъ он» — «Он видел сон» Григошина, 1933; и др.). Наряду с обличит.-критич. пафосом в сатирич. поэзии развивались принципы иронич. осмысления изображаемого. В сатирич. стихотворениях широко использовались *антитеза*, сравнение, эпитет, *гипербола*, гротеск, шаржирование. Позднее в произв. мордов. писателей публиц. стих стал сочетаться с полными юмора и сарказма язвит. характеристиками конкретных жизн. явлений («Варяв курго» — «Дырявый рот» П. К. Любаева, 1958; «Кундызь сяддиксэ» — «Поймали за шкирку» А. С. Щеглова, 1961; «Я — это мон» — «Я — это я» Ю. Н. Азрапкина, 1970; «Боярава» — «Боярыня» И. Е. Шумилкина, 1971; «Цяпак, эрзя» — «Аплодируй, эрзянин» М. А. Втулкина, 1986; «Трёшник Ваня» И. М. Девина, 1992; «Пряурма» — «Докука» А. П. Тяпаева, 1994; «Нола Таня» — «Ленивица Таня» В. И. Брындиной, 2015; «Велень „Барон”» — «Деревенский „Барон”» М. Н. Бычкова, 2016; и др.).

Особый пласт лирики составляют др. сатирич. жанры — эпиграмма, пародия, сингорямат («укоры»), шарж. Аналогом дружеской пародии в мордов. лит-ре является *аф кяжиямга*. К чисто нац. жанровым образованиям относятся сингорямат, не встречающиеся в др. лит-рах. Данный жанр объединяет черты эпиграммы, шаржа и пародии. В нац. журналах сатирич. произв. публикуются

в специальных рубриках, в разные годы называвшихся по-разному: в ж. «Мокша» — «Кячказ» («Крючок»), «Цятконя» («Искорка»), «Палакс» («Крапива»), «Лотор атя» («Старик Лотор»); в ж. «Сятко» — «А кежиявтнемс!» («Не обижаться!»), «Карязонь трокс» («По спине»), «Сэме» («Щётка») и др. Для мордов. писателей (Азрапкин, И. И. Батяйкин, М. А. Бебан, Бычков, И. П. Вешкин, А. Д. Ганчин, Девин, В. А. Кригин, В. М. Лобанов, Любаев, А. С. Малькин, М. С. Моисеев, Э. Пятай (Е. И. Пятаев), Тяпаев, Шумилкин и др.) они стали школой совершенствования мастерства в создании комич. образов. Жанрам эпиграммы, пародии и шаржа присущ иронико-юмористич. пафос передачи несообразностей и смешных сторон произведений, обрисовки характеров и реальности («А. Лукьяновдо» — «О Лукьянове», «Артур Мородо» — «Об Артуре Моро», «Зиньковдо» — «О Зинькове» П. Д. Кономанина, 1934; «Подражания Вечкановнень» — «Подражание Вечканову» К. Д., 1941; «Буль-буль» П. У. Гайни, 1956; «Псевдоним» П. Я. Бардина, 1967; «Декламатор», «Превс путома» — «Нравоучение» А. У. Эскина, 1967; «Сянь... тьяк сода» — «То... не знай», «Мес мазыхть розатне?» — «Почему красивые розы?» Девина, 1974; «Кафта шамат» — «Двуличный», 1974, «Оцю тев» — «Большое дело», 1982, Е. С. Тимошкина; «Московсто инже сась» — «Гость приехал из Москвы» А. В. Арапова, 1988; «Шуди ляйсь и шудихть стихне...» — «Течёт река и текут стихи...» Н. И. Циликينا, 1992; «Саразонь фермасо» — «На птичьем дворе» И. А. Калининина, 1994; «Кстыень вечкиця» — «Любитель земляники», 2004, «Начко стихть» — «Мокрые стихи», 2014, Н. И. Ишуткина; «Стаки моли пингонясь» — «Так и идёт времечко» Кригина, 2006; сб. «С друже-

ским приветом» (шаржи на В. И. Мишанину, С. С. Конкина, И. В. Чегодайкина, В. А. Гадаева и др.) И. А. Бояркина, В. Ю. Юшкина, 1983; и др.). В произведениях вышеназв. жанров соединились черты лёгкой насмешки и доброжелательно-шутливой интонации.

В мордов. басне (см. *Басня*) элементы К. помогают образно, эффективно и оперативно осмеивать негативные явления жизни, раскрывать актуальные темы. Авторы чаще всего строят басни на обличит. иронии («Кал ды каль» — «Рыба и ива» Э. Пятай, 1936; «Келазсь и Вирень саразсь» — «Лиса и Куропатка», 1960, «Орта столбась и Иванць» — «Воротный столб и Иван», 1972, Бебана; «Взяткин» Шумилкина, 1967; «Чёфксьс и атёкшне» — «Соловей и петухи», Девина, 1974; «Комоля ды Жердя» — «Хмель и Жердь» Батяйкина, 1992; «Бралги офта» — «Медведь-шатун» Кригина, 2000; «Сёмань тиклац» — «Тыква Семёна» Тяпаева, 2011; «Лефсь серьгядсь пуромкс» — «Лев созвал собрание» Моисеева, 2012; «Тувось пеняцясь» — «Свинья пожаловалась» Бычкова, 2012; «Кота ды Карь» — «Ботинок и Лапоть» М. В. Моторкина, 2015; «Шекшата» — «Дятел», «Коткудавт ды Узере» — «Муравьи и Топор» А. С. Подгорновой, 2016; и др.), иногда используют сарказм («Тонавтыця туво» — «Поучающая свинья» Шумилкина, 1958; «Шава Боцькя» — «Пустая Бочка», «Ава-Павась и Павлинць» — «Пава и Павлин» Девина, 1974; и др.).

Особенности смещения акцентов смеха и изменение его тональности отразились также на развитии мордов. прозы. Если изначально в ней преобладала социально насыщ. сатира, то позднее она уступила место иронико-юмористич. тенденциям, в основном лёгкому, развлекат. юмору. Мордов. сатирико-юмори-

стич. проза характеризуется богатством смеховых красок. Так, в жанре фельетона проявляются обличит. тенденции («Активист», «Парсте морат, аздан козонь озат» — «Хорошо поёшь, неизвестно где сядешь» Дуняшина, 1930; «Банкет» В. Н. Радина, 1960; «Кочевникт» — «Кочевники», 1970, «Потяй Филя» — «Сосун-Филя», «Шужарень шляпа» — «Соломенная шляпа» 1993, Тяпаева; «Явомань урма» — «Болезнь разводиться» Бычкова, 1993; «Ломаттне и цильфне» — «Люди и тени» Г. И. Пинясова, 1998; «Кинь кодамот видьмонза» — «У кого какие семена» Лобанова, 2003; «Машинать салафтозе азороц» — «Машину велел украсть хозяин» Корчеганова, 2015; и др.). Особенностью развития мордов. сатирико-юмористич. рассказа является остроумно разработанный комич. сюжет, где важная роль отводится конфликту и его неожид. развязке. Часто иронич. эффект возникает вследствие того, что писатель умело высмеивает состояние и поступки героев. Внутр. монологом они дают самооценку, вызывающую у читателя смех («Дунька-председатель» Чеснокова, 1929; «Казна» — «Клад» С. И. Родкина, 1937; «Курка» — «Индюк» Девина, 1956; «Пря урма» — «Головная боль», 1972, «Акша панкт» — «Белые грибы», 1984, Моисеева; «Цыганова» — «Цыганка» П. А. Ключагина, 1979; «Ламбамо Иван» — «Сладкий Иван» Г. П. Агейкина, 1994; «Дарвинонь коряс» — «По Дарвину», 2008, Пинясова; «Иля ойсе лиянь нурдс» — «Не садись в чужие сани», «Сюпавчись как а сюпавчи» — «И богатство — не богатство» Ишуткина, 2004; «Донжуан из Петровки» А. И. Брыжинского, 2010; «Реформат» — «Реформы» Ганчина, 2010; «„Ёню” Степан» — «„Умный” Степан» Брындиной, 2011; «Секретная кьяль» — «Секретный язык» Бычкова,

2012; «Проклятие Муму» Санди Сабы (А. А. Бажанова), 2017; и др.). В сатирич. и юмористич. повести К. является средством создания образа, характеристики внутр. мира героя, его психологии, сочетается с лиризмом и конкретностью факта («Миртгь-рвват» — «Супруги», 1985, «Ляксея атянь эряфоц» — «Жизнь деда Лексея», 1986, Тяпаева; «Минь — мирнеряйхтяма» — «Мы — мирнейские» Радина, 1986; «Сувсто лисема» — «Выход из тумана» В. Л. Алтышкина, 1994; «Варма ковол» — «Порыв ветра», «Газетная история» Бажанова, 1997; «Фантастические приключения доярки Нюрки и коровы Шурки» В. А. Ивенина, Е. Козиной, 1997; «Сюрко Кумбрия» Моторкина, 2007; «Щавача» — «Пустышка» Вешкина, 2013; и др.). Наиболее значит. роль элементы К. играют в романе. Используемые в этом жанре комич. приёмы и выразит. средства помогают в создании образов героев, организации эпически-повествоват. структуры произв., его речевой архитектоники. Часто предметом юмористич. изображения является не элементарно-, а социально-комическое, во многом предопределяющее характер смеха, органич. сочетание юмористического с серьёзным и драматическим. К числу романов с преобладанием комич. пафоса относятся «Лавгинов» В. М. Коломасова (1941); «Волшебная чаша гномов» (1996, 2004) и «Жар-Птица» (2017) Санди Сабы. В др. произв., напр. «Эсеть канстось а маряви» («Своя ноша не в тягость», 1967) К. Г. Абрамова, «Нардише» («Трава-мурава», 1969) Девина, «Кочкоддыкесь — пакся нармунь» («Перепёлка — птица певчая», 1993) А. М. Доронина, есть лишь элементы К.

Наиболее полно и зримо К. проявляется в жанре *комедии*.

При всей разноплановости творч. манеры средствами К. авторы стремятся

к решению морально-этич., нравств. проблем. Вводя героев в смешные ситуации, писатели находят разнообразные краски для комментирования их поведения и оформления высказываний.

Лит.: КЛЭ. Т. 3 ; СЛТ ; ЛЭТП ; **Борев Ю. Б.** Комическое, или О том, как смех казнит несовершенство мира, очищает и обновляет человека и утверждает радость бытия. М., 1970 ; **Дземидок Б.** О комическом. М., 1974 ; **Тынянов Ю. Н.** О пародии // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977 ; **Бахтин М. М.** Проблемы поэтики Достоевского. М., 1979 ; **Лихачёв Д. С., Панченко А. М., Понирко Н. В.** Смех в Древней Руси. Л., 1984 ; **Пропп В. Я.** Проблемы комизма и смеха. М., 1997 ; **Выгон Н. С.** Юмористическое мироощущение в русской прозе. М., 2000 ; **Маскаев А. И.** Мордовская народная сказка. Саранск, 1947 ; **Кирюшкин Б. Е.** Мордовский советский роман. Саранск, 1965 ; **Горбунов Г. И.** Поэзия — душа народа. Саранск, 1973 ; **Самошкин А. Г.** Песни ходят по селеньям. Саранск, 1976 ; **Его же.** Частушка // Мордовское устное народное творчество. Саранск, 1987 ; **Борисов А. Г.** Художественный опыт народа и мордовская литература. Саранск, 1977 ; **Чернов Е. И.** Годы и конфликты. Саранск, 1981 ; **Макушкин В. М.** Обретение зрелости. Саранск, 1984 ; **Брыждинский В. С.** Народный театр мордвы. Саранск, 1985 ; **Самородов К. Т.** Мордовские пословицы и поговорки. Саранск, 1986 ; **Шуляев А. Д.** Жизнь и песня. Саранск, 1986 ; **Десяткин Г. С.** Мордовский рассказ. Саранск, 1987 ; **Алёшкин А. В.** Арьсемат. Саранск, 1989 ; **Моисеев М. С.** Нереализованные возможности : (О жанрах совр. сатиры и юмора) // Современная мордовская литература: 60 — 80-е годы. Саранск, 1991. Ч. 1 ; **Дёмин В.** Многоцветие смеха : Комическое в мордов. лит-ре. Саранск, 1998 ; **Его же.** Комическое в мордовской литературе (этапы эволюции). Саранск, 2001 ; **Найдеева О. И.** Идейно-художественное своеобразие эпиграммы в творчестве современных поэтов Мордовии // Вест. Челяб. гос. ун-та.

2012. № 2 (Филология. Иск-ведение; вып. 62) ; **Сафонова Е. В.** Формы, средства и приёмы создания комического в литературе // Молодой учёный. [Чита]. 2013. № 5 ; **Калмыкова И. Г.** Категория комического и жанр комедии в литературном процессе: проблемы изучения // Вест. Бурят. гос. ун-та. [Улан-Удэ]. 2014. Вып. 10 ; **Осовский О. Е.** Смеховое слово как один из аспектов наследия М. М. Бахтина // Актуальные проблемы гуманитар. и естеств. наук. [М.]. 2015. № 8-2 ; **Ермина Н. И., Шеянова С. В.** Специфика моделирования комического дискурса в рассказах мордовского прозаика Н. Ишуткина // Вест. угроведения. [Ханты-Мансийск]. 2020. Т. 10, № 2.

И. И. Шеянова.

EDN BRPEVJ

КОМПАРАТИВИЗМ, КОМПАРАТИВИСТИКА (от лат. *comparativus* — сравнительный), в широком понимании — сравнит.-ист. (сравнит.) лит-ведение, науч. метод выявления сходства и различий, взаимоотношений лит-р разных стран и народов (прямых контактов, влияний, заимствований, типологич. схождений), а также определения специфич. процессов развития; в узком смысле — метод исследования лит. процесса, способствующий установлению универсальных мотивов в худож. произведениях и раскрытию их ист. модификаций. Основоположником сравнит. лит-ведения является нем. филолог Т. Бенфей, к-рый в предисловии к пер. др.-инд. сб-ка мифов, сказок и басен «Панчатантра» («Пятикнижие», 1859) обосновал «теорию миграции» («теорию заимствований»). При этом он исходил из того, что все нац. лит-ры взаимодействуют и перенимают друг у друга мотивы, поэтому осн. задачей лит-ведения является установление контактов и заимствований. Теория Бенфея получила широкое распространение во мн. странах Европы. Первая работа

«Сравнительное литературоведение» была написана англичанином Г. М. Поннеттом (1886). В России сравнит. метод одним из первых использовал А. И. Кирпичников в дис. «Опыт сравнительного изучения западного и русского эпоса. Поэмы ломбардского цикла» (1873). Существ. вклад в развитие теории заимствований внёс А. Н. Веселовский. В работах «О методе и задачах истории литературы как науки» (1870) и «Поэтика сюжетов» (1897 — 1906) он утверждал, что похожие мотивы в древнем устном нар. творчестве часто возникают не по причине культурного взаимодействия народов друг с другом, а в силу общности развития, сходства социальных условий, интересов и воззрений на жизнь. Т. обр., констатировал учёный, общие «мотивы не заимствуются, а самозарождаются» (см.: Веселовский А. Н. Историческая поэтика. М., 1989, с. 300 — 307). Заслуга исследователя заключается не только в обосновании «теории самозарождения сюжетов», но и в разграничении понятий «мотив» и «сюжет». По мнению Веселовского, сюжет представляет собой сочетание мотивов, к-рое определяется мн. условиями, в т. ч. заимствованием. Теория заимствований получила дальнейшее развитие в кон. 19 — 1-й пол. 20 в. во Франции, прежде всего в работах П. ван Тигема («История литературы Европы и Америки от Возрождения до наших дней», 1946; и др.). При анализе авт. худож. произведений учёный обратил внимание в большей мере не на заимствования, а на лит. влияния, выражающиеся в выборе жанров, стилей, сюжетов, тем, идей и чувств. В России 20 в. К. развивали М. П. Алексеев, В. М. Жирмунский, Н. И. Конрад и мн. др. При определении типологич. явлений в лит. процессе и творчестве отд. писателей учёные исходили из положения,

что любое заимствование в лит-ре, осуществляемое на уровне мотива, темы, сюжета, персонажа, худож. детали, композиц. приёма и др., — творч. акт, поскольку в ходе создания произведения писателем они переосмысливаются, перерабатываются, трансформируются. По этой причине в процессе сравнит.-ист. анализа целесообразно не только решать вопросы влияний и заимствований, устанавливать типологич. общность, но и подчёркивать оригинальность произведений, раскрывать своеобразие, самобытный характер творчества. Совр. К. разрабатывает проблемы генетико-контактных связей лит-р, типологии последних на тематич., морфологич. и генеалогич. уровнях, отображения «национального типа» («образа иностранца») в различных лит-рах, взаимосвязей и взаимодействия лит-ры с др. видами иск-ва и духовно-творч. деятельности человека.

В мордов. лит-ведении теоретич. проблемы К. не являлись предметом специального рассмотрения, вместе с тем метод сравнит. изучения лит-р активно используется исследователями с кон. 1960-х гг. Первопроходцем стал Н. И. Черрапкин, к-рый на основе анализа произв. З. Ф. Дорощеева, С. Г. Чавайна и К. И. Иванова установил идейно-тематич. близость мордов., мар. и чув. лит-р. Учёный аргументировал высокий уровень общности худож. мышления писателей и сходство способов отображения ист. судеб соседствующих народов, обосновал позитивное влияние на развитие нац. лит-р традиций рус. лит-ры, гл. обр. творчества М. Горького. Следующим шагом в изучении мордов. лит-ры в сравнит. аспекте были работы А. В. Алёшкина, в частности монография «Эпос дружбы», гл. цель которой заключалась в определении типологии жанра поэмы в

лит-ре народов Поволжья. На основе глубокого анализа мордов., мар., удм. и чув. поэмы кон. 19 — 2-й трети 20 в. учёный пришёл к выводу, что на развитие данного жанра большое влияние оказали традиции устного нар. творчества и углубившееся межнац. взаимодействие с опытом рус. лит-ры, а через неё и мировой. Взаимосвязи мордов. лит-ры с укр. исследовала на примере творчества Н. Эркая М. М. Сусорева. Она сосредоточила внимание на переводах писателем произв. Т. Г. Шевченко, Л. Украинки (Л. П. Косач), П. Г. Тычины, личных встречах с М. П. Бажаном, А. Е. Корнейчуком, Тычиной, в процессе анализа стихов Н. Эркая на укр. тему проследила генетич. связи двух лит-р. Изучению взаимодействия мордов. и венг. лит-р посвящено неск. работ Т. И. Кубанцева. В них учёный выявил типологич. идейно-тематич. близость этих лит-р, проанализировал взаимные пер. поэзии и прозы, определил особенности рецепции произв. мордов. лит-ры венг. критиками, установил контактные творч. связи писателей. Компаративистский подход в исследовании жанровой парадигмы мордов. худож. прозы осуществляет О. И. Бирюкова, отслеживая типологич. параллели в становлении и развитии фин.-угор. лит-р Поволжья и Приуралья, рассматривая типологич. и нац.-обусловл. черты жанров рассказа, повести и романа в мордов., мар., коми, удм. и чув. лит-рах. Вопросы сравнит.-сопоставит. анализа мордов. и рус. лирич. поэзии (в частности А. В. Арапова и Б. Л. Пастернака, Арапова и С. А. Есенина) являются предметом изучения А. М. Каторовой.

Лит.: *Дима А.* Принципы сравнительного литературоведения. М., 1977 ; *Дюришин Д.* Теория сравнительного изучения литературы.

М., 1979 ; *Домокош П.* Формирование литератур малых уральских народов. Йошкар-Ола, 1993 ; Сравнительное литературоведение: Россия и Запад. XIX век : уч. пособие. М., 2008 ; *Погребная Я. В.* Сравнительно-историческое литературоведение. М., 2011 ; Литературоведческая компаративистика. Введение в практику анализа : уч. пособие. Абакан, 2012 ; *Клюс А. Г.* Основные аспекты современной компаративистики как ведущей научной стратегии гуманитарного познания // Филол. науки. Вопросы теории и практики. [Тамбов]. 2013. № 8, ч. 2 ; *Черепкин Н. И.* В братском содружестве. Саранск, 1969 ; *Его же.* Притоки. М., 1973 ; *Сусорева М. М.* Взаимосвязи мордовской и украинской литератур : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саранск, 1982 ; *Её же.* Никул Эркай и Украина // Проблемы развития современной мордовской литературы. Саранск, 1983 ; *Её же.* Т. Г. Шевченко и мордовская школа поэтического перевода // История, образование и культура народов Среднего Поволжья. Саранск, 1997 ; *Алёшкин А. В.* Эпическая поэзия младописьменных народов Поволжья (до-октябрьский период). Саранск, 1983 ; *Его же.* Эпос дружбы : (Типология жанра поэмы в лит-ре народов Поволжья). Саранск, 1985 ; *Кубанцев Т. И.* Межнациональные связи мордовской литературы (к проблеме мордовско-венгерских литературных взаимосвязей) // XX Огарёвские чтения. Саранск, 1991 ; *Его же.* Общность финно-угорских литератур и пути её изучения // Интеграция образования. [Саранск]. 2005. № 1 — 2 ; *Каторова А. М.* Коень поладама (Б. Пастернак «Гамлет» ды А. Араповонь «Роль» стихотворениятненъ малавиксчист ды явовомаст) // Сятко. 2004. № 6 ; *Каторова А. М., Панькина М. В.* Сравнительно-сопоставительный анализ лирики // Мир образования — образование в мире. [М.]. 2007. № 4 ; *Бирюкова О. И.* Жанровая парадигма мордовской художественной прозы: генезис, межд. литературный и межкультурный контексты. Саранск, 2011.

А. М. Каторова.

EDN CSIQML

КОНАКОВА Жоржетта Александровна (18.8.1938, с. Адашево ныне Кадошкинского р-на РМ), лит.-вед, педагог. Канд. филол. наук (1974), доцент (1980). Засл. работник высшей школы РМ (2002). Окончила ист.-филол. ф-т Мордов. гос. ун-та по спец. «Русский язык, литература и мордовский язык, литература» (1960). В 1964 — 66 — ассист. кафедры мордов. яз. и лит.-ры; 1966 — 92 — ст. препод., доцент (с 1976), 1992 — 2009 — проф. кафедры педагогики с курсом преподавания математики (до 1982 — педагогики и психологии) ун-та. Область науч. интересов: история мордов. лит.-ры, развитие познават. интересов школьников и студентов в процессе преподавания родной лит.-ры. Автор более 100 науч. и уч.-метод. работ, в т. ч. монографии, учебника для нац. школы, 2 уч. пособий для вузов. Дис. «Творчество Михаила Ильича Безбородова» защищена в 1974 в МОПИ. В иссл. проанализирован процесс формирования идейно-эстетич. взглядов писателя, охарактеризованы его лирич. произв., рассмотрены особенности воплощения нац.-поэтич. традиций в поэмах, выявлен вклад в развитие мордов. драматургии. Отмечено, что М. И. Безбородов, обладая недюжинным поэтич. талантом, создал великолепные образцы лирич. стихотворений, заложил основы лиро-эпич. поэмы, с большой худож. силой отобразил жизнь мордов. народа на одном из переломных этапов истории. Уч. пособие «Пути формирования педагогического мастерства», предназнач. для студентов филол. и биол. ф-тов, знакомит с осн. направлениями и системой деятельности учителя, многообразием средств, форм и методов воспитания, применяемых в совр. школе, методикой организации коллективной творч. деятельности, новыми

формами и технологиями воспитат. работы. К. награждена медалями «За освоение целинных и залежных земель» (1957), «Ветеран труда» (1989), Поч. грамотой РМ (1997).

Соч.: Михаил Ильич Безбородов : Очерк жизни и творчества. Саранск, 1987 ; Родной литература : учебник-хрестоматия мокшень школань 8 классонди. Саранск, 1994 ; Методика воспитательной работы : уч.-метод. разработка. Саранск, 2005 ; Пути формирования педагогического мастерства : уч. пособие. Саранск, 2007 ; Основы педагогики и психологии высшей школы : уч. пособие для препод. высшей школы. Саранск, 2009.

Лит.: *Бреев С. И.* Мокшава-профессор // Мокша. 1993. № 9 — 10 ; *Его же.* Учёный, педагог, наставник // Новые подходы в гуманитарных исследованиях: право, философия, лингвистика. Саранск, 2007 ; Учёные Мордовского государственного университета : биограф. справ. Саранск, 2001 ; 2006 ; Мордовия, XX век: культурная элита : энц. справ. Саранск, 2010. Ч. 1.

А. М. Каторова.

EDN CVKVVLW

КОНДУРУШКИН Степан Семёнович [24.12.1874 (5.1.1875), с. Липовка Самарского у. Самарской губ., ныне Хворостянского р-на Самарской обл. — 9(22).1.1919, г. Омск], прозаик, журналист. Род. в бедной мордов. крест. семье. Получил нач. образование в местной шк., затем в двухклассной шк. с. Студенец того же уезда, после второго класса три года был пом. учителей, затем продолжил обучение в Вольской учительской семинарии (Саратовская губ.), впоследствии год служил учителем в глухом чув. селе. По окончании Казанского учительского ин-та (1898) был командирован Имп. правосл. палестинским об-вом в г. Назарет (Палестина) в качестве препод. местной учительской семи-

нарии. Прошёл путь от рядового учителя словесности до пом. инспектора Юж.-сир. уч. округа. В 1903, находясь в г. Дамаске (Сирия), подал прошение о зачислении вольнослушателем в С.-Петербургский ун-т на араб.-тур.-перс.-тат. отделение вост. ф-та, позднее принял решение о переходе на юр. ф-т. С 1903 ок. 15 лет прожил в г. С.-Петербурге. В 1905 в ходе Рус.-япон. войны был мобилизован, в качестве военного чиновника служил в одном из сиб. госпиталей. В течение жизни предпринимал поездки в Сибирь (1909), г. Владивосток, Турцию, Китай, Италию, на Новую Землю (1909, 1913). В 1918 вернулся в Самарскую губ., затем переехал в Сибирь.

Лит. деятельностью К. занялся по возвращении в Россию, работал в ред. газ. «Рус. слово», «Речь», ж. «Рус. богатство», «Мир божий», «Ист. вестник» и др., сотрудничал с паевым изд-вом (товариществом) «Знание» (С.-Петербург), выпускавшим лит.-худож. сб-ки. Его наставниками являлись М. Горький и В. Г. Короленко. В 1902 был напечатан цикл рассказов К. «Из скитаний по Сирии», определивший позитивный образ Ближнего Востока в рус. очерковой прозе 1900 — 10-х гг. Во время многочисл. поездок К. писал путевые заметки, к-рые отличались занимательностью, поэтичностью, повыш. вниманием к судьбам простых людей. Первый сб. «Сирийские рассказы» (1908 — 10) содержал богатый этногр. материал о Сирии и Ливане, людях с особым нац. обликом, об обитателях древних империй с культом насилия, жестокости и порабощения. Творчество К. имеет док. основу, к-рая служит связующим звеном в системе прозаич. жанров и проявляется в различных модификациях: от путевого очерка до физиологий, портретов, нравоописаний, краеведч. и иссл. материала. Так, в рас-

сказе «Хараба» (1903) показан своеобразный мир араб. девушки с нелёгкой жен. судьбой. Изображение её неожид. побега из дома, встречи с молодым бедуином, потери косы ради сохранения чести, умения не терять самообладания в условиях пустыни, а также достоинства в среде, основ. на кровной мести, позволило К. раскрыть не только нац., но и общечеловеч. черты. Позднее увидели свет его рассказы «Забастовка» (1906), «Бой», «Удар колокола» (1909), «Звонар» (1914), «В солнечную ночь» (1916), «Потомки царя Иудейского» (1917) и др.; пов. «Монах» (1917); путевые и публицич. очерки «В солнечную полночь» (1909), «Публика», «Футуристы» (газ. «Совр. слово», 1913, 16 дек.), фронтовые очерки, составившие сб. «Вслед за войной» (1915). Гл. персонаж рассказов «Бой» и «Удар колокола» капитан Макеев — сильный, настойчивый, надёжный, весёлый, славный труженик Севера. Его образ помогает понять суровый край, глубинные мотивы поведения человека, его психологию в непривычной обстановке. Прозу К. отличает интерес к судьбам интеллигенции, вышедшей из нерус. народов (рассказ «Наяву», 1927). В ряде произв. автор становится участником описываемых событий, автобиографич. героем, что позволяет ему выйти за пределы собственно публицистики. В путевом очерке «В солнечную полночь» К. рисует образ Севера и человека как осколка вымирающего племени, одиноко догорающего на холодных камнях Новой Земли. В нём много ист.-этногр. описаний, картин охоты и разделывания добычи, эпизодов, передающих разговоры у костра, авт. размышлений, эмоц. оценок, что создаёт в произв. неповторимый колорит. Особенностью позднего творчества К. является чередование ближневост. очеркового сюжета с путевыми

записками о жизни Поволжья, Сибири и Рус. Севера. Окт. рев. 1917 К. не принял, впечатления описал в кн. «Половодье». После рев. организовал в г. Петрограде нар. газ. «Земля», являлся её издателем и гл. ред. В 1918 наряду с М. Горьким, Л. Н. Андреевым, В. И. Немировичем-Данченко и др. избирался во Врем. совет проф. союза писателей.

Лит. наследие К. до 1990-х гг. было практически неизв. мордов. читателю. В нач. 2000-х гг. заметный интерес к прозе К. отмечен в Сирии и Ливане, о чём свидетельствует, в частности, иссл. и переводч. деятельность И. Раефа.

Соч.: Из скитаний по Сирии // Рус. богатство. 1902. № 9 ; Забастовка : рассказ из сиб. жизни. СПб., 1906 ; Сирийские рассказы. СПб., 1908 — 1910. Т. 1 — 2 ; Без берегов : [рассказ]. СПб., 1910 ; Звонарь : рассказы : для ст. возраста. М., 1914 ; Вслед за войной : очерки великой европ. войны : (Авг. 1914 г. — март 1915 г.). Пг., 1915 ; Об опасностях войны // Невский альманах. Пг., 1915 ; В солнечную ночь [и др. рассказы]. Пг., 1916 ; Монах : повесть из жизни природ. монаха Дорофея Кистанова. Пг., 1917 ; Половодье : (Очерки первых дней переворота). Пг., 1917 ; Потомки царя Иудейского : повести, рассказы. Пг., 1917 ; Толковый словарь : (Пособие при чтении газет). Пг., 1917 ; Лев и бык : араб. сказка. Пг., 1918 ; Наяву : [рассказ]. [М.], [1927] ; Немакина учительница : азкс / пер. с рус. Г. И. Пинясова // Мокша. 1992. № 2 — 3.

Лит.: КЛЭ. Т. 3 ; **А. К.** Рец. на «Сирийские рассказы» // Совр. мир. 1908. № 6 ; **Львов В.** Рец. на «Рассказы» // Там же. 1910. № 2 ; **Колтоновская Е. А.** Критические этюды. СПб., 1912 ; **Миронов Г., Миронов Л.** Стака крѣз // Мокша. 1992. № 2 — 3 ; **Алѣшкин А. В.** Русскоязычные писатели предгрозовой эпохи // Сочинения. Конец XIX — начало XX в. : Степан Аникин, Степан Кондурушкин, Аполлон Коринфский, Александр Завалишин. Саранск, 2006 ; **Бирюкова О. И.** Жанровая парадигма мордовской художественной прозы: генезис, межлитературный и междукуль-

турный контексты. Саранск, 2011 ; **Раеф И.** Э. Али-заде и С. С. Кондурушкин // Кросс-культурный оазис: актуальные тенденции развития арабской филологии в России. М., 2020 ; **Дубровская С. А., Владимирова С. М.** Степан Кондурушкин и Максим Горький: к проблеме литературных контактов в историко-культурном контексте эпохи // Вест. угроведения. [Ханты-Мансийск]. 2022. Т. 12, № 1 ; **Владимирова С. М.** Творчество С. С. Кондурушкина в литературной критике 1900 — 1910-х гг. // Вест. НИИ гуманитар. наук при Пр-ве РМ. [Саранск]. 2023. Т. 15, № 3 ; **Её же.** Художественная проза С. С. Кондурушкина 1900 — 1910-х гг.: проблематика, поэтика, литературный контекст : дис. ... канд. филол. наук. Саранск, 2023 ; **Дубровская С. А., Осовский О. Е.** Мир деревни в прозе С. С. Кондурушкина 1900-х — начала 1910-х гг. // Вест. угроведения. [Ханты-Мансийск]. 2023. Т. 13, № 1 ; «Человек сирийский и серьёзный...»: страницы жизни и творчества писателя Степана Кондурушкина / С. А. Дубровская, О. Е. Осовский, В. П. Киржаева, С. М. Владимировна. Саранск, 2023.

А. В. Алѣшкин, О. И. Бирюкова.

EDN DDTGPH

КОНКИН Семён Семёнович (7.2.1917, д. Тройни ныне Краснослободского р-на РМ — 26.8.1999, г. Саранск), лит.-вед, педагог. Д-р филол. наук (1977), проф. (1981). Засл. работник культуры МАССР (1977). Чл. СЖ (1966), СП (1980) СССР. Род. в крест. семье. После смерти родителей в 1934 — 36 трудился в местном колхозе. Окончил Куйбышевский пед. рабфак (1937), филол. ф-т Куйбышевского пед. ин-та (1941), аспирантуру Моск. гос. пед. ин-та им. В. И. Ленина (1959). В 1941 — 42 работал учителем в Вязово-Гайской средней шк. Чапаевского р-на Куйбышевской обл. С 1942 заочно учился на филос. ф-те МГУ им. М. В. Ломоносова, в 1944 был зачислен на краткосрочные курсы по подготовке препода-

вателей для вузов К-та по делам высшей школы при СНК СССР, по окончании к-рых 12 лет работал в лекц. бюро Управления культуры Краснодарского крайисполкома. В 1960 — 62 — препод. Стерлитамакского гос. пед. ин-та; с 1962 — доцент, в 1975 — 93 — зав., 1993 — 99 — проф. кафедры рус. и заруб. лит-ры Мордов. гос. ун-та. Сфера науч. интересов: история рус. лит. и обществ.-полит. мысли в России 19 в. Автор более 200 науч. работ, в т. ч. 6 монографий. Темы диссертацион. иссл. К. связаны с изучением науч. деятельности Д. И. Писарева. Канд. дис. «Критика журнала „Русское слово“ в 1863 — 1866 годы» защищена в 1962 в Моск. гос. пед. ин-те им. В. И. Ленина. Она состоит из четырёх глав («Философско-эстетическая позиция „Русского слова“ в 1863 — 1866 годы», «Литературная критика „Русского слова“ в 1863 — 1866 годы», «„Русское слово“ и „Современник“ (к полемике между ними)», «Критика „Русского слова“ и правительственные круги»), в к-рых доказано, что критика журнала явилась крупнейшим лит.-обществ. фактом рус. жизни, прошла сложный путь развития, отразив глубокие противоречия эпохи, и что ведущие критики журнала, в первую очередь Писарев, В. А. Зайцев, Г. Е. Богосветлов, Н. В. Шелгунов и др., анализируя произведения рус. лит-ры, внесли определённый вклад в разработку материалистич. теории иск-ва. Изучив особенности отраж. в ж. «Рус. слово» лит.-худож. критики, ознакомившись с работами Писарева и убедившись в их недостаточной науч. исследованности, К. продолжил изыскания, что привело его к написанию докт. дис. «Эстетические и литературно-критические взгляды Д. И. Писарева» (защищена в 1977 в ИРЛИ). Этому предшествовала подготовка одним. монографии (Саранск,

1973), раскрывающей осн. этапы идейно-творч. развития Писарева как критика, трактовку им эстетики, её категорий и проблем, определение места и значения худож. лит-ры в обществ. жизни, интерпретацию лит. критики, её целей и задач. В диссертацион. иссл. автором показано, что взгляды Писарева на иск-во, лит-ру и критику складывались в органич. связи с общим процессом развития рус. рев.-демократич. теоретико-лит. и лит.-критич. мысли, что он занимался решением проблем, к-рые волновали и В. Г. Белинского, А. И. Герцена, Н. А. Добролюбова, Н. Г. Чернышевского, хотя не достиг таких же высоких результатов. К. аргументировал точку зрения, согласно к-рой в 1862 — 68 Писарев не имел себе равных в истолковании крупнейших произв. И. С. Тургенева, А. Ф. Писемского, Н. Г. Помяловского, Н. А. Некрасова, Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого. Вместе с тем в его лит.-критич. деятельности учёный усмотрел ошибки и заблуждения, обусловл. «склонностью к парадоксальному выражению некоторых излюбленных своих идей» (с. 52).

К. занимался исследованием жизнедеятельности декабристов Ал. В. и Ап. В. Веденяпиных и поэта Н. П. Огарёва, что отражено в кн. «Декабристы братья Веденяпины» (1968), «Николай Огарёв. Жизнь, идейно-творческие искания, борьба» (1975, 1982); изучал и пропагандировал науч. наследие М. М. Бахтина, свидетельство чему — 20 науч. статей, монография «Михаил Бахтин (Страницы жизни и творчества)» (1993; в соавт.). По инициативе К. с 1993 проводятся *Бахтинские чтения*. Под ред. учёного подготовлено и издано неск. сб-ков науч. тр. (Проблемы поэтики и истории литературы : [К 75-летию со дня рождения и 50-летию науч.-пед. де-

тельности М. М. Бахтина]. Саранск, 1973; Проблемы творчества Н. П. Огарёва. Саранск, 1980; 1985; Поэзия А. И. Полежаева. Саранск, 1989).

При участии К. в 1970 восстановлена усадьба Ап. Веденяпина в д. Тройни, организован дом-музей; создан музей Н. П. Огарёва в Мордов. ун-те (1978). Материалы о Бахтине, собр. К. за мн. годы, вошли в экспозицию Центра М. М. Бахтина (2015). Обществ. деятельность К. была связана с Мордов. респ. отделением ВООПИК. Награждён орденом «Знак Почёта», медалями.

Соч.: Основные вопросы методики подготовки и чтения научно-популярных лекций. Краснодар, 1952; Происхождение и классовая сущность религиозных праздников. Краснодар, 1954; Философско-эстетическая позиция журнала «Русское слово» в 1863 — 1866 годы. Стерлитамак, 1961; Декабристы братья Веденяпины : [док.-биогр. очерки]. Саранск, 1968; Историзм и конкретность // ВЛ. 1977. № 4; Николай Огарёв : Жизнь, идейно-творч. искания, борьба. Саранск, 1975; 2-е изд., испр. и доп. 1982; Декабристы Веденяпины / [сост. и авт. текста]. Саранск, 1980; 2-е изд., испр. и доп. 1986; Н. П. Огарёв в воспоминаниях современников / [вступ. ст., сост. К.; комм. К., Л. С. Конкиной]. М., 1989; Михаил Бахтин : (Страницы жизни и творчества). Саранск, 1993 (в соавт.); К родословной М. М. Бахтина : Новые арх. материалы // Невельский сб. СПб., 1997. Вып. 2.

Лит.: ПМ. 2001; 2015. Т. 1; Семён Семёнович Конкин : (К 75-летию со дня рождения) // Вест. Мордов. ун-та. 1992. № 1; Актуальные проблемы изучения литературы и культуры на современном этапе : сб. ст. и мат-лов, посвящ. проф. С. С. Конкину (7 — 8 февр. 2002 г.). Саранск, 2002; Мордовия : энциклопедия. Саранск, 2003. Т. 1; Мордовия, XX век: культурная элита : энц. справ. Саранск, 2010. Ч. 1.

Р. П. Васильева, А. М. Каторова.

EDN DCMAOG

КОНКИНА Лариса Семёновна (6.3.1951, г. Краснодар), лит-вед, педагог. Д-р филол. наук (2005), доцент (2000). Род. в семье лит-веда С. С. Конкина. Окончила ф-т иностр. яз. Мордов. гос. ун-та (1973). В 1977 — 78 — экскурсовод в учреждении «Дворцы-музеи и парки г. Петродворец»; 1978 — 80 — машинистка в изд-ве «Медицина»; 1982 — 86 — зав. дет. садом № 23 Красногвардейского р-на, 1986 — 87 — воспитатель группы продлённого дня в средней шк. № 24 Василеостровского р-на; 1987 — 88 — учитель англ. яз. в восьмилетней шк. № 170 Колпинского р-на, 1988 — 90 — в средней шк. № 38 Приморского р-на г. Ленинграда, 1990 — 95 — в средней шк. № 39 г. Саранска. В 1995 — 2005 — ст. препод., доцент, ст. науч. сотр., 2005 — 15 — проф. кафедры рус. и заруб. лит-ры Мордов. ун-та. Область науч. интересов: история рус. лит-ры и лит. критики 19 в., творчество Н. П. Огарёва, науч. наследие М. М. Бахтина. Автор более 60 науч. и уч.-метод. работ, в т. ч. 2 монографий, 5 уч. пособий. Канд. дис. «Эстетические и литературно-критические взгляды Н. П. Огарёва» защищена в 1994 в Самарском гос. пед. ун-те. В работе прослежена эволюция эстетич., лит. и лит.-критич. взглядов Огарёва рубежа 1820 — 30-х — сер. 1870-х гг. на основе анализа предшествующих лит-ведч. иссл., а также произв. писателя с учётом обновлённых, свободных от социол. подхода, науч. концепций. Докт. дис. «Концепция романа в историко-литературных трудах М. М. Бахтина» защищена в 2005 в Моск. гос. обл. пед. ун-те. В иссл. аргументировано, что концепция романа Бахтина является важной частью его науч. наследия, созданного на основе синтеза филос., эстетич. и ист.-лит. воззрений, аналитич. осмысления работ ведущих

отеч. и заруб. учёных, занимающихся вопросами теории и истории романа. К числу достижений Бахтина К. отнесено обоснование теории происхождения романа и его типологии (применительно к зап.-европ. и рус. лит-ре), а также разработка таких категорий поэтики, как карнавальность, полифоничность, хронотоп, соотношение автора и героя, романного слова и романного разноречия. К. — лауреат Огарёвской пр. за кн. «Михаил Бахтин (Страницы жизни и творчества)» (1993; в соавт. с Конкиным).

Соч.: Н. П. Огарёв в воспоминаниях современников / [вступ. ст., сост. С. С. Конкина; комм. С. С. Конкина, К.]. М., 1989; Михаил Бахтин : (Страницы жизни и творчества). Саранск, 1993 (в соавт.); Н. П. Огарёв — теоретик литературы и литературный критик : уч. пособие. Саранск, 1999; Вопросы преподавания литературы в вузе в понимании М. М. Бахтина (методический аспект) // Интеграция образования. [Саранск]. 2002. № 4; Концепция романа в историко-литературных трудах М. М. Бахтина. Саранск, 2003; Творчество А. С. Пушкина в истории русской литературной критики: 1820 — 1910-е годы : уч. пособие для студентов филол. ф-тов. Саранск, 2007; Художественная роль оппозиций в повести И. С. Тургенева «Песнь торжествующей любви» // И. С. Тургенев: вчера, сегодня, завтра. Классическое наследие в изменяющейся России. Орёл, 2008. Вып. 1; И. А. Ильин об истоках творчества И. А. Бунина // Изв. высших уч. заведений. Поволжский регион. Гуманитар. науки. 2009. № 1 (в соавт.); Просеминарий по литературоведению : уч. пособие для филол. ф-тов. 2-е изд., испр. и доп. Саранск, 2011; Судьбы русской литературы XX века в осмыслении Б. К. Зайцева // Вест. Тамб. ун-та. Сер.: Гуманитар. науки. 2012. Вып. 12 (116) (в соавт.).

Лит.: Учёные Мордовского государственного университета : биогр. справ. Саранск, 2001; 2006; 2011.

А. М. Каторова.

EDN ETEJBU

КОНОМАНИН Пётр Дмитриевич (1912, с. Кельдюшево ныне Лукояновского р-на Нижегородской обл. — 1943), эрзя-мордов. поэт. Род. в крест. семье. Окончил Лукояновский пед. техникум. Работал шк. учителем, затем лит. сотр. лукояновской районной газ. «Вейсэнъ эрямо» («Коллективная жизнь»). В 1934 — 36 служил в РККА. В 1937 — 41 — корректор, ред. эрзя-мордов. редакции Учпедгиза (г. Москва). Участник Вел. Отеч. войны, служил в звании мл. лейтенанта начальником 6-го отделения штаба Управления 77-го укрепрайона; пропал без вести при защите г. Сталинграда. Был представлен к награждению медалью «За оборону Сталинграда».

Первые стихотворения К. увидели свет в 1931 в газ. «Вейсэнъ эрямо». Сотрудничал также с ж. «Пионерэнь вайгель» и «Сятко». В 1938 был издан его единств. поэтич. сб. «Изница вий» («Побеждающая сила»), в к-рый вошли 13 стихотворений, поэма «Комсомолец Важдаев» и пародия «Поэт Жойгай». Тематика произведений для того времени традиц.: превознесение сов. власти, борьба с её врагами, выполнение планов пятилеток, забота сельских тружеников об урожае. Стихотворения «Родинам вечса» («Люблю Родину»), «Танкист» и «Эзь удала» («Не удалось») составили отд. раздел «Родинанть ванстомазо» («Защита Родины»). Поэма «Комсомолец Важдаев» (датирована 1932) посвящена борьбе с кулачеством. Сюжет построен таким образом, что уже из первой части читателю становится изв., кто является врагом новой власти. Это зав. фермой Кузьма Сырцов, на словах поддерживающий колхоз, и его родственник — сбжавший из тюрьмы Пекшев. Они подло расправляются с комсомольским секр. Ваней Важдаевым, лишая его жизни. В

числе др. совершённых ими предосудит. поступков — порча сбруи с целью помешать доставке зерна в город, а также оставление на сутки голодными колхозных коров. В последующих частях поэмы показаны переживания односельчан и их готовность к поиску преступников. Произв. не отличается высокими худож. достоинствами (умением строить сюжет и композицию, подбирать изобразит.-выразит. средства языка, добиваться благозвучия). Хвалебные отзывы о нём обусловлены злободневностью поставл. проблемы — борьба за коллективные хоз-ва. В пародии «Поэт Жойгай» раскрывается тема поэзии, высмеиваются бездарные сочинители, возомнившие себя великими стихотворцами. Произведения «Эйкакшт школасо» («Дети в школе») и «Вишкине Чапай ды сонзэ героензэ» («Маленький Чапаев и его герои», в более поздних изд. печаталось под сокращ. назв. «Вишкине Чапайть») предназначены для дет. чтения. В последнем с присущим автору юмором изображается игра мальчишек в прославл. героев Гражд. войны.

К. занимался переводч. деятельностью, перевёл на эрзя-мордов. яз. «Песню про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова» (Сятко, 1938, № 4) и неск. стихотворений М. Ю. Лермонтова, сказки «Дюймовочка» Г. Х. Андерсена (М.; Л., 1938), «Царевна-лягушка» А. Н. Афанасьева (М.; Л., 1938), стихи из цикла «Весенние песни» И. Я. Франко (Сятко, 1941, № 5), «Справочник по льготам военнослужащим и военнообязанным и их семьям» (сост.: Н. А. Виноградов, Е. П. Юрковский, Б. А. Сычёв; М., 1934) и др.

Соч.: Изниця вий : [стихть ды поэмат]. Саранск, 1938 ; Эйкакшонь туртов эрзянь литературась ды сонзэ задачанзо : [статья] // Сятко. 1941. № 5 ; Морак, седей ; Ленинэнь знамя

ало ; Баллада ; Сergyedьса эсь кельсэнь... ; Вишкине Чапайть ; Моро Иван Васильевич инязордонть, од опричникенть ды удалой купецэнтъ Калашниковдо // Келей паксят : Великой Отечественной войнасо (1941 — 1945 ие) чавозь эрзянь поэтань ды писателынь произведенияст. Саранск, 1952 ; Вишка Чапайть // Сятко. 1967. № 2.

Лит.: Лукьянов А. Эрзянь литературанть од ломанензэ (П. Кономанин, «Изниця вий», Мордгиз, 1938 ие) // Сятко. 1939. № 1 ; Нурькине биография // Келей паксят ; Дёмин В. «Мон Родинам вечкса...» // Сятко. 1996. № 8 — 9 ; Ломшин М. И. Творчество писателей, погибших на войне (А. В. Рогожина, А. Ф. Зинькова, А. М. Сафронова (Юргая), П. Д. Кономанина) // Вест. Мордов. ун-та. 2003. № 1 — 2 ; Мордовия : энциклопедия. Саранск, 2003. Т. 1 ; Кономанин Пётр Дмитриевич (1912 — 1944) // Штыком и пером = Штыкса и пераса = Штыксэ ды перасо / авт.-сост. Т. Ф. Сафонова-Телина. Саранск, 2005. Ч. 1.

А. М. Каторова.

EDN KTKZFX

КОРИНФСКИЙ Аполлон Аполлонович [29.8(10.9).1868, г. Симбирск — 12.1.1937, г. Калинин, ныне Тверь), писатель, этнограф, переводчик, журналист. Род. в небогатой дворянской семье обрусевшего мордвина. По свидетельству биографов, фам. получил от деда М. П. Варенцова, арзамасского крестьянина-мордвина, изв. архитектора, представившего Александру I архит. проект, выполн. в «коринфском стиле». В пять лет будущий писатель остался сиротой, воспитывался родственниками и гувернёрами. Самостоятельно овладев грамотой, рано пристрастился к чтению. В 1879 — 85 учился в Симбирской гимназии в одном классе с В. Ульяновым (Лениным), из к-рой на последнем году обучения был исключён. В 1887 — 88 возглавлял симбирское отделение газ.

«Казанский биржевой листок», одновременно сотрудничал в редакциях «Самарской газеты», «Волжского вестника» (г. Казань) и др. поволжских изд., а также столичных газ. «Рус. курьер», «Совр. известия». Публиковал в них корреспонденции о событиях из симбирской жизни, фельетоны, рассказы, ист.-этногр. и библиографич. материалы, позднее в столичных изд. — ориг. и переводные стихотворения, очерки, критич. статьи. В 1889 переехал в г. Москву, с 1891 жил в г. С.-Петербурге (в 1914 — 24 — г. Петроград, затем Ленинград), где плодотворно занимался проф. журналистской и лит. деятельностью. Печатался в газ. «Рус. ведомости» (1891), ж. «Рус. сатирический листок» (1889), «Гуслиар» (с 1891 — «Заноза»), «Наше время» (1892 — 94; являлся пом. ред.), «Всемирная иллюстрация» (в те же годы ближайший сотр.) и др. изв. периодич. изд. С 1894 — зав. редакцией, в 1897 — 99 — ред. ж. «Север»; выступал на его страницах с обзорами «Литература в журналистике» (под псевд. Присяжный читатель). С 1895 по 1904 был пом. ред. «Правительственного вестника» по ист. отделу, где публиковал ист.-этногр. очерки, к-рые затем вошли в кн. «Народная Русь. Круглый год сказаний, поверий, обычаев и пословиц русского народа» (М., 1901), не имеющую аналогов в рус. лит-ре. В 1904 — 08 К. — ред. газ. «Голос правды». Отношение к Рев. 1905 — 07 выразил в многочисл. сатирич. стихотворениях в периодике (под псевдонимами). Восторженно принял Февр. рев., однако окт. события 1917 разочаровали его. Перестав заниматься лит. творчеством, работал корр. в Просветит. к-те, в отделе учёта лавок Петрокоммунии, шк. библиотекарем и др. В 1918 переехал в п. Лигово под Петроградом. С 1922 входил в лит. кружок, имевший

оппозиционную офиц. власти направленность. 14.11.1928 был арестован, 13.5.1929 признан виновным в совершении преступления по ст. 58-10 и 58-11 УК РСФСР (антисов. агитация) и выслан в Калинин. Недолго работал там корректором в типографии, потом перебивался случайными заработками. Умер в крайней бедности. Реабилитирован 30.6.1994.

Интерес к лит-ре зародился у К. в раннем детстве благодаря отцу, страстному любителю поэзии и музыки. Ещё не умея читать, Аполлон знал наизусть стихи А. А. Фета, А. Н. Майкова, Я. П. Полонского. По словам будущего поэта, они стали его «первыми учителями в области изящного» (Автобиогр. ИРЛИ, ф. 93, оп. 3, № 646). К. начал писать стихи в первых классах гимназии, с пятого выпускал рукоп. ж. «Плод досуга» и входил в лит. кружок. Серьёзно занявшись лит. творчеством, работал в жанрах лирич. стихотворения, рассказа, лит.-критич. этюда и этногр. очерка. Первый рассказ «Живой покойник» был напечатан в 1886 в «Самарской газете» (под именем Бориса Коллюпанова), затем три десятилетия имя писателя не сходило со страниц столичных газет и журналов, книги появлялись одна за другой. Сб-ки стихов «Песни сердца» (1894), «Чёрные розы» (1896), «Тени жизни» (1897), «Гимн красоте и другие новые стихотворения» (1899), «В лучах мечты» (1906), «Песни голи» (1909) и др. посвящены деревенской жизни и истории России. Из поэтич. произв. наиболее удачны т. н. бывальщины — переложения нар. преданий в баллады с языч. и сказочными персонажами и стихотв. рассказы из нар. жизни («„Бывальщины“ и „Картины Поволжья“», СПб., 1899; и др.). К. собирал и записывал календарно-обрядовый фольклор Симбирской, Ка-

занской, Нижегородской и др. губерний, к-рый лёг в основу ист.-этногр. очерков и др. произв. Представляет интерес авт. комментирование нар. обычаев, примет, обрядов, поверий, песен и сказок в серии брошюр «Трудовой год русского крестьянина» (М., 1904, вып. 1 — 10).

Отрыв от родного яз. и традиций мордов. нац. культуры не сделали К. безразличным к ист. судьбе породившего его этноса. «Народная Русь» К. — это особая беллетристика, проникнутая ярко выраж. личностным началом. Контакты с нац. культурой служили писателю опорой в поисках нравств. идеалов, объясняли истоки его художественно-образного мышления, в к-ром синтезировалась лит-ра с нар. культурой, духовное с нац. сознанием. Так, рассуждая о культуре и быте рус. крестьянства, в «Предисловии» к книге К. приводит первые упоминания о стране «Мордиа» в трудах Константина Багрянородного, обращается ко времени правления Ивана Грозного, рассуждает о христианизации мордвы, перечисляет её лучшие качества и излюбл. занятия (земледелие и пчеловодство).

В 1970 — 80-е гг. стихи К. печатались в сб-ках «Поэты 1880 — 1890-х годов» (Б-ка поэта. Большая сер.; Л., 1972) и «Русская поэзия детям» (Л., 1989), в к-рый вошло ок. 20 его стихотворений.

Соч.: Песни сердце : стихотворения (1889 — 1893). М., 1894 ; 2-е изд. 1897 ; На ранней зорьке : сб. стихотворений для детей. СПб., 1896 ; 2-е изд. М., 1903 ; Чёрные розы : стихотворения 1893 — 1895 гг. СПб., 1896 ; Вольная птица и другие рассказы. СПб., 1897 ; 3-е изд. 1910 ; Тени жизни : стихотворения 1895 — 1896 гг. СПб., 1897 ; 1910 ; Гимн красоте и другие новые стихотворения. [1896 — 1898]. СПб., 1899 ; Поэзия К. К. Случевского : этюд. СПб., 1899 ; «Бывальщины», «Картины Поволжья» и «Се-

верный лес». СПб., 1900 ; Д. Н. Садовников и его поэзия : сообщ., сдел. 17 марта 1900 г. в Кружке им. Я. П. Полонского. СПб., 1900 ; Волга : Сказания, картины и думы. М., [1903] ; В мире сказаний : очерки нар. взглядов и поверий. Симбирск, 1905 ; В лучах мечты : стихотворения 1898 — 1905 гг. СПб., 1906 ; 2-е изд. 1912 ; В детском мире : Новый сб. стихотворений для детей. М., 1909 ; За далью веков : ист. рассказы, очерки и стихотворения. М., 1909 ; Песни голи : стихотворения 1906 — 1908 гг. СПб., 1909 ; Песни о хлебе : думы, картины и легенды. М., 1909 ; Под крестною ношей : стихотворения 1905 — 1908 гг. СПб., 1909 ; В родном краю : Новый сб. стихотворений для детей. СПб., 1911 ; Гюи де Мопассан : лит.-биогр. очерк // Мопассан Г. де. Полн. собр. соч. : [Т. 1 — 5]. СПб., [1911]. Т. 1 ; Поздние огни : стихотворения 1908 — 1911 гг. СПб., 1912 ; Седая старина : Десять бывальщин. М., 1912 ; В тысячелетней борьбе за родину : бывальщины X — XX веков (940 — 1917 гг.). Пг., 1917 ; Народная Русь : Круглый год сказаний, поверий, обычаев и пословиц. Смоленск, 1995 ; Самара, Б. г. (1995) ; М., 2006 ; 2008 ; 2011 ; 2013 ; Сочинения. Конец XIX — начало XX в. : Степан Аникин, Степан Кондурушкин, Аполлон Коринфский, Александр Завалишин / [сост. С. А. Богданова ; вступ. ст. А. В. Алёшкина]. Саранск, 2006.

Лит.: *Полевой Н.* История русской словесности. СПб., 1900. Т. 3 ; *Воронин И. Д.* Литературные деятели и литературные места в Мордовии. Саранск, 1976 ; Русские писатели. 1800 — 1917 : биогр. слов. М., 1994. Т. 3 ; *Стрижев А.* Забытый бытописатель : [послесловие] // Народная Русь. Смоленск, 1995 ; Русские писатели, XIX век : биобиблиогр. слов. М., 1996. Ч. 1 ; Аполлон Коринфский : Неизв. страницы биографии, письма, стихотворения / вступ. ст., подг. текстов и прим. А. М. Бойников. Тверь, 2005 ; *Бирюкова О. И.* Жанровая парадигма мордовской художественной прозы: генезис, межлитературный и межкультурный контексты. Саранск, 2011 ; *Кузьмина М. Ю.* «Здесь первых грёз моих качалась колы-

бель»: о симбирских истоках творчества А. А. Коринфского // Симбирский текст русской культуры: проблемы реконструкции. Ульяновск, 2011 ; **Шимонек Е. В.** Воспоминания об А. А. Коринфском в Государственном архиве Свердловской области // Страницы культурной жизни Симбирской губернии — Ульяновской области. Улья-

новск, 2012 ; **Васильев Н. Л.** Русские писатели в мордовском крае (XVIII — начало XX в.) : словарь-справочник. Саранск, 2013.

*А. В. Алёшкин, О. И. Бирюкова,
Е. В. Глазкова.*

Продолжение следует

ОСНОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ*

абс. — абсолютный; абсолютно

авг. — август

авт. — автор; авторский

англ. — английский

араб. — арабский

арх. — архивный

архит. — архитектурный

ассист. — ассистент

б-ка — библиотека

биогр. — биография

болг. — болгарский

букв. — буквальный; буквально

бурят. — бурятский

в. — век

Вел. Отеч. война — Великая Отечественная война 1941 — 1945 гг.

венг. — венгерский

вост. — восточный

в т. ч. — в том числе

г. — город (при названии)

газ. — газета (при названии)

гг. — годы (в датах)

гл. — главный

гл. обр. — главным образом

гос. — государственный

гражд. — гражданский

греч. — греческий

губ. — губерния (в названии)

д. — деревня (при названии)

дек. — декабрь

дет. — детский

дис. — диссертация

док. — документальный

докт. — докторский

д-р — доктор

др. — другой

др.-... — древне-...

драм. — драматический

европ. — европейский

ж. — журнал (при названии)

жен. — женский

зав. — заведующий

* В именах прилагательных допускается отсечение окончаний, включая суффиксы «-альный», «-ельный», «-анный», «-енный», «-еский», «-ионный», «-ный».

зап. — западный	нац. — национальный
заруб. — зарубежный	нач. — начало (в датах); начальный
засл. — заслуженный	неизв. — неизвестный
и др. — и другие	нем. — немецкий
и т. д. — и так далее	неск. — несколько
изв. — известный; известен	об-во — общество
изд. — издание; издатель; издательский	обл. — область, областной (в названии)
изд-во — издательство	ок. — около
им. — имени	окт. — октябрь; октябрьский
имп. — император (при имени); императорский	ориг. — оригинальный
инд. — индийский	осн. — основной
ин-т — институт	отд. — отдельный
иск-ведение — искусствоведение	отеч. — отечественный
иск-во — искусство	офиц. — официальный
иссл. — исследование; исследовательский	п. — посёлок (при названии)
ист. — исторический	парт. — партийный
канд. — кандидат; кандидатский	пед. — педагогический
карел. — карельский	пер. — перевод
к.-л. — какой-либо	перс. — персидский
кн. — книга (при названии); книжный	петерб. — петербургский
кон. — конец (в датах)	пов. — повесть (при названии)
корр. — корреспондент	пол. — половина (в датах)
крест. — крестьянский	полит. — политический
к-рый — который	пом. — помощник
к-т — комитет	поч. — почётный
лат. — латинский язык	пр. — премия
лит. — литературный	правосл. — православный
лит-вед — литературовед	пр-во — правительство
лит-ведение — литературоведение	пред. — председатель
лит-ра — литература	преимущ. — преимущественно
м. — мокшанское (при слове)	препод. — преподаватель
мар. — марийский	произв. — произведение
межнац. — межнациональный	просветит. — просветительский
метод. — методический	проф. — профессиональный
мл. — младший	проф. — профессор
мн. — многие	псевд. — псевдоним
мордов. — мордовский	публиц. — публицистический
моск. — московский	рев. — революция; революционный
муз. — музыкальный	ред. — редактор
назв. — название	ред. — редакция
напр. — например	реж. — режиссёр (при имени); режиссёрский
нар. — народный	респ. — республика; республиканский
науч. — научный	р-н — район (в названии)
	род. — родился

- ром. — роман (при названии)
рук. — руководитель
рукоп. — рукопись; рукописный
рус. — русский
С.-... — Санкт-...
с. — село (при названии)
сб. — сборник (при названии)
сб-к — сборник
секр. — секретарь
сер. — середина (в датах)
сиб. — сибирский
сир. — сирийский
см. — смотри
сов. — советский
совр. — современный
сост. — составитель
сотр. — сотрудник
социол. — социологический
С.-Петербург — Санкт-Петербург
спец. — специальность (при названии)
Ст. — Старый (в топонимических названиях)
ст. — старший
ст. — степень
стихотв. — стихотворный
стр-во — строительство
тамб. — тамбовский
тат. — татарский
т. обр. — таким образом
тур. — турецкий
у. — уезд (в названии)
удм. — удмуртский
укр. — украинский
ун-т — университет
уч. — учебный
фам. — фамилия
февр. — февраль
филол. — филологический
филос. — философский
фин.-угор. — финно-угорский
ф-т — факультет
хоз-во — хозяйство
худож. — художественный
челяб. — челябинский
чл. — член
что-л. — что-либо
чув. — чувашский
шк. — школа; школьный
э. — эрзянское (при слове)
эмоц. — эмоциональный
эрз. — эрзянский
этногр. — этнографический
юж. — южный
юр. — юридический
яз. — язык; языки
янв. — январь
япон. — японский

АББРЕВИАТУРЫ

ВООПИК — Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры	НИИ — научно-исследовательский институт
вуз — высшее учебное заведение	рабфак — рабочий факультет
ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский дом) РАН	РАН — Российская академия наук
колхоз — коллективное хозяйство	РККА — Рабоче-крестьянская Красная армия (1918 — 46)
крайисполком — исполнительный комитет краевого Совета депута- тов трудящихся	РМ — Республика Мордовия
МАССР — Мордовская Автономная Советская Социалистическая Республика (1934 — 90)	РСФСР — Российская Советская Федера- тивная Социалистическая Республика
МГПИ — Мордовский государственный педагогический институт	СЖ — Союз журналистов
МГУ — Московский государственный университет	СНК — Совет народных комиссаров
МОПИ — Московский областной педагоги- ческий институт им. Н. К. Крупской	СП — Союз писателей
Мордгиз — Мордовское государственное издательство (1932 — 63)	СССР — Союз Советских Социалистических Республик
	Учпедгиз — Государственное учебно- педагогическое издательство (1931 — 63)
	УК — Уголовный кодекс

**СОКРАЩЕНИЯ
В БИБЛИОГРАФИЧЕСКОМ ОПИСАНИИ**

автореф. — автореферат	испр. — исправленный
б. г. — без года	комм. — комментарий
библиогр. — библиографический	Л. — Ленинград
биогр. — биографический	Лит. — Литература
Вест. — Вестник	М. — Москва
вступ. — вступительный	мат-лы — материалы
вып. — выпуск	оп. — описание
г. — год (в датах)	Пг. — Петроград
доп. — дополненный	перераб. — переработанный
Изв. — Известия	подг. — подготовка

Полн. собр. соч. — Полное собрание
сочинений

прим. — примечание

рец. — рецензия

с. — страница; страницы

сб. — сборник

сер. — серия

слов. — словарь

соавт. — соавтор; соавторство

сообщ. — сообщение

сост. — составитель; составление

Соч. — Сочинения

СПб. — Санкт-Петербург

справ. — справочник

ст. — статья

т. — том

Тр. — труды

ф. — фонд

ч. — часть

энц. — энциклопедический

tõlk. — tõlkinud — перевод (эст.)

СОКРАЩЁННЫЕ НАЗВАНИЯ БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

ВЛ — «Вопросы литературы»

КЛЭ — Краткая литературная энциклопе-
дия / гл. ред. А. А. Сурков. М.,
1962 — 1978. Т. 1 — 9.

ЛЭТП — Литературная энциклопедия
терминов и понятий / гл. ред. и сост.
А. Н. Николюкин. М., 2003.

ПМ — *Брыжинский А. И.* Писатели Мор-
довии : библиограф. ук. / А. И. Бры-

жинский, О. В. Пашутина, Е. И. Чер-
нов. Саранск, 2001 ; Писатели Мор-
довии : библиограф. ук. / сост.: А. И.
Брыжинский, Л. П. Бойнова, Е. И.
Чернов. Саранск, 2015. Т. 1 — 2.

СЛТ — Словарь литературоведческих тер-
минов / ред.-сост.: Л. И. Тимофеев
и С. В. Тураев. М., 1974.

Информация об авторах проекта «Литературная энциклопедия Мордовии».
Буква «К»

Information about the authors project «Literary Encyclopedia of Mordovia».
Part K

Алёшкин Андрей Васильевич — литературовед, кандидат филологических наук, доцент, г. Саранск, Россия, inst.gum.nauk@e-mordovia.ru

Aleshkin Andrey Vasilyevich — Literary Critic, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Saransk, Russia, inst.gum.nauk@e-mordovia.ru

Бирюкова Ольга Ивановна — профессор кафедры литературы и методики обучения литературе Мордовского государственного педагогического университета имени М. Е. Евсевьева, доктор филологических наук, доцент, г. Саранск, Россия, olgbirukova@rambler.ru

Biryukova Olga Ivanovna — Professor of Department of Literature and Literature Teaching Methods, Evseyev State Pedagogical University of Mordovia, Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, Saransk, Russia, olgbirukova@rambler.ru

Васильева Раиса Петровна — кандидат филологических наук, литературовед, г. Орехово-Зуево, Московская область, Россия, raisa.vasilyeva@rambler.ru

Vasilyeva Raisa Petrovna — Candidate of Philological Sciences, Literary Critic, Orekhovo-Zuyevo, Moscow Oblast, Russia, raisa.vasilyeva@rambler.ru

Глазкова Елена Вячеславовна — ведущий научный сотрудник — заведующий редакционно-издательской лабораторией отдела информационно-аналитического обеспечения исследований Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, г. Саранск, Россия, evg.5691@yandex.ru

Glazkova Elena Vyacheslavovna — Leading Researcher — Head of the Editing and Publishing Laboratory of the Division of Information and Analytical Research Support, Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia, Saransk, Russia, evg.5691@yandex.ru

Десяткин Сергей Генрихович — литературовед, г. Саранск, Россия, inst.gum.nauk@e-mordovia.ru

Devyatkin Sergey Genrikhovich — Literary Critic, Saransk, Russia, inst.gum.nauk@e-mordovia.ru

Каторова Александра Михайловна — ведущий научный сотрудник отдела литературы и фольклора Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, доктор педагогических наук, профессор, г. Саранск, Россия, amkatorova@mail.ru

Katorova Aleksandra Mikhaylovna — Leading Researcher of the Division of Literature and Folklore, Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia, Doctor of Sciences in Pedagogy, Professor, Saransk, Russia, amkatorova@mail.ru

Шеянова Ирина Ивановна — старший научный сотрудник отдела литературы и фольклора Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, кандидат филологических наук, доцент, г. Саранск, Россия, shejanova.irina@yandex.ru

Sheyanova Irina Ivanovna — Senior Researcher of the Division of Literature and Folklore, Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia, Candidate of Sciences in Philology, Associate Professor, Saransk, Russia, shejanova.irina@yandex.ru

ISSN 2077-3579 (Print)

СОБЫТИЯ. ФАКТЫ. КОММЕНТАРИИ **EVENNS. FACTS. COMMENTARY**

EDN HZTIOC

<http://vestnikniign.ru>

Научный отчет

V СЕМИНАР «ДРЕВНОСТИ ПОВОЛЖСКИХ ФИННОВ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ»*

О. В. Зеленцова¹, В. В. Ставицкий²✉

¹ Институт археологии РАН, г. Москва, Россия

² Пензенский государственный университет, г. Пенза, Россия

✉stawiczky.v@yandex.ru

Scientific report

V SEMINAR “ANTIQUES OF THE VOLGA FINNS IN THE MIDDLE AGES”

O. V. Zelentsova¹, V. V. Stavitskiy²✉

¹ Institute of Archeology RAS, Moscow, Russia

² Penza State University, Penza, Russia

✉stawiczky.v@yandex.ru

12 — 14 апреля 2023 г. в Саранске состоялся V семинар «Древности поволжских финнов в эпоху Средневековья», который был организован Институтом археологии РАН и Научно-исследовательским институтом гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. В работе семинара, проходившего на базе НИИГН, приняли участие исследователи Москвы, Санкт-Петербурга, Саранска, Казани, Йошкар-Олы, Пензы, Липецка, Ижевска, Твери, Нижнего Новгорода. В онлайн-формате представил свой доклад будапештский археолог Аттила Тюрк.

Четыре предыдущих семинара проходили в г. Москве, и в центре их внимания находились древности муромы. V семинар был посвящен определению роли и места украшений из металлов в повседневной и ритуальной жизни финно-угорских народов

* Материал подготовлен при поддержке РНФ. Проект № 22-28-20314 «Этногенез народов Западного Поволжья в эпоху средневековья».

The material was prepared with the support of the RGNF. Project No. 22-28-20314 “Ethnogenesis of the peoples of the Western Volga region in the Middle Ages”.

Поволжья и Прикамья. Актуальность данной проблематики обусловлена тем, что погребальные памятники волжских финнов богаты находками металлических украшений костюма, вследствие чего они являются одним из основных источников для изучения процессов межкультурного взаимодействия. Особый интерес к данной теме объясняется и тем, что до сих пор не установлены механизмы сохранения значительной степени культурного единства финно-язычного населения Поочья и Западного Поволжья. Данной проблеме, в частности были посвящены доклады О. В. Зеленцовой и В. В. Ставицкого. О. В. Зеленцова (Москва) проанализировала статистические аспекты изменения в ассортименте металлических украшений поволжских финнов на материалах наиболее полно исследованных могильников мордвы-мокши, мордвы-эрзи, муромы и Шокшинского могильника рязано-окской культуры. В результате исследования для каждой из перечисленных групп были выявлены как общие типы украшений, так и изделия, имеющие этнокультурную специфику. Статистические данные позволили определить степень культурного единства поволжских финнов, установить направление и интенсивность этнокультурных контактов.

В. В. Ставицким (Пенза) была рассмотрена предыстория сложения общности поволжских финнов, формирования культурных особенностей которой проходило на территории Сурско-Свияжского междуречья, в результате миграций части прикамского населения. К середине II в. здесь складывается характерный комплекс украшений, значительная часть элементов которого продолжает синхронно и согласовано изменяться в культуре мордвы, рязано-окских финнов, а также на памятниках ахмыловско-безводнинского типа. Отличия между ними в основном фиксируются по отдельным категориям головных украшений, определявших этническую специфику населения. На начальной стадии значительная степень сходства также имеется с комплексом украшений азелинской культуры, но со временем она существенно снижается.

В докладе Т. Б. Никитиной (Йошкар-Ола) были проанализированы комплексы поясных наборов из могильников Ветлужско-Вятского междуречья, которые являются частой находкой на памятниках, относящихся к рубежу I — II тыс. На марийских могильниках пояса или их части были обнаружены как в мужских, так и в женских погребениях, в жертвенных комплексах, зарытых между могилами. В докладе основной акцент был сделан не на отдельных категориях украшений, а на особенностях комплектации всего набора с учетом по возможности способа ношения пояса. Данная категория находок свидетельствует о достаточно широких историко-культурных связях средневековых марийцев с населением Пермского Предуралья, носителями мажарских и мордовских традиций.

Г. Н. Белорыбкин (Пенза) охарактеризовал находки финно-угорской бижутерии на средневековых памятниках Верхнего Посурья, в частности материалы Армиевского курганно-грунтового могильника, подъемные сборы с присурских селищ VIII — XI вв. и Золотаревского городища VIII — XIII вв. По его мнению, выпуск данных изделий носил характер массового ремесленного производства. Большинство присурских изделий находит близкие аналогии в мордовских украшениях Примокшанья, однако отличается от них обедненным набором ассортимента.

В совместном докладе А. С. Морозова и И. Е. Зайцевой (Москва) рассматривались технология изготовления и археологический контекст находки ажурной застежки

ки из Абакумлевского клада, происходящего с территории Владимирской области. Формирование облика данной застежки относится к концу IV — первой половине V в. Признаки, характерные для застежек «безводнинской» серии и присутствующие у абакумлевского экземпляра, могли сформироваться как в рязано-окской среде, так и в зоне контактов в юго-восточной части ареала культуры. Данный экземпляр выступает маркером периода, в течение которого фиксируются разнонаправленные пути движения населения со Средней Оки. Где-то это явление приводит к формированию нового облика костюма местного населения, а в случае с Суздальским Ополем связывается с распространением поселенческих материалов типа Кибол.

Выступление Е. Р. Михайловой (Санкт-Петербург) было посвящено небольшим пельтовидным лунницам с рубчатым краем — одной из разновидностей миниатюрных нашивок геометрических форм, которые лучше всего известны по оловянистым отливкам. На Северо-Западе они серийно представлены в псковских длинных курганах и верхневолжских памятниках типа Подол с хорошими серийными же соответствиями в ольштынских памятниках в Польше. Длиннокурганные и ольштынские находки датируются VI — VII вв. Далее к юго-востоку известны единичные находки таких лунниц и формочек для их отливки в позднедьяковских памятниках и — крайний пункт — Елшинский клад. Пельтовидные привески с рубчатым краем, таким образом, являются одной из групп вещей, распространение которых связывает Южную Прибалтику и Поочье, еще раз свидетельствуя о существовании древнего широтного пути.

В докладе И. Е. Зайцевой (Москва) описывались металлические украшения обуви, собранные в последние годы при обследовании и раскопках средневековых сельских поселений и могильников в Суздальском Ополье. Эти предметы, не характерные для древнерусской среды, могут выступать в качестве маркеров присутствия в Ополье представителей финно-угорского населения. Оценка количественного и пространственного распространения металлических украшений обуви способствует более глубокому пониманию этнических процессов, происходящих в центральном регионе Владимиро-Суздальской земли во второй половине X — первой половине XII в.

С. Е. Андреев (Тверь) сделал сообщение об элементах костюма городища Орлов Городок бассейна Средней Мологи. При исследовании этого памятника были выявлены комплексы украшений, относящихся к началу жизни на городище (вторая половина — конец III в. н. э.) до ее конца (конец VI в. н. э.). Археологический контекст металлических украшений с городища Орлов Городок дополняет имеющиеся данные по Волго-Окскому региону и позволяет уточнить место данного памятника в ряду археологических культур региона второй половины III — первой половины IV в. н. э.

Выступление О. Ф. Хайруллиной и Е. М. Черных (Ижевск) было посвящено одному из малоизученных атрибутов женского убора мазунинской культуры — составным нагрудным (шумящим) украшениям III — V вв. н. э. Ярким примером таких аксессуаров костюма выступило украшение из погребения 98В Дубровского могильника; в докладе приведена его реконструкция. Аналогии украшения выявлены в других мазунинских могильниках, главным образом в погребениях молодых женщин. По способу крепления привесок к основе (фибуле/сьюльгаме) выделяются

несколько комбинаций составных украшений. Все они были выполнены в традициях финно-угорских шумящих аксессуаров костюма, но особенно близкие параллели наблюдаются в этнографической культуре поволжских финнов (мордвы и марийцев).

Р. Р. Валиев (Казань) проанализировал материалы захоронения с крестовидной фибулой из Новославского II могильника в Нижнем Прикамье, инвентарь и погребальный обряд которого находит близкие аналогии в именьковско-турбаслинских ингумациях Коминтерновского II могильника. Для данной культурной традиции использование крестовидных фибул не характерно, подобные находки обычны для захоронений лиц высокого статуса рязано-окских могильников.

В. В. Морозовым и А. Л. Смирновым (Москва) был представлен клад находок с Новобиксентеевского селища на территории Восточного Закамья. Клад состоял из набора украшений: шумящей и колесовидной подвесок, фрагментов шейных гривен, ременной Х-образной накладки, пронизок-трубочек, спиралевидных и рожковых пронизок и др. Подобные вещи ранее не встречались в местных раннесредневековых древностях, ближайšie аналоги известны на территории севернее Нижнего Прикамья из памятников бассейнов рек Вятки, Сылвы и Чепцы. Полное тождество изделий Новобиксентеевского клада обнаруживается в материалах Георгиевского клада VII в.

Венгерские археологи А. Türk, F. Harangi, B. Jancsik (Будапешт) сделали доклад о находках изделий из текстиля и органики в памятниках X в. в Карпатском бассейне. Обнаруженные изделия изготовлены из шелка, овечьей шерсти, льна, конопли и войлока. Структура находок свидетельствует о том, что они, видимо, были изготовлены на вертикальных ткацких станках. Венгерские материалы имеют достаточно близкие аналоги на евразийских памятниках степной зоны и свидетельствуют о широких торговых контактах.

Два доклада были подготовлены по материалам Шокшинского могильника. А. С. Пронин (Саранск) проанализировал находки шумящих привесок с изображением коня, которые были классифицированы. Это одноголовые подвески с конем на платформе, без платформы, с рубчатым туловом коня. Их аналоги восходят к кошибеевским прототипам. Двухголовые подвески появляются позже, аналоги им известны в Юмском, Подболотьевском, Урванском могильниках. Доклад Р. Е. Головина (Саранск) был посвящен украшениям женского головного убора населения из погребений Шокшинского могильника. Они представлены головными венчиками, височными кольцами, подвесками, наконечниками. Для каждой из выделенных автором пяти стадий (1-я стадия — V в., 2-я — начало VI — VII вв., 3-я — конец VII — первая половина VIII в., 4-я — середина — вторая половина VIII — IX вв., 5-я стадия — X — начало XI в.) характерны различные формы и сочетания данных украшений. В погребении 580 обнаружены височные подвески со спиралью и невыраженным грузиком мордовского типа. Остальные украшения головы находят близкие аналогии в культуре рязано-окских могильников и в меньшей степени в могильниках муромы.

Д. А. Козлов (Саранск) рассмотрел возрастные особенности ношения украшений из Барбашинского могильника мордовскими женщинами. В золотоордынский период такими украшениями являлись перстни, браслеты и бусы. Перстней и браслетов

не обнаружено у девочек и девушек до 15 лет, пожилые и старые женщины не носили бус. «Богатство» костюма зависело от возраста погребенной. Наличие или отсутствие подобных категорий предметов, может служить признаком возраста. Возрастные и статусные различия имелись и в «этнографическое» время — в XVIII — начале XX в.

Три доклада были посвящены анализу материала грунтового могильника у с. Левжа, который в 2021 г. был исследован ООО «Экспедиция». И. А. Козмирчук и Л. Н. Лукашова (Липецк) указали на методические аспекты фиксации погребального обряда, Н. Е. Чалых (Липецк) проанализировала находки лопастных сюльгам, А. Г. Боброва (Липецк) и А. Н. Усачук (Донецк) — костяные привески-амулеты. Доклады вызвали особый интерес, поскольку на сегодня это наиболее полно исследованный могильник Нового времени. Обилие и богатство погребального инвентаря побудило авторов раскопок разработать особую междисциплинарную методику фиксации материалов, включающую в себя: составление антропологического паспорта, междисциплинарное обсуждение результатов вскрытия погребений, снятие индивидуальных находок и антропологического материала, взятие проб, фиксация дна, выполнение контрольного прокопа. Необычность погребального обряда состоит в том, что захоронения северной части могильника были ориентированы головой на юг, а южной — на север. Ориентировка могилы обычно служит этнографическим признаком для мордовских субэтносов эрзи и мокши, но в данном случае подобные закономерности оказались нарушены. По вещевому инвентарю погребения с различной ориентировкой не различались, и судя по этнографическим особенностям костюма, в большей степени были характерны для эрзи.

В 648 погребениях могильника были найдены лопастные сюльгамы, часть которых имели на лопастях орнамент в виде зерни и скани. Причем по мотивам орнамента они оказались близки сюльгамам золотоордынского времени, когда подобные украшения костюма получают распространение у мордвы, приобретая характер одного из этнографических признаков. Костяные амулеты могильника были представлены подвесками из позвонков, клыков и пластинчатых костей. Пластинчатые амулеты имели антропоморфную либо геометрическую форму и обычно располагались в районе груди. Подвески из костей животных иногда крепились на кольцевых и лопастных сюльгамах.

Н. Б. Крыласова (Пермь) представила доклад о традициях использования умбоновидных шумящих подвесок в прикамском костюме X — XI вв. Подвески, собранные по 3-5 экземпляров на ремешке, прикреплялись на лицевой стороне женских поясных сумочек или украшали спереди кожаную обувь. Их сопровождали привески-лапки, которые крепились к основе посредством одного овального проволочного звена цепочки. Умбоновидные подвески не имели местных истоков и, вероятно, были заимствованы у поволжских финнов, как и манера их использования. Они органично вошли в культуру местного населения и начали массово изготавливаться в литейных мастерских.

Ю. А. Подосёнова (Пермь) в своем выступлении рассмотрела развитие ювелирного убора в средневековом прикамском костюме. Результаты ее исследования позволили выявить степень распространения изделий, изготовленных в ювелирных мастерских Пермского Предуралья в XI — XIII вв. Прикамские ювелирные изделия,

имеющие свои стилистические и химико-технологические особенности и представленные разными категориями украшений встречены в материалах памятников, удаленных от центров их непосредственного производства. В настоящий период наибольшее количество таких украшений зафиксировано в Северном Предуралье, Зауралье и Западной Сибири, гораздо меньшее (практически единичные экземпляры) — на территориях Ветлужско-Вятского междуречья, Древней Руси, Южного Урала и т. д. Большое количество находок за пределами Пермского Предуралья, безусловно, не только указывает на достаточно развитые этнокультурные и торговые связи, но и позволяет сделать вывод о том, что в XII в. именно Прикамье становится лидером в производстве ювелирной продукции на Урале и определяет «моду» на украшения на обширной территории от Приуралья до Зауралья и Западной Сибири.

В. В. Бейлекчи и Вал. В. Бейлекчи (Муром) проанализировали две группы захоронений Малышевского могильника, исследованного А. Ф. Дубыниным в 1930 — 1940-е гг. В результате была подтверждена правомерность выделения автором раскопок двух наиболее ранних периодов функционирования этого памятника. На новом уровне изучения материалов определены пять периодов развития могильника, начальные из которых датированы концом V — началом VI в. и VI — VII вв. Исходя из высокой степени сходства рассмотренного инвентаря и погребального обряда муромы с комплексами конца V — VII вв. Безводнинского и Подвязьевского могильников предлагается отнести ранние комплексы муромского Малышевского могильника к безводнинско-ахмыловской культуре.

В двух докладах — А. А. Швецовой (Нижний Новгород), С. И. Милованова (Москва) и А. А. Швецовой, И. И. Кошина, Н. С. Семиковой (Нижний Новгород) — были представлены материалы новых исследований Нижневерейского и Звягинского муромских могильников. На Нижневерейском могильнике были вскрыты 4 погребения, содержащие глиняные сосуды и муромские украшения: височные кольца, спиральные кольца, пластинчатые браслеты. На Звягинском могильнике был заложен шурф на месте грабительской ямы, доисследовано погребение со скоплением кальцинированных костей, собран ряд металлических украшений (ажурная бляха, височные кольца, бляха с «дверцей»), бутыльчатые привески, очковидная подвеска, дровотый браслет). Могильник расположен недалеко от широко известного Чулковского могильника и, видимо, частично синхронен ему.

В докладе С. И. Валиулиной (Казань) и Т. Б. Никитина (Йошкар-Ола) были проанализированы стеклянные бусы из Выжумского могильника. На основании комплексного анализа химического состава, технологии и морфологии стеклянных изделий установлены датировка (XI — начало XII в.) и византийское происхождение стеклянных бус погребений и большей части бус в составе жертвенных комплексов, где присутствуют как реликты ближневосточные стеклянные бусы.

Доклад Ю. А. Зеленева (Йошкар-Ола) был посвящен анализу новых и видоизмененных элементов украшений мордвы, которые появились в ее костюме в XIII в. и бытовали вплоть до XV в. К этим украшениям докладчик отнес кольцевые и лопастные сюльгамы, плетеные браслеты, перстни-печатки и некоторые виды черных мозаичных бус с линейным или зигзаговым орнаментом. На наш взгляд, некоторые из перечисленных им сюльгам получили распространение не ранее XIV в. К

ним относятся застежки с лопастями трехгранного сечения, орнаментированные близ дужки крестообразными либо параллельными насечками.

А. В. Акилбаев (Йошкар-Ола) рассмотрел этнокультурные процессы в Верхнем Поветлужье на примере украшений могильника Кузинские Хутора в IX — XI вв. В данном могильнике, расположенном в Шарьинском районе Костромской области, выделяются две культурно-хронологические группы. Первоначально здесь хоронили своих умерших средневековые марийцы, затем — представители вымской культуры. В погребальном инвентаре наблюдается взаимопроникновение этих двух культур. Кроме того, прослеживаются контакты с западным миром (Русь, страны Балтии), Верхним Прикамьем и Волжской Булгарией.

В докладе П. С. Данилова, Б. С. Соловьёва, Р. А. Памеева (Йошкар-Ола) были проанализированы материалы Большепамьяльского могильника второй половины XVIII в., относящиеся к костюму марийцев. Погребальный инвентарь могильника представлен однолопастными сьюлгами, стеклянными бусами и бисером, височными кольцами в виде знака вопроса, перстнями, пуговицами-бубенчиками. В качестве украшений широко использовались серебряные монеты с пробитым отверстием.

В. Н. Кузнецова (Санкт-Петербург) посвятила выступление волго-камскому компоненту в древнерусских шумящих украшениях XII — XIII вв., которые являются одной из ярких культурно-специфических черт материальной культуры средневекового населения Волго-Камья. Они обычно легко вычлняются как импорты в изделиях Северо-Запада Руси. Импортные изделия, воспринимаясь местной культурой, не только включались в локальный костюм, но и становились прототипами для новых разновидностей металлопластики. Данная тенденция прослеживается и на изделиях так называемого пермского звериного стиля, и на рядовых женских украшениях. Ярче всего контаминация стилистик Волго-Камья и Древней Руси проявилась в оформлении треугольных и конических подвесок, игольников с арочной ажурной спинкой и массивных звеньев цепей.

Е. В. Четвертаков (Свияжск) рассмотрел вопросы семантики металлических изделий из нижегородских могильников мордвы-терюхан, в которых, по его мнению, нашли отражение сцены из мифологии.

О. В. Степанов и А. И. Бугарчев (Казань) познакомили участников конференции с исследованием монетовидных подвесок X — начала XIII в. из Волжской Булгарии, обнаруженных на территории Алексеевского и Алькеевского районов Республики Татарстан.

С. В. Бельский (Санкт-Петербург) представил обзор коллекций финно-угорских материалов с памятников раннего железного века — средневековья Волго-Камского региона, хранящихся в фондах Музея антропологии и этнографии (Кунсткамера).

Д. Ю. Бадеев (Казань) охарактеризовал находки финно-угорских древностей с центральной части Болгарского городища (раскопы CLXXIX, СХСII). В большинстве своем эти находки представлены украшениями и элементами одежды, которые были выполнены из медных сплавов. Из них выделяются шумящие украшения (подвески), относящиеся к числу наиболее ярких элементов материальной культуры финно-угорских племен, а также застежки (сьюлгамы), единичные пронизки. Данные предметы найдены как в нижней части домонгольского слоя, так и в золотоордынских напластованиях Булгарского городища.

Д. А. Гаппасова (Йошкар-Ола) сделала сообщение о средневековом костюме и вооружении западно-волжских служилых татар XVI — XVIII вв.

В ходе работы семинара состоялась презентация двухтомника «Шокшинский могильник. Материалы раскопок 1983 — 1993, 1995 гг.»*.

Участники отметили высокий уровень организации семинара, в котором очно и онлайн приняли участие большинство ведущих исследователей, занимающихся изучением археологических культур волжских финнов. В ходе обсуждения были затронуты многие проблемные вопросы, намечены пути их решения. Участникам была предложена продуманная культурная программа. В Мордовском республиканском объединенном краеведческом музее и Музее изобразительных искусств им. С. Д. Эрьзи они познакомились с этнографическими элементами народного мордовского костюма и археологическими коллекциями. Было принято решение, что материалы семинара по мере готовности будут опубликованы в журналах, издаваемых Научно-исследовательским институтом гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия.

Статья поступила в редакцию 10.10.2023; принята к публикации 17.10.2023.

The article was submitted 10.10.2023; accepted for publication 17.10.2023.

Информация об авторах:

Ольга Викторовна Зеленцова, старший научный сотрудник отдела сохранения археологического наследия, начальник Волжской экспедиции Института археологии РАН (117292, Россия, г. Москва, ул. Дм. Ульянова, 19), кандидат исторических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7458-7874>, olgazelentsova2010@yandex.ru

Владимир Вячеславович Ставицкий, профессор кафедры всеобщей истории и обществознания Пензенского государственного университета (440026, Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40), доктор исторических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5957-3781>, stawiczky.v@yandex.ru

Information about the authors:

Olga V. Zelentsova, Senior Researcher of Department of Preservation of Archaeological Heritage, Head of the Volga Expedition of the Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences (19 Dm. Ulyanova Str., Moscow 117292, Russia), Candidate of Historical Sciences, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7458-7874>, olgazelentsova2010@yandex.ru

Vladimir V. Stavitsky, Professor of Department of General History and Social Sciences of Penza State University (40 Krasnaya Str., Penza 440026, Russia), Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5957-3781>, stawiczky.v@yandex.ru

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The authors have read and approved the final version of the manuscript.

* URL: <http://www.niign.ru/izdatelskaya-deyatelnost/nauchnyie-izdaniya/arxeologiya-mordovskogo-kraja>

ISSN 2077-3579 (Print)

РЕЦЕНЗИИ REVIEWS

EDN KLLHGB

<http://vestnikniign.ru>

Рецензия

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ПОДХОД В ИЗУЧЕНИИ ВЫСШЕГО РУКОВОДСТВА ОРЕНБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ В КОНЦЕ XVIII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Рецензия на книгу: Семёнова Н. Л. Социокультурный облик высшего руководства Оренбургской губернии в конце XVIII — первой половине XIX в.: монография. — СПб. : Нестор-История, 2020. — 208 с.

П. С. Кабытов✉, **В. А. Тюрин**

Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С. П. Королёва,
г. Самара, Россия

✉don.kabytov2012@yandex.ru

Review

SOCIOCULTURAL APPROACH TO THE STUDY OF THE TOP LEADERSHIP OF THE ORENBURG PROVINCE AT THE END OF THE XVIII — FIRST HALF OF THE XIX CENTURY

Book review: Semenova N. L. Sociocultural image of the highest leadership of the Orenburg province at the end of the XVIII — first half of the XIX century: monograph. — St. Petersburg : Nestor-History, 2020. — 208 p.

P. S. Kabytov✉, **V. A. Tyurin**

Samara National Research University named after Academician S. P. Korolev,
Samara, Russia

✉don.kabytov2012@yandex.ru

Автор монографии, оренбургский и южно-уральский историк Наталия Леонидовна Семёнова, представила исчерпывающее решение крупной научной проблемы — исследование социокультурного облика высшего чиновничества Оренбург-

© Кабытов П. С., Тюрин В. А., 2024

REVIEWS

ской губернии конца XVIII — первой половины XIX в. Сосредоточив исследовательское внимание на анализе личного состава гражданских губернаторов, вице-губернаторов, губернских прокуроров Оренбургской губернии, Н. Л. Семёнова выявила особенности административной политики Российской империи и показала ее вариативность в условиях обширного пограничного макрорегиона, отличающегося от внутренних регионов России, что подтверждает концептуальную значимость работы.

Монография Н. Л. Семёновой имеет несомненную актуальность и научную значимость, так как институт губернаторства продолжает оставаться ключевым звеном регионального управления, переживая период реформирования, рационализации функций, установления оптимальных форм взаимоотношений с имперским центром.

Исследование Н. Л. Семёновой базируется на обширном комплексе источников, в который включены нормативно-правовые акты, делопроизводственные документы, статистические и справочные материалы, периодическая печать. Используются и источники личного происхождения. Автор выявила и проанализировала документы четырех центральных (Российского государственного архива древних актов, Российского государственного исторического архива, Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного военно-исторического архива) и трех региональных (Национального архива Республики Башкортостан, Государственного архива Оренбургской области, Научного архива Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук) архивов. Опираясь на эти документальные материалы, многие из которых впервые вводятся в научный оборот, она сформулировала новые концептуальные представления о функционировании института губернаторства в Российской империи.

С точки зрения обобщения историографической разработки проблемы согласимся с выводами Н. Л. Семёновой, что на современном этапе развития российской историографии отсутствуют специальные исследования, рассматривающие институт вице-губернаторства и социокультурный облик губернских прокуроров.

Позитивным является введение автором в научный оборот значительного круга формулярных списков гражданских губернаторов, вице-губернаторов, губернских прокуроров. Их анализ позволил не только восполнить имеющиеся пробелы в изучении состава высшей губернской администрации, оценить ее способности эффективно исполнять возложенные функции, но и представить более полную картину кадрового потенциала региональной власти Российской империи, принципов и механизма назначений на должности. Анализ делопроизводственных документов, исходящих из канцелярий оренбургских гражданских губернаторов, предоставил Н. Л. Семёновой возможность показать их функции, место в структуре института губернаторской власти, выявить количественный и качественный состав чиновников, а также их роль в формальной и неформальной иерархии местного управления.

Автор реконструировала систему административно-судебного контроля в местном управлении Российской империи, включавшую несколько уровней в соответствии с целями, средствами и результатами контрольно-надзорной деятельности.

В монографии подчеркивается, что институт гражданского губернаторства в Оренбургской губернии функционировал на основе законов и штатов, предназначенных законодателем для внутренних губерний. При этом выявлены существенные особенности, что было обусловлено их статусом: подчиненным положением по отношению к оренбургскому военному губернатору, управляющему «гражданской частью», решением дел коренного башкирского населения, в том числе связанных с вопросами землевладения. Эти особенности определяли функции и формы взаимодействия основных институтов управления губернией. Деятельность оренбургских гражданских губернаторов в первой четверти XIX в. осложнялась утверждением принципов ведомственной подчиненности, отсутствием единства в системе местного управления, недостаточно четким разграничением функций по гражданскому управлению с военными губернаторами, которые де-факто являлись «главными начальниками губернии». Оренбургские вице-губернаторы, возглавляя казенную палату и подчиняясь министру финансов, сохраняли определенную независимость в системе местного управления вплоть до 1837 г.

Анализ кадрового состава высшей администрации Оренбургской губернии в конце XVIII — первой половине XIX в., предпринятый автором монографии, показывает, что в тот период начался переход от традиционных принципов ее комплектования к рациональным. В первой четверти XIX в. высшие должности в региональной имперской администрации занимали бывшие военные. Как правило, механизмы карьерного роста чиновников запускались благодаря их совместной военной службе с влиятельными военными и государственными деятелями, у которых они выполняли адъютантские функции. Но во второй четверти XIX в. явно прослеживается тенденция к возрастанию числа чиновников с высшим образованием. При назначениях на должность учитывались управленческий опыт и профессиональные качества претендентов на должность. Важная особенность Оренбургской губернии состояла в том, что военный губернатор оказывал серьезное влияние на кадровые назначения гражданских губернаторов (во второй четверти XIX в. четверо из шести заняли должности по его протекции), губернских прокуроров, в меньшей степени — вице-губернаторов.

На наш взгляд, наиболее ценными научными результатами монографии Н. Л. Семёновой является изучение эволюции социокультурного облика представителей высшей администрации Оренбургской губернии. Рассмотрев чины и средний возраст гражданских губернаторов, автор делает вывод об омоложении корпуса губернаторов (средний возраст составлял 33 — 46 лет) и о снижении требований к чину, что объяснялось спецификой окраинной губернии, «требовавшей высокой мобильности и работоспособности чиновников» (с. 181).

Средний срок пребывания в должности в рассматриваемый период увеличился до 4-5 лет. После этого гражданского губернатора могли перевести на ту же должность в другой регион Российской империи, т. е. ротация кадров осуществлялась «по горизонтали». Источником кадров для высших должностных лиц была военная среда. Как правомерно замечает исследователь, в конце XVIII в. более 90 % оренбургских гражданских губернаторов были бывшими военными, а в первой четверти XIX в. этот показатель снизился до 50 % (с. 101), что было типичным для всей империи.

Не менее показательна эволюция образовательного ценза высших чиновников, соответствовавшая распространению просвещения в России. В первой четверти XIX в. лишь около десятой части оренбургских губернаторов имели высшее образование. Однако во второй четверти столетия этот показатель достиг 50 % от общего числа губернаторов. Заслуживает внимания вывод Н. Л. Семёновой о том, что «гражданская служба в отдаленной Оренбургской губернии, не была столь престижна, как в центральных губерниях Российской империи» (с. 182). Обосновывая этот вывод, автор констатирует отсутствие случаев протекции при назначении на эти должности гражданских губернаторов.

Безусловно, нельзя не отметить вклад Н. Л. Семёновой в изучение института вице-губернатора. Анализируя материалы Оренбургской губернии, она постепенно приходит к выводу о том, что в связи с усилением властных полномочий губернатора в начале XIX в. росли и функции вице-губернатора. Он становился старшим советником губернского правления и главным помощником гражданского губернатора. Н. Л. Семёнова детально проследила чинопроизводство вице-губернаторов, их социальное происхождение, а также средний возраст вступления в должность (41 год). Восхождение по карьерной лестнице претендентов на эту должность было органично связано с уровнем образования, предыдущими ступенями службы и средним сроком службы (по большей части). Эти показатели были идентичны показателям претендентов на губернаторскую должность. В целом вице-губернаторы обеспечивали эффективное функционирование административной системы на губернском уровне.

Особое место в системе управления Оренбургской губернии занимал губернский прокурор. С появлением в Российской империи системы министерств этот чиновник возглавил судебную систему в губерниях, осуществляя надзор за соблюдением законов, прав граждан и интересов государства. На материалах Оренбургской губернии Н. Л. Семёнова выявляет определенную зависимость деятельности губернского прокурора от деятельности губернатора, что противоречило курсу на разделение властей (с. 157). В целом, эта должность имела не такой высокий статус, замещали ее чиновники VIII — VI классов, сравнительно низким было и жалование. В монографии подробно анализируются такие показатели, как социальное происхождение, образование, возраст и продолжительность службы губернских прокуроров.

Таким образом, в монографии Н. Л. Семёновой на основе широкого источниковедческого, историографического и конкретно-исторического анализа исследован социокультурный облик представителей высшего чиновничества Оренбургской губернии. В целом, автору удалось воссоздать модель оренбургского регионально-управления Российской империи в конце XVIII — первой половине XIX в. Монография «Социокультурный облик высшего руководства Оренбургской губернии в конце XVIII — первой половине XIX в.» является фундированным исследованием, в котором решена крупная научная проблема — реконструирован социокультурный облик высшей администрации региона, что вносит существенный вклад в изучение регионального аппарата управления Российской империи.

Статья поступила в редакцию 02.10.2023; принята к публикации 09.10.2023.

The article was submitted 02.10.2023; accepted for publication 09.10.2023.

Информация об авторах:

Петр Серафимович Кабытов, заведующий кафедрой российской истории Самарского национального исследовательского университета имени академика С. П. Королёва (443068, Россия, г. Самара, Московское шоссе, 34), доктор исторических наук, профессор, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2359-2155>, Researcher ID: S-2272-2016, Scopus ID: 57194763364, don.kabytov2012@yandex.ru

Вадим Александрович Тюрин, доцент кафедры российской истории Самарского национального исследовательского университета имени академика С. П. Королёва (443068, Россия, г. Самара, Московское шоссе, 34), кандидат исторических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3003-9892>, Researcher ID: AAC-9674-2019, vad.im@inbox.ru

Information about the authors:

Petr S. Kabytov, Head of Department of Russian History of Samara National Research University (34 Moskovskoe Highway, Samara 443068, Russia), Doctor of Historical Sciences, Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2359-2155>, Researcher ID: S-2272-2016, Scopus ID: 57194763364, don.kabytov2012@yandex.ru

Vadim A. Tyurin, Associate Professor of Department of Russian History of Samara National Research University (34 Moskovskoe Highway, Samara 443068, Russia), Candidate of Historical Sciences, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3003-9892>, Researcher ID: AAC-9674-2019, vad.im@inbox.ru

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The authors have read and approved the final version of the manuscript.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Правила направления статей в научный журнал «Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия»

Редакция научного журнала «Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия» приглашает к сотрудничеству ученых, занимающихся проблемами развития региональной гуманитарной науки.

Для публикации принимаются оригинальные, не опубликованные ранее авторские статьи по следующим научным специальностям:

- 5.2.3. Региональная и отраслевая экономика (экономические науки),
- 5.6.1. Отечественная история (исторические науки),
- 5.6.3. Археология (исторические науки),
- 5.6.4. Этнология, антропология и этнография (исторические науки),
- 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки),
- 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки).

Публикация статей бесплатная.

Научные статьи принимаются в течение года и в случае положительных результатов независимой экспертизы включаются в очередной номер журнала. Проверка оригинальности (не менее 75 %) осуществляется с помощью системы «Антиплагиат». При оформлении статьи авторы должны придерживаться следующих правил и рекомендаций:

I. Статья представляется в печатном (1 экз.) и электронном виде. В качестве имени файла используется фамилия первого автора на русском языке (например, Иванов.doc). Имена файлов иллюстраций должны совпадать с их номерами в тексте (например, Рис.1.jpeg).

II. В случае, если автором статьи выступает аспирант или магистрант, то необходимо представить отзыв научного руководителя, заверенный печатью учреждения по месту его работы.

III. Все статьи публикуются на русском языке.

IV. Объем текста статьи должен составлять до одного печатного листа (24 страницы), включая рисунки, таблицы и графики.

V. Редакция принимает тексты, сохраненные в формате .doc, .docx, .rtf. Используется шрифт Times New Roman, размер кегля — 14, интервал — 1,5 строки. Расстановка переносов вручную не допускается. Формат бумаги А 4, поля: слева — 3 см, справа и сверху — 2 см, снизу — 2,5 см, абзац — 1,25 см.

Подписи выполняются 12 кеглем на русском и английском языках. Рисунки предоставляются отдельно в формате .jpeg.

Текст таблиц набирается 12 кеглем на русском и английском языках. В случае, если рисунки и таблицы не авторские, следует сделать ссылки на источники.

VI. Структура статьи:

1) Индекс универсальной десятичной классификации (УДК).

Индекс УДК помещают в начале статьи на отдельной строке слева.

2) Заглавие статьи.

Заглавие должно кратко (не более 10 слов) и точно отражать содержание статьи, тематику и результаты проведенного научного исследования. В него необходимо вложить как информативность, так и привлекательность, уникальность научного творчества автора.

Заглавие выполняют прописными буквами и размещают по центру страницы. В конце заглавия статьи точку не ставят.

3) Инициалы и фамилия автора; организация, город, страна, электронный адрес (если статья подготовлена двумя и более авторами, то указывают только электронный адрес автора, ответственного за переписку).

В случае, когда автор работает (учится) в нескольких организациях (учреждениях), сведения о каждом месте работы (учебы) приводятся на разных строках и связывают с именем с помощью надстрочных цифровых обозначений.

Если у статьи несколько авторов, сведения о месте работы (учебы) приводятся на разных строках и связывают с именами с помощью надстрочных цифровых обозначений.

Если у авторов одно место работы (учебы), то эти сведения приводят один раз.

Информацию размещают по центру страницы.

4) Аннотация.

Аннотация выполняет функцию расширенного названия статьи и повествует о ее содержании. Ее формируют по ГОСТ Р 7.0.7—2021.

В аннотации должны быть четко обозначены следующие составные части, выделенные следующими подзаголовками:

— Введение (Introduction): ставится научная проблема и цель статьи.

— Материалы и методы (Materials and Methods): представляются сведения об объекте и последовательности выполнения исследования.

— Результаты исследования и их обсуждение (Results and Discussion): приводятся конкретные авторские результаты исследования и их практическая значимость.

— Заключение (Conclusion): указываются перспективы исследования.

Рекомендуемый объем аннотации — 200 — 250 слов.

Перед аннотацией приводят слово «Аннотация» («Abstract»).

5) Ключевые слова.

Ключевые слова (словосочетания) должны соответствовать теме статьи и отражать ее предметную, терминологическую область. Не используют обобщенные и многозначные слова, а также словосочетания, содержащие причастные обороты. Количество ключевых слов (словосочетаний) не должно быть меньше 3 и больше 15 слов (словосочетаний). Ключевые слова отделяют друг от друга запятыми. После ключевых слов точку не ставят. Их приводят, предваряя словами «Ключевые слова:» («Keywords:»).

6) Финансирование.

Приводятся сведения о грантах, финансировании подготовки и публикации статьи, проектах, научно-исследовательских работах, в рамках или по результатам которых опубликована статья. Сведения приводят, предваряя словом «Финансирование:» («Funding:»).

7) Благодарности.

Автор выражает признательность организациям (учреждениям), научным руководителям и другим лицам, оказавшим помощь в подготовке статьи. Сведения приводят, предваряя словом «Благодарности:» («Acknowledgments:»).

8) Информация о конфликте интересов.

В статье следует указать на реальный или потенциальный конфликт интересов.

Если конфликта интересов нет, то следует написать: «Конфликт интересов: автор (авторы) заявляет (заявляют) об отсутствии конфликта интересов» («Conflict of interests: the author (authors) declares (declare) no conflict of interests»).

Данные п. 2 — 8 представляются в переводе на английский язык и размещаются после русского варианта.

VII. Основной текст статьи включает следующие разделы:

1) Введение.

В этом разделе осуществляется постановка научной проблемы, ее актуальность, связь с важнейшими задачами, которые необходимо решить, значение для развития определенной отрасли науки или практической деятельности. При его написании автор прежде всего должен заявить общую тему исследования, обозначить проблемы, не решенные в предыдущих исследованиях, которые призвана решить данная статья. Кроме того, в нем выражается главная идея публикации, которая существенно отличается от современных представлений о проблеме, дополняет или углубляет уже известные подходы к ней; обращается внимание на введение в научное обращение новых фактов, выводов, рекомендаций, закономерностей. Цель статьи вытекает из постановки научной проблемы.

2) Обзор литературы.

В обзоре характеризуются основные современные исследования и публикации, на которые опирается автор; современные взгляды на проблему; трудности при разработке данной темы; указываются нерешенные вопросы в пределах общей проблемы, которым посвящена статья.

3) Материалы и методы.

В данном разделе описываются процесс организации эксперимента, примененные методики, использованная аппаратура; даются подробные сведения об объекте исследования; указывается последовательность выполнения исследования и обосновывается выбор используемых методов (наблюдение, опрос, тестирование, эксперимент, лабораторный опыт, анализ, моделирование и т. д.).

4) Результаты исследования и их обсуждение.

В этой части статьи должен быть представлен систематизированный авторский аналитический и статистический материал. Результаты проведенного исследования необходимо описывать достаточно полно, чтобы читатель мог проследить его этапы и оценить обоснованность сделанных автором выводов. Это основной раздел, цель которого — доказать рабочую гипотезу (гипотезы). Результаты при необходимости подтверждаются иллюстрациями (таблицами, графиками, рисунками), которые представляют исходный материал или доказательства в свернутом виде. Важно, чтобы проиллюстрированная информация не дублировала уже приведенную в тексте. Представленные в статье результаты желательно сопоставить с предыдущими работами в этой области как автора, так и других исследователей. Такое сравнение дополнительно раскроет новизну проведенной работы, придаст ей объективности. Результаты исследования должны быть изложены кратко, но при этом содержать достаточно информации для оценки сделанных выводов. Необходимо обосновать, почему для анализа были выбраны именно эти данные. Все названия, подписи и структурные элементы графиков, таблиц, схем и другие оформляются на русском и английском языках.

5) Заключение.

Заключение содержит краткую формулировку результатов исследования. В нем в сжатом виде приводятся главные мысли основной части работы. Повторы излагаемого материала лучше оформлять новыми фразами, отличающимися от высказанных в основной части статьи. В этом разделе необходимо сопоставить полученные результаты с обозначенной в начале работы целью. В заключении суммируются результаты осмысления темы, делаются выводы, обобщения и рекомендации, вытекающие из работы, подчеркивается их практическая значимость, а также определяются основные направления для дальнейшего исследования в этой области. В заключительную часть статьи желательно включить попытки прогноза развития рассмотренных вопросов.

Все разделы требуется выделять соответствующими подзаголовками.

VIII. Оформление источников и ссылок.

1. В списке источников рекомендуется указывать не менее 10 позиций — только рецензируемые источники (монографии, статьи из научных журналов, диссертации, авторефераты, материалы конференций, тезисы докладов), используемые в тексте статьи. Если цитируемая статья имеет DOI или EDN, необходимо указывать это после описания цитируемой статьи.

Список источников оформляется в соответствии с ГОСТ Р 7.0.100—2018.

В журнале принят следующий стиль цитирования: отсылка в тексте в квадратных скобках, полное библиографическое описание источника в списке литературы в алфавитном порядке. При цитировании или воспроизведении статистического материала необходимо в квадратных скобках после источника указать через запятую номер конкретной страницы, например: [1, с. 15].

Для списка источников используется шрифт Times New Roman, размер кегля 12, интервал 1,5 строки.

Оформляется на русском языке («СПИСОК ИСТОЧНИКОВ») и английском языке («REFERENCES»).

IX. Информация об авторе (авторах).

Основные сведения об авторах содержат: имя, отчество, фамилия автора (полностью); наименование организации (учреждения), ее подразделения, где работает или учится автор (без обозначения организационно-правовой формы юридического лица); адрес организации (учреждения), ее подразделения, где работает или учится автор (город и страна); ORCID (при наличии); электронный адрес автора.

Приводится на русском и английском языках с предшествующими словами «*Информация об авторе (авторах)*» («*Information about the author (authors)*»).

X. Вклад авторов.

Если статья имеет несколько авторов, сведения о вкладе каждого автора приводят в конце статьи после «Информации об авторах».

После фамилии и инициалов автора в краткой форме описывается его личный вклад в написание статьи (идея, разработка концепции, сбор материала, обработка материала, написание статьи, научное редактирование текста и т. д.).

Приводится на русском и английском языках с предшествующими словами «*Вклад авторов:*» («*Contribution of the authors:*»).

XI. Поступившие в редакцию материалы регистрируются, в течение трех дней автору (авторам) высылается подтверждение о получении статьи.

XII. Статьи, не соответствующие п. IV — X, не рассматриваются.

XIII. Все статьи, поступившие в редакцию, проходят процедуру рецензирования. Каждая статья проходит одностороннее слепое (анонимное) рецензирование. Срок действия рецензии — 1 год. Рецензент на основании анализа статьи принимает решение о рекомендации ее к публикации (без доработки или с доработкой) или о ее отклонении.

Редколлегия оставляет за собой право отбора статей для их публикации.

XIV. При подаче статьи в редакцию автором оформляются лицензионный договор и согласие о размещении личных данных.

*Полную версию правил (с примерами) см. на сайте:
<http://vestnikniign.ru>*

В Е С Т Н И К

**НИИ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК
ПРИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ**

Том 16, № 1. 2024

Редакторы: *Т. И. Кильдюшкина, Т. В. Шугаева, Е. В. Глазкова*

Макет *Л. А. Челкановой*

Перевод на английский язык *Д. О. Андреевой*

Подписано в печать 11.03.2024 г. Дата выхода в свет 29.03.2024 г.
Формат 70 × 100 ¹/₁₆, Усл. печ. л. 20,8. Тираж 300 экз. Заказ № 32.
Цена свободная

Адрес редакции:

НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия.
430005 Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Л. Толстого, д. 3.
e-mail: periodika.niign@e-mordovia.ru

Адрес издателя:

НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия.
430005 Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Л. Толстого, д. 3.
e-mail: inst.gum.nauk@e-mordovia.ru
Отпечатано с оригинал-макета заказчика

Адрес типографии:

ООО «Типография „Рузаевский печатник“».
431444 Республика Мордовия, г. Рузаевка, ул. Трынова, д. 67а.
e-mail: rutzitograf@ya.ru